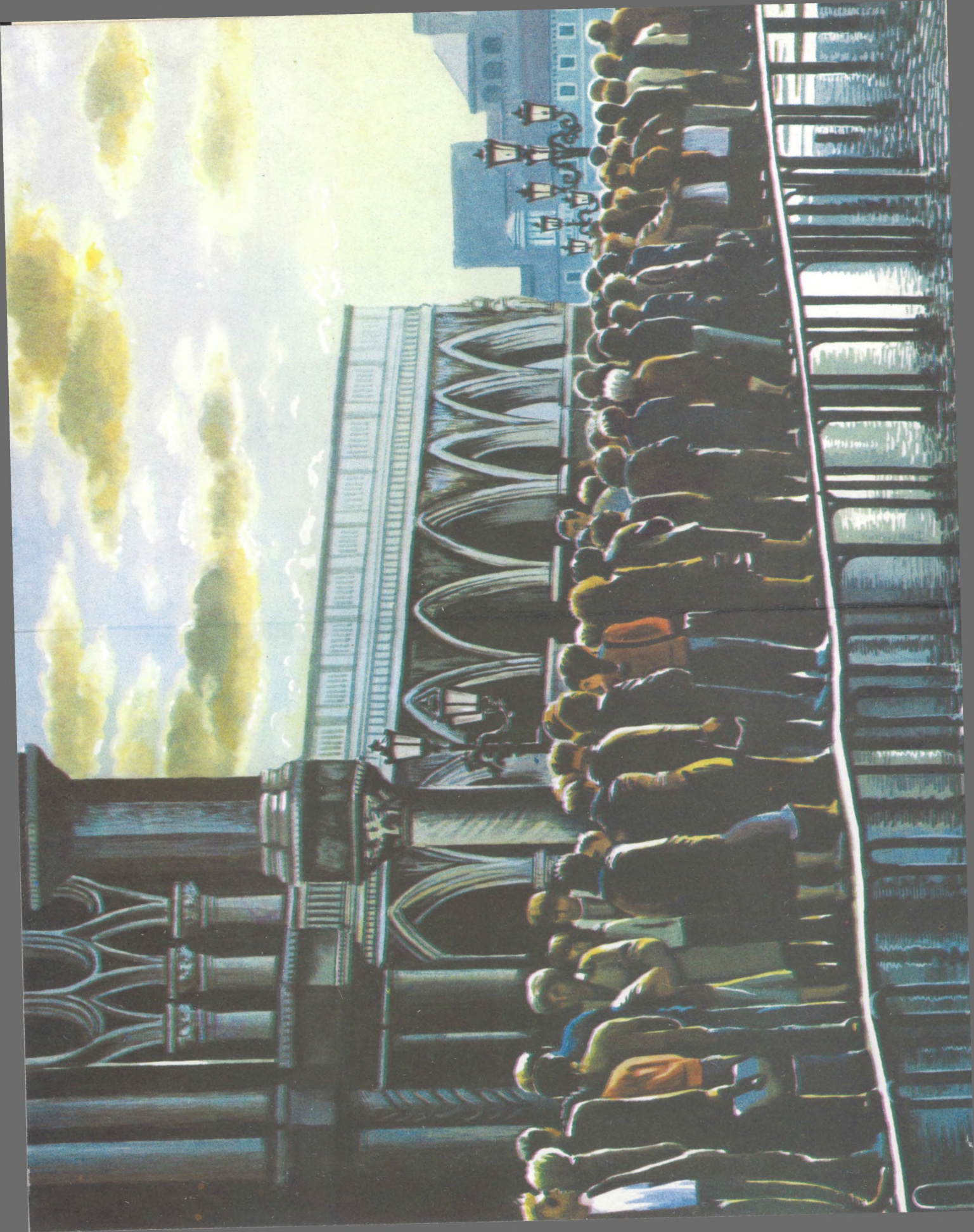

МИРЫ ГАРРИ ГАРРИСОНА

6

МИРЫ ГАРРИ ГАРРИСОНА

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ
ФИРМА
«ПОЛЯРИС»

WORLDS OF HARRY HARRISON

Volume six

**MAKE ROOM!
MAKE ROOM!**

**STAR SMASHERS
OF THE GALAXY
RANGERS**

МИРЫ ГАРРИ ГАРРИСОНА

Книга шестая

**ПОДВИНЬТЕСЬ!
ПОДВИНЬТЕСЬ!**

**ЗВЕЗДНЫЕ
ПОХОЖДЕНИЯ
ГАЛАКТИЧЕСКИХ
РЕЙНДЖЕРОВ**

Издательская фирма «Полярис»

1993

Make Room! Make Room!
Copyright © 1966 by Harry Harrison

Star Smashers of the Galaxy Rangers
Copyright © 1973 by Harry Harrison

© 1993 Издательская фирма «Полярис»,
перевод на русский язык

© 1992 Издательская фирма «Полярис»,
оформление, название серии

© 1993 Л. Булыкина, *иллюстрации, форзац*

**Печатается с разрешения автора и
его литературного агента.**

Перепечатка отдельных романов и всего издания в целом — запрещена без разрешения издателя и переводчика. Всякое коммерческое использование данного издания возможно исключительно с письменного разрешения издателя.

**ПОДВИНЬТЕСЬ!
ПОДВИНЬТЕСЬ!**

*Посвящается Тоггу и Мойре
Я надеюсь, дети, что это
окажется всего лишь вымыслом.*

ПРОЛОГ

В декабре 1959 года президент Соединенных Штатов Дуайт Эйзенхауэр сказал: «У нашего правительства, пока я нахожусь на этом посту, никогда не будет позитивной политической доктрины в программе, имеющей отношение к проблеме контроля за рождаемостью. Это не наше дело». С тех пор это и не было делом американского правительства.

В 1950 году Соединенные Штаты, составляя лишь 9 % населения земного шара, потребляли 50 % всего сырья. Эта доля продолжает увеличиваться, и через пятнадцать лет при теперешней скорости роста Соединенные Штаты будут использовать свыше 83 % ежегодно добываемых полезных ископаемых. К концу столетия, если наше население будет увеличиваться с такой же скоростью, этой стране будет нужно более 100 % естественных ресурсов планеты, чтобы удерживать сегодняшний уровень жизни. Это математически невозможно, не говоря уже о том, что тогда на Земле будет жить около семи миллиардов людей, и, вероятно, им тоже захочется иметь какое-нибудь сырье.

В таком случае на что будет похож этот мир?

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Понедельник, 9 августа 1999 года.

Нью-Йорк. Украденный у доверчивых индейцев коварными голландцами, отнятый у законопослушных голландцев воинственными англичанами и затем отбитый у мирных англичан колонистами. Деревья здесь исчезли много десятилетий тому назад, холмы скрыты, пруды засыпаны, а чистые родники, будучи не в силах пробиться на поверхность, несут свои прозрачные воды прямо в сточные трубы. Город раскинул свои щупальца далеко за пределы острова, он превратился в мегаполис, четыре из пяти районов которого заняли целиком один остров и добрую половину второго и тянутся вдоль Гудзона в глубь Северной Америки. Пятый, самый старый район, — это Манхэттен: кусок гранита, скала, окруженная водой, паук из камня и стали, сидящий в паутине мостов, туннелей, труб и кабелей. Не имея возможности расшириться, Манхэттен рванулся вверх, поедая собственную плоть и ставя новые дома на месте старых, поднимаясь все выше и выше — и все равно недостаточно высоко, поскольку людям опять не хватало места. Люди создавали семьи, а их дети и дети их детей тоже создавали семьи, пока этот город не стал самым населенным в истории человечества.

В этот жаркий августовский день 1999 года в Нью-Йорке проживало — плюс-минус несколько тысяч — тридцать пять миллионов человек.

Глава 1

Августовское солнце било в открытое окно и обжигало голые ноги Эндрю Раша до тех пор, пока тот не вынырнул из глубин беспокойного сна. Он медленно осознавал окружающую жару, влажность и грязную простыню под собой. Он протер заспанные глаза и уставился в потрескавшийся грязный потолок, проснувшись лишь наполовину и с чувством некоего смущения, как бывает в первые мгновения после пробуждения, когда не знаешь, где находишься. Раш зевнул, и странное чувство улетучилось. Потянувшись за часами, которые он всегда клал на кресло рядом с кроватью, Раш еще раз зевнул и, щурясь, взглянул на стрелки под поцарапанным стеклом. Семь... семь часов утра, а в квадратном окошечке — маленькая цифра 9. Понедельник, 9 августа 1999 года — жарко как в печке, хотя город еще валяется в постели под этой горячей волной, что печет и душит Нью-Йорк последние десять дней. Энди вытер пот со лба, убрал ноги из-под солнечных лучей и подsunул подушку под голову. Из-за перегородки, разделявшей комнату пополам, раздалось жужжание, время от времени переходившее в пронзительный вой.

— Доброе утро!.. — закричал он и тут же закашлялся.

Не переставая кашлять, он встал и прошел в другой конец комнаты к бачке на стене. Вода текла тонкой,

коричневой струйкой. Энди сделал глоток и постучал по шкале костяшками пальцев. Стрелка подскочила и опустилась недалеко от отметки «Пусто». Бак нужно было наполнить. Лучше бы сделать это еще до того, как идти отмечаться в четыре часа в участке. День начался.

К неуклюжему шкафу было прикреплено большое, в рост человека, зеркало с трещиной от верха до низа, и Энди уткнулся в него, почесывая колючую скулу. Перед уходом надо бы побриться.

Не следует смотреть на себя голого и неприбранного поутру, подумал он с отвращением, хмуро разглядывая мертвенно-бледную кожу и кривые ноги, обычно скрытые штанами. И как только удастся иметь выпирающие ребра, будто у умирающей с голоду клячи, и в то же время довольно солидный животик? Он помял живот и подумал, что причиной этому крахмалистый рацион и то, что большую часть времени приходится просиживать задницу. Хорошо, хоть лицо не располнело. Лоб с каждым годом становится чуть выше, но это не так заметно благодаря короткой стрижке.

Тебе только перевалило за тридцать, подумал он, а вокруг глаз уже морщины. И нос у тебя чересчур большой... кажется, дядя Байен всегда говорил, что это из-за примеси валлийской крови. И клыки довольно длинные, поэтому улыбка напоминает оскал гиены. Ты чертовски симпатичен, Энди Раш, а когда у тебя последний раз было свидание? Он хмуро глянул на себя и пошел искать платок, чтобы прочистить свой выдающийся валлийский нос.

В ящике лежали только одни чистые трусы, и Энди их надел. Не забыть бы сегодня еще и постирать. Жужжание за перегородкой продолжалось. Энди распахнул дверь.

— Ты так инфаркт схлопочешь, Сол, — сказал он седобородому мужчине, крутившему педали велосипеда-тренажера так энергично, что по груди ручьями тек пот, впитываемый банным полотенцем, повязанным на поясе.

— Никаких инфарктов, — выдохнул Соломон Кан, тяжело дыша. — Я занимаюсь этим так давно, что моя тикалка не выдержит, если я брошу. А регулярное употребление алкоголя выгоняет из крови весь холестерин. А рак легких мне не грозит, поскольку позво-

лить себе курить я не могу, даже если б очень захотел. И в семьдесят пять никакого простатита, потому что...

— Сол, пожалуйста... избавь меня от этих ужасных подробностей на пустой желудок. У тебя найдется кубик льда?

— Возьми пару — сегодня жарко. Только не держи дверь открытой слишком долго.

Энди открыл маленький холодильник, притулившийся у стены, быстро вынул пластиковый пакет с маргарином, выдавил два кубика льда из поддона в стакан и захлопнул дверцу. Потом набрал в стакан воды из бачка и поставил его на стол рядом с маргарином.

— Ты еще не ел? — спросил он.

— Сейчас... эта штука, похоже, уже зарядилась.

Сол прекратил крутить педали, вой сменился стоном и затих. Он отсоединил от электрогенератора провода, аккуратно смотал и положил рядом с четырьмя черными автомобильными аккумуляторами, стоявшими в ряд на холодильнике. Затем, вытерев ладони о влажное полотенце, вытащил кресло, сделанное из сиденья допотопного «форда» образца 1975 года, и уселся за стол напротив Энди.

— Я слушал новости в шесть утра, — сказал он. — Старики организуют сегодня еще один марш протеста у управления социальной помощи. Вот где насмотришься на инфаркты!

— Слава Богу, не насмотрюсь. Работа у меня с четырех, а Юнион-сквер не относится к нашему участку. — Он открыл хлебницу, вынул небольшой крекер и подвинул ее Солу. Потом тонким слоем намазал маргарин на крекер, откусил и, морща нос, стал жевать. — По-моему, маргарин уже того.

— С чего ты взял? — проворчал Сол, откусывая крекер. — Все, что делается из машинного масла пополам с ворванью, изначально — того.

— Ты говоришь, как какой-нибудь диетолог, — сказал Энди, макая крекер в холодную воду. — У жиров из нефтепродуктов почти нет вкуса, и ты сам знаешь, что китов уже давно нет, поэтому и ворвани нет, а добавляют старое доброе хлорелловое масло.

— Киты, планктон, рыбий жир — один черт. Все воняет рыбой. Я, пожалуй, поем всухомятку, чтобы плавники не выросли. — Внезапно раздался стук в

дверь. — Еще и восьми нет, а за тобой уже пришли, — простонал Сол.

— Это может быть кто уютно, — сказал Энди, подходя к двери.

— Может, да не может, это стук посыльного, и тебе это известно не хуже моего. Я даже знаю, кто это. Видишь? — Он кивнул с мрачным удовлетворением, когда Энди отпер дверь, и они увидели худощавого, босого курьера.

— Что тебе надо, Вуди? — спросил Энди.

— Мне нисего не нужно, — прошепелявил Вуди беззубым ртом. Хотя ему было немногим за двадцать, во рту у него не осталось ни единого зуба. — Лейтенант велел принести, я и принес. — Он передал Энди записку с его именем, написанным на обороте.

Энди повернулся к свету, читая корявые каракули, потом нацарапал внизу свои инициалы и вернул бумажку посыльному. Заперев за ним дверь, он вернулся к столу задумчивый и хмурый.

— Не смотри на меня так, — сказал Сол. — Не я его послал. Осмелюсь предположить, что новости не из самых приятных.

— Да, эти старики уже всю площадь заплотонили, и тот участок просит подкрепления.

— Но ты тут при чем? Им же костоломы нужны.

— Костоломы! Где ты нахватался этого средневекового сленга? Конечно, чтобы сдерживать толпу, им нужны патрульные, но нужны и детективы, чтобы выявлять агитаторов, карманников и прочих. Сегодня в парке будет смертоубийство. Мне нужно быть к девяти, поэтому я хоть за водой успею сбегать.

Энди медленно натянул штаны и просторную футболку, затем поставил кастрюльку с водой на подоконник, чтобы согрелась на солнце. Прихватив две двадцатилитровые пластмассовые канистры, он вышел. Сол оторвался от телевизора и глянул ему вслед поверх старомодных очков.

— Когда принесешь воды, я поставлю тебе стаканчик — или, по-твоему, еще слишком рано?

— Сегодня самое то.

В коридоре было темным-темно, и Энди осторожно, по стеночке, добрался до лестницы. Споткнувшись о кучу мусора, которую кто-то вывалил за дверь, он вырутался. Двумя этажами ниже в стене было окно,

через которое проникало достаточно света, чтобы не кувырнуться с последних двух пролетов, остающихся до выхода. После прохладного коридора Двадцать пятая улица обрушила не него душную волну горячего воздуха и запахи гнили, грязи и немых людей. Прокладывая путь в толпе женщин, приходилось следить, чтобы не наступить на детей, игравших под ногами. По тротуару, еще покрытому утренней тенью, сновало столько прохожих, что Энди пошел по мостовой. Жара уже растопила асфальт, и он прилипал к подошвам башмаков.

У красной водоразборной колонки, как обычно, уже выстроилась длинная очередь. Когда Энди подошел поближе, она заволновалась, послышались негодующие крики, угрожающе замахали кулаки. Недовольно ворча, толпа рассосалась, и Энди увидел, как полицейский запер металлическую дверцу.

— В чем дело? — спросил Энди. — Я думал, что пункт работает до полудня.

Полицейский обернулся, автоматически положив руку на кобуру пистолета, но тут же узнал детектива со своего же участка. Он сдвинул фуражку на затылок и утер ладонью пот со лба.

— Только что сержант приказал закрыть все пункты на двадцать четыре часа. Из-за засухи уровень воды в водохранилище упал, приходится экономить.

— Ничего себе новости, — сказал Энди, поглядывая на ключ, торчавший в замке. — Мне сейчас на дежурство, и, стало быть, два дня придется жить без воды...

Осторожно оглянувшись, полицейский открыл дверцу и взял у Энди канистру.

— Одной тебе хватит. — Он поставил ее под кран и, понизив голос, сказал: — Между нами, ходят слухи, что на севере снова взорвали акведук.

— Опять фермеры?

— Наверняка. До перевода на этот участок я работал там, в охране. Неуютно было — того и гляди, взлетишь в воздух вместе с акведуком. Они заявляют, что город ворует у них воду.

— Но у них достаточно воды, — сказал Энди, забирая полную канистру. — Больше, чем нужно. А в городе тридцать пять миллионов мучаются от жажды.

— Кто спорит, — согласился полицейский, захлопывая и запирая дверь.

Энди потащился обратно, проталкиваясь сквозь толпу, но по лестнице подниматься не стал, а зашел во двор. Все туалеты были заняты, и ему пришлось ждать. Когда он наконец втиснулся в одну из кабинок, то взял с собой и канистры: любой из мальчишек, игравших в куче отбросов у забора, запросто упер бы их, оставь он воду снаружи.

Преодолев темные марши и открыв дверь, он услышал позвякивание льда о стекло стакана.

— Ты прямо Пятую Бетховена играешь, — сказал он, ставя канистры на пол и падая в кресло.

— Любимая тема, — сказал Сол, доставая из холодильника два охлажденных стакана, и с торжественностью религиозного ритуала опустил в каждый по крохотной перламутровой луковичке.

Один стакан он передал Энди, и тот осторожно отхлебнул холодную жидкость.

— Когда я пробую такое, Сол, я почти начинаю верить, что ты, в конце концов, не совсем рехнулся. Почему эта смесь называется «Гибсон»?

— Тайна, покрытая мраком. Почему «Стингер» называется «Стингером», а «Розовая Дама» — «Розовой Дамой»?

— Не знаю... почему? Я их ни разу и не пробовал.

— И я не знаю, но называется именно так. Как то зеленое пойло, которое продают в забегаловках, называется «Панама». Ничего не значит, просто название.

— Благодарю, — сказал Энди, осушив стакан. — Мир сразу кажется иным.

Он отправился в свою комнату, вытащил из шкафа кобуру с пистолетом и пристегнул оружие к ремню брюк. Его бляха висела на брелоке с ключами, как всегда. Энди сунул в карман блокнот и на секунду задумался. День предстоит долгий и трудный, да и всякое может случиться. Он достал из-под стопки рубашек наручники и газовый баллончик. В толпе стариков это тоже пригодится, да к тому же оно и безопаснее. Кроме того, новые суровые правила применения боевых средств заставляли выискивать повод для их использования. Он наскоро вымылся водой, уже нагретой на солнце, затем потер лицо серым грязным обмылком, чтобы хоть как-то размягчить щетину. Брит-

ва уже основательно затупилась, и он попытался заточить ее о край стакана. Он подумал, что пора бы приобрести новую. Может, осенью.

Когда Энди вышел из комнаты, Сол поливал свою грядку на подоконнике, где росли всякие травы и лук.

— Только смотри, чтобы тебя на мякине не провели, — сказал он, не отрываясь от работы.

У Сола был большой запас слов, что такое эта самая мякина?

Солнце поднялось уже высоко, и бетонно-асфальтовое ущелье улицы превращалось в пекло. Полоска тени стала еще уже, а людей у входа в дом — еще больше, и Энди едва смог выйти из двери. Он осторожно перешагнул через крошечную сопливую девчушку в протертой до дыр ночной рубашке и спустился на одну ступеньку. Изможденная женщина неохотно подвинулась, даже не взглянув на него, а мужчины уставились с ненавистью, что делало их похожими на членов одной суровой семьи. Энди пробрался сквозь толпу и у самого тротуара перешагнул через протянутые ноги лежащего старика. Тот казался мертвым. Ноги у него были босые и грязные, а щиколотку обхватывала веревка, другой конец которой был привязан к ребенку, сидевшему на тротуаре и отрешенно жуящему сломанную пластиковую тарелку. Ребенок был так же грязен, как и старик, его живот сильно раздут. Неужели старик мертв? Впрочем, с обязанностью быть якорем для ребенка мог справиться и мертвый.

«Черт, поганое сегодня утром настроение, — подумал Энди. — Наверняка из-за жары; я не выспался, всю ночь снились какие-то кошмары. Это бесконечное лето и все эти неприятности; похоже, одна цепляется за другую. Сначала жара, потом засуха, ограбление складов, а теперь вот еще старики. Они с ума сошли — выходить из дома в такую погоду. Или, может, они сошли с ума от погоды».

Думать было слишком жарко. Когда он завернул за угол, Седьмая авеню словно вспыхнула перед ним, и он руками и лицом ощутил солнечный жар. Рубашка уже прилипла к спине, а на часах только без четверти девять.

На Двадцать третьей улице, в длинной тени эстакады городской экспресс-линии, закрывавшей почти все не-

бо, было прохладно, и он медленно шел в полумраке, поглядывая на велотакси и гужевики. Вокруг каждого столба эстакады стояли маленькие группки людей, облепившие их, словно устрицы, и колеса почти касались их ног. Сверху раздался грохот — по экспресс-линии проехал тяжелый грузовик, и Энди увидел, что впереди перед зданием участка остановился фургон. Полицейские в форме не спеша забирались в кузов, а лейтенант Грассиоли стоял рядом с грифельной доской в руках и разговаривал с сержантом. Подняв голову, он хмуро взглянул на Энди, нервный тик заставил его левое веко сердито подмигнуть.

— Пришел почти вовремя, Раш, — сказал он, делая пометку на дощечке.

— Сегодня у меня выходной, сэр, меня вызвали.

С Грасси надо быть настороже, он изведет кого угодно: у него язва, диабет и больная печень в придачу.

— Полицейский находится на службе двадцать четыре часа в сутки, так что залезай в машину. Я хочу, чтобы ты с Кулозиком взяли пару-другую карманников. Эти, с Центральной улицы, мне уже все уши прожужжали.

— Слушаюсь, сэр, — сказал Энди спине лейтенанта, когда тот повернулся и направился обратно в участок.

Энди забрался по откидной лесенке в кузов и сел на скамейку рядом со Стивом Кулозиком, который, как только лейтенант ушел, сразу прикрыл глаза и начал дремать. Это был мужчина с телом, где соперничали жир и мышцы. Одет он был, как и Энди, в мятые хлопчатобумажные штаны и рубаху с короткими рукавами. Рубашка висела мешком, скрывая пистолет в кобуре. Когда Энди плюхнулся рядом, он приоткрыл один глаз и что-то буркнул.

Стартер раздражающе взвыл и выл до тех пор, пока скверное топливо не вспыхнуло и дизельный двигатель не ожил. Грузовик, содрогаясь и дребезжа, отъехал от участка и тронулся на восток. Полицейские жались к краям скамеек, чтобы ловить дуновение ветерка и заодно наблюдать за улицами, забитыми людьми. Этим летом полицейские были не очень-то популярны. Не очень приятно, когда в тебя неожиданно бросают камни или бутылки.

Неожиданно фургон задрожал, — водитель сбросил скорость и нажал на сигнал, прокладывая путь сквозь толпу людей и множество безмоторных экипажей.

На Бродвее скорость стала совсем черепашей: люди запрудили всю проезжую часть в окрестностях Мэдисон-сквера, где располагались блошинный рынок и палаточный городок. Здесь, в центре, обстановка была не лучше. Старики уже вышли на улицы и направлялись на юг, едва волоча ноги. Полицейские, проезжая мимо, равнодушно на них поглядывали — медленная колышущаяся масса седых и лысых голов, большинство людей с палочками, старик с окладистой седой бородой ковылял на костылях. Было полным-полно инвалидов колясок. Когда полицейские появились на Юнион-сквер, солнце, вырвавшись из-за зданий, безжалостно обрушилось на них.

— Чистая смерть, — зевнув, сказал Стив Кулозик, и вылез из фургона. — Жара убьет половину этих старикашек. На солнце, наверное, градусов сорок. В восемь часов было тридцать три.

— А врачи на что? — Энди кивнул в сторону небольшой группы людей в белых халатах, разворачивавших носилки рядом с машиной «скорой помощи».

Детективы подошли к толпе, уже заполнившей парк, и пробрались к трибуне. Послышался скрежет и щелчок — проверяли звуковую систему.

— Рекорд, — сказал Стив, глазами ощупывая толпу. — Я слышал, что в водохранилищах низкий уровень потому, что некоторые из труб на выходе не изолированы. Это да еще деревенщина, постоянно взрывающая акведук...

Визг из громкоговорителей заглушили громовые раскаты голоса, усиленного микрофоном.

— Товарищи, дамы и господа, члены всех обществ Старейшин Америки, прошу вашего внимания. Сегодня утром я заказал облака, но, похоже, заказ не дошел...

Одобрительный гул прокатился по парку, раздались несколько хлопков.

— Кто это? — спросил Стив.

— Ривз. Его называют Малыш Ривз, потому что ему всего лишь шестьдесят пять. Он исполнительный дирек-

тор Стариков, но если так и дальше пойдет, на следующий год станет президентом...

Его последние слова потонули в сотрясающем горячий воздух голосе Ривза:

— Но наша жизнь далеко не безоблачна, и мы можем прожить и без облаков на небе. — На этот раз в ответном гудении толпы послышались нотки гнева. — Власти следят за тем, чтобы мы не могли работать, несмотря на состояние нашего здоровья и способности. Власти установили оскорбляющее нас нищенское содержание, на которое мы должны жить, и в то же время они следят, чтобы на эти деньги можно было купить все меньше и меньше с каждым годом, с каждым месяцем, с каждым днем...

— Первый готов, — сказал Энди.

Какой-то человек в задних рядах упал на колени и схватился за грудь. Энди рванулся было к нему, но Стив Кулозик удержал его.

— Это их дело, — сказал он, указывая на двух врачей, уже бежавших к пострадавшему. — Что-то с сердцем или тепловой удар. Думаю, далеко не последний. Давай-ка прочедем толпу.

— ...Снова пришла пора объединиться... силы, которые ввергают нас в нищету, голод и полное забвение... растущие цены свели на нет...

Казалось, между крохотной фигуркой на трибуне и громовым голосом нет никакой связи. Детективы разделились, и Энди стал медленно продираться сквозь толпу.

— ...Мы не примем ничего второсортного, или третьего или четверосортного, как теперь, мы не примем грязного угла, где мы должны дремать, дожидаясь голодной смерти. Мы — жизненно важная составляющая... нет, я скажу, мы самая важная составляющая общества — хранилище опыта, знаний и рассудительности. Пусть муниципалитет, Олбани и Вашингтон действуют — или берегитесь, потому что когда подсчитают голоса, то обнаружат...

Слова грохотали в ушах, но Энди не обращал на них внимания, пробираясь сквозь толпу взбужденных стариков; глаза его шарили в море беззубых десен, седых небритых щек и слезящихся глаз. Здесь не было карманников, лейтенант оказался не прав: в подобной толпе им делать было нечего. Эти люди совершенно

нищие. А если у них и есть какая-нибудь мелочь, то она надежно спрятана в старомодные кошельки или зашита в трусы.

Толпа колыхнулась — двое мальчишек со смехом пробежали сквозь нее, пиная и стараясь свалить друг друга.

— Довольно, — сказал Энди, вставая на их пути. — Успокойтесь и уходите из парка, ребята, вам тут делать нечего.

— Это кто сказал? Что хотим, то и делаем...

— Закон! — рявкнул Энди, вытащил из кармана бляху и угрожающе сунул им в лицо. — Пошевеливайтесь!

Они молча повернулись и стали выбираться из толпы, а он пошел следом, чтобы удостовериться, что они в самом деле уйдут.

Совсем дети, подумал он, убирая бляху, вероятно, лет десять-одиннадцать, но за ними нужен глаз да глаз, а то они такого натворят... Да и поосторожней с ними надо, а то, если их много, стоит отвернуться, навалятся всей гурьбой и изрежут осколками стекла, как беднягу Тейлора.

На стариков, похоже, что-то нашло. Они начали раскачиваться взад-вперед, а когда усиленный динамиками голос на мгновение умолк, позади трибуны слышались крики. Видимо, начиналась заварушка. Энди бросился туда. Ривз больше не говорил, а крики становились все сильнее; раздался звук бьющегося стекла. Из громкоговорителей прогремел другой голос:

— Говорит полиция. Прошу всех разойтись, митинг закончен, уходите с площади на север...

Яростный вой заглушил говорившего. Старики подались вперед в едином порыве. Когда их вопли стихли, вновь стали слышны слова оратора Ривза:

— ...Люди... успокойтесь... Я лишь хочу вам сказать... я не осуждаю ваше негодование, но сейчас не время... Капитан объяснил мне положение вещей, и я вижу отсюда, что это не имеет ничего общего с нашим митингом. Какие-то беспорядки на Четырнадцатой улице... Нет!.. Не ходите туда, от этого будет только хуже, там полиция, она не даст вам пройти. Я вижу, что сюда двигаются отряды специального назначения, и полиция намерена применить летающую проволоку...

Толпа вздрогнула, движение обратилось вспять, и люди стали уходить с Юнион-сквер, подальше от Четырнадцатой улицы. Старики отлично знали, что такое летающая проволока.

Энди пробрался за трибуну, где людей было меньше, и, увидев, что Четырнадцатая улица забита бурлящей толпой, не мешкая направился туда. Край площади был оцеплен полицейскими, расчистившими место у парка. Ближайший из них поднял дубинку и заорал:

— Держись подальше, парень, а то нарвешься на неприятности!

Энди показал ему бляху. Он кивнул и отвернулся.

— В чем дело? — спросил Энди.

— Крутая буча заваривается, а то и еще чего хуже... Вали отсюда! — Он ударил дубинкой по поребрику, и лысый мужчина на алюминиевых костылях остановился и, поколебавшись, свернул в парк. — Клейн как обычно устроил рекламную распродажу. Они вывесили в витринах плакаты, как и раньше делали без всяких неприятностей. Но на этот раз он получил партию соево-чечевичных бифштексов... — Он повысил голос, чтобы перекрычать шум двух приближавшихся бело-зеленых вертолетов. — Одна дурища затарилась и прямо за ближайшим углом нарвалась на телерепортеров, которым все и выболтала. Теперь люди валом валят со всех сторон, а половина улиц, по-моему, не перекрыта. С этой стороны мы хоть проволоку натянули.

Энди нацепил бляху на карман рубашки и принялся вместе с полицейскими отгонять толпу. Толпа не сопротивлялась. Люди поднимали головы и от резких хлопков вертолетных винтов шарахались прочь. Вертолеты снизились, и из их утроб посыпались мотки проволоки. Ржавые мотки колючей проволоки ударялись о землю, скрепляющие скобы разрывались.

Это была не просто колючая проволока. Ее закаленная сердцевина обладала памятью: металл, независимо от того, как его скрутить и согнуть, возвращал себе первоначальную форму, как только исчезали внешние напряжения. Если обычная проволока легла бы спутанной кучей, эта стремилась обрести исходную форму, шевелясь, словно слепой зверь, разворачиваясь и растягиваясь вдоль улицы. Полицейские в толстых рукави-

цах ухватились за ее концы и положили ее в нужном направлении, чтобы посреди улицы образовался барьер. Две раскручивающиеся спирали столкнулись и вступили в бессмысленную схватку, взмывая в воздух, падая и сплетаясь в извивающийся клубок. Когда последний участок проволоки замер, поперек улицы высилась стена колючей проволоки высотой и толщиной в метр.

Но беспорядки на этом не кончились. Люди по-прежнему прорывались с юга по улицам, еще не перекрытым проволокой. Поднялся крик, началась свалка. Проволока могла остановить нашествие, но, чтобы ее установить, надо было расчистить для этого место. Полицейские метались перед толпой взад-вперед, а над головами людей, словно рассерженные пчелы, жужжали вертолеты.

Раздался оглушительный треск, за ним послышался визг. Толпа высадила одну из витрин в магазине Клейна, и люди упали прямо на торчащие осколки стекла. Потекла кровь, кто-то застонал. Энди пробился к витрине. На него налетела какая-то женщина с выпученными глазами; из ее рассеченного лба хлестала кровь. Энди прижали к самому окну, и сквозь крики он услышал трель полицейского свистка. Люди лезли в разбитую витрину, топчя истекавших кровью раненых, и хватали коробки. Это был склад продовольственного отдела. Энди закричал, но в реве толпы едва услышал собственный голос. Он схватил мужчину, который с охапкой пакетов пытался выбраться из окна, но не смог его удержать. Зато другие смогли, и мужчина рухнул под напором жадных рук, теряя коробки.

— Стоять! — заорал Энди. — Стоять!

Это было бесполезное занятие, словно в каком-то кошмаре. Из окна вылез худенький парнишка-китаец в шортах и залатанной рубашке, прижимавший к груди коробку с соево-чечевичными бифштексами. Энди беспомощно протянул руки. Мальчик посмотрел на него невидящими глазами, отвернулся, согнулся пополам, прикрывая добычу, и начал вдоль стены ужом выбираться из толпы. Мелькнули ноги с напряженными мышцами, ступни наполовину вылезали из сандалий с подошвой, сделанной из автопокрышки. Он исчез, и Энди сразу забыл о нем, как только пробился к разбитому окну и встал плечом к плечу с полицейским в

разорванной рубашке, который чуть раньше добрался до витрины. Полицейский молотил дубинкой по тянувшимся рукам.

Энди присоединился к нему и ловко ударил мародера, пытавшегося пролезть между ними, затем запихнул бесчувственное тело и коробки обратно в магазин. Завыли сирены, над толпой взметнулись белые струи: появились специальные машины для подавления беспорядков, прокладывающие себе путь в толпе потоками воды.

Глава 2

Билли Чун засунул пластиковую коробку с соевыми бифштексами под рубашку, а когда он еще и согнулся в три погибели, ее не так-то легко было заметить. Сначала он еще кое-как продвигался, но вскоре давка стала невыносимой, и его прижало к стене. Он пытался противостоять силе, вжимающей его лицо в горячий пыльный кирпич. Тут ему так ударили коленом по голове, что он почти потерял сознание и очнулся от струи холодной воды. Прибыли машины для подавления беспорядков, и их водяные пушки разредили толпу. Одна из струй впечатала его в стену и прошла дальше.

Напор толпы ослаб, и Билли пошатываясь встал, глядя, не заметил ли кто-нибудь его ноши, но на него никто не обращал внимания. Остатки толпы, мокрые насквозь, в крови и синяках просачивались мимо неуклюже продвигавшихся полицейских машин. Билли пристроился к бегущим, повернул в сторону Ирвинг-Плейс, где было меньше людей, отчаянно высматривая какое-нибудь укрытие, — место, которое найти в этом городе было крайне трудно. Беспорядки закончились, и очень скоро кто-нибудь его заметит и полюбопытствует, что это у него под рубашкой. Тогда пиши пропало. Это был не его район, здесь не жили китайцы, его заметят и схватят... Он побежал, но тут же запыхался и перешел на быстрый шаг.

Вот. Рядом с одним из зданий вырыли яму до самого фундамента, там виднелись трубы, а на дне — грязная вода. Он сел на край развороченного тротуара, прислонился к ограждавшему яму заборчику, потом нагнулся и осмотрелся. На него никто не обращал внимания, но людей вокруг было полно: они выходили из домов и садились на ступеньки, наблюдая за бегущими. Послышались чьи-то шаги, посреди улицы показался мужчина с большим пакетом под мышкой. Он отчаянно озирался, сжав кулаки. Кто-то сбил его с ног, и он со стоном рухнул, а люди набросились на него, хватая рассыпавшиеся по земле крекеры. Билли улыбнулся — теперь на него никто не смотрел — и соскользнул в яму, по колено погрузившись в грязную воду. Под ржавой трубой был небольшой просвет, туда он и забился. Не сказать, что идеально, но сойдет — сверху видны только его ноги. Он лег на холодную землю и разорвал коробку.

Вы только посмотрите... только посмотрите, вновь и вновь говорил он сам себе, смеясь и глотая слюни. Целая коробка соевых бифштексов, каждый величиной с ладонь, а какие поджаристые. Он надкусил один, поперхнулся, проглотил, заталкивая крошки в рот грязными пальцами. Он набил рот так, что с трудом мог глотать, и долго пережевывал восхитительную мягкость. Давно уже не приходилось есть ничего подобного.

Билли съел за один присест три соево-чечевичных бифштекса, делая паузы лишь для того, чтобы высунуть голову и посмотреть наверх. Но все было тихо, его никто не заметил. Он достал из коробки еще пару бифштексов, но теперь ел помедленнее и остановился только тогда, когда набитый живот с непривычки заурчал. Слизывая крошки с пальцев, он обдумывал план дальнейших действий, уже сожалея о том, что съел столько бифштексов. Нужны были деньги, а бифштексы — это и были деньги, а брюхо можно было набить и крекерами из отрубей. Проклятие. Белую пластиковую коробку нельзя было нести открыто, но и спрятать под рубашку невозможно. Придется бифштексы во что-нибудь завернуть. Может, в носовой платок. Он вынул его из кармана — грязную рваную тряпку, отрезанную от старой простыни — и завернул десять оставшихся бифштексов, завязав для верности концы узелком. Потом запихнул сверток за пояс. Выпирал он

не очень сильно, хотя здорово давил на полный желудок. В общем, сойдет.

— Что ты делал в этой яме, мальчик? — спросила его одна из краснорожих женщин, сидевших на ступеньках соседнего дома, когда он вылез наружу.

— Облегчался! — прокричал он, сворачивая за угол, под негодующие крики женщин.

Мальчик! Ему уже восемнадцать, и, хоть он ростом не вышел, он уже не мальчик.

Он спешил скорее добраться до Парк-авеню. Он боялся встретиться с какой-нибудь местной шайкой. Сбавив шаг, он направился к блошиному рынку, что на Мэдисон-сквер.

Забитое людьми раскаленное место ударило в уши ревом голосов, а в нос запахом старых грязных и потных тел. Людской водоворот медленно двигался. Некоторые останавливались у лотков и прилавков, чтобы пощупать старомодные костюмы, платья, битую посуду, никому не нужные кружева, поторговаться за мелкую дохлую рыбешку с раскрытым ртом и выпученными от испуга глазами. Торговцы расхваливали свой гниющий товар, а люди текли мимо, осторожно обходя двух полицейских, которые стальными взглядами осматривали все вокруг и по диагонали пересекали площадь, направляясь к старым армейским палаткам палаточного городка. Площадь была запружена людьми, повозками, тележками, лавками и навесами. Это был рынок, где все можно было купить, и все — продать.

Билли перешагнул через слепого попрошайку, разлегшегося в узком проходе между железобетонной скамейкой и шатким прилавком с разложенной на нем морской капустой, и попал на рынок. Он смотрел на людей, а не на то, что они продавали, и наконец остановился перед тележкой, нагруженной множеством допотопных пластиковых коробок, кружек, тарелок и чашек, яркая расцветка которых посерела и стерлась от времени.

— Руки! — По бортику тележки ударила палка, и Билли отдернул пальцы.

— Я не трогаю ваш хлам, — сказал он.

— Если не покупаешь, проходи дальше, — сказал человек восточного типа с морщинистыми щеками и редкими седыми волосами.

— Я не покупаю, а продаю, — Билли наклонился к мужчине и тихо прошептал: — Не желаете несколько соево-чечевичных бифштексов?

Старик прищурил и без того узкие глаза.

— Ворованные, полагаю? — устало произнес он.

— Ну так нужны или нет?

Промелькнувшая на лице старика улыбка была невеселой.

— Конечно, нужны. Сколько их у тебя?

— Десять.

— Полтора доллара за штуку. Пятнадцать долларов.

— Черт побери! Лучше я их сам съем. Тридцать за все.

— Жадность тебя погубит, сынок. Мы оба отлично знаем, сколько они стоят. Двадцать долларов за все. — Он вытащил две мятые десятидолларовые бумажки и зажал их в кулаке. — Давай посмотрим на товар.

Билли протянул узелок, а старик нагнулся и заглянул внутрь.

— Годится, — сказал он и, не разгибаясь, переложил их в бумажный пакет, а тряпку вернул Билли. — Этого мне не надо.

— Теперь бабки.

Старик неторопливо протянул деньги Билли, облегченно улыбаясь при мысли, что сделка завершена.

— Ты был когда-нибудь в клубе на Мотт-стрит?

— Шутите? — Билли схватил деньги.

— Наверняка был. Ты же китаец, и ты предложил эти бифштексы мне, потому что я тоже китаец, и ты знаешь, что можешь мне доверять. Ты соображаешь...

— Заткнись, дедуля. — Билли ткнул себе большим пальцем в грудь. — Я — тайванец, а мой папа был генералом. И я знаю одно — у меня нет ничего общего с вами, красными китайцами из центра.

— Глупый щенок... — Старик поднял палку и замахнулся, но Билли уже исчез.

Вот это да! Он уже не замечал жары, автоматически продираясь сквозь толпу, сжимая деньги в кармане и предвкушая грядущие наслаждения. Двадцати долларов у него никогда в жизни не было. Самое большое — три восемьдесят, которые он украл из квартиры напротив, когда соседи оставили окно открытым. Трудно заполучить настоящие деньги, но это единственное, что идет в расчет. Дома у него их никогда не видели. Все

приобреталось на карточки социальной помощи; все, что позволяло не подохнуть и жить дальше, ненавидя такую жизнь. Чтобы приподняться, нужны деньги, и теперь они у него были. Он долго мечтал об этом.

Он зашел в отделение «Вестерн-Юниона» на Девятой авеню. Бледная девушка за высокой конторкой подняла голову, и ее взгляд, скользнув по нему, уперся в большое окно, за которым бурлила залитая солнцем улица. Она промокнула носовым платком капли пота на губе, потом вытерла подбородок. Операторы, склонившиеся над своей работой, вообще не подняли головы. Здесь было очень тихо, через открытую дверь проникал лишь приглушенный шум города. Внезапно очень громко застучал телетайп. На скамье в дальнем конце помещения сидели шесть парней, подозрительно поглядывавших на него. Подходя к диспетчеру, он слышал, как их ноги шаркают по полу и скрипит скамейка. Он заставил себя не оборачиваться и остановился у стойки, терпеливо ожидая, когда человек обратит на него внимание.

— Что тебе нужно, парень? — процедил диспетчер, наконец поднимая голову.

Человеку было за пятьдесят, он устал и умирал от жары, сердясь на весь мир, обещавший ему что-то большее.

— Вам нужен посыльный, мистер?

— Нет. У нас и так слишком много всяких мальчишек.

— Я умею работать, мистер. Буду работать в любое время, когда скажете. У меня есть вступительный взнос. — Он вытащил одну десятидолларовую купюру и положил ее на конторку.

Мужчина мельком взглянул на деньги, и отвел глаза в сторону.

— У нас слишком много мальчишек.

Скамья позади скрипнула, и Билли услышал звук шагов. Это был один из тех парней. Голос был напранжен от злости.

— Этот китаец к вам пристаёт, мистер Бургер?

Билли сунул деньги обратно в карман.

— Сядь, Роулз, — сказал мужчина. — Ты знаешь, как я отношусь к разборкам и дракам.

Он взглянул на обоих и Билли догадался: ему здесь не работать, если быстренько что-нибудь не предпринять.

— Благодарю, что позволили поговорить с вами, мистер Бургер, — сказал он вежливо и, повернув-

шись, что есть силы наступил парню на ногу. — Не смею вас больше беспокоить...

Парень заорал и ударил Билли кулаком в ухо. Билли промямлил что-то, но не сделал попытки защититься.

— Отлично, Роулз, — с отвращением сказал Бургер. — Убирайся отсюда, ты уволен.

— Но... мистер Бургер... — жалобно заскулил парень. — Вы же не знаете, что этот китаец...

— Выметайся! — Бургер привстал и рассерженно ткнул пальцем в мальчишку. — Быстро!

На минуту о Билли забыли, и он отошел в сторону, боясь улыбнуться.

До парня наконец дошло, что делать ему здесь больше нечего, и он ушел, злобно взглянув напоследок на Билли. Бургер вытер одну из дощечек для посыльных.

— Отлично, парень, похоже, ты получишь работу. Как тебя зовут?

— Билли Чун.

— Мы платим по пятьдесят центов за каждую доставленную телеграмму. — Он встал и подошел к Билли, держа в руке дощечку. — Ты оставляешь в залог десять долларов и берешь телеграмму. Приносишь дощечку — получаешь десять пятьдесят. Ясно?

Он положил дощечку на стойку. Билли взглянул на нее и прочитал написанные мелом слова: «Минус пятнадцать центов».

— У меня все будет в полном порядке, мистер Бургер.

— Отлично. — Он ладонью стер надпись. — Садись на скамейку и заткнись. Никаких драк, никаких разборок, никакого шума, а иначе получится как с Роулзом.

— Да, мистер Бургер.

Билли сел. Мальчишки посмотрели на него с подозрением, но ничего не сказали. Через несколько минут маленький смуглый парнишка наклонился к нему и пробормотал:

— Сколько он с тебя снимает?

— Что ты имеешь в виду?

— Не будь идиотом. Или ты отдаешь ему часть бабок, или больше здесь не работаешь.

— Пятнадцать.

— Говорил я тебе, что он так и сделает, — громко прошептал другой парень. — Говорил я тебе, что он не

остановится на десяти... — Он резко осекся: диспетчер посмотрел в их сторону.

День покатил по своей горячей наезженной колее, и Билли был доволен, что сидит вот тут и ничего не делает. Некоторые парни уходили с телеграммами, но его ни разу не вызывали. Соево-чечевичные бифштексы оказались тяжелой для желудка пищей, и ему дважды пришлось выйти в темный, убогий туалет во дворе здания. Тени на улице удлинились, но в воздухе по-прежнему висела все та же удушающая жара, что держалась последние десять дней. В шесть часов пришли еще трое мальчишек и с трудом уместились на скамье. Бургер сердито посмотрел на них: похоже, только так он и мог смотреть.

— Некоторые могут быть свободны.

На первый день вполне достаточно, подумал Билли и ушел. От долгого сидения у него затекли ноги, а бифштексы, кажется, рассосались. Можно было подумать и об ужине. Черт! Он состроил кислую гримасу. Он знал, что у них будет на ужин. То же, что и каждый вечер уже много лет подряд.

В порту с реки дул легкий ветерок, и Билли медленно шагал по Двенадцатой авеню, с удовольствием ощущая прохладу. За сараями, убедившись, что поблизости никого нет, он разматал проволоку, которой была привязана к сандалиям подошва из покрышки, и сунул две купюры в образовавшуюся щель. Они принадлежали ему и только ему. Он закрепил проволоку и по трапу поднялся на «Уэйверли Браун», который стоял у шестидесят второго причала.

Реки не было видно. Соединенные друг с другом измочаленными канатами и ржавыми цепями, ряды допотопных «Викторий» и «Свобод» создавали фантастический пейзаж из причудливых надстроек, болтающегося, как белье на веревке, такелажа, мачт, антенн и дымовых труб. За всем этим возвышался один-единственный пролет так и не достроенного Вагнеровского моста. Эта панорама не казалась Билли странной; он здесь родился, после того как его семья вместе с другими беженцами с Тайваня обосновалась в этих временках, на скорую руку построенных на судах, гниющих и ржавеющих за ненадобностью у Каменного Мыса со времен второй мировой войны. Больше нигде было разместить многочисленных приезжих, и суда

показались в то время блестящей находкой. Они должны были стать временным убежищем, пока не найдется что-нибудь получше. Но жилье найти было трудно — и к этим судам добавились другие, и мало-помалу ржавый, покрытый ракушками флот стал частью города, которая, казалось, существовала здесь вечно.

Суда соединяли трапы и мостики, под ними плескалась вонючая вода, на поверхности которой плавали отбросы. Билли добрался до «Колумбии Виктории», своего дома, и по мостику дошел до квартиры N 107.

— Как раз вовремя, — сказала сестра Анна. — Все уже поели, но тебе повезло: мне удалось оставить кое-что для тебя.

Она достала с полки тарелку и поставила на стол. Ей было тридцать семь, но волосы поседели, плечи опустились, спина сгорбилась. Ее давно покинула надежда уйти из семьи и Корабельного городка. Она единственная из детей Чунов родилась на Тайване. Когда они уезжали, Анна была маленькой, и ее воспоминания об острове были смутными, словно давний приятный сон.

Билли взглянул на размоченные овсяные лепешки и бурые крекеры, и в горле у него встал ком: в памяти еще сохранились воспоминания о бифштексах.

— Я не голоден, — сказал он, отодвигая тарелку.

Мать заметила это движение и повернулась от телевизора — наконец она удосужилась заметить сына.

— Чем тебе не нравится еда? Почему ты не ешь? Еда великолепная.

Голос у нее был тонкий и пронзительный, с хриплыми завываниями, выдававшими кантонское происхождение. Она сумела выучить не больше десятка английских слов, и в семье по-английски не говорили.

— Я не голоден. — Он лгал, чтобы ее успокоить. — Слишком жарко. Съешь сама.

— Я никогда не выну еду изо рта у своих детей. Если не хочешь есть, близнецы съедят. — Говоря с ним, она по-прежнему смотрела на экран телевизора, и голоса, раздававшиеся оттуда, почти заглушали ее слова и сопровождались пронзительным визгом семилетних мальчиков, дравшихся из-за какой-то игрушки в углу. — Дай мне. Я откушу кусочек. Я и так отдаю почти всю еду детям.

Она положила в рот крекер и стала его быстро, по-мышьиному жевать. Было маловероятно, что близне-

цам что-нибудь останется, поскольку мать являлась большим специалистом по поеданию крошек, объедков и остатков. Это доказывала округлость ее фигуры. Не отрываясь от экрана, она взяла с тарелки второй крекер.

У Билли к горлу подступила тошнота. Он словно в первый раз увидел тесную железную комнатуху, услышал завывания своих братьев, грохот старого телевизора, звон тарелок. Он вышел в другую комнату — больше у них не было — и захлопнул за собой тяжелую металлическую дверь. Когда-то это было своего рода холодильной камерой площадью около квадратного метра, которую сейчас почти целиком занимала кровать, где спали мать и сестра. В переборке сделано квадратное оконце, все еще сохранявшее следы автогена. Зимой его закрывали какой-нибудь железкой, но сейчас можно было облокотиться на край и увидеть за скоплением судов далекие огни на берегу Нью-Джерси. Уже стемнело, но воздух был так же горяч, как и днем.

Когда острые края металла начали врезаться в руки, Билли отошел от окна и умылся в тазике с темной водой у двери. Воды было немного, но он тщательно потер лицо и руки, пригладил, как мог, волосы перед крохотным зеркалом, прикрепленным к стене, а затем быстро отвернулся и нахмурился. Лицо у него было круглое и юное, а когда он расслаблялся, губы слегка изгибались, и казалось, что он улыбается. Его лицо создавало о нем совершенно неправильное впечатление. Оставшейся водой он протер босые ноги. Ну вот, хоть немного освежился. Он лег на кровать и посмотрел на фотографию отца на стене — единственное украшение комнаты.

Капитан Гоминьдановской армии Чун Бейфу. Профессиональный военный, посвятивший всю свою жизнь войне, но не участвовавший ни в одном бою. Он родился в 1940 году, вырос на Тайване и был одним из солдат второго поколения потрепанной временем, стареющей армии Чан Кайши. Когда генералиссимус внезапно умер в возрасте восьмидесяти четырех лет, капитан Чун не принимал участия в дворцовых переворотах, которые привели к власти генерала Куна. А когда началось вторжение войск с континента, он находился в госпитале с тяжелой формой малярии и оставался там в течение всей Семидневной войны. Он был одним из первых, кого по воздуху вывезли с покоренного острова — даже раньше его семьи.

На фотографии он выглядел суровым и воинственным, и Билли он всегда таким казался. Он покончил жизнь самоубийством в тот день, когда родились близнецы.

Словно исчезающие воспоминания, фотография тускнела в темноте, потом появилась опять, едва видимая, когда зажглась маленькая электрическая лампочка, мигавшая от скачков напряжения. Билли наблюдал, как свет совсем было потух, потом спираль опять вспыхнула ярко-красным светом и погасла. Сегодня рано отключили электричество, а может, опять что-нибудь случилось. Билли лежал в душной темноте и чувствовал, как постель под ним становилась горячей и влажной, а железная коробка так давила со всех сторон, что он уже не в силах стал это переносить. Его потные ладони нащупали дверную ручку, но, когда он вошел в другую комнату, лучше не стало. Мерцающий зеленоватый свет телевизора играл на блестящих лицах матери, сестры и братьев, превращая их в каких-то утопленников. Из телевизора раздавались топот копыт и бесконечная стрельба из шестизарядных револьверов. Мать механически нажимала на старый генератор от карманного фонарика, к которому был подключен телевизор, и тот работал даже тогда, когда отключали электричество. Билли попытался проскользнуть мимо, но она заметила его и протянула ему генератор:

— Поработай, а то у меня рука устала.

— Мне надо выйти. Пусть этим займется Анна.

— Делай, что говорят! — взвизгнула она. — Слушайся меня! Ребенок должен слушаться матери.

Она так разозлилась, что забыла про генератор, и экран погас. И тут же хором заорали близнецы, а Анна начала их успокаивать, чем еще больше усилила всеобщую суматоху. Он не вышел, а выбежал и скатился на палубу, тяжело дыша и обливаясь потом.

Делать было нечего, пойти некуда. Со всех сторон на него давил город, наполненный людьми, детьми, шумом и жарой.

Машинально, плохо соображая, что делает, Билли добрался до берега и направился в сторону Двадцать третьей улицы. Ночью ходить по городу далеко не безопасно. Может, заглянуть в «Вестерн-Юнион» или лучше не беспокоить их своим появлением? Он повернул на Девятую авеню, посмотрел на желто-голубую вывеску и закусил губу: оттуда вышел мальчишка и

побежал с дощечкой посыльного под мышкой, значит, освободилось место на скамье. Имело смысл зайти.

Когда он вошел, его сердце подпрыгнуло от радости: скамья пустовала. Бургер поднял голову от стола — лицо его оказалось таким же рассерженным, как и днем.

— Хорошо, что ты подумал и вернулся сегодня, а то позже можно было бы уже не возвращаться. Сегодня вечером куча работы. Даже не знаю почему. Отнеси вот это. — Он надписал адрес на конверте, заклеил его и поставил печать. — Деньги на стол! — Он хлопнул дощечкой по конторке.

Проволока никак не разматывалась, и Билли сломал ноготь, прежде чем достал деньги. Он развернул одну бумажку и положил на поцарапанный стол, крепко зажал в кулаке другую купюру, схватил дощечку и выскочил на улицу. Отойдя подальше от офиса, он остановился и прислонился к стене здания. При свете вывесок прочитал адрес:

Майкл О'Брайен
Север. Челси-парк
Запад. 28 ул.

Он знал, где это, но, хотя много раз проходил мимо этих зданий с роскошными квартирами, никогда не был внутри. Они были построены в 1976 году, после того как в результате серии подкупов и взяток городские власти разрешили производить в районе Челси-парка частную застройку. Здания окружали каменные заборы, балконы и башенки в новофеодалном стиле: внешний вид превосходно соответствовал их функции держать основную массу людей как можно дальше от домов. Сзади находился служебный вход, тускло освещенный лампочкой в проволочном колпаке, расположенной в каменной нише над дверью. Билли нажал на кнопку.

«Этот вход закрыт до пяти ноль-ноль», — прогнусавил записанный на пленку голос прямо над головой. Билли судорожно прижал дощечку к груди: теперь ему придется пройти к главному подъезду со всеми его фонарями, швейцарами и прочим. Он посмотрел на свои босые ноги и попытался оттереть засохшую грязь. Обычно он не обращал внимания на подобную ерунду, потому что все, с кем он встречался, выглядели примерно так же. Но здесь все обстоит по-другому. Ему не хотелось встречаться с людьми, живущими в этом зда-

нии, он уже жалел, что связался с этой работой, но все же обогнул угол и направился к залитому ярким светом главному входу.

Через небольшой ров, который совершенно высох и походил на обычную заваленную мусором сточную канаву, был переброшен мостик, похожий на те, что видел Билли на кораблях, но с заржавевшими цепями, а вел он к опускной решетке из металлических, заостренных на концах прутьев, за которой виднелось толстое стекло. Идти по этому ярко освещенному мостику все равно что направляться прямой дорогой в ад. Впереди за решеткой маячила внушительная фигура швейцара, заложившего руки за спину и не сдвинувшегося с места даже тогда, когда Билли остановился с другой стороны зарешеченного стекла. Он холодно уставился на Билли, лицо его было непроницаемым. Дверь не открывалась. Билли поднял дощечку так, чтобы стало видно написанное на ней имя. Швейцар пробежал глазами по дощечке и лениво нажал на один из декоративных завитков. Часть решетки вместе со стеклом с приглушенным вздохом отъехала в сторону.

— Вам телеграмма... — Билли чувствовал неуверенность и страх, звучащие в его голосе.

— Ньютон, на выход, — произнес швейцар и пальцем показал Билли внутрь здания.

В дальнем конце вестибюля открылась дверь и слышался хохот, смолкнувший, как только человек, вышедший оттуда, затворил за собой дверь. Он был одет в такую же униформу, что и швейцар, иссиня-черную с золотыми пуговицами и с красным шнурком на плечах, тогда как у первого были роскошные аксельбанты.

— В чем дело, Чарли? — спросил он.

— Мальчишка с телеграммой. Никогда не видел его раньше. — Чарли повернулся к ним спиной.

— Дощечка как дощечка, — сказал Ньютон, выхватив ее из рук Билли, прежде чем тот понял, что произошло, и пощупал тисненую эмблему «Вестерн-Юнион».

Он отдал дощечку Билли, а когда тот взял ее, быстро прощупал рубашку и шорты Билли и даже засунул руку ему между ног.

— Совершенно чистый, — сказал он, рассмеявшись, — только теперь мне надо идти мыть руки.

— Значит так, парень, — сказал, не оборачиваясь, швейцар. — Отнеси ее наверх и быстро назад.

Охранник тоже повернулся к нему спиной и ушел, оставив Билли одного посреди вестибюля на огромном цветастом ковре, понятия не имевшего, что делать и куда идти дальше. Он бы спросил, но не мог. Презрение и превосходство этих людей совершенно его обезоружили, доведя до состояния, когда хочется единственно — куда-нибудь спрятаться. Его внимание привлекло шипение в дальнем конце помещения, и он увидел, что в основании того сооружения, которое он поначалу принял за огромный церковный орган, раздвинулись двери лифта. Лифтер посмотрел на него, и Билли пошел вперед, держа дощечку перед собой как щит.

— У меня телеграмма для мистера О'Брайена. — Его голос задрожал и исказился до неузнаваемости.

Лифтер, парень не старше Билли, выдавил из себя слабый смешок. Он был молод, но уже научился манерам, которыми должен обладать обслуживающий персонал.

— О'Брайен, 41-Е. Это на пятом этаже, если ты понятия не имеешь, как устроены многоквартирные дома. — Он стоял, преграждая вход в лифт, и Билли не знал, что делать дальше.

— Я должен... в смысле, на лифте...

— Ты же провоняешь весь пассажирский лифт. Лестница вон там.

Билли чувствовал его сердитый взгляд, пока шел по коридору, и его охватила злость. Почему они так себя ведут? То, что они работают в подобном месте, вовсе не значит, что они здесь живут. Это было бы смешно — если б они здесь жили. Даже этот жирный швейцар. Пять этажей... Он запыхался, поднявшись до второго, а когда добрался до пятого, с него градом катил пот. Коридор тянулся в обе стороны от лестницы. Сначала он пошел не в том направлении, и пришлось возвращаться назад, когда он обнаружил, что номера убывают до нуля. Квартира 41-Е была, как и остальные, без звонка, лишь маленькая табличка на двери гласила: «О'Брайен». Когда Билли дотронулся до двери, та отворилась, и он, сначала заглянув, вошел в маленькую, темную прихожую, в которой была еще одна дверь: нечто вроде средневекового переходного шлюза. Его охватила паника, когда дверь за ним захлопнулась, а прямо над головой раздался голос:

— Что вам угодно?

— Телеграмма, «Вестерн-Юнион», — сказал он и огляделся, ища в пустой комнате источник голоса.

— Покажите свою дощечку.

Тут он понял, что голос исходил из-за решетки над внутренней дверью, а рядом с ней уставился в него глазок телекамеры. Он поднял дощечку и поднес к глазку. Видимо, она удовлетворила невидимого хозяина: послышался щелчок, и дверь перед ним отворилась, выпустив на него волну прохладного воздуха.

— Дай сюда, — сказал Майкл О'Брайен.

Билли вручил ему конверт и отошел в сторону. Мужчина сломал печать и достал послание.

Ему было под шестьдесят, и он был совершенно сед, имел заметное брюшко и два ряда бриллиантов во рту. Однако у него сохранились характерные черты, говорившие о юности, проведенной в доках Вест-Сайда: шрамы на пальцах и на шее и сломанный нос, который так и не удалось выправить.

В 1966 году он был двадцатидвухлетним подонком, как он любил говорить о себе, и на уме у него не было ничего, кроме выпивки и баб. Он пару дней в неделю работал грузчиком, чтобы заработать на уик-энд. Но то, что он случайно попал в потасовку в гриль-баре «Шемрок», изменило всю его жизнь. Отлеживаясь в больнице святого Винцента (нос зажил достаточно быстро, но он в придачу сломал и челюсть, упав на пол), он долго обдумывал свою жизнь и решил что-то предпринять. О том, что он предпринял, он никогда не рассказывал, но всем было известно, что он занялся крупной политикой портовых складов, распределением ворованных товаров и множеством других дел, о которых при нем лучше было не вспоминать. В любом случае его новые занятия приносили ему денег больше, чем работа грузчиком, и он никогда не жалел о том моменте, изменившем его жизнь.

Ростом он был метр девяносто. На его огромное тело был накинут просторный цветастый халат, как на циркового слона. Можно было бы подумать, что он выглядит смешно, но никому не пришло бы в голову смеяться над ним. Он слишком много видел, слишком много сделал и был слишком уверен в своей силе — несмотря на то что шевелил губами при чтении и хмурился, складывая в слова буквы телеграммы.

— Подожди, мне нужно сделать копию, — сказал он, дочитав до конца. Билли кивнул, готовый ждать сколько угодно в этой прохладной, богато обставленной комнате. — Ширли, где, черт подери, блокнот?! — закричал О'Брайен.

Из-за двери слева послышалось приглушенное бормотание, О'Брайен открыл ее и вошел в комнату. Взгляд Билли машинально последовал за ним и наткнулся на кровать с белыми простынями и лежавшую на ней женщину.

Она лежала спиной к двери, совершенно голая, рыжие волосы разметались по подушке. Кожа у нее была бледно-розовая с коричневатыми веснушками на плечах. Билли Чун стоял, не двигаясь, дыхание у него перехватило: женщина находилась в каких-то трех метрах от него. Она положила ногу на ногу, подчеркнув округлость пышных ягодич. О'Брайен о чем-то с ней говорил, но слова доносились, словно лишенные смысла звуки. Тут она перевернулась на другой бок и увидела в дверях Билли.

Он ничего не мог сделать: ни сдвинуться с места, ни отвести взгляд. Она увидела, что он смотрит на нее.

Женщина в постели улыбнулась ему, затем подняла красивую руку, обнажив приподнявшиеся груди с розовыми сосками — и дверь захлопнулась. Видение исчезло.

Когда спустя минуту О'Брайен открыл дверь и вышел, на кровати уже никого не было.

— Ответ? — спросил Билли, забирая дощечку.

Неужели этому человеку его голос казался таким же странным, как и ему самому?

— Нет, никаких ответов, — сказал О'Брайен, открывая дверь в коридор.

Время теперь текло для Билли удивительно медленно: он отчетливо видел открывшуюся дверь, блестящий язычок замка, металлическую пластинку на двери. Почему все это важно?

— Мистер, а вы не дадите мне на чай? — спросил он, чтобы как-то потянуть время.

— Проваливай, парень, пока я не дал тебе под зад.

Билли очутился в коридоре, и после прохладной квартиры жара показалась в два раза сильнее. Точно такое же ощущение он испытал, впервые оказавшись рядом с девушкой. Билли прислонился лбом к стене.

Даже на картинках он никогда не видел такой женщины. Все те, с кем приходилось спать, производили совсем другое впечатление: тощие руки и ноги, такие же грязные, как у него, рваное нижнее белье...

Конечно. Единственный замок во внутренней двери связан с системой сигнализации. Но сигнализация отключена — он видел болтающиеся провода. Он узнал обо всем этом и многом другом, когда Сам-Сам был предводителем «тигров». Они пару раз вламывались в магазины, а потом Сам-Сама пристрелили легавые. Простейшая отмычка откроет эту дверь в одну секунду. Но что у него может быть общего с незнакомой красавицей? Она улыбнулась, ведь так? Может, она ждет там, когда старый хрыч отправится на работу.

Все это полная чушь, и Билли знал об этом. У них не может быть ничего общего. Но она же улыбнулась? Можно быстренько обделать дельце, пока не починили сигнализацию, ведь он разобрался в расположении квартир — если только как-то проскочить мимо этих идиотов на входе. Он тихонько спустился по лестнице, осторожно оглянулся, перед тем как выйти из-за угла, и бросился в подвал.

Нужно хватать удачу за хвост. В подвале никого не оказалось. Билли обнаружил окно, сигнализация на нем тоже была отключена. Может, весь дом такой? Может, меняют всю систему, или она сломалась, и ее не могут починить, но это неважно. Стекло было покрыто пылью, Билли протянул руку и нарисовал на нем сердечко, чтобы можно было узнать его снаружи.

— Долго тебя не было, парень, — сказал швейцар, когда Билли появился в вестибюле.

— Пришлось подождать, пока он сделает копию и напишет ответ. Ничего не поделаешь, — с совершенно искренним видом соврал Билли — это было нетрудно.

Швейцар не стал смотреть на дощечку. Решетка с шипением отъехала в сторону, и Билли вышел по мостику на многолюдную, грязную и душную улицу.

Глава 3

Чуть тише гудения кондиционера раздавался постоянный звук, который ухо воспринимало, но уже не слышало, — пульсирующее грохотание города, скорее ощущаемое, чем слышимое. Ширли это нравилось, ей нравились его отдаленность и чувство безопасности, которое давали ей ночь и толстые стены. Было поздно. Светящиеся цифры на часах показывали 3:24, потом они бесшумно сменились на 3:25.

Рядом с ней на широкой кровати ворочался и бормотал что-то во сне Майк, а она лежала совершенно неподвижно, боясь его разбудить. Через минуту он успокоился, натянул простыню на плечи, дыхание его стало медленным и равномерным. Она расслабилась. Пот у нее на коже испарялся от движения воздуха, и от этого она ощущала странное удовлетворение. До прихода Майка она пару часов поспала, и этого оказалось достаточно.

Она медленно встала и пошла по комнате в потоке воздуха, омывающего ее тело. Она провела руками по телу и, коснувшись груди, поморщилась. Он чересчур груб. Завтра у нее на теле будет сплошной синяк, и придется накладывать толстый слой грима, чтобы скрыть это безобразие. Майк очень сердится, когда видит у нее синяки или еще какие-то изъязны, хотя, похоже, никогда об этом не думает, причиняя ей боль. Над кондиционером шторы чуть раздвинулись, и в комнату

заглянула тьма города, редкие огни, напоминавшие глаза зверей. Она быстро задернула шторы и удостоверилась, что они больше не расходятся.

Майк издал гортанный булькающий звук, которого можно было испугаться, если к нему не привык! Но Ширли слышала его достаточно часто. Когда он вот так храпит, это означает, что он очень крепко спит. Можно принять душ, а он об этом и не узнает! Ее босые ноги бесшумно прошли по ковру, и она медленно, без щелчка закрыла за собой дверь ванной комнаты.

Наконец-то! Она включила флюоресцентное освещение и улыбнулась, оглядывая пластмассово-мраморное убранство этого помещения и золотистые приборы, блестящие и отражающие свет. Стены были звуко-непроницаемы, но если он спит не очень крепко, то может услышать, как шумит вода в трубах. Внезапно испугавшись, она встала на цыпочки, чтобы посмотреть на отметку водомера. Да, облегченно вздохнула она, Майк его не включил. При теперешних ценах на воду — неважно, сколько он наворовал — Майк отключал воду, запирал водомер на весь день и запрещал ей принимать душ. Но сам всегда принимал душ. А ей приходилось это делать украдкой и по счетчику он ни разу об этом не догадался.

Вода была восхитительно холодной, и Ширли стояла под душем дольше, чем собиралась. Она виновато посмотрела на счетчик. Вытершись, полотенцем стерла все до единой капли в ванне и на стенах, а потом засунула его на самое дно корзины для грязного белья, куда уж он точно не сунется. После душа она почувствовала себя чудесно. Пудрясь, она улыбалась себе в зеркало.

Тебе двадцать три, Ширли, и размер одежды у тебя не менялся с девятнадцати лет. Разве что грудь — теперь она носила лифчики побольше. Но тут все нормально, потому что мужчинам именно это и нравится.

Она достала из шкафа халат и надела его.

Когда она вошла в спальню, Майк по-прежнему сопел. За последние три дня он здорово измотался, вероятно, устал таскать по жаре свой вес. За год, что она жила здесь, он набрал, должно быть, килограммов восемь; судя по всему, они пошли в живот. Но, похоже, это его не беспокоило, и она пыталась этого не замечать.

Она включила телевизор и пошла на кухню что-нибудь выпить. Дорогие вина, пиво и единственная бутылка виски, предназначались исключительно для Майка, но она не возражала. Ей было все равно, что пить, лишь бы было вкусно. Тут была бутылка водки, и Майк делал из нее всевозможные напитки. Особенно вкусной она получалась с апельсиновым концентратом. Если добавить немного сахара...

Голова мужчины заполняла полутораметровый экран, беззвучно шевеля губами и глядя прямо на нее. Ширли запахнула халат и застегнулась. Делая это, она улыбнулась, потому что, хоть и знала, что никто на нее не смотрит, все равно было неудобно. Панель дистанционного управления была встроена в подлокотник дивана, и она, нагнувшись вместе с бокалом, нажала на кнопку. По другому каналу показывали автомобильные гонки, по следующему — старую киноленту с Джоном Барримором, которая вся дергалась, казалась допотопной и совершенно ей не понравилась.

Она перебрала большинство каналов, пока не осталась, как обычно, на девятнадцатом — «женском», где показывали только многосерийные фильмы, каждый из которых шел непрерывно, иногда двадцать четыре часа в сутки. Этот она раньше не видела, а когда включила наушники, поняла почему: сериал был британский. Люди говорили со странным акцентом, а некоторые их жесты и поступки трудно было понять. Однако фильм оказался довольно интересным. Какая-то женщина только что родила, она лежала вся в поту и без всякого макияжа, а муж этой женщины сидел в тюрьме, но пришло известие, что он недавно убежал, а мужчина, являвшийся отцом ребенка — мертвенького, как обнаружили, — оказался братом ее мужа. Ширли отхлебнула из бокала и уселась поудобнее.

В шесть утра она выключила телевизор, вымыла и вытерла бокал и пошла одеваться.

Тэб начинал работать в семь, и ей хотелось сделать все покупки как можно раньше, пока не началась жара. Тихонечко, чтобы не разбудить Майка, она нашла свою одежду и пошла с ней в гостиную. Трусики, кружевной лифчик и серое платье без рукавов — оно достаточно старое и уже порядком выцвело, в нем она ходила за покупками. Никаких драгоценностей и, конечно же, никакой косметики — нет резона искать неприятно-

сти на свою голову. Она никогда не завтракала, так удобнее следить за количеством калорий, но перед уходом выпила чашку черного кофе. Пробило семь; она проверила, на месте ли ключи и деньги, затем взяла большую хозяйственную сумку из ящика и вышла.

— Доброе утро, мисс, — поздоровался лифтер, церемонно распахивая перед ней дверь с улыбкой, обнажившей ряд не слишком хороших зубов. — Похоже, сегодня опять будет жаркий денек.

— В новостях сказали, что уже двадцать семь.

— Да раза в два занизили. — Дверь закрылась, и они понеслись вниз. — Температуру измеряют на крыше здания, могу поспорить, что на улице она намного выше.

— Вероятно, вы правы.

В вестибюле швейцар Чарли, увидев, что она выходит из лифта, проговорил что-то в скрытый микрофон.

— Снова начинается пекло, — сказал он, когда она подошла к нему.

— Доброе утро, мисс Ширли, — поприветствовал ее Тэб, выходя из комнаты охраны.

Она улыбнулась, как всегда обрадовавшись встрече с ним. Самый милый телохранитель, какого она когда-либо знала — и единственный, который никогда за ней не ухлестывал. Но он нравился ей не поэтому, а потому, что был человеком, который никогда о подобном и не подумает. Он счастливо жил с женой и тремя детьми. Она знала про Эми и сыновей; он считался прекрасным семьянином.

Он был и отличным телохранителем. Не нужно вглядываться в стальные костяшки его пальцев, чтобы понять: он сможет постоять за себя. Хотя он не был очень высок, ширина плеч и тренированные бицепсы говорили о многом.

Он взял у нее кошелек, положил в глубокий боковой карман, потом забрал хозяйственную сумку. Когда дверь отворилась, он вышел первым: хорошие манеры телохранителя. Было жарко, даже жарче, чем Ширли ожидала.

— А почему ты не говоришь о погоде, Тэб? — спросила она, прищурившись от жары на заполненной людьми улице.

— Думаю, вы о ней сегодня уже наслушались, мисс Ширли. По дороге сюда я переговорил об этом без малого с дюжиной людей.

Идя рядом с Ширли по улице, Тэб не смотрел на нее: его глаза автоматически, профессионально прочесывали улицу. Он обычно двигался медленно и говорил медленно, и это было преднамеренно, поскольку люди думают, что именно так и должен вести себя негр. Когда начинались какие-нибудь неприятности, они заканчивались очень скоро, так как он твердо верил, что в расчет идет только первый удар и, если нанести его правильно, нужды в следующих уже не будет.

— Сегодня какие-то особые покупки? — спросил он.

— Только продукты на обед, и еще мне нужно зайти к Шмидту.

— Давайте возьмем такси и сэкономим ваши силы для решающей битвы.

— Да... думаю, сегодня утром я так и поступлю.

Такси было достаточно дешево, и пешком она ходила лишь потому, что это ей нравилось, но не в такую жару. На стоянке уже стоял целый ряд велотакси, а водители сидели на корточках в тени задних сидений. Тэб подошел ко второму в очереди велотакси и придержал кузов, чтобы Ширли могла туда забраться.

— А я чем плох? — сердито спросил первый водитель.

— У тебя шина спустила, вот этим ты и плох, — спокойно ответил Тэб.

— Она не спустила, только чуть ослабла, вы не можете...

— Отвали! — прошипел Тэб и слегка приподнял сжатый кулак. Сверкнули металлические шипы. Водитель быстро вскочил в седло и, неистово крутя педали, укатил. Остальные отвернулись и ничего не сказали. — Рынок Грамерси, — сказал Тэб второму водителю.

Таксист начал медленно крутить педали, так что Тэб успевал за ними, не переходя на бег, однако водитель все равно обливался потом. Его плечи поднимались и опускались перед носом у Ширли, и она видела ручейки пота, бегущие по шее, и даже перхоть у него в волосах. Ее всегда беспокоил такой близкий контакт с людьми. Она отвернулась и стала смотреть по сторонам.

По тротуару сновали пешеходы, по мостовой катили другие такси, обгоняя медленно едущие гужевики с

тщательно закрытыми грузами. На дверях бара на углу Парк-авеню висела табличка: «Сегодня пиво в 2 часа дня», а несколько людей уже заняли очередь. Кружку пива придется ждать долго, не говоря уж о ценах этим летом. Они никогда и не были божескими, всегда говорили о подорожании зерна и еще чего-нибудь, но, когда лето случалось жарким, цены поднимались до фантастических отметок.

Таксист свернул на Лексингтон и остановился на углу Двадцать первой улицы. Ширли вылезла из велосипеда и остановилась в тени здания, ожидая, пока Тэб расплатится с водителем. Уже слышались грубые голоса из-за прилавков рынка, который совершенно задушил Грамерси-парк. Она глубоко вздохнула, взяла под руку подошедшего Тэба, и они пошли через улицу.

У входа расположились прилавки с крекерами. Высоко над головой висели разноцветные печенье: коричневые, красные, голубые и зеленые.

— Три фунта зеленых, — обратилась она к человеку за прилавком, у которого всегда их покупала, затем взглянула на ценник. — Подорожали еще на десять центов!

— Сам покупаю за такую цену, мадам, для меня никакой выгоды.

Он поставил гири на одну чашку весов, а на другую насыпал крекеры.

— Но почему цены постоянно растут?

Она взяла с чашки ломаный крекер и положила в рот. Цвет печенья получался от водорослей, из которых его делали, и зеленые всегда казались ей вкуснее и меньше пахли йодом, чем остальные.

— Спрос — предложение, спрос — предложение. — Он ссыпал крекеры в сумку, раскрытую перед ним Тэбом. — Чем больше людей, тем меньше всего остального. И я слышал, что траву начинают выращивать на более далеких участках. Чем дальше дорога, тем выше цена.

Он произнес эти слова о причине и следствии заученно и монотонно, словно граммофонная пластинка.

— Не знаю, как люди выкручиваются, — вздохнула Ширли, когда они отошли от прилавка, и почувствовала себя слегка виноватой, потому что с банковским счетом Майка ей не о чем было беспокоиться. Она подумала, как бы она протянула на зарплату Тэба: она

знала, как мало тот получает. — Хочешь крекер? — спросила она.

— Спасибо, может, чуть попозже. — Он наблюдал за толпой и ловко отодвинул плечом мужчину с большим мешком за спиной, чуть не столкнувшись с Ширли.

Сквозь рыночный гвалт пробивалась песня: трое мужчин брэнчали на самодельных гитарах, а тоненький голосок девушки почти терялся в окружающем шуме. Когда они подошли ближе, Ширли удалось разобрать несколько слов — это был шлягер прошлого года, тот, что пели «Эль-Трубадуры»: «...на земле над ней... Ангельски чистая мысль... узнать ее, чтоб полюбить».

Слова совершенно не подходили этой девушке с впалой грудью и тощими руками. Отчего-то Ширли почувствовала себя неловко.

— Дай им несколько центов, — шепнула она Тэбу и быстро направилась к молочному ряду.

Когда Тэб подошел, она опустила в сумку пакет олеомargarина и бутылочку соевого молока — Майк любил пить с ним кофе.

— Тэб, напомни мне, пожалуйста, что надо вернуть бутылки — эта уже четвертая! А с залогом в два доллара за штуку я скоро по миру пойду, если буду про это забывать.

— Если вы пойдете завтра за покупками, я вам напомню.

— Вероятно, пойду. Майк пригласил кого-то на обед, а я еще не знаю, сколько будет народу и что он хочет подать на стол.

— Рыбу, она всегда хороша, — сказал Тэб, указывая на большой бетонный бассейн с водой. — Бассейн полон.

Ширли приподнялась на цыпочки и увидела тилапий, беспокойно снующих в мутной воде.

— Лапии со Свежего Острова, — сказала продавщица. — Только сегодня ночью привезли с озера Ронконкома.

Она сунула руку в воду и вытащила извивающуюся рыбешку длиной сантиметров пятнадцать.

— А завтра они у вас будут? — спросила Ширли. — Мне нужна свежая рыба.

— Как угодно, милочка, завтра привезут еще.

Становилось жарче, а на рынке не оказалось ничего, что она еще хотела купить. Поэтому решено было перейти к следующему пункту программы.

— По-моему, сейчас нам лучше отправиться к Шмидту, — сказала Ширли, и что-то в ее голосе заставило Тэба внимательно взглянуть на нее, после чего он снова перешел к наблюдению за толпой.

— Конечно, мисс Ширли, там будет попрохладнее.

Заведение Шмидта располагалось в подвале сгоревшего целиком дома на Второй авеню. Проулок вел на задний двор, три ступеньки вниз — и вы перед толстой зеленой дверью с глазком. В тени, притулившись к стене, на корточках сидел телохранитель: к Шмидту приходили только постоянные клиенты. Приветствуя Тэба, охранник махнул рукой. Послышалось скрежетание замка, дверь открылась, и показался престарелый мужчина с длинными патлами седых волос.

— Доброе утро, судья, — сказала Ширли. Судья Сантини и О'Брайен хорошо знали друг друга, и она встречалась с ним прежде.

— А, доброе утро, Ширли. — Он отдал телохранителю маленький белый пакетик, который тот сунул в карман. — Как бы хотелось, чтобы утро было добрым, но для меня чересчур жарко. Боюсь, сказываются года. Передай от меня привет Майку.

— Передам, судья, до свиданья.

Тэб отдал Ширли кошелек, и она спустилась по ступенькам и постучала в дверь. В глазке промелькнула тень, послышался лязг металла, и дверь отворилась. Внутри было темно и прохладно. Ширли вошла.

— Ого, да это же мисс Ширли. Привет, малышка, — сказал привратник, захлопывая дверь и задвигая тяжелый засов.

Он опять влез на высокую табуретку у стены и занялся своим оружием. Ширли ничего не ответила: она всегда так поступала. Шмидт поднял голову и широко улыбнулся.

— Привет, Ширли! Зашла купить чего-нибудь вкусенького для мистера О'Брайена?

Он положил большие красные руки на прилавок; его толстое тело, облаченное в забрызганный кровью белый халат, возвышалось над ним, как гора. Она кивнула, но не успела ничего сказать, как подал голос охранник:

— Покажите ей леденцы, мистер Шмидт. Могут поспорить, она пришла именно за ними.

— Не думаю, Арни, они не для Ширли.

Оба громко расхохотались, а она попыталась улыбнуться, теребя клочок бумаги, лежавший на прилавке.

— Мне нужен кусок говядины или вырезка, если, конечно, у вас есть, — сказала она, и мужчины снова расхохотались.

Они знали, что многое могут себе позволить, но никогда не переступали границ дозволенного. Им было известно о ее взаимоотношениях с Майком, но они никогда не делали и не говорили чего-то такого, что могло вызвать гнев Майка. Однажды Ширли попробовала рассказать ему об этом, но он посмеялся над одной из их шуток и сказал, что они просто дурачатся и ей не следует ожидать светских манер от мясников.

— Посмотрите-ка на это, Ширли. — Шмидт щелчком открыл дверь холодильника, стоящего у стены, и вытащил небольшую кость. — Великолепная собачья ножка, мясистая, да и жирная.

На вид она была недурна, но Ширли знала, что наверняка есть еще на что взглянуть.

— Очень миленькая, но вы же знаете, что мистер О'Брайен любит говядину.

— С каждым днем все труднее, Ширли. — Хозяин полез глубже в холодильник. — Разборки с поставщиками, скачки цен, сама знаешь каково. Но мистер О'Брайен является моим покупателем уже десять лет, и, пока могу, я стараюсь, чтобы ему кое-что перепало. Ну как?

Он вылез из холодильника, ногой закрыл дверь и показал небольшой кусок мяса с тонкой полоской жира с краю.

— На вид очень недурен.

— Чуть больше половины фунта, хватит?

— В самый раз.

Он снял мясо с весов и начал заворачивать его.

— Этот кусочек разорит вас всего на двадцать семь девяносто.

— Неужели... Это намного дороже, чем в прошлый раз.

Майк вечно ругался, что она тратит очень много на еду, словно она отвечала за цены, однако требовал, чтобы на столе всегда было мясо.

— Ничего не поделаешь, Ширли. Но если ты меня поцелуешь, я сброшу девяносто центов. Может, даже подарю тебе еще кусочек мяса.

И они с охранником дико захохотали. Но, как сказал Майк, это была просто шутка, и она молча достала деньги из кошелька.

— Вот, мистер Шмидт, двадцать... двадцать пять... двадцать восемь.

Она достала из кошелька крохотную пластинку, написала на ней цену и положила рядом с деньгами. Шмидт взглянул на пластинку и нацарапал голубым мелком, которым всегда пользовался, снизу букву «Ш». Если Майк будет ругаться, она покажет ему это, — правда, такое почти никогда не помогало.

— Десять центов сдачи, — улыбнулся Шмидт и покатил монету к ней по прилавку. — Увидимся, Ширли! — крикнул он, когда она забрала пакет и направилась к дверям.

— Да, очень скоро, — сказал охранник, открывая дверь ровно настолько, чтобы она могла проскользнуть.

Когда она проходила мимо, он быстро провел рукой по ее спине и ягодицам, обтянутым узким платьем. Дверь захлопнулась, хохот оборвался.

— Теперь домой? — спросил Тэб, забирая пакет.

— Да... думаю, тоже на такси.

Он посмотрел на нее, хотел что-то сказать, но передумал.

— Вон такси, — сказал он и повел ее по улице.

Сев в велотакси, она облегченно вздохнула; они, конечно, жлобы и вели себя сегодня как обычно, зато ей не нужно ходить туда до следующей недели. И, как сказал Майк, не следует ожидать светских манер от мясников. Черт с ними, и их грязными шуточками, и анекдотами на уровне начальной школы! Здесь у них бывает хорошее мясо, не то что у других. Она приготовит Майку бифштекс, пожарит в жиру овсяные лепешки, и все будет хорошо.

Тэб помог ей вылезти из велотакси и взял сумку.

— Поднять наверх?

— Пожалуй... и заберешь пустые бутылки из-под молока. В комнате охраны есть какое-нибудь местечко, где их можно оставить до завтра?

— Нет проблем. У Чарли есть шкафчик, мы оба им пользуемся. Я могу оставить их там.

В вестибюле было намного прохладнее, чем на улице. На лифте они поднимались молча. Ширли рылась в кошельке, ища ключ. Тэб пошел по коридору впереди и открыл наружную дверь, но внезапно остановился, и она едва не налетела на него.

— Подождите, пожалуйста, секунду, мисс Ширли, — сказал он, понизив голос, и бесшумно поставил хозяйственную сумку у стены.

— А что?.. — начала она, но он приложил палец к ее губам и указал на внутреннюю дверь.

Она была приоткрыта, а в дереве было выдолблено отверстие. Ширли не поняла, в чем дело, но что-то произошло: Тэб пригнулся, выставив вперед кулак с кастетом, открыл дверь и вошел.

Отсутствовал он недолго, но когда вернулся, то шел очень прямо, а лицо его ничего не выражало.

— Мисс Ширли, — сказал он. — Мне бы не хотелось, чтобы вы туда заходили, но думаю, будет лучше, если вы все-таки заглянете в спальню.

Она испугалась, поняв, что произошло что-то ужасное, но послушно последовала за ним через гостиную в спальню...

Ей показалось очень странным, что вот она стоит тут, ничего не делает и слышит крик, пока не поняла, что это ее собственный голос, что это она и кричит.

Глава 4

Пока было темно, Билли Чун совершенно извелся от безделья. Он забился в угол, прислонившись к холодной стене подвала, и несколько раз почти засыпал. Но когда в окне забрезжил рассвет, его вдруг охватил страх. А если его здесь найдут? Ночью все казалось легким и отлично спланированным. Как те делишки, которые обделывали «тигры». Накануне он купил старую стальную ось и за десять центов заточил конец.

Залезть в ров, окружавший здание, было проще простого, лишь бы никто не заметил. И Билли был уверен, что за ним никто не наблюдает, когда ломиком открыл окно в подвал. Нет, если бы его увидели, то уже давно бы схватили. А вдруг при дневном свете заметят следы от ломака на оконной раме? При этой мысли он вздрогнул и внезапно ощутил, как громко стучит сердце. Он заставил себя покинуть темный угол и медленно пробрался вдоль стены до окна. Он попытался что-нибудь увидеть сквозь покрытое пылью стекло. Перед тем как закрыть за собой окно, он затер грязью царапины, оставленные фомкой, — достаточно ли этого? Единственным прозрачным местом на стекле было нарисованное сердечко, и Билли посмотрел в него. Царапины были едва видны, и он успокоился. Потом снова забрался в свой угол, но через несколько минут страх вернулся, еще более сильный, чем прежде.

В окно бил солнечный свет — когда же его обнаружат? Если кто-нибудь войдет, то сразу увидит его. Небольшая груда старых, покрытых паутиной дощечек, за которой он прятался, не скрывала его полностью. Дрожа от страха, Билли прижался к бетонной стене, да так сильно, что неровная, шероховатая поверхность впиалась ему в кожу сквозь рубаху.

Интересно, который теперь час? Каждое мгновение казалось Билли бесконечным, и в то же время он чувствовал себя так, будто провел в этом подвале всю жизнь. Один раз за дверью слышались шаги, но прошли мимо. В течение нескольких секунд Билли дрожал и обливался потом. Он ненавидел себя за свою слабость, однако ничего не мог поделать. Его нервные пальцы расчесывали старую болячку на бедре до тех пор, пока он ее не содрал и не потекла кровь. Билли прижал к ране рваный носовой платок.

Покинуть подвал оказалось труднее, чем оставаться. Нужно было выждать, пока жильцы уйдут на работу. Еще один приступ страха. Ждать пришлось долго. Наконец он решил, что безопаснее будет выйти. Засунув локоть за пояс шорт, он как мог отряхнулся от пыли и взялся за ручку двери.

Из дальней части подвала слышались голоса и стук молотка, но по пути к лестнице Билли никого не встретил. Поднявшись до третьего этажа, он вдруг услышал быстрые шаги — кто-то спускался. Он бросился вниз по лестнице и спрятался в коридоре. Это было последнее препятствие на пути к пятому этажу — и через минуту Билли стоял перед дверью с золотыми буквами «О'Брайен».

— Интересно, она все еще дома? — прошептал он и улыбнулся. — Сплошные неприятности, ты ведь потребуешь денег, — добавил он хриплым голосом. Он вдруг отчетливо вспомнил округлые груди, приподнявшиеся, когда она обернулась.

Когда наружная дверь открылась, в квартире раздался какой-то сигнал, как и в прошлый раз. Отлично, нужно убедиться, что внутри никого нет, прежде чем попытаться туда проникнуть. Прежде чем нервы у него сдали окончательно, он быстро вошел, затворил за собой дверь и прислонился к ней спиной.

В квартире кто-то мог быть. Он почувствовал, как при этой мысли на лбу выступил пот, и посмотрел на

объектив телекамеры. Если она меня спросит, я скажу что-нибудь насчет «Вестерн-Юниона», насчет телеграммы. Стены крохотной, пустой прихожей давили на него, и он переминался с ноги на ногу, ожидая треска в репродукторе.

Но все по-прежнему было тихо. Он попытался определить, когда пройдет минута, сосчитал до шестидесяти, решил, что считал слишком быстро, и сосчитал еще раз.

— Здравствуйтесь, — сказал он и на случай, если камера не работает, постучал в дверь, сначала очень робко, а потом громче, по мере того как росла его уверенность в себе. — Никого нет дома? — спросил он, доставая ломик и засовывая заточенный конец между косяком и дверью на уровне ручки. Крепко взявшись за ломик обеими руками, он нажал — послышался легкий треск, и дверь распахнулась. Билли на цыпочках вошел в квартиру, в любой момент готовый повернуться и убежать.

В квартире было прохладно, темно и тихо. Впереди, в конце длинного коридора, он увидел комнату с телевизором. Справа находилась закрытая дверь спальни, а за ней кровать, на которой она тогда лежала. Может, она и сейчас там спит, он войдет и не будет ее сразу будить, но... он вздрогнул. Переложив ломик в левую руку, он медленно отворил дверь.

Смятые простыни, пустая кровать... Билли прошел мимо кровати, не глядя на нее. На что он надеялся? Что она его ждет? Он вырвался и выдвинул ящик большого шкафа. В нем было полно тонкого нижнего белья, бело-розового и мягкого на ощупь. Он вывалил все содержимое на пол.

Один за другим он обследовал все ящики, выкинул из них все, отложив в сторону только то, что можно было толкнуть на блошином рынке. Внезапно раздался какой-то стук. Билли застыл на месте, охваченный страхом. И тут понял, что это гудит в водопроводных трубах за стеной. Он облегченно вздохнул, к нему вернулось самообладание — и тут он заметил на столике шкатулку с драгоценностями.

Билли открыл ее и долго рассматривал булавки и браслеты, гадая, не поддельные ли они и сколько за них можно получить. Внезапно дверь ванной комнаты открылась, и в спальню вошел Майкл О'Брайен.

В первое мгновение он не заметил Билли и остановился как вкопанный, глядя на разломанный шкаф и разбросанное белье. На нем был халат, а голова обмотана полотенцем. Затем он увидел Билли, замершего от ужаса, и сбросил полотенце с мокрой головы.

— Подонок! — заревел Майкл. — Что, черт подери, ты тут делаешь?

Он надвигался на Билли как гора, его огромное лицо, распаренное после душа, теперь еще больше покраснело от гнева. Он был головы на две выше Билли и необычайно силен, и он мог просто сломать мальчишку пополам, как спичку.

Майкл вытянул вперед обе руки, и Билли ощутил спиной стену. Ломик был у него в правой руке, и в панике он начал им неистово размахивать. И не сразу понял, что произошло, когда Майкл упал у его ног, не издав ни звука. Раздался лишь стук падения тяжелого тела на пол.

Глаза Майкла О'Брайена были широко открыты, почти выпучены, но они ничего не видели. Ломик попал ему прямо в висок, острый конец проломил тонкую кость и достиг мозга. Смерть была мгновенной. Крови было очень мало: ломик остался в ране.

Билли удалось покинуть здание незамеченным. Он бежал в панике, ничего не видя перед собой. На лестнице он никого не встретил и в мгновение ока оказался у служебного входа. В этот день въезжали новые жильцы, и, по крайней мере, дюжина мужчин, одетых в такую же рвань, как и он, таскали мебель. Привратник наблюдал за входящими, но не обратил внимания, как Билли вышел на улицу следом за двумя грузчиками.

Билли почти достиг порта, когда вспомнил, что, убегая, оставил все вещи в квартире. Он прислонился к стене, затем медленно сполз на землю, тяжело дыша и утирая пот, застилавший глаза. Его как будто никто не преследовал; значит, он убежал. Но он убил человека — ни за что. И, несмотря на жару, Билли задрожал, хватая воздух. Ни за что... ни про что.

Глава 5

— Вот как? Вы хотите, чтобы мы все бросили и помчались к вам, да? — Гневный вопрос лейтенанта Грассиоли потерял некоторую долю своего воздействия, поскольку под конец тот громко рыгнул. Он достал из верхнего ящика стола баночку с белыми таблетками, вытряхнул две штуки на ладонь и посмотрел на них с отвращением. — Что там случилось? — Он кинул таблетки в рот и стал их пережевывать.

— Не знаю, мне не сказали. — Человек в черной форме стоял подчеркнуто по стойке «смирно», но в его словах сквозила легкая неучтивость. — Я просто посыльный, сэр, мне велели пойти в ближайший полицейский участок и передать следующее: «Произошли неприятности. Сейчас же вышлите детектива».

— Вы там, в Челси-парке, думаете, что можете приказывать управлению полиции? — Посыльный не ответил, поскольку они оба знали ответ на этот вопрос — «да», и лучше было промолчать. В этих домах жило множество важных особ. Лейтенант поморщился от острой боли в желудке. — Пришлите сюда Раша! — крикнул он.

Энди появился через несколько секунд.

— Слушаю, сэр.

— Чем ты занимаешься?

— У меня есть подозрение, что те фальшивые чеки пустил в ход тот обойщик из Бруклина. Я собираюсь...

— Брось его к чертям собачьим. Вот сообщение, и я хочу, чтобы ты им занялся.

— Не знаю, смогу ли...

— Если я сказал, значит, сможешь. Это мой участок, а не твой, Раш. Отправляйся с этим человеком и, когда вернешься, доложишь лично мне. — На этот раз он рыгнул потише, словно поставил точку.

— У вашего лейтенанта крутой нрав, — сказал посыльный, когда они вышли на улицу.

— Заткнись! — рявкнул Энди, не глядя на человека.

Энди сегодня опять плохо спал, да и усталость давала себя знать. А жара продолжалась. Когда они вышли из тени экспресс-линии и направились на запад, солнце пекло невыносимо. Энди сощурился от яркого света и почувствовал, как головная боль впивается в виски. Посреди тротуара был навален какой-то мусор, и Энди сердито отпихнул его ногой. Они завернули за угол и вновь оказались в тени. Стены многоквартирного дома с амбразурами и башенками поднимались над ними, словно утес.

Проходя по мостику через ров, Энди забыл о головной боли: он лишь раз был внутри этого здания, да и то только в вестибюле. Дверь отворилась еще до того, как они подошли к ней, и швейцар отступил в сторону, пропуская пришедших.

— Полиция, — сказал Энди, показывая бляху швейцару. — Что случилось?

Толстяк не ответил. Дождавшись, когда посыльный уйдет, он облизал губы и прошептал:

— Кошмарное происшествие. — Он пытался казаться удрученным, но глаза у него сверкали от возбуждения. — Убийство... кого-то убили.

На Энди это не произвело особого впечатления: в Нью-Йорке ежедневно происходило в среднем семь убийств, а в выходные и все десять.

— Давайте посмотрим, — сказал он и пошел за швейцаром к лифту.

— Вот здесь, — сказал швейцар, открывая наружную дверь квартиры 41-Е. Прямо в лицо Энди хлынула освежающая волна прохладного воздуха.

— Все, — сказал он разочарованному швейцару, — теперь я всем буду заниматься один.

Он вошел внутрь и сразу же заметил следы от фомки на внутренней двери, заглянул за нее и увидел в

конце длинного коридора двух человек, сидевших в креслах у стены. У ближайшего кресла стояла полная хозяйственная сумка.

Выражения лиц, с неподвижными округлившимися глазами, у обоих были очень похожи. Девушка была весьма привлекательная, с великолепными длинными рыжими волосами и нежной розовой кожей. Мужчина быстро поднялся, и Энди увидел, что это огромный негр-телохранитель.

— Я — детектив Раш с двенадцатого участка.

— Меня зовут Тэб Филдинг, а это мисс Грин — она здесь живет. Мы недавно вернулись с рынка, и я увидел следы от фомки на двери. Я вошел один. — Он ткнул большим пальцем в соседнюю закрытую дверь. — И там нашел его. Мистера О'Брайена. Мисс Грин вошла через минуту и тоже увидела его. Я осмотрел всю квартиру, но никого не обнаружил. Мисс Ширли... мисс Грин оставалась здесь в коридоре, пока я ходил вызывать полицию. С тех пор мы все время находимся здесь. Внутри мы ничего не трогали.

Энди взглянул на негра и решил, что тот говорит правду. Это легко проверить, допросив швейцара и лифтера. И все же нет смысла рисковать.

— Войдите туда, пожалуйста, вместе со мной.

— Я не хочу, — быстро сказала девушка, и ее пальцы вцепились в подлокотники. — Я не хочу больше видеть его таким.

— Извините. Но боюсь, я не смогу оставить вас здесь одну.

Она не стала спорить, медленно поднялась и расправила складки на сером платье. Очень миловидная девушка, подумал Энди. Телохранитель открыл дверь, и Энди вслед за ними вошел в спальню. Отвернувшись к стене, девушка быстро прошла в ванную и закрыла за собой дверь.

— С ней все будет в порядке, — сказал Тэб, заметив, что детектив обеспокоенно взглянул ей вслед. — Она достаточно крепкая девчонка, но вы не можете винить ее за то, что она не хочет смотреть на мистера О'Брайена.

Энди взглянул на тело. Он видел и кое-что похуже. Майкл О'Брайен производил в смерти такое же сильное впечатление, как и в жизни: лежащий на спине с раскинутыми руками и ногами, рот широко раскрыт,

глаза выпучены. Из виска торчал железный прут, и тонкая струйка крови стекала по шее на пол. Энди наклонился и дотронулся до обнаженной руки: она была очень холодная. Он встал и посмотрел на дверь ванной.

— Она слышит? — спросил он.

— Нет, сэр. Стены звуконепроницаемы, как и во всей квартире.

— Вы сказали, что она здесь живет. Что это значит?

— Она... подруга мистера О'Брайена. Она к этому совершенно непричастна, для этого у нее не было никакой причины. Он был для нее крекером с маргарином... — Плечи негра опустились. — Для меня тоже. Теперь нам придется искать другую работенку. — И он ушел в себя, безрадостно размышляя о внезапно омрачившемся будущем.

Энди посмотрел на разбросанную одежду и разоренный шкаф.

— Может, они подрались до того, как она вышла сегодня утром. Она могла сделать это тогда.

— Только не мисс Ширли! — Тэб сжал кулаки. — Она не такой человек. Когда я сказал, что она крепкая, я имел в виду, что ее не так просто раздавить, понимаете, она уживается в этом мире. Она не могла это сделать. Я ждал в вестибюле, и она спустилась такая же, как всегда. Приветливая и счастливая, она не могла бы вести себя так, если б появилась сразу после вот этого. — Он раздраженно указал на труп, лежавший между ними.

Энди подумал и согласился с телохранителем. Миловидной птичке, вроде этой, не нужно кого-либо убивать. То, что она делает, она делает не за так, и, если мужик доставляет ей слишком много неприятностей, она просто уходит и находит себе кого-нибудь другого с деньгами. Без всяких убийств.

— А как в отношении тебя, Тэб, не ты ли вырубил старика?

— Я? — Негр удивился, но не рассердился. — Я сегодня даже не поднимался сюда утром, вот вернулся вместе с мисс Ширли и нашел его. — Он гордо выпрямился. — Я — телохранитель. По контракту я его должен защищать. Я не нарушаю контрактов. А когда я кого-нибудь убиваю, то не вот так... так вообще не убивают.

С каждой минутой в этой комнате с кондиционером Энди чувствовал себя все лучше. Тело оведала приятная прохлада, а головная боль почти прошла. Он улыбнулся.

— Не для протокола — по правде говоря, с я тобой согласен. Но не цитируй меня, пока я не составлю рапорт. Все выглядит, как кража со взломом. О'Брайен наткнулся на того, кто сюда залез, и получил этой железякой по голове. — Он опять посмотрел на труп. — Кто он такой... чем занимался? О'Брайен — совершенно заурядная фамилия.

— Он занимался бизнесом, — решительно сказал Тэб.

— Вы говорите мне не все, Филдинг. Не валяйте дурака.

Тэб взглянул на закрытую дверь ванной и пожал плечами.

— Я не знаю точно, что он делал. И у меня достаточно мозгов, чтобы не беспокоиться об этом. Он имел какое-то отношение к рэкету, к политике тоже. Я знаю, что сюда к нему приходило множество шишек из муниципалитета...

Энди щелкнул пальцами.

— О'Брайен... а это не Большой Майк О'Брайен?

— Его так называли.

— Большой Майк... тогда потеря небольшая. В сущности мы могли бы потерять еще несколько человек вроде него и не горевали бы особо.

— Ничего об этом не знаю. — Тэб смотрел прямо перед собой, на лице никакого выражения.

— Расслабься. Ты больше на него не работаешь. Твой контракт расторгнут.

— Мне заплатили до конца месяца. Я закончу свою работу.

— Она закончилась в тот самый момент, когда этот мужик оказался на ковре. Думаю, тебе лучше позаботиться о девушке.

— Я и собираюсь этим заняться. — Он посмотрел на детектива. — Ей придется нелегко.

— Она переживет, — спокойно ответил Энди. Он достал блокнот и ручку. — Теперь я побеседую с ней, мой рапорт должен быть исчерпывающим. Не выходи из квартиры, пока я не поговорю с ней и с обслуживающим персоналом. Если их рассказы совпадут с твоим, не будет никакой причины тебя задерживать.

Подойдя к телу, Энди достал полиэтиленовый мешочек и надел его на ломик, затем осторожно вытащил оружие из черепа. Оно вышло достаточно легко, и из раны вытекла тоненькая струйка крови. Он запечатал мешочек, взял с кровати наволочку и завернул в нее вещественное доказательство. Теперь ему не придется шататься по улицам с окровавленным ломиком... и если удастся, он оставит эту наволочку себе. Он накрыл тело простыней, затем постучал в дверь ванной.

Ширли чуть приоткрыла дверь и выглянула.

— Мне нужно с вами поговорить, — сказал он и вспомнил о теле у себя за спиной. — У вас еще есть комната?

— Гостиная. Сейчас я вам покажу.

Она открыла дверь и вышла из ванной, опять пройдя вдоль стены и не глядя на пол. Тэб сидел в коридоре и молча взглянул на них, когда они проходили в гостиную.

— Устраивайтесь поудобнее, — сказала Ширли. — Я через минуту вернусь. — И она вышла на кухню.

Энди сел на необыкновенно мягкий диван и положил на колено блокнот. В окне гудел еще один кондиционер, а благодаря шторам от потолка до пола было очень уютно. В комнате стоял огромный телевизор. На стенах висели картины, похожие на подлинники, на полках стояли книги. В комнате также находился обеденный стол и стулья из красного дерева. Все выглядело очень мило.

— Хотите выпить? — крикнула с кухни Ширли, показав высокий стакан. — Это водка.

— Спасибо, я на службе. Немного холодной воды, если можно.

Она принесла на подносе два стакана, но его стакан не подала ему, а поставила на подлокотник дивана. Когда она опустила стакан, тот не упал, опровергая закон притяжения. Энди потянул его к себе и оторвал от подлокотника с некоторым усилием. В стекло были вделаны металлические кольца, а под обивкой дивана наверняка спрятаны магниты. Очень изящно. Почему-то это вызвало у него раздражение, и, сделав глоток, он поставил стакан на пол у ног.

— Я хотел бы задать вам несколько вопросов, — сказал он, ставя галочку в блокноте. — Во сколько вы сегодня утром вышли из квартиры?

— Ровно в семь часов, когда Тэб заступил на службу. Я хотела сделать некоторые покупки до того, как станет слишком жарко.

— Вы заперли за собой дверь?

— Она защелкивается автоматически. Ее нельзя оставить открытой, если только не вставить что-нибудь.

— О'Брайен был жив, когда вы уходили?

Она сердито посмотрела на него.

— Конечно! Он спал, храпел. Вы думаете, что его убила я?

Ярость на ее лице сменилась болью, когда она вспомнила, кто лежит на полу в соседней комнате. Ширли сделала большой глоток из стакана.

В дверях послышался голос Тэба:

— Когда я дотронулся до тела мистера О'Брайена, оно было еще теплым. Тот, кто его убил, должно быть, сделал это незадолго до нашего прихода...

— Сядьте и больше не входите, — резко сказал Энди, не поворачивая головы.

Он отхлебнул ледяной воды и удивился, чего это он так возбужден. Какая разница, кто убрал Большого Майка? Я же на службе. Все говорит о том, что это сделала девушка. Мотив? Он пристально посмотрел на нее, она поймала его взгляд и опустила глаза, поправляя на коленях платье.

— То, что думаю я, роли не играет, — сказал он, но эти слова его не удовлетворили. — Послушайте, мисс Грин. Я лишь полицейский, выполняющий свои обязанности. Расскажите мне все, что знаете, чтобы я мог составить протокол. Лично я не думаю, что вы как-то причастны к убийству. Но я все равно должен задать несколько вопросов.

Он вдруг увидел улыбку на лице Ширли, и она ему понравилась. Нос у нее сморщился, и на лице появилась широкая дружеская усмешка. Она — смышленная девчонка, и она будет жить, о да, будет жить с кем угодно, у кого есть деньги. Он посмотрел в блокнот и провел жирную линию под словами «Большой Майк».

Когда Энди ушел, Тэб закрыл за ним дверь и некоторое время постоял около нее, прислушиваясь. Войдя в гостиную, он встал так, чтобы видеть коридор и входную дверь.

— Мисс Ширли, вы должны кое-что знать.

Она пила уже третий стакан, но алкоголь, похоже, совершенно на нее не действовал.

— Что? — устало спросила она.

— Я не пытаюсь влезать в личные дела, и я ничего не знаю о завещании мистера О'Брайена...

— Можешь быть спокоен. Я его видела — все переходит к его сестре. Я в нем не упомянута... как и ты.

— Я думал не о себе, — сказал он холодно, и его лицо внезапно напряглось.

Она тут же пожалела о своих словах.

— Ну, пожалуйста, не сердись. Я не это хотела сказать. Я поступила... не знаю... как сволочь. Все произошло так внезапно. Не сердись на меня, Тэб... пожалуйста...

— Я так и понял, что вы поступили немного как сволочь. — Он улыбнулся и полез в карман. — Я предполагал, что так и будет. Я не обвиняю мистера О'Брайена — он же мой хозяин. Но он обращался с деньгами осторожно. Не разбрасывал их налево и направо — я это имею в виду. Перед тем как пришел детектив, я заглянул в бумажник мистера О'Брайена. Он лежал у него в пиджаке. Я оставил там несколько долларов, а остальное забрал — вот. — Он протянул ей пачку денег. — Они ваши, ваши по праву.

— Я не смогла бы...

— Вы должны. Наступают суровые времена, Ширли. Вам они понадобятся больше, чем его семье. Они никуда не записаны. Они по праву ваши.

Он положил деньги на край стола, и она посмотрела на них.

— Думаю, да. У этой самой его сестры и так достаточно всего. Но нам лучше их разделить...

— Нет, — спокойно сказал он как раз в тот момент, когда сигнал возвестил о том, что кто-то открыл наружную дверь.

— Управление здравоохранения, — произнес чей-то голос, и Тэб увидел на экране двух человек в белой форме. Они держали носилки. Он пошел открывать дверь.

Глава 6

— Ты надолго, Чарли?

— Это мое дело... ты будешь здесь до тех пор, пока я не вернусь, — пробурчал швейцар и с головы до ног окинул охранника в форме взглядом, как ему хотелось думать, профессионального военного. — В мое время золотые пуговицы выглядели лучше.

— Бог с тобой, Чарли, ты же знаешь, что это всего лишь пластмасса. Вся позолота слезет, если их потерять.

В довольно свободной иерархии персонала Челси-парка Чарли являлся бесспорным лидером. Суть была не в размере жалованья — это, вероятно, была самая маленькая часть его дохода, — а в месте работы и ее характере. Он видел жильцов чаще всех, и это преимущество использовал как мог. Его связи вне этих зданий были огромны, и он мог достать все, в чем нуждались жильцы — за определенную плату. Все жильцы его любили и ласково называли Чарли. Весь персонал его ненавидел, и он никогда не слышал, как его называли.

Квартира в подвале досталась Чарли вместе с работой. Жилуправление было бы слегка удивлено, узнав о усовершенствованиях, сделанных там. Допотопные кондиционеры визжали, стучали, но понижали температуру по крайней мере градусов на десять. Там же находилась выкинутая два десятилетия тому назад на свалку и отреставрированная мебель, покрашенная во

всевозможные цвета, а вдоль стен стояло множество закрытых шкафчиков. В них хранилось значительное количество продуктов в пакетиках и напитков в бутылочках, до которых сам Чарли не дотрагивался, а перепродавал жильцам. К улучшениям относилось и отсутствие водомера и электрического счетчика. Жилуправление, не подозревая ни о чем, финансировало эти основные расходы Чарли.

Для того чтобы открыть дверь, нужно было два ключа, и они оба висели у Чарли на цепочке у пояса. Он вошел и аккуратно повесил форменную куртку в шкаф, затем надел чистую, но латаную-перелатаную спортивную рубашку. На двуспальной кровати спал новый мальчишка-лифтер, и швейцар стукнул по ножке кровати ботинком сорок пятого размера.

— Вставай. Тебе через час работать.

Неохотно, еще полусонный, парень вылез из-под простыни, голый и тощий, почесывая ребра. Чарли улыбнулся приятным воспоминаниям о минувшей ночи и слегка шлепнул мальчишку по плоской ягодице.

— У тебя все будет в порядке, малыш, — сказал он. — Только заботься о старом Чарли, а Чарли позаботится о тебе.

— Конечно, мистер Чарли, конечно, — сказал мальчишка, стараясь, чтоб его голос звучал искренне.

Все это было для него в новинку и не очень ему нравилось, но это давало работу. Он робко улыбнулся.

— Ладно, — сказал Чарли и вновь шлепнул мальчишку, на этот раз достаточно сильно: на белой коже остался красный след. — Только уходя всегда проверяй, закрыта ли дверь, и на работе держи язык за зубами.

И Чарли вышел.

На улице было намного жарче, чем он думал, и он, свистнув, остановил велотакси. Утреннего заработка хватило бы на дюжину такси. Два пустых велотакси подъехали к нему одновременно, и он отпустил одного из них, потому что тот был слишком низкорослый и худощавый. Чарли торопился, а весил он целый центнер.

— Эмпайр Стейт Билдинг, вход с Тридцать четвертой улицы! И поторопись!

— В такую-то погоду? — проворчал водитель, нажимая на педали и приводя скрипящий экипаж в движение. — Вы хотите моей смерти, генерал?

— Умирай, если хочешь. Это меня не волнует. Я заплачу тебе доллар.

— Может, вы хотите, чтобы я умер голодной смертью? За доллар можно доехать не дальше Пятой авеню.

Большую часть дороги они торговались о цене, петляя по запруженным людьми улицам и пытаясь перекричать непрестанный шум города — звуки, к которым оба настолько привыкли, что даже их не замечали.

Из-за нехватки электроэнергии и запчастей в Эмпайр Стейт Билдинге работал только один лифт, да и тот поднимался только до двадцать пятого этажа. Дальше пришлось идти пешком. Чарли прошел два марша и кивнул телохранителю, сидевшему рядом с лестницей. Он бывал здесь раньше, и этот человек его знал, как и три других охранника, этажом выше. Один из них отпер перед ним дверь.

С седыми волосами до плеч судья Сантини сильно напоминал ветхозаветного пророка. Но когда он открывал рот, сходство пропадало.

— Чушь собачья, вот что это такое, чушь! Я отдаю целое состояние за муку, чтобы получилась нормальная кастрюля макарон, и во что ты это, черт подери, превращаешь?

Он с отвращением оттолкнул от себя тарелку со спагетти и большой салфеткой, заткнутой за воротничок рубашки, вытер губы.

— Извини, лучше не смогла! — заорала в ответ жена. Она была маленькая, смуглая, к тому же лет на двадцать моложе его. — Если тебе нужен человек, чтобы вручную делать для тебя спагетти, тебе нужно было жениться на какой-нибудь «контадине» из Италии с кривыми ногами и усами. Я же родилась здесь, в этом городе на Малбери-стрит, как и ты, и про спагетти знаю только то, что ты покупаешь их в бакалейной лавке...

Резкий звонок телефона вклинился в ее слова и заставил замолчать. Оба разом посмотрели на аппарат на столе, потом женщина повернулась и поспешно вышла из комнаты, плотно закрыв за собой дверь. В эти дни телефонных звонков было немного, но, когда звонили, это всегда было очень важно и касалось дел, о которых она и слышать не желала. Роза Сантини получала наслаждение от всей той роскоши, которую предоставляла ей жизнь, а то, что она ничего не знала о работе мужа, ее абсолютно не тревожило.

Судья Сантини встал, еще раз вытер рот и положил салфетку на стол. Он не торопился: не то чтобы ему не позволял возраст, а просто он не любил суетиться. Он сел за письменный стол, вынул блокнот и ручку и только тогда взял трубку. Это был старинный аппарат с треснутой трубкой, обвязанной изолентой, его провод протерся и разлохматился.

— Сантини слушает. — Пока он слушал, глаза у него расширялись все больше и больше. — Майк... Большой Майк... Боже!

После этого он сказал немного: какие-то «да» и «нет», а когда повесил трубку, руки у него тряслись.

— Большой Майк, — сказал лейтенант Грассиоли улыбаясь; даже очередное обострение язвы не угнетало его, как обычно. — Кто-то хорошо поработал. — На столе перед ним лежала запачканная кровью фомка, и он с восхищением смотрел на нее, как на произведение искусства. — Кто это сделал?

— Похоже, что это была кража со взломом, которая плохо закончилась, — ответил Энди.

Он читал записи в блокноте, быстро суммируя все относящиеся к делу подробности. Когда он закончил, Грассиоли хмыкнул и указал на покрытые специальным порошком отпечатки пальцев на конце ломика.

— Как насчет этого? Отпечатки хорошие?

— Очень отчетливые, лейтенант. Большой и еще три пальца правой руки.

— Есть шансы, что телохранитель или девушка убрали старого ублюдка?

— Я бы сказал, один из тысячи, сэр. Вообще никаких мотивов — он их обоих кормил. И они, похоже, действительно удручены — не его смертью, а тем, что потеряли продуктовые карточки.

Грассиоли положил фомку обратно в мешок и передал через стол Энди.

— Хорошо. На следующей неделе мы отправляем посыльного в бюро криминалистики, так что пошлем туда и эти отпечатки, а с ними коротенький рапорт. Уместить отчет на обороте перфокарты — еще только десятое число, а у нас уже почти кончился весь запас бумаги на месяц. Надо бы взять отпечатки у этой пташки и у телохранителя... да черт с ними, нет времени. Заведи дело и забудь о нем, возвращайся к своей работе.

Когда Энди делал отметки у себя в блокноте, зазвонил телефон. Трубку взял лейтенант. Энди не прислушивался к разговору и уже пошел к двери, когда Грассиоли прикрыл трубку ладонью и рявкнул:

— Раш, назад!

Затем он опять переключился на разговор по телефону:

— Да, сэр, все в порядке. Нет никаких сомнений, что это кража со взломом. Убийца пользовался фомкой. Заостренный металлический прут. — Он напряженно слушал, и его лицо медленно покрывалось краской. — Нет, сэр, мы не могли. Что еще мы могли сделать? Да, все выполнено в соответствии с инструкциями. Нет, сэр. Прямо сейчас, сэр. У меня есть кому этим заняться, сэр.

Сукин сын, — сказал лейтенант, положив трубку. — Ты паршиво сделал это дело, Раш. Возвращайся к нему и посмотри, можно ли это как-нибудь исправить. Выясни, как убийца выбрался из здания, — если это действительно кража со взломом. Возьми отпечатки пальцев у двоих подозреваемых. Отправь посыльного с отпечатками в бюро криминалистики, пусть проверят. Мне нужно досье на убийцу, — если он у них зарегистрирован. Шевелись.

— Я и не знал, что у Большого Майка были друзья.

— Друзья или враги — один черт. Но кое-кто давит на нас, требуя результатов. Поэтому обернись как можно скорее.

— В одиночку, лейтенант?

Грассиоли жевал кончик ручки.

— Нет, рапорт мне нужен как можно быстрее. Возьми Кулозика.

Он рыгнул, болезненно поморщился и полез в стол за таблетками.

Пальцы у детектива Кулозика были короткие и толстые, с виду неловкие, но на самом деле очень проворные. Он схватил большой палец правой руки Ширли и крепко прижал его к глянцевой белой пластинке, оставив отчетливый, несмазанный отпечаток в квадратике с пометкой «П 1». Затем один за другим он прижимал ее пальцы к пропитанной чернилами подушечке, а потом к пластинке, пока все квадратики не заполнились.

— Могу ли я узнать ваше имя, мисс?

— Ширли Грин. — Она тупо уставилась на испачканные чернилами кончики пальцев. — Теперь я преступница, на меня заведут досье?

— Ничего подобного, мисс Грин. — Кулозик аккуратно печатными буквами написал ее имя толстым жировым карандашом в нижней части пластинки. — Эти отпечатки будут использованы лишь для сопоставления. Могу ли я узнать дату вашего рождения?

— 12 октября 1977 года.

— Думаю, это все, что нам сейчас нужно. — Он положил пластинку в пластмассовую коробочку вместе с подушечкой.

Ширли пошла мыть руки, а Стив складывал свои принадлежности, когда раздался сигнал входной двери.

— Взял у нее отпечатки? — спросил входя Энди.

— Все уже сделано.

— Замечательно. Тогда осталось заполучить отпечатки пальцев телохранителя. Он ждет внизу, в вестибюле. А я нашел окно в подвале, которое, по-видимому, взломали. Его тоже надо проверить на предмет отпечатков. Лифтер тебе покажет, где оно находится.

— Уже иду, — сказал Стив, закидывая сумку на плечо.

Когда Стив удалился, в комнату вошла Ширли.

— У нас есть зацепка, мисс Грин, — сказал ей Энди. — Я нашел окно в подвале, которое было взло-

мано. Если найдутся отпечатки пальцев на стекле или раме, и они совпадут с отпечатками на фомке, то станет ясно, как убийца попал в здание. И мы сравним отпечатки на фомке с отпечатками на двери. Вы не будете возражать, если я сяду?

— Что вы, — сказала она. — Конечно, садитесь.

Кресло было мягкое, а бормотание кондиционера делало комнату островком уюта в потоке жары. Он откинулся на спинку, и часть напряжения и усталости улетучилась. Раздался сигнал входной двери.

— Извините, — сказала Ширли и пошла открывать.

В коридоре слышались приглушенные голоса, но он не обращал на них внимания, листая странички своего блокнота. Пластиковое покрытие на одной из них покособилось, и буквы потускнели, он еще раз обвел их ручкой, нажимая как можно сильнее.

— Выметайся отсюда, грязная шлюха!

Слова были выкрикнуты хриплым визгливым голосом, словно ногтем провели по стеклу. Энди встал с кресла и засунул блокнот в карман.

— Что там происходит? — спросил он.

В комнату вошла Ширли, раскрасневшаяся и злая, а за ней худая седая женщина. Увидев Энди, женщина остановилась и указала на него трясущимся пальцем.

— Мой брат умер и еще не похоронен, а эта тварь уже связалась с другим мужиком...

— Я — офицер полиции, — сказал Энди, показывая свою бляху. — А вы кто такая?

Она выпрямилась, но это не прибавило ей роста: у нее были покатые плечи и впалая грудь. Костлявые руки торчали из рукавов заношенного, какого-то грязного цвета платья. Ее лицо, блестящее от пота, было серым — кожа типичного горожанина-фотофоба; единственный оттенок ему, похоже, придавала уличная пыль. Когда она говорила, губы превращались в узкую щель, выкидывавшую слова, словно детали из-под пресса, а затем плотно закрывались, чтобы, не дай Бог, не выдать на одну деталь больше, чем нужно. Водянистые голубые глаза светились злобой.

— Я — Мери Хеггerti, сестра бедного Майкла и единственная его родственница. Я пришла, чтобы заняться вещами Майкла. Как сказал мне адвокат, по завещанию Майкл все оставил мне, и я должна занять-

ся наследством. Этой шлюхе нужно убраться отсюда, она и так с него достаточно поимела...

— Минутку, — прервал Энди поток ее слов, и рот у нее захлопнулся. Она тяжело и быстро дышала расширившимися ноздрями. — Ни до чего в этой квартире нельзя дотрагиваться, и ничего нельзя брать без разрешения полиции, так что вам не стоит волноваться о вашем имуществе.

— Вы только при ней это не говорите! — взвизгнула она и повернулась к Ширли. — Она украдет и продаст все, что не приколочено. Мой добрый брат...

— Ваш добрый брат! — заорала Ширли. — Вы всеми своими кишками его ненавидели, и он ненавидел вас, и вы никогда и близко не подходили к этому дому, пока он был жив.

— Заткнитесь! — Энди встал между двумя женщинами и повернулся к Мери Хеггерти. — Вы можете идти. Полиция даст вам знать, когда можно будет забрать вещи из этой квартиры.

Она была поражена.

— Но... вы не имеете права. Нельзя оставлять здесь эту шлюху одну.

Терпению Энди пришел конец.

— Следите за своим языком, миссис Хеггерти. Вы уже достаточно воспользовались этим словом. Не забывайте, чем ваш брат зарабатывал себе на жизнь.

Лицо у нее побелело, и она отступила на шаг назад.

— Мой брат занимался бизнесом, он — бизнесмен, — тихо сказала она.

— Ваш брат занимался рэккетом и нелегальной индустрией развлечений. А это кроме всего прочего подразумевает и девочек.

Когда злоба оставила ее, она вновь сгорбилась, стала тощей и костлявой. Единственной округлой частью тела у нее был живот, раздувшийся от многолетнего плохого питания и вынашивания многочисленных детей.

— Уходите, — сказал Энди. — Мы свяжемся с вами.

Женщина повернулась и ушла, не сказав больше ни единого слова. Он пожалел о том, что сорвался и сказал больше, чем нужно, но сказанного не вернешь.

— Вы что имели в виду, когда говорили про Майка? — спросила Ширли, после того как дверь захлопнулась.

В простом белом платье, с волосами, заколотыми сзади, она казалась очень юной, невинной, несмотря на ярлык, который прилепила к ней Мери Хеггерти.

— Как давно вы знаете О'Брайена? — спросил Энди.

— Около года, но он никогда не говорил о своих делах. А я никогда не спрашивала и всегда думала, что они имеют какое-то отношение к политике. К нам вечно приходили судьи и политики.

Энди достал блокнот.

— Мне бы хотелось узнать имена гостей, людей, с которыми он встречался в течение последней недели.

— Вы задаете вопросы... но вы не ответили на мой. — Ширли улыбнулась, но он знал, что она вполне серьезна. Она села в кресло и положила руки на колени — ну прямо школьница.

— Я не могу ответить на него подробно, — сказал он. — Я многого не знаю о Большом Майке. В целом я могу сказать вам совершенно определенно, что он являлся своего рода посредником между синдикатом и политиками. Вы бы назвали это административным уровнем. И по крайней мере тридцать лет прошло с тех пор, как он в последний раз предстал перед судом или находился за решеткой.

— Вы имеете в виду... он сидел в тюрьме?

— Да, я проверял, на него имеется уголовное досье и пара обвинений. Но в последнее время — ничего. Ловят и сажают только всякую мелочь. Если вы возвращаетесь в круг Майка, полиция вас не трогает. По сути они вам помогают... вот как с этим расследованием.

— Не понимаю...

— Послушайте. В Нью-Йорке ежедневно происходит пять, может, десять убийств, пара сотен преступных нападений, двадцать-тридцать изнасилований, по крайней мере сто краж со взломом. Полиции не хватает людей, она чересчур загружена. У нас нет времени следить за каждым нераскрытым делом. Если кого-то убивают и есть свидетели — о'кей. Мы выезжаем и хватаем убийцу — дело закрыто. Но в подобном деле, честно говоря, мисс Грин, мы даже не пытаемся что-либо предпринять. Если у нас нет отпечатков пальцев и досье на убийцу. А скорее всего, их у нас нет. В этом городе миллион подонков живут на пособие и хотят, чтобы у них была какая-никакая еда, телевизор и вы-

пивка. Поэтому они делают попытку что-нибудь украсть, авось получится. Мы ловим некоторых из них и отправляем в рабочие бригады вырубать леса под пахотные земли. Но большая часть смывается. Порой происходит несчастный случай, когда кто-нибудь появляется там, где они обдeldывают свое дельце, обчищают квартиру или магазин. Если взломщик вооружен, возможно убийство. Понимаете, совершенно случайное; девяносто девять шансов из ста, что нечто подобное произошло с Майклом О'Брайеном. Я снял свидетельские показания, написал рапорт — и дело должно было заглухнуть. Так бы и случилось, если бы не было еще кое-кого. Но, как я сказал, Большой Майк имел множество контактов в политической сфере, и кто-то из этих кругов оказывает давление на нас, чтобы было проведено более полное расследование. Вот почему я здесь. В общем, я рассказал вам больше, чем нужно, и вы окажете мне большую любезность, если обо всем этом забудете.

— Нет, я никому не расскажу. А что будет дальше?

— Я задам вам еще несколько вопросов, уйду отсюда, напишу рапорт — и на этом все кончится. На меня навалена куча всякой работы, и управление уже и так уделило этому расследованию больше времени, чем могло себе позволить.

— Вы не собираетесь ловить человека, который это сделал? — изумилась Ширли.

— Если отпечатки пальцев есть в досье, мы могли бы это сделать. Если нет — у нас нет ни малейшего шанса. Мы не будем даже пытаться. Оставим в стороне вопрос нехватки времени. Кто бы ни пришел Майка, он сослужил добрую службу обществу.

— Это ужасно!

— Да? Возможно.

Он раскрыл блокнот и дальше продолжал вполне официально. С вопросами было покончено, когда вернулся Кулозик с отпечатками пальцев с подвального окна, и они вместе покинули здание. После прохладного помещения улица окатила их жаром, словно открытая топка печи.

Глава 7

Уже перевалило за полночь. Темное небо за широким окном не могло сравниться по насыщенности цвета с полированным деревом длинного трапезного стола. Стол этот когда-то, много веков тому назад, находился в монастыре, уже давно разрушенном, и был очень ценным, как и все остальное убранство комнаты: буфет, картины, люстра с хрустальными подвесками. У одного конца стола сидели шестеро мужчин. Их финансовые дела обстояли отлично. Двое из них курили сигары, а самая дешевая сигара, которую можно было купить, стоила по крайней мере десять долларов.

— Пожалуйста, покороче, судья, — сказал мужчина, сидевший во главе стола. — Время поджигает, и нам нужны только результаты.

Если кто-то и знал его настоящее имя, то старался его не упоминать. Сейчас его звали мистером Бригзом, и он являлся тут самым главным.

— Конечно, мистер Бригз, это будет достаточно просто сделать, — сказал судья Сантини и нервно откашлялся в кулак.

Ему всегда не нравились эти совещания в Эмпайр Стейт Билдинге. Будучи судьей, он не должен был слишком часто видаться с этими людьми. Кроме того, приходилось подниматься чересчур высоко, а ему следовало думать о своем «моторе». Особенно в такую

погоду. Он отхлебнул воды из стакана и сдвинул очки на нос, чтобы удобнее было читать.

— Вот основные моменты. Большой Майк был убит мгновенно ударом в висок, произведенным заточенным металлическим прутком, который также использовался при взламывании двери. Отпечатки на взломанном подвальном окне совпадают с отпечатками на двери, и те и другие соответствуют отпечаткам на фомке. Пока они считаются отпечатками неизвестного человека и не совпадают ни с одними отпечатками из досье бюро криминалистики, а также с отпечатками подруги О'Брайена и его телохранителя, которые обнаружили тело.

— Кто, по мнению детектива, это сделал? — раздался голос из облачка сигарного дыма.

— Официальная точка зрения, э... скажем, смерть вследствие несчастного случая. Они думают, что кто-то влез в квартиру с целью грабежа, случайно наткнулся на Майка, и в результате тот был убит.

Два человека начали было задавать вопросы, но мгновенно умолкли, когда заговорил Бригз. У него были тоскливые, серьезные глаза гончей, а сходство увеличивали припухшие нижние веки и отвислые щеки. Когда он говорил, массивный подбородок двигался из стороны в сторону.

— Что вынесли из квартиры?

Сантини пожал плечами.

— Насколько они могут определить, ничего. Девушка заявляет, что ничего не пропало, а она-то уж наверное знает. Комната перевернута вверх дном, но очевидно взломщика вспугнули до того, как он закончил свое дело, и он в панике бежал. Такое бывает.

Бригз обдумал эту информацию, но больше вопросов задавать не стал. Другие о чем-то спросили, и Сантини рассказал им то, что было известно. Бригз поразмышлял немного и, подняв палец, заставил всех замолчать.

— Похоже, что это случайное убийство, для нас оно не имеет никакого значения. Нам нужен кто-то, способный принять на себя всю работу Майка... Что такое, судья? — спросил он, недовольный, что его перебили.

Сантини обливался потом. Ему хотелось, чтобы все быстрее кончилось и он смог бы пойти домой. Был уже час ночи, и он устал. В такое время он обычно уже

спал. Но был один факт, который он должен был упомянуть. Факт мог быть важным, и, если он выплывет позднее, получится, что он знал о нем и ничего не сказал... лучше расправиться с этим сейчас.

— Мне следует рассказать вам еще об одной вещи. Возможно, это что-нибудь значит, возможно, — нет. Но я чувствую, что у нас должна быть вся информация, прежде чем мы...

— Давайте, судья, — холодно сказал Бригз.

— Да, конечно. Это знак, обнаруженный на окне. Надо сказать, что все окна в подвале покрыты изнутри толстым слоем пыли, и до других окон никто не дотрагивался. Но на взломанном окне, через которое предполагается убийца попал в здание, нарисован рисунок. Сердце.

— Что это, черт возьми, должно означать? — проворчал один из присутствующих.

— Для вас, Шлактер, ничего, поскольку вы американец немецкого происхождения. Я не могу дать гарантии, что это что-нибудь означает; не исключено, что это просто совпадение, полная бессмыслица. Но следует отметить, что по-итальянски «сердце» — «cuore».

Атмосфера в комнате мгновенно изменилась. Мужчины отлепились от спинок кресел и подались вперед. Бригз не пошевелился, но глаза у него сузились.

— Куоре, — медленно произнес он. — Не думаю, что у него хватит духу появиться в городе.

— У него и так в Ньюарке все есть. Он раз попробовал сунуться сюда и здорово погорел, больше он этого не сделает.

— Может быть. Но я слышал, он совершенно выжил из ума. Сидит на ЛСД. Он мог сделать все, что угодно...

Бригз кашлянул, и все притихли.

— Нам придется это выяснить, — сказал он. — Либо Куоре пытается внедриться на нашу территорию, либо кто-то пытается устроить заварушку, чтобы подозрение пало на него — в любом случае нам нужно в этом разобраться. Судья, проследите, чтобы полиция продолжала расследование.

Сантини улыбнулся и крепко сцепил пальцы под столом.

— Я не говорю «нет», что вы; не говорю, что этого нельзя сделать. Я сказал, что это будет крайне трудно.

У полиции чересчур короткие руки, у них нет людей для проведения полномасштабного расследования. Если я попытаюсь нажать на них, они захотят узнать почему. У меня должно быть несколько подходящих ответов. Я могу сделать так, чтобы этим занимались несколько человек, могу сделать несколько звонков, но не думаю, что нашего давления будет достаточно, чтобы их раскачать.

— Вашего влияния недостаточно, судья, — сказал Бригз очень тихо. Руки у Сантини начали трястись. — Но я никогда никого не прошу совершать невозможное. Я позабочусь обо всем сам. Есть пара людей, которых я могу лично попросить о помощи. Я хочу знать, что происходит.

Глава 8

В открытое окно врывались жара и вонь, звуки города, многоголосый рев, поднимавшийся и спадавший с упорством морских волн, накатывающихся на берег, бесконечное грохотанье. Внезапно на этом шумовом фоне раздались звуки бьющегося стекла и скрежет металла. Голоса возвысились до крика, и в тот же момент послышался пронзительный вопль.

— Что? Что?.. — пробормотал Соломон Кан, ворочаясь в постели и протирая глаза.

Подонки, они никогда не заткнутся, никогда не дадут хоть немножко вздремнуть. Он встал и зашагал к окну, но ничего не увидел. Крики продолжались — что случилось? Рухнула еще одна пожарная лестница? Такое происходит достаточно часто, даже по телевизору показывают, особенно если сопровождается какой-нибудь ужасной сценой. Нет, вероятно, нет, просто мальчишки бьют окна или еще что-нибудь в этом роде. Солнце скрылось за домами, но воздух по-прежнему был жарким и вонючим.

— Паршивая погода, — проворчал он и пошел к раковине.

Даже доски пола обжигали босые ступни. Он плеснул в лицо пригоршню воды, затем включил телевизор на канале станции «Мьюзик тайм». Комната наполнилась ритмами джаза, внизу экрана светились маленькие цифры 18:47. Почти семь, Энди сегодня работает це-

лый день, а это означает, что он должен вернуться около шести, хотя они никогда не уходят со службы вовремя. Во всяком случае, пора чего-нибудь перекусить.

— Армия дала мне прекрасную специальность авиационного механика всего за пятнадцать штук, — сказал он, похлопывая рукой по плите. — Самое прекрасное вложение капитала, которое они когда-либо делали.

Плита ожила вместе с газовой горелкой, которую он перестроил на газ из баллонов, когда закрыли газовые магистрали, а потом установил электронагревательный элемент, когда все баллоны кончились. К этому времени подача электричества стала крайне неустойчивой — и к тому же электричество стоило очень дорого, чтобы готовить пищу, и он установил бак со съёмными форсунками, куда заливалась любая горючая жидкость. Бак работал вполне удовлетворительно уже много лет на керосине, метаноле, ацетоне и множестве других горючих, артачась лишь при заправке его авиационным бензином — он выкидывал струю пламени в метр длинной и опалил всю стену, пока Соломон его не приручил. Его последнее усовершенствование было самым простым. Он вырезал отверстие в задней стенке плиты и вывел на улицу дымовую трубу через еще одно отверстие, пробитое в кирпичной стене. Когда в плите загоралось твердое горючее, отверстие в изоляции над ним выпускало тепло наружу.

— Даже зола воняет рыбой, — посетовал он, выгребая пепел, оставшийся с прошлого дня. — Он выкинул его за окно и был удовлетворен, когда этажом ниже выразили недовольство.

— Не нравится? — закричал он в ответ. — Тогда велите своим паршивым детям не включать телевизор на полную мощь по ночам, может, тогда я прекращу высыпать пепел вам на голову.

Это его развеселило, и он стал насвистывать сюиту из балета «Щелкунчик», зазвучавшую по телевизору вслед за безымянной джазовой композицией. Но внезапно раздался треск, и звук пропал. Соломон, ругаясь себе под нос, подбежал к телевизору и ударил по нему кулаком. Это не произвело никакого воздействия. Треск продолжался, и он с неохотой выключил телевизор. Наклонившись, чтобы разжечь плиту, он все еще матерился.

Положив на решетку три маслянистых серых брикета морского угля, он взял с полки зажигалку «Зиппо» на батарейках. Хорошая зажигалка, когда же она куплена? — должно быть, лет пятьдесят назад. Конечно, большую часть деталей с тех пор пришлось заменить: таких зажигалок уже не выпускали. Зажигалок больше вообще не выпускали. Морской уголь загорелся слабым голубоватым пламенем. Он вонял — рыбой — как и его руки. Соломон вымыл их. Эту штуку, видимо, делали из отходов целлюлозы спиртового завода, высушивали и вымачивали в планктонном масле, чтобы горела. Ходил слух, что ее на самом деле производят из сушеных и спрессованных рыбьих кишок на рыбокомбинате, и он предпочитал такое толкование официальной версии, неважно, верно оно было или нет.

Его миниатюрный огород в ящике на подоконнике находился в отличном состоянии. Он надергал шалфея и полыни, и разложил на столе для сушки. Затем приподнял полиэтилен, чтобы посмотреть, как растет лук. Он рос превосходно, и скоро его уже можно будет есть. Он насмешливо посмотрел в зеркало на свою бороду.

— Нужно подровнять, Сол, — сказал он своему отражению. — Но уже темно, так что придется подождать до утра. Все же никому не повредит, если расчесать ее перед тем, как одеться к ужину.

Он несколько раз провел расческой по бороде, затем отложил расческу и пошел искать в шкафу шорты. Они начали свою жизнь много лет тому назад в качестве армейских штанов, но с тех пор неоднократно подрезались и подшивались, пока у них не осталось никакого сходства с изначальной моделью. Едва Сол их натянул, как в дверь постучали.

— Да? — крикнул он. — Кто там?

— «Альковер Электроника», — прозвучал приглушенный ответ.

— Я уж думал, что вы там все подошли или ваше заведение сгорело, — сказал Сол, распахивая дверь. — Не прошло и двух недель, как вы обещали, что быстро сделаете мой телевизор, и я заплатил заранее.

— Быстро только электроны двигаются, — спокойно ответил высокий мастер, кидая сумку с инструментами размером с чемодан на стол. — В вашем древнем ящике одна лампа давно развакуумировалась. Так что я

могу поделаться? Таких ламп больше не делают, а если б и делали, я все равно не мог бы ее купить — существует очередь. — Пока он говорил, руки его уже занялись делом: он перетащил телевизор на стол и начал отвинчивать заднюю крышку. — Как мне починить этот ящик? Мне приходится ходить к спекулянтам на Гринвич-стрит и проводить там пару часов, выискивая то, что нужно. Мне не удалось раздобыть лампу, и я купил пару транзисторов, которые выполняют ту же функцию. Могу сказать вам, это было нелегко сделать.

— Сердце кровью обливается, — сказал Сол, с подозрением наблюдая, как мастер снимает заднюю крышку и вынимает лампу.

— Развакуумировалась, — сказал мастер, пристально посмотрев на лампу перед тем, как бросить ее в сумку. Он достал прямоугольную пластиковую полосу, к которой были прикреплены какие-то маленькие детали, и начал припаивать ее. — Это паллиатив, — сказал он. — Приходится потрошить старые ящики, чтобы работали еще более старые. Даже припой приходится изготавливать самому. Хорошо еще, что в округе наверное пара миллиардов ящиков, а у большинства последних моделей твердые контуры. — Он включил телевизор, и комнату наполнили звуки музыки. — За работу четыре доллара.

— Мошенник! — воскликнул Сол. — Я уже заплатил вам тридцать пять долларов...

— Это за детали, работа — отдельно. Если вы хотите иметь в жизни некоторые маленькие удобства, будьте готовы за них платить.

— Я заказывал только ремонт, — сказал Сол, протягивая деньги, — без всякой философии. Вы — жулик.

— Я предпочитаю именовать себя электронщиком-грабителем, — ответил мастер, пряча купюры в карман. — Если вы хотите взглянуть на жуликов, приходите посмотреть, сколько я плачу радиоспекулянтам. — Он повесил сумку на плечо и ушел.

Было почти восемь часов. Через несколько минут после того, как ушел мастер, в замке повернулся ключ, и вошел Энди, усталый и разгоряченный.

— Ты еле тащишь свою задницу, — сказал Сол.

— Ты был бы еще хуже, если б у тебя выдался такой денек, как у меня. Что, свет не можешь вклю-

чить? Ни черта не видно. — Он добрал до кресла у окна и рухнул в него.

Сол включил маленькую электролампочку, висевшую в центре комнаты, и пошел к холодильнику.

— Сегодня вечером никаких «Гибсонов». Вермут выдается в ограниченных количествах, пока я не надеваю еще. У меня есть кориандр, фиалковый корень и все остальное, но нужно еще высушить полынь. Без нее получается совсем не то. — Он достал из холодильника покрытый изморозью графин и закрыл дверцу. — Но я поставил охлаждаться воду и приправил ее спиртом, чтобы не чувствовалось вкуса воды. Это также помогает от нервов.

— Доведи! — Энди отхлебнул воды и соорудил недовольную физиономию. — Извини, что на тебя наезжаю, но у меня был чертовски тяжелый день, а завтра будет еще круче. — Он приняхался. — Что это у тебя на плите?

— Опыты по экономичному ведению домашнего хозяйства — вне зависимости от карточек и пособий. Ты, может, не замечаешь, но наш бюджет трещит по швам со времени последнего подорожания. — Сол открыл канистру и показал Энди коричневые гранулы. — Это новый чудесный ингредиент, поставляемый нашим благотворительным правительством, называемый «энер-Г» — откуда такое ужасно остроумное название? Он содержит витамины, минеральные соли, белки, углеводы...

— Все, кроме нормального вкуса?

— Примерно так. Я добавляю его в овсяные лепешки. Сомневаюсь, что будет хуже, поскольку уже сейчас я их начинаю ненавидеть. Этот «энер-Г» — новое чудо науки — производится из китового планктона.

— Из чего?

— Я знаю, что ты никогда не держал в руках ни одной книги, но ты же смотришь телевизор. Об этом была часовая программа. Конверсия атомных подводных лодок, плавающих повсюду, как киты, и собирающих планктон, — таких микроскопических морских тварей, которыми, к твоему превеликому удивлению, питаются огромные киты. Те трое, что еще живы. Самая маленькая форма жизни поддерживает самую большую, в этом есть своя мораль. Так или иначе планктон всасывается, просеивается, вода выплевывается наружу, а планктон спрессовывается в маленькие брикеты и скла-

дывается в подлодке, пока она не загружается под завязку. Тогда она возвращается в порт и разгружается. Потом из этих брикетов получают «энер-Г».

— О Боже! Могу поспорить, у него вкус рыбы.

— Пари не принимается, — вздохнул Сол и начал раскладывать овсяные лепешки по тарелкам.

Ели молча. Овсяные лепешки с «энер-Г» были не так плохи, как они подозревали, но все равно ничего хорошего. Покончив с ними, Сол прополоскал рот смесью воды со спиртом.

— Что ты там говорил о работе? — спросил он. — Тебя заставляют работать в две смены?

Энди подошел к окну: Теперь, когда солнце село, во влажном, горячем воздухе появилось какое-то движение.

— У меня особое задание. Помнишь то убийство, о котором я тебе рассказывал?

— Большой Майк, этот воришка? Тот, кто прикончил его, оказал большую услугу роду человеческому.

— Я думаю то же самое. Но у него есть друзья в политических сферах, которые интересуются этим делом больше, чем мы. У них есть связи, они потянули за ниточку, и комиссар вызвал лейтенанта и велел ему поставить одного человека на это расследование и найти убийцу. Рапорт был подписан мной, поэтому назначили меня. А Грасси — о, это великолепный подонок — сказал мне об этом перед самым уходом. Он выдал мне задание и многозначительно намекнул, что им нужно заняться сегодня же вечером. То есть сейчас, — сказал он, вставая и потягиваясь.

— Здорово, не правда ли? — спросил Сол, поглаживая бороду. — Полная независимость, сам себе начальник, работаешь, когда хочешь, увенчан славой.

— Я ничем не буду увенчан, если не дам ответ очень быстро. Все следят за этим и оказывают давление. Грасси сказал, что мне придется найти убийцу как можно скорее или я пойду в форме патрулировать Корабельный городок.

Энди зашел к себе в комнату и открыл замок на нижнем ящике шкафа. Тут у него лежали две запасные обоймы, кое-какие личные бумаги и вещи, включая карманный фонарик. Он работал от нажима руки и ослепительно загорелся, когда Энди его проверил.

— Куда теперь? — спросил Сол, когда Энди вышел. — Собираешься посетить ночной притон?

— Хорошо, что ты не полицейский, Сол. С твоими знаниями в криминалистике преступность в городе разрослась бы буйным цветом...

— Она и так процветает, без моей помощи.

— ...И нас бы всех поубивали прямо в кроватях. Нет, не в притон. Я собираюсь поговорить с девушкой.

— Дело принимает интересный оборот. Позвоительно ли мне спросить, с какой девушкой?

— С девчонкой по имени Ширли. Фигурка что надо. Она была подружкой Большого Майка, жила с ним, но, когда его кокнули, ее в квартире не было.

— Может, тебе нужен помощник? По ночам я работаю очень хорошо.

— Остынь, Сол, ты бы не знал, что делать, когда бы дошло до дела. Она играет не в нашей лиге. Сходи на горшок и ложись спать.

С помощью фонарика Энди благополучно избежал всех мусорных завалов на лестнице, погруженной в темноту. На улице были все те же толпы людей и жара. Они не зависели от времени суток и наполняли улицы и днем, и ночью. Хотелось дождя, который смыл бы все это, но прогноз погоды не оставлял никаких надежд. «Без перемен».

Чарли открыл дверь с вежливым приветствием. Энди пошел было к лифту, но передумал и направился к лестнице. Ему хотелось взглянуть на окно и подвал после наступления темноты, увидеть все таким, каким оно было, когда появился взломщик. Если только он проник в здание здесь. Теперь, когда ему был поручен розыск убийцы, приходилось вдаваться во все подробности дела, пытаться воссоздать последовательность событий. Можно ли пробраться снаружи через окно, чтобы тебя не заметили? Если нет, значит, убил кто-то из местных и нужно будет проверять весь персонал и всех жильцов дома.

Он остановился и вынул пистолет. Впереди, в полуоткрытой двери подвала мелькнул луч карманного фонарика. Это было именно то помещение, где взломали окно. Он медленно пошел вперед, осторожно ступая по грязному бетонному полу, стараясь не произвести ни звука. Войдя, он увидел, что кто-то стоит у дальней стены и водит лучом по окнам. В желтом круге света

вырисовалась темная фигура. Луч перешел на другое окно и остановился на сердечке, нарисованном по пыли. Человек нагнулся к окну. Он был настолько увлечен своими исследованиями, что не услышал, как сзади к нему подошел Энди.

— Не двигаться — я вооружен, — сказал Энди, ткнув дулом пистолета человека в спину.

Фонарик у него выпал и разбился. Энди выругался, достал свой фонарик и нажал. Луч света ударил прямо в лицо человеку — рот открыт от страха, лицо белое, под стать длинным седым волосам. Мужчина прислонился к стене, глотая воздух. Энди убрал пистолет в кобуру и подхватил человека под руку, потому что тот стал медленно сползать по стене на пол.

— Шок... так внезапно... — бормотал он. — Вы не должны были... Кто вы такой?

— Я — офицер полиции. Как ваша фамилия? И что вы здесь делаете? — Энди быстро его обыскал: человек был не вооружен.

— Я... на гражданской службе... вот мое удостоверение... — Он трясущимися руками достал бумажник.

Энди взял удостоверение и раскрыл.

— Судья Сантини, — сказал он, переводя луч фонарика с удостоверения на лицо человека. — Да, я видел вас в суде. Но не странно ли судье оказаться в подобном месте?

— Пожалуйста, не дерзите, молодой человек. — Первая реакция прошла, и Сантини вновь владел собой. — Я считаю себя человеком, хорошо знающим законы этого независимого государства, и я не могу припомнить ни одного закона, примененного к данной ситуации. Я предполагаю, что вы превышаете свои полномочия...

— Проводится расследование убийства, а вы, возможно, занимались подделыванием вещественных доказательств, судья. Этого достаточно, чтобы вас арестовать.

Сантини быстро заморгал в ярком луче фонарика.

— Вы детектив Раш? — спросил он.

— Да, — с удивлением ответил Энди. Он опустил фонарик, чтобы тот не светил прямо в лицо судье. — Что вы обо всем этом знаете?

— Я расскажу тебе все, мой мальчик, если ты позволишь мне подняться с пола, и мы найдем более

уютное место для нашей беседы. Почему бы нам не зайти к Ширли? Ты наверняка знаком с мисс Грин. Скоро здесь станет совсем холодно, а раз уж я пришел, я буду счастлив рассказать тебе все, что знаю.

— Почему нет, — сказал Энди, помогая старику подняться.

Судья не собирался убегать, кроме того, у него могли быть какие-то официальные связи, имеющие отношение к делу. Иначе откуда бы он знал, что Энди — тот самый детектив, которому поручено заниматься расследованием? Все это выглядело скорее как дело политиков, а не полиции.

Из подвала они поехали вверх на лифте, и хмурый взгляд Энди быстро стер любопытство с лица лифтера. Судье, похоже, стало лучше, но он по-прежнему опирался на руку Энди.

Дверь открыла Ширли.

— Судья... вам плохо? — спросила она, широко раскрыв глаза.

— Ничего, моя милая, просто жара, усталость. Я не становлюсь моложе. — Он выпрямился, отлично скрыв усилия, которые для этого требовались, и, отойдя от Энди, пожал ей руку. — Я повстречал детектива Раша, и он был так любезен, что поднялся со мной. Если мне позволят подойти к кондиционеру, чтоб вдохнуть глоток холодного воздуха, и разрешат секундочку отдохнуть...

Они направились по коридору, Энди последовал за ними.

Девушка выглядела потрясающе: одета, будто в телевизионной постановке. Платье было шито из ткани, блестевшей так, словно было соткано из серебряных нитей, и в то же время казалось очень мягким. Оно было без рукавов, с большим вырезом спереди и еще более глубоким сзади — почти до талии. Волосы ниспадали на плечи красновато-коричневой волной. Пока она вела судью до дивана, он тоже краем глаза смотрел на нее.

— Мы не потревожили вас, Ширли? — спросил судья. — Вы в вечернем платье. Куда-нибудь собираетесь?

— Нет, — сказала она. — Я сижу одна дома. Если хотите правду... я просто создаю себе моральное состояние. Я никогда прежде не носила это платье. Ка-

кая-то новая ткань, думаю, нейлон с металлизированной нитью. — Она взбила подушку и подложила под голову судье. — Сделать вам чего-нибудь холодненького? Вам тоже, мистер Раш?

Казалось, что она только сейчас обратила на него внимание; он молча кивнул.

— Чудесное предложение, — вздохнул судья и откинулся назад. — Если можно, чего-нибудь покрепче.

— О, да... в баре есть все, что угодно. Я это не пью.

Когда она вышла на кухню, Энди подсел поближе к Сантини и заговорил, понизив голос:

— Вы собирались рассказать мне, что делали в подвале и откуда вам известно мое имя.

— Святая простота. — Сантини бросил взгляд на кухню, но Ширли была занята и не слышала их. — Смерть О'Брайена повлекла за собой, скажем так, политические последствия, и меня попросили проконтролировать ход дела. Естественно, я узнал, что вести его поручено вам. — Он расслабился, сложив руки на животе.

— Это ответ только на половину моего вопроса, — сказал Энди. — Так что же вы делали в подвале?

— Там прохладно, почти холодно, после того что творится на улице. Сплошное наслаждение. Вы заметили сердечко, нарисованное по пыли на подвальном окне?

— Конечно. Именно я его и обнаружил.

— Это самое интересное. Вы когда-нибудь слышали об одной личности — должны были слышать, на него есть в полиции досье — по имени Куоре?

— Ник Куоре? Владелец всех подпольных заведений Ньюарка?

— Тот самый. Хотя слово «владелец» не совсем подходит, точнее сказать «руководитель». Теперь он там самый главный, но это настолько честолобивый человек, что бросает взгляд и в направлении Нью-Йорка.

— Что все это должно значить?

— «Cuore» — доброе старое итальянское слово. Оно означает «сердце», — сказал Сантини, когда в комнату с подносом вошла Ширли.

Энди взял стакан и машинально поблагодарил. Теперь он понял, почему оказывался весь этот нажим. Никого, похоже, не волновал сам факт убийства О'Брайена. Заинтересованных лиц занимал другой

вопрос: почему он был убит? Действительно ли убийство — несчастный случай, как это казалось? Или это предупреждение от Куоре о том, что он вторгается в Нью-Йорк? Или убийство — сильный ход кого-то из местных, пытающегося обвинить Куоре, чтобы прикрыть себя? Раз уж ты вошел в лабиринт рассуждений, вероятные возможности будут увеличиваться до тех пор, пока найденный убийца не покажет единственный выход из него. Заинтересованные лица потянули за ниточки, и в результате ему поручено это дело. Должно быть, множество людей прочитали его рапорт и с нетерпением ждут ответа.

— Извините, — пробормотал Энди, заметив, что девушка обращается к нему. — Я задумался и не расслышал вас.

— Я спросила, нравится ли вам напиток. Я могу сделать что-нибудь еще, если он вам не по душе.

— Нет, все прекрасно, — сказал он, сообразив, что все это время держал в руках стакан, уставившись в него. Он сделал глоток, потом второй. — В самом деле великолепно. Что это?

— Виски. Виски с содовой.

— Я его впервые пробую.

Он попытался вспомнить, сколько стоит бутылка виски. Виски сейчас почти не производили из-за нехватки зерна, и с каждым годом запасы на складах уменьшались, а цены росли. По крайней мере долларов двести бутылка, а может, больше.

— Очень освежает, Ширли, — сказал Сантини, ставя пустой стакан на подлокотник кресла. — И примите мою самую сердечную благодарность за ваше гостеприимство. Извините, мне надо бежать — меня ждет Роза, но прежде можно ли задать вам один вопрос?

— Конечно, судья... что?

Сантини достал из бокового кармана конверт и, открыв его, вынул пачку фотографий. Энди было видно, что это фотографии разных мужчин. Сантини передал одну из них Ширли.

— Весьма трагично, — сказал он, — трагично то, что произошло с Майком. Все мы хотим помочь полиции, как только можем. Я знаю, что вы, Ширли, тоже этого хотите. Поэтому посмотрите на эти фотокарточки. Не узнаете ли вы кого-нибудь из этих людей?

Шарли взяла первую фотографию и посмотрела на нее, сосредоточившись и нахмутив брови. Энди восхищался способностью судьи говорить очень много, а по сути не сказать ничего — и заручиться содействием девушки.

— Нет, я не могу сказать, что когда-либо раньше его видела, — сказала она.

— Может быть, он был у вас в гостях или встречался с Майком и вами в другом месте?

— Нет. Я уверена, что никогда его не видела. Я думала, что вы спрашиваете, видела ли я его когда-нибудь на улице.

— А как насчет других?

— Я никогда не видела ни одного из них. Извините, я ничем не могу вам помочь.

— Отрицательный результат — тоже результат, моя милая.

Он передал фотографии Энди, который на первой узнал Ника Куоре.

— А остальные? — спросил он.

— Его помощники, — сказал Сантини, медленно поднимаясь с кресла.

— Я возьму их на некоторое время, — сказал Энди.

— Конечно. Может, они вам пригодятся.

— Вам правда уже нужно уходить? — спросила Ширли.

Сантини улыбнулся и направился к двери.

— Будьте снисходительны к старику, моя милая. Я получил большое наслаждение, находясь в вашем обществе, но в мои годы нужно соблюдать режим. Спокойной ночи, мистер Раш, — и удачи.

— Я и себе чего-нибудь налью, — сказала Ширли, проводив судью. — Вам повторить? Ведь вы не на службе.

— Я на службе, и я находился на ней последние четырнадцать часов, так что, думаю, самое время сделать коктейль из службы и выпивки. Если вы на меня не донесете.

— Я не стукачка! — улыбнулась Ширли.

Они сели напротив друг друга, и он почувствовал себя так хорошо, как ни разу за последние недели. Головная боль прошла, было прохладно, а вкус виски был лучше, чем у любого из напитков, которые он только мог вспомнить.

— Я думала, вы прикрыли расследование, — сказала Ширли. — Ведь вы мне так сказали.

— Тогда я так и думал, но кое-что изменилось. Кое-кто весьма заинтересован в разгадке этого дела. Это волнует даже таких людей, как судья Сантини.

— Все время, что я была с Майком, я не знала, что он — такая важная фигура.

— Живым он так важен не был. Важна его смерть и причины — если они есть — этой смерти.

— Вы имеете в виду то, что полиция не разрешает выносить что-либо из квартиры?

— Да, я должен все просмотреть, особенно бумаги. А почему вы об этом спрашиваете?

Ширли не отрывала глаз от стакана, крепко сжав его обеими руками.

— Сегодня заходил адвокат Майка, и все, похоже, так, как сказала его сестра. Моя одежда, мои личные вещи принадлежат мне, но больше ничего. Да я ничего другого и не ожидала. Но за квартиру было уплачено до конца августа... — она посмотрела Энди прямо в лицо, — и если мебель здесь останется, я могу до тех пор здесь жить.

— Вы этого хотите?

— Да, — коротко ответила она.

Ширли — отличная девчонка, подумал Энди. Она ни о чем не просит, не плачет, ничего такого. Просто раскрывает свои карты. А почему бы и нет? Мне это ничего не стоит. Почему бы нет?

— Считайте, что дело сделано. Я очень слаб в подыскивании квартир, а такую большую точно нужно искать до полуночи тридцать первого августа. Если будут какие-нибудь жалобы, отправляйте их к детективу Эндрю Фремонту Рашу с двенадцатого участка. Я скажу жалобщикам, что они свободны.

— Чудесно! — сказала она, от радости вскочив на ноги. — За это нужно выпить. Сказать вам по правде, я не стала бы продавать что-либо из этой квартиры. Это все равно что украсть. Но я не вижу ничего плохого в том, что мы допьем початые бутылки. Лучше, чем оставлять их его сестре.

— Совершенно с вами согласен, — сказал Энди, поудобнее устроившись в кресле и наблюдая, как Ширли изящно покачивает бедрами, идя со стаканами на кухню.

«Вот это жизнь, — подумал он и усмехнулся про себя, — черт с ним, с расследованием. По крайней мере на этот вечер. Я буду пить виски Большого Майка, сидеть на его диване и на несколько часов абсолютно забуду про работу в полиции».

— Нет, я приехала из Нью-Джерси, из Лейкленда, — сказала она. — Мы переехали в город, когда я была еще ребенком. Командование ВВС строило сверхдлинные взлетно-посадочные полосы для самолетов «Мах-3», и они купили наш дом и все дома в окрестностях и снесли их. Это любимая история моего отца: как загубили его жизнь, и он с тех пор никогда не голосовал за республиканцев и клянется, что скорее умрет.

— Я тоже родился не здесь, — сказал он и отхлебнул виски. — Мы приехали из Калифорнии. У моего отца было ранчо...

— Значит, вы ковбой!

— Собственно, не ранчо — фруктовые деревья в долине Империял. Я был совсем маленьким, когда родители покинули те места, и плохо их помню. Все земледелие в долине основывалось на ирригации — каналы, насосы. На ранчо моего отца воду качали насосами из-под земли. Когда геологи сказали ему, что он выкачивает воду, хранившуюся под землей тысячи лет, он не придавал этому значения. Я помню, как он сказал, что старая вода питает деревья так же хорошо, как и новая. Но однажды подземные воды иссякли. Я никогда не забуду, как умирали деревья, а мы ничего не могли поделать. Мой отец бросил ферму, и мы переехали в Нью-Йорк. Он работал простым рабочим на строительстве туннеля Моисея.

— У меня никогда не было альбома, — сказал Энди. — Подобными вещами в основном занимаются девочки.

Она села на диван рядом с ним, переворачивая страницы. Тут были фотографии детей, корешки билетов, программки, но он не обращал на них внимания. Ее теплая обнаженная рука прижалась к его руке, а когда

она склонялась над альбомом, он ощущал запах ее волос. Он ужасно много выпил и смутно это сознавал. Он кивал головой и делал вид, что смотрит альбом. Однако все его внимание было обращено на Ширли.

— Уже третий час, мне пора идти.

— Не хотите ли на дорожку еще кофе? — спросила она.

— Нет, спасибо. — Он допил кофе и аккуратно поставил чашку. — Я приду утром, если вас это устроит, — сказал он и направился к дверям.

— Утром? Прекрасно, — сказала она и протянула ему руку. — И благодарю, что провели со мной вечер.

— Это я должен благодарить вас. Ведь я никогда раньше не пробовал виски.

Он собирался пожать ей руку, пожелать спокойной ночи — и все. Но неожиданно он обнаружил ее в своих объятиях, его лицо уткнулось в душистые волосы, а руки крепко обняли гибкую фигуру. Когда он ее поцеловал, она горячо поцеловала его в ответ, и он понял, что все будет отлично.

Лежа на чистой, просторной постели, он ощущал прикосновение теплого тела и легкое дыхание у себя на щеке. Мерное гудение кондиционера действовало умиротворяюще. Он вспомнил, что слишком много выпил и улыбнулся. Ну и что? Если бы он был трезвее, возможно, не был бы сейчас здесь. Утром он, может быть, пожалеет об этом, но в данный момент он чувствовал, что с ним произошло что-то очень хорошее. Даже когда он попытался найти в себе чувство вины, это ему не удалось. Он коснулся ее плеча, и она пошевелилась во сне. Шторы чуть раздвинулись, и он увидел луну — далекую и дружелюбную. Все отлично, сказал он. Все отлично, повторял он себе снова и снова.

В открытом окне виднелась луна: пронизывающий глаз в ночи, факел в удушающей жаре. Билли Чун

забылся тревожным сном, но одному из близнецов что-то приснилось, он закричал во сне и разбудил его.

Если бы только не было этого мужчины в ванной... Билли ворочался с боку на бок, кусал губы и чувствовал, как лицо покрывается потом. Он же не собирался его убивать... Но не об убитом человеке думал сейчас Билли. Он беспокоился о самом себе. Что будет, когда его поймут? А его найдут — на то и существует полиция. Они вынут ломик из головы убитого, отнесут его в лабораторию и узнают, кто ему его продал...

Его голова ворочалась на мокрой от пота подушке, и тихий, почти неслышный стон прорывался сквозь сжатые зубы.

Глава 9

— Ты сегодня неважно побрился, Раш, — сказал Грассиоли своим нормальным, раздраженным тоном.

— Я вообще не брился, лейтенант, — сказал Раш, оторвавшись от рапорта. Лейтенант заметил его, когда проходил через отдел детективов в канцелярию. Энди надеялся отметить и уйти с участка, не повстречавшись с начальником. Он быстро соображал. — Сегодня я провел много времени неподалеку от Корабельного городка. Не хотелось чересчур выделяться. К тому же там во всей округе, вероятно, ни одной бритвы днем с огнем не сыщешь.

Прозвучало достаточно убедительно. На самом же деле он появился лишь поздно утром прямо из Челси-парка и не успел побриться.

— Ага. Как продвигается дело?

Энди знал, что лучше не напоминать лейтенанту о том, что он занимается им только со вчерашнего вечера.

— Я обнаружил один факт, относящийся к делу. — Он огляделся по сторонам и продолжил, понизив голос: — Я знаю, почему на наше управление оказывают нажим.

— Почему?

Пока Энди объяснял значение сердечка на окне и рассказывал о людях, заинтересованных в убийстве, лейтенант рассматривал фотографии Ника Куоре и его подручных.

— Отлично, — сказал Грассиоли, когда он закончил. — Не пиши об этом в своих рапортах, если не найдешь ниточки, ведущей к Куоре, но я хочу, чтобы ты держал меня в курсе дела. Иди — ты здесь только теряешь время.

Вот уже много дней жара не спадала. Улицы были наполнены горячим вонючим воздухом, совершенно неподвижным и пахнущим грязью, потом и разложением. Это было невыносимо. Но впервые с тех пор, как установилась жара, Энди ее не замечал. Минувшая ночь была ошеломляющей, невероятной и незабываемой. Он пытался отрешиться от волнующих мыслей, но в памяти то и дело возникала Ширли, и, несмотря на жару, он чувствовал, как заливается румянцем. Не может быть! Он ударил кулаком правой руки по ладони левой и улыбнулся испуганным прохожим. Ему так много нужно сделать, прежде чем они увидятся вновь.

Энди свернул в переулок, который вел между рядами гаражей за Челси-парком к служебному входу в здание. Позади послышалось шуршание колес. Он шагнул в сторону, пропуская тяжелый гужевик — квадратный, как ящик, кузов на старых колесах от автомобиля, который тянули двое людей. Они согнулись почти пополам и, казалось, не чувствовали ничего, кроме усталости. Когда они прошли мимо всего в паре метров, Энди увидел ремни, впивающиеся им в шеи, и незаживающие язвы на плечах.

Энди медленно шел за гужевиком, потом остановился там, где его не было видно из служебного входа, и присел у рва. Бетонное дно покрывали мусор и отбросы. Между гранитными плитами там и сям зияли широкие щели. В темноте довольно легко здесь пробраться, фонарей поблизости нет. Даже днем взломщика можно заметить лишь из ближайших окон. Никто не видел, как Энди перемахнул через высокий край рва и медленно спустился на дно. Здесь было жарко словно в печи, но Энди не обращал на это внимания! Он шел вдоль внутренней стены, пока не обнаружил окно с сердечком. Его было очень легко заметить, вероятно, ночью тоже. Как раз под рядом подвальных окон находился выступ, на который можно залезть; он был достаточно широк, чтобы на нем стоять. Да, стоя здесь, можно взломать окно. Убийца проник в здание этим

путем. Пот капал у Энди с подбородка и оставлял темные пятна на бетонном выступе. Жара наконец до него добралась.

— Что это ты тут делаешь? Хочешь шею себе сломать? — закричал вдруг кто-то. Энди выпрямился и увидел на мостике, переброшенном через ров, швейцара, грозившего ему кулаком. Приглядевшись, он узнал Энди, и его тон резко изменился. — Извините... я не разобрал, что это вы, сэр. Чем могу вам помочь?

— Открывается ли какое-либо из этих окон?

— Открывается то, что у вас над головой. Оно находится в вестибюле.

Швейцар исчез, а через несколько секунд окно отворилось, и в нем появилась его круглая физиономия.

— Вытащите меня отсюда, — попросил Энди. — Я совсем спекся. — Он ухватился за руку швейцара и вскарабкался вверх. В вестибюле было сумрачно и прохладно. Энди вытер лицо носовым платком. — Мы можем где-нибудь поговорить? Где можно сесть?

— В комнате охраны, сэр. Следуйте за мной.

Там находилось два человека. Один, в форме местного персонала, вскочил, как только они вошли. Другим был Тэб.

— Встань у двери, Ньютон! — приказал швейцар. — Хочешь пойти с ним, Тэб?

Тэб взглянул на детектива.

— Конечно, Чарли, — ответил он и вышел вслед за охранником.

— У нас тут есть вода, — сказал швейцар. — Хотите стаканчик?

— Грандиозно, — сказал Энди, плюхаясь в кресло. Он взял пластиковый стаканчик, половину выпил залпом, а остальное стал тихонько потягивать. Прямо перед ним находилось окно с серым стеклом, выходящее в вестибюль. Но он не видел в вестибюле на этом месте окна. — Одностороннее стекло? — спросил он.

— Верно. Для охраны жильцов. С той стороны зеркало.

— Вы заметили, в каком месте рва я находился?

— Да, сэр, похоже, вы были как раз у того окна, которое взломали.

— Да. Я прошел по рву с той стороны, от переулка, и вышел к окну. Как по-вашему, ночью меня можно было бы увидеть?

— В общем...

— Да или нет? Я не собираюсь ловить вас.

— Жилуправление уже делает что-то, чтобы обеспечить безопасность. В основном неприятности с системой сигнализации. Нет, не думаю, что я увидел бы вас ночью, сэр, особенно в темноте.

— Я тоже так думаю. Значит, вы считаете, что кто-то мог проникнуть в здание таким способом?

Маленькие, пороссячи глазки Чарли сощурились и забегали.

— Полагаю, — сказал он наконец, — что убийца мог попасть внутрь таким образом.

— Хорошо. Итак, он попал прямо в подвальное помещение. Подошел к окну, сигнализация на раме сломана, все в порядке. Взломщик мог заранее отметить окно сердечком, чтобы легче было найти его снаружи. А это означает, что он не один раз побывал в здании.

— Может быть, — согласился Чарли и улыбнулся. — А может быть, он оставил знак после того, как проник в здание, чтобы одурачить вас. Может быть, он хотел, чтобы вы посчитали, что это сделал кто-то находившийся в здании.

Энди кивнул.

— Вы рассуждаете, Чарли. Но в любом случае окно могло быть отмечено изнутри, и я отталкиваюсь от этой посылки. Мне нужен список всего обслуживающего персонала на данный момент, всех новичков и всех уволенных за последние два года, список жильцов и бывших жильцов. У кого могут быть подобные сведения?

— У начальника жилуправления, сэр, его кабинет по лестнице направо. Давайте я вас провожу.

— Одну минуту... сперва мне нужен еще один стакан воды.

Энди остановился перед внутренней дверью квартиры О'Брайена, делая вид, что занят просмотриванием

списков, которые получил у начальника жилищного управления. Он знал, что Ширли, возможно, видит его на экране, и пытался казаться занятым и деловым. Когда он ушел сегодня утром, она еще спала, и он не говорил с ней со вчерашнего вечера, — да и тогда они не слишком много разговаривали. Не то чтобы он был смущен; просто вокруг царила некая атмосфера нереальности. Она принадлежала к здешнему миру, а он — нет. И если бы она сделала вид, что ничего не произошло, смог бы он поступить так же? Он сомневался в этом.

Ширли что-то долго не открывала дверь — может, ее нет дома? Нет, телохранитель Тэб внизу, а это означает, что она находится в здании. Что-нибудь случилось? Неужели вернулся убийца? Мысль была дурацкая, однако Энди громко забарабанил в дверь.

— Не ломай дверь, — сказала Ширли, впуская его. — Я убирала в комнате и не слышала сигнала.

Волосы у нее были собраны в узел, ноги — босые. На ней были только шорты и бледно-голубой лифчик. Выглядела она чудесно.

— Извини, я не знал, — серьезно сказал он.

— Ладно, это неважно, — засмеялась она, — не смотри так печально.

Она встала на цыпочки и быстро поцеловала его в губы. Прежде чем он успел ответить, она повернулась и вышла из коридора. У нее были очень короткие, в обтяжку, шорты.

Когда за спиной защелкнулась дверь, Энди почувствовал себя совершенно счастливым. Воздух был восхитительно прохладным.

— Я почти закончила, — сказала Ширли, вслед за ее словами раздался вой пылесоса. — Одна секунда — и я уберу весь этот бардак. — Войдя в гостиную, он увидел, что она пылесосит ковер. — Не хочешь принять душ? — крикнула она. — Счет получит Мери О'Брайен Хегерти, так что можешь не волноваться.

Душ! — взволнованно подумал Энди.

— Поскольку я уже встречался с Мери Хегерти, я буду рад послать ей этот счет, — крикнул он, и оба рассмеялись.

В спальне ему вдруг вспомнилось, что в этой комнате убили О'Брайена — за всю ночь он об этом ни разу не подумал. Бедный О'Брайен, он, похоже, был настоя-

щим ублюдком, поскольку, по-видимому, ни один человек не сожалел о нем и не был по-настоящему расстроен его смертью. Включая Ширли. А что она думала о нем? Сейчас это уже неважно. В ванной он бросил одежду на пол и попробовал рукой воду.

В шкафчике лежала бритва с новым лезвием, и Энди, весело напевая, отмыл ее от седых волосков и намылил лицо. То, что он пользовался вещами покойника, ни в малейшей степени его не смущало. Наоборот, это даже доставляло большое наслаждение. Бритва плавно скользила по коже.

Когда он оделся и вышел в гостиную, пылесос уже был убран, а Ширли распустила волосы и, похоже, нанесла свежий макияж. Она еще была в лифчике и шортах, и он обрадовался, увидев ее такой. За всю свою жизнь ему не приходилось видеть более симпатичной — нет, более красивой девушки. Ему хотелось ей об этом сказать, но он подумал, что о таких вещах не так-то просто говорить вслух.

— Хочешь выпить чего-нибудь холодненького? — спросила она.

— Мне нужно работать — или ты пытаешься меня совратить?

— Можешь выпить пива, я поставила его в холодильник. Нужно прикончить почти двадцать бутылок, а я его не люблю. — Она обернулась в дверях и улыбнулась. — Кроме того, ты же работаешь. Ты меня допрашиваешь. Ведь я важная свидетельница?

Первый глоток холодного пива доставил Энди огромное наслаждение. Ширли села напротив и стала пить холодный кофе.

— Как идет дело? Или это служебная тайна?

— Никаких тайн, оно идет медленно, как и все дела. Работа полиции не имеет ничего общего с тем, что показывают по телевизору. В основном, скукота, хождения вокруг да около, составление служебных записок, писание рапортов — и надежда на какую-нибудь «подсадную утку».

— Я знаю, что такое «подсадная утка»! А что, действительно есть «подсадные утки»?

— Если бы их не было, у нас бы не было работы. Большую часть информации мы получаем от осведомителей. Большинство мошенников — глупы и слишком много болтают, а когда они начинают говорить, побли-

зости обычно кто-то слушает. Вот и сейчас кто-то треплется, иначе и быть не может.

— Что ты имеешь в виду?

Он отхлебнул еще пива — чудесный напиток.

— В этом городе живут свыше тридцати пяти миллионов человек, и сделать это мог любой из них. Я обегая всех, работавших ранее в этом здании, и допрошу их; я попытаюсь разузнать, откуда взялся ломик; но задолго до того, как я закончу, люди на самом верху перестанут беспокоиться о О'Брайене, и меня отзовут — вот и все.

— Ты говоришь как будто с сожалением.

— Да, ты права. Я люблю и знаю свое дело, но мне всегда мешают его делать. У нас работы выше головы, и так было всегда, сколько я себя помню на службе. Ничего никогда не завершается, ни одно дело не расследуется до конца, люди ежедневно безнаказанно совершают убийства, и, похоже, это никого не волнует. Если только нет какого-либо политического резона, как в случае с Большим Майком. Да и тогда никто в действительности не интересуется им, а беспокоятся только за свои шкуры.

— А можно взять на работу больше полицейских?

— На какие шиши? В городском бюджете нет денег, почти все уходит на пособия социальной помощи. Поэтому зарплаты у нас низкие, полицейские берут взятки, и... ты же не хочешь прослушать лекцию о наших проблемах!

Он допил остатки пива. Ширли вскочила.

— Давай; я достану тебе еще одну.

— Нет, спасибо, не на пустой желудок.

— Ты еще не ел?

— Проглотил несколько крекеров. Совсем не было времени.

— Я сейчас приготовлю тебе что-нибудь. Как насчет бифштекса?

— Ширли, перестань... у меня из-за тебя будет сердечный приступ.

— Нет, в самом деле. Я купила мясо для Майка... в тот день. Оно так и лежит в морозильнике.

— Я не помню, когда в последний раз ел мясо... да и с тех пор, как я видел соевый бифштекс, тоже много

времени прошло. — Он встал и взял ее за руки. — Ты чересчур обо мне заботишься.

— Мне это нравится, — сказала она и несколько раз быстро его поцеловала. Потом повернулась и пошла на кухню.

Забавная девчонка, подумал он и дотронулся языком до следов помады у себя на губах.

Ширли хотела есть в гостиной за большим столом. Но на кухне был столик у окна, и Энди предложил сесть там.

Бифштекс получился отличный, огромный кусок мяса величиной с ладонь; когда Ширли положила его на тарелку, Энди почувствовал, что рот наполнился слюной.

— Пополам, — сказал он, разрезал его и положил половину на другую тарелку.

— Обычно я жарю себе овсяные лепешки...

— Их мы съедем на десерт. Сегодня начало эры равноправия.

Она улыбнулась и молча села. «Черт, — подумал он, — еще один такой взгляд — и я отдам ей все».

Кроме мяса она подала на стол морской салат, крекеры с соусом и еще одну бутылку холодного пива, из которой позволила налить себе только полстакана. Мясо было неопишимо вкусным. Энди резал его на крошечные кусочки и медленно жевал, смакуя. За всю жизнь ему не приходилось есть так вкусно. Покончив с едой, он откинулся на спинку стула и удовлетворенно вздохнул. Хорошо, даже чересчур хорошо, и он понимал, что это долго не продлится.

— Надеюсь, ты не сердишься, что прошлым вечером я так надрался?

Это прозвучало грубо, и он пожалел о сказанном в то же мгновение.

— Я не сержусь, милый.

Милый! — усмехнулся он про себя.

— Меня по-разному называли, но так — еще никогда. Я думал, что ты рассердилась, что я вернулся.

— Я просто была занята. В квартире бардак, и ты голодный. Кажется, я знаю, что тебе нужно.

Она обошла стол, села к нему на колени и обняла за шею. Затем последовал поцелуй. Оказалось, что лифчик у нее застегивается спереди на две пуговицы. Он рас-

стегнул их и прильнул лицом к гладкой и ароматной коже.

— Пойдем в комнату, — прошептала она.

Она лежала рядом с ним — обессиленная, совершенно не стыдясь того, что его пальцы рассеянно блуждают по ее телу. Изредка из-за закрытого окна доносились какие-то звуки. Завешенные шторы хранили полумрак и уединение спальни. Он поцеловал ее в уголок рта и она, закрыв глаза, сонно улыбнулась.

— Ширли... — начал он и замолчал.

Он не мог выразить свои чувства словами. Однако его ласки были красноречивее всяких слов. Ширли придвинулась к нему поближе. Голос ее звучал хрипло.

— В постели ты очень хороший, совсем другой... ты об этом знаешь? С тобой я чувствую себя так, как никогда прежде. — Мышцы у него внезапно напряглись, и она удивленно взглянула на него. — Ты сердисься? Мне нужно тебя убеждать, что ты — единственный мужчина, с которым я спала?

— Конечно, нет. Это не мое дело и не волнует меня.

Однако по лицу Энди было видно, что это не так.

Ширли повернулась на спину и посмотрела на пылинки в луче света, пробивавшегося в щель между шторами.

— Я не стараюсь найти какие-то извинения, Энди. Я выросла в очень строгой семье. Я нигде не бывала и ничего такого не делала, но отец все время за мной следил. Меня это не очень злило. Просто ему нечего было делать — вот и все. Папа меня любил; он, вероятно, думал, что делает мне добро. Он ушел в отставку — его заставили — в пятьдесят пять лет. У него была пенсия и кое-какие сбережения, поэтому он просто сидел дома и пил. Когда мне исполнилось двадцать лет, я участвовала в конкурсе красоты и получила первый приз. Я помню, что отдала деньги отцу на сохранение, и больше я его не видела. Один судья назначил мне в тот вечер свидание. Я пришла — и осталась у него, стала с ним жить.

Вот как? — подумал Энди. Он усмехнулся: какие у него на нее права?

— Ты надо мной смеешься? — спросила она, проведя пальцем по его губам; в ее голосе звучало отчаяние.

— Боже праведный, конечно, нет! Я смеюсь над собой, потому что — если хочешь знать — я немного ревновал. А на это я не имею права.

— Ты имеешь все права на свете, — сказала она, целуя его. — По крайней мере для меня теперь все выглядит совсем по-другому. Я знала не так уж много мужчин, и все они были вроде Майка. Мне казалось, что я просто...

— Замолчи, — сказал он. — Мне все равно. Мне только не все равно, что происходит с тобой здесь и сейчас — и все.

Глава 10

Энди дошел уже почти до конца списка, и ноги у него отнимались. Девятая авеню пылала под полуденным солнцем, и каждый клочок тени был забит людьми — стариками, няньками, подростками, сидевшими в обнимку. Повсюду, словно трупы после битвы, валялись люди всех возрастов, раскинув грязные руки и ноги. Только маленькие дети играли на солнце, но их движения были замедленными, а крики — приглушенными. Вдруг раздались вопли, люди зашевелились — появились двое бегущих мальчишек. Их руки были в крови. На веревке они тащили за собой трофей: большую серую дохлую крысу. Сегодня вечером они хорошо поужинают. Посередине улицы с черепашьей скоростью двигались гужевики. Энди проскочил между ними, ища контору «Вестерн-Юниона».

Было невозможно проверить всех людей, которые бывали в квартире О'Брайена за последнюю неделю, но нужно было постараться выявить хотя бы самые очевидные связи. Любой мог обнаружить отключенную систему сигнализации в подвале, но только тот, кто был в квартире, мог знать, что и там сигнализация не работает. За восемь дней до убийства произошло короткое замыкание, и сигнализацию на двери отключили, чтобы отремонтировать всю систему. Энди составил список возможных кандидатур и проверял их одну за другой. Результатов пока не было. Показания счетчиков в квар-

тире не снимали уже давно, а все посыльные, приходившие туда, были известны уже много лет.

«Вестерн-Юнион» проверялся на всякий случай. За ту неделю в здание принесли множество телеграмм, и швейцар был уверен, что некоторые из них предназначались О'Брайену. Он и лифтер вспомнили, что в ночь перед убийством телеграмму принес новый посыльный — мальчик-китаец. Тысяча против одного, что это не имело значения, но нужно было проверить. По крайней мере это уже что-то, о чем можно рассказать лейтенанту, чтобы он на некоторое время отцепился от Энди.

Над входом висела сине-желтая вывеска, и Энди вошел.

Контору разделяла длинная стойка. У дальней стены стояла скамейка, на которой сидели трое подростков. Четвертый разговаривал у стойки с диспетчером. Ни один из них не был китайцем. Мальчик у стойки взял дощечку посыльного и вышел. Энди направился к диспетчеру, но не успел подойти, как тот раздраженно замотал головой.

— Не сюда! — рявкнул он. — Телеграммы в то окно! Не видите, что ли, что я — диспетчер?

Энди взглянул на глубокие морщины на лице этого человека и уныло опущенные уголки рта, на валявшиеся вперемешку на столе дощечки, мелки и телетайпные ленты, на потертый значок с надписью: «М-р Бургер». Этот беспорядок на столе словно олицетворял годы беспросветного труда. В глазах клерка горела ненависть. Нужно запастись терпением, чтобы получить от этого человека хоть какую-то помощь. Энди показал бляху.

— Полиция, — сказал он. — Я хочу поговорить именно с вами, мистер Бургер.

— Я ничего не сделал, мне не о чем с вами говорить.

— Вас никто и не обвиняет. Мне нужна некоторая информация для расследования.

— Ничем не могу вам помочь. Для полиции у меня нет никакой информации.

— Позвольте мне решать подобные вопросы. Двадцать восьмая улица относится к вашему району?

Бургер замешкался, потом кивнул — медленно и неохотно, словно его принудили выдать государственную тайну.

— У вас есть посыльные китайцы?

— Нет.

— Но по крайней мере у вас работает хоть один мальчик-китаец?

— Нет.

Он начал царапать что-то на дощечке, не обращая внимания на Энди. По лысой голове струились ручейки пота. Энди не любил оказывать нажим, но делать было ничего.

— В нашем государстве существуют законы, Бургер, — сказал он строго и безапелляционно. — Я могу вытащить вас отсюда, привести в участок и на тридцать дней засадить в камеру за создание препятствий следствию. Вы хотите, чтобы я этим занялся?

— Я же ничего не сделал!

— Да неужели? Вы мне солгали. Вы сказали, что у вас никогда не работал мальчик-китаец.

Бургер заерзал на стуле, терзаемый страхом и желанием остаться в стороне. Страх победил.

— Был тут один мальчик-китаец, но он работал только один день и больше не возвращался.

— В какой день?

— В понедельник на этой неделе, — неохотно пробурчал Бургер.

— Он разносил телеграммы?

— Откуда я знаю?

— Потому что это ваша работа, — сказал Энди, нажимая на слово «ваша». — Какие телеграммы он разносил?

— Он сидел тут целый день, но был мне не нужен. Это был его первый день. Я никогда не посылаю нового мальчишку в первый день. Даю им попривыкнуть к скамейке, чтобы у них не возникало никаких иллюзий. Но у нас было много телеграмм ночью. Пришлось послать его. Только один раз.

— Куда?

— Послушайте, мистер, я не могу помнить все телеграммы, которые проходят через меня. Их очень много, и, кроме того, мы их не регистрируем. Телеграмму принимают, относят и вручают — вот и все.

— Знаю, но эта телеграмма очень важна. Попытайтесь вспомнить адрес. Седьмая авеню? Или Двадцать третья улица? Челси-парк?

— Постойте!.. Да-да... Я помню, что не хотел, чтобы мальчишка шел в Челси-парк: они там не любят новых

парней, но больше никого не было, и пришлось послать его.

— Ну вот, до чего-то мы и добрались, — сказал Энди, доставая блокнот. — Как его зовут?

— Какая-то китайская фамилия... я не помню. Он был здесь только один день и больше не приходил.

— Тогда как он выглядит?

— Как все китайские мальчишки. Это не моя работа — помнить, как они выглядят. — Он опять начал злиться.

— Где он живет?

— Откуда я знаю? Мальчишки приходят, отдают деньги в залог — вот все, что меня касается. Не мое дело...

— Похоже, вообще все — не ваше дело, Бургер. Я к вам еще зайду. К тому времени попытайтесь вспомнить, как выглядел этот мальчишка, мне нужно будет задать вам еще несколько вопросов.

Когда Энди вышел из конторы, мальчишки заерзали на скамейке, и Бургер бросил на них грозный взгляд.

Это была небольшая зацепка, но Энди обрадовался. По крайней мере есть о чем поговорить с Грасси.

В кабинете лейтенанта находился и Стив Кулозик. Они кивнули друг другу.

— Как дела? — спросил Стив.

— Будете трепаться в свободное время, — перебил его Грассиоли. Тик у него под глазом разошелся вовсю. — Тебе лучше приходить сюда не с пустыми руками, Раш. Это расследование, а не отпуск. В это дело суют нос все, кому не лень.

Энди рассказал об отсоединенной системе сигнализации. Он быстро пробежался по безрезультатным беседам с людьми, и перешел к мальчишке из «Вестерн-Юниона». Тут он остановился на всех подробностях.

— Ну и что же в итоге? — спросил лейтенант, прижав руки к животу — там, где была язва.

— Возможно, мальчишка на кого-нибудь работает. Посыльные должны давать десять долларов в залог. Немногие мальчишки могут выложить такие бабки. Мальчишка был послан, возможно, из Китайского городка. Доставляя телеграммы, он заодно осматривал квартиры. Он с первого раза сорвал банк, обнаружив, что на двери Большого Майка отсоединена сигнализация. Потом тот, кто его нанял, совершил взлом и убийство, после чего оба скрылись.

— Звучит чересчур складно, но это у нас единственная ниточка. Как зовут мальчишку?

— Никто не знает.

— Какого черта! — заорал Грассиоли. — Что толку в твоей выдуманной теории, если мы не сможем найти мальчишку? В этом городе миллионы мальчишек. Как нам найти нужного?

Энди не ответил.

Пока Энди излагал суть дела, Стив Кулозик стоял, прислонившись к стене. Теперь же он спросил:

— Можно кое-что сказать, лейтенант?

— Что ты хочешь?

— Давайте на минуту предположим, что это случилось на нашем участке. Мальчишка может жить в Китайском городке или где-нибудь еще, но давайте об этом забудем. Скажем, он живет в Корабельном городке, прямо у нас под боком. Вы ведь знаете, как эти косоглазые держатся друг за дружку, поэтому, возможно, мальчишку использовал тоже китаец. Просто предположим.

— Что вы хотите сказать, Кулозик? Переходите, черт возьми, к сути.

— Уже перехожу, лейтенант, — невозмутимо произнес Стив. — Скажем, мальчишка или его босс живет в Корабельном городке. Если так, то у нас должны быть их отпечатки пальцев. Это было до меня. Но ведь вы здесь работали в семьдесят втором, не так ли, лейтенант, когда сюда привезли всех этих беженцев с Тайваня, после того как накрылось вторжение генерала Куна на материк?

— Я здесь работал. Я только поступил на службу.

— Ведь тогда брали отпечатки пальцев у всех, даже у детей? На случай, если какой-нибудь коммунистический агент проскочил вместе с ними?

— Это делалось на всякий случай, — сказал лейтенант. — Отпечатки пальцев брали у всех, и еще пару лет у всех детей. Эти карточки у нас здесь, в подвале. Так ты об этом подумал, а?

— Так точно, сэр. Надо просмотреть их — не совпадают ли отпечатки пальцев на орудии убийства с одной из наших карточек. Просто на всякий случай, попытка — не пытка.

— Ты слышал, Раш? — спросил Грассиоли, подвигая к себе стопку рапортов. — Возьмите отпечатки

пальцев с ломика, спуститесь вниз и посмотрите, не найдется ли чего.

— Слушаюсь, сэр, — ответил Энди, и они со Стивом вышли из кабинета. — Ну удружил, — сказал он Стиву, как только закрылась дверь. — Я скоро уже свалил бы отсюда, а ты тащишь меня в подвал, где я, вероятно, проведу всю ночь.

— Все не так страшно, — спокойно ответил Стив. — Я один раз пользовался этими досье. Все отпечатки закодированы, так что нужные находятся очень быстро. Я бы тебе помог, но я жду к ужину зятя.

— Того, которого ты так ненавидишь?

— Того самого. Но он работает на рыболовецком траулере и собирался принести ворованной рыбы. Свежей. Слюнки не потекли?

— Чтоб ты подавился рыбьей костью!

Отпечатки пальцев находились не в таком идеальном состоянии, как представлял Стив. Каталогом уже не раз пользовались, и одни карточки лежали в строгой последовательности, другие были перепутаны, лежали кое-как. В подвале было прохладнее, чем наверху, но воздух был наполнен пылью и дышалось тяжело. Энди работал до девяти часов, пока в голове не застучало и не зарябило в глазах. Он поднялся наверх, плеснул в лицо воды и отдышался. Некоторое время он раздумывал: закончить работу сегодня или оставить до утра. Но представив, что скажет Грасси, он опять пошел вниз.

Было около одиннадцати, когда он нашел карточку. Он хотел отложить ее в сторону, потому что на ней были отпечатки грудного ребенка, но, сообразив, что дети растут, он внимательно посмотрел на них через поцарапанную пластмассовую лупу.

Сомнений не оставалось. Это были те же отпечатки, что и на окне, и на ломике.

«Чун, Уильям, — прочитал он. — Родился в 1982 году, в больнице Корабельного городка».

Энди встал так быстро, что стул опрокинулся. Лейтенант сейчас скорее всего дома, может, даже в постели, и будет в гнусном настроении, если его разбудят. Наплевать.

Вот оно!

Глава 11

Где-то на реке раздался гудок буксира: два раза, потом еще два раза. Звук эхом отразился от стальных бортов кораблей, и его источник уже нельзя было определить: он стал печальным воем, наполнившим жаркую ночь. Билли Чун ворочался на мокром матрасе, уставившись в темноту: сна ни в одном глазу. У дальней стены хрипло дышали спящие близнецы. Снова раздался пронзительный гудок. Почему он просто не схватил вещи и не убежал из квартиры? Он мог бы сделать это очень быстро. Почему этот здоровяк появился именно тогда? Он правильно сделал, что прикончил его, такого болвана. Ведь это самооборона, не так ли? Он первым напал на Билли. Одно и то же воспоминание повторялось снова и снова, как закольцованная пленка в проекторе: взмах ломиком, жирное красное лицо. Потом он опускает железный прут, и из головы появляется тоненькая струйка крови. Билли метался в кровати, мотая головой из стороны в сторону и хватая себя за грудь.

Неужели каждая ночь будет такой же? С жарой, потом и воспоминаниями, бесконечно? Если бы он тогда не пошел в ванную... У Билли вырвался стон и замер. Он сел, закрыл лицо руками и давил пальцами на глаза так сильно, что в темноте поплыли красные круги. Может попробовать сейчас «грязи»? Он купил ее как раз для такого случая за два доллара, возможно, сейчас

самое время. Говорят, что к ней нельзя пристраститься. Врут, наверное.

Он провел рукой в темноте по армированному кабелю на стальной стене и нащупал распределительную коробку. «Грязь» по-прежнему лежала там. Его пальцы сжали кусок полиэтилена, в который она была завернута. Попробовать? Сквозь жару вновь пробился гудок. Билли судорожно сжал кулаки. Шорты валялись у стены, куда он их бросил. Он натянул их и достал маленький пакетик. Он осторожно открыл дверь и босыми ногами бесшумно ступил на теплую металлическую палубу.

Все иллюминаторы были открыты: черные слепые глаза в ржавых стенах. В каждой каюте, в каждом кубрике, во всех отсеках спали люди. Билли поднялся на верхнюю палубу, слепые глаза и там смотрели на него. Последний трап вел в рубку, когда-то закрытую на замок, но давно разгромленную двумя поколениями детей. Дверь исчезла, рамы вместе со стеклами сняли с окон. Днем это было любимое место для игр у детей «Колумбии Виктории», но сейчас здесь было пустынно и тихо. Из углов резко пахло мочой. Билли вошел внутрь.

Сохранилось лишь то, что нельзя было утащить: стальной столик для карт, привинченный к стене, корабельный телефон, штурвал без половины рукояток. Билли осторожно раскрыл пакетик с «грязью» на столике и взял щепотку серой пыли, едва видимой при свете звезд. Как это называется? ЛСД? Все равно гадость, потому ее и называют «грязью». С этой штукой смешивают что-нибудь еще, чтобы лучше брало. Нужно принять это все, чтобы ощущения были достаточно сильными. Он видел, как Сам-Сам и другие «тигры» нюхали ее, но сам никогда этим не занимался. Как они это делают? Он поднес пакетик к носу, зажал одну ноздрю большим пальцем и сильно вдохнул. В носу страшно защекотало, и Билли зажал нос, чтобы не чихнуть. Когда раздражение прошло, он вдохнул остатки порошка через другую ноздрю и выкинул скомканный пакетик.

Никаких ощущений не было, вообще никаких. Мир оставался тем же самым, и Билли понял, что его надули. Два доллара коту под хвост. Он выглянул из окна, и по лицу у него потекли слезы вперемешку с потом. Он

плакал и думал: как хорошо, что сейчас темно и никто не видит его плачущим, ведь ему уже целых восемнадцать лет. Грубый металл оконной рамы под пальцами казался ему маленькими горными пиками и долинами. Зазубренный, гладкий, ровный, твердый. Он наклонился и провел по нему пальцами. От прикосновения у него по спине пробежали мурашки наслаждения. Почему он никогда не ощущал этого прежде? Он высунул язык, и сладко-кисло-металлически-грязный привкус показался восхитительным. А когда он коснулся металла зубами, возникло ощущение, что он откусил кусок стали, большой, как мостик.

Весь мир заполнил гудок парохода. Он показался Билли музыкой. Он широко открыл рот, чтобы лучше ощутить ее вкус. Неужели это прогудел пароход? Темные силуэты рангоутов, мачт, проводов, антенн, вант, труб, шлюпок двигались вокруг него, танцуя на фоне черного неба. Они уходят в море, конечно, он всегда знал, что так и должно быть, а сейчас самое время. Он дал сигнал в машинное отделение и ухватился за штурвал — деревянные рукоятки были такими круглыми и гладкими — поворачивая его, он направлял корабль сквозь нагромождение черных остовов.

И весь экипаж был наготове, отличный экипаж. Он шепотом отдавал команды — они слышали его, даже если бы он произносил команды про себя. Он утер нос. Они находились внизу, занимаясь тем, чем занимается отличная команда в то время, когда он ведет судно. Они о чем-то перешептывались; он слышал, как кто-то спросил: «Все на месте?», ему ответили: «Да, сэр». Это было приятно слышать, и он видел, как его команда двигается по палубе и вверх и вниз по трапам. Штурвал в его руках был большим и сильным, и он медленно поворачивал его, продвигаясь между другими кораблями.

Свет. Голоса. Внизу. Люди. На палубе.

— В комнате его нет, лейтенант.

— Он смылся, услышав наши шаги.

— Возможно, сэр, но я расставил людей у всех люков и трапов. И на мостиках, что ведут на другие корабли. Он должен быть на борту. Его мать сказала, что он лег спать вместе со всеми.

— Мы найдем его. У нас здесь столько людей, что не поймать какого-то мальчишку... Ищите его!

— Так точно, сэр.

Ищите его... Кого? Его, конечно. Он знал, что люди там внизу — полиция и им был нужен он. Они нашли его. Но он не хотел идти вместе с ними. Только не сейчас, когда он в таком состоянии. Неужели это «грязь» привела его в такое состояние? Восхитительная «грязь». Надо будет еще достать «грязи». Он очень многого не знал, но единственное он знал наверняка — у полицейских нет «грязи», и они ее не дадут. Никакой «грязи»?

Поручни заскрипели, тяжелые ботинки поднимались по трапу на мостик. Билли залез на стальной столик, а оттуда выбрался через окно наружу. Это было проще простого. И он по-прежнему чувствовал себя отлично.

— Как воняет, — произнес чей-то голос. — Его здесь нет, лейтенант!

— Общайте все. Он должен быть где-то здесь.

Ночной воздух был таким плотным, что трудно было двигаться. Он решил перелезть на другой корабль. Добравшись до дымовой трубы, он начал карабкаться по стальным тросам вверх.

— Ты не слышал ничего там наверху?

Последний трос — и вершина, и черная пасть трубы. Дальше двигаться было некуда, только внутрь, и он пощупал рукой пустоту. Его ноги соскользнули, и он свалился в длинный черный туннель. Падая, он зацепился за какой-то выступ, неровный и ржавый. Он вскарабкался на этот выступ и взглянул на небо. Голоса превратились в невнятное бормотание.

Он никогда ни видел таких звезд. Неужели это новые звезды? Они были разноцветными — таких цветов он никогда в жизни не видел.

Вдруг у него судорогой свело ногу. Голоса умолкли. Судорожно вцепившись онемевшими пальцами в металл, он представил себе, как падает вниз, в бесконечный темный туннель. Из последних сил выпрямив ноги, он выполз наружу.

Если ты родился на корабле и живешь на корабле, он становится для тебя таким же нормальным миром, как улицы или что-либо иное. Билли знал, что если забраться на нос корабля, повиснуть на нем и прыгнуть, то можно приземлиться на корме соседнего судна. Существовали и другие способы перехода с корабля на корабль помимо трапов и мостиков, и он пользовался ими машинально, даже в темноте, выбираясь на берег.

Он почти достиг цели, как вдруг ощутил боль в босой ноге: он наступил на ржавый стальной трос, и в ступню впились концы металлической проволоки. Он сел, прислонился к поручням и попытался вытащить ее на ощупь. Внезапно он почувствовал, как его стала сотрясать дрожь.

Он помнил все и знал, что сделал, но только сейчас до него начал доходить истинный смысл происшедшего. Полиция его обнаружила и выследила. И только по счастливой случайности он оказался в трубе и не попался им.

Они его искали, и они знали, кто он такой!

За темными силуэтами города вставало серое небо. Он добрался до берега у самой границы Корабельного городка. На Двадцать третьей улице виднелись фигуры поздних прохожих.

Он спрыгнул на причал и побежал к складам — маленький, перепачканный в саже, босой и испуганный человек. Тьма поглотила его.

Глава 12

Жара стояла над городом уже так долго, что о ней уже не говорили — ее просто терпели. Когда Энди ехал в лифте, лифтер — худой, усталый парень — прислонился к стенке, широко открыв рот; его форма была насквозь пропитана потом. В начале восьмого Энди открыл дверь квартиры 41-Е. Когда внешняя дверь за ним закрылась, он постучал во внутреннюю, затем поклонился в направлении телекамеры. Замок щелкнул, и на пороге появилась Ширли — прямо с постели, со спутавшимися волосами, в пеньюаре.

— Сколько дней... — сказала она и бросилась в его объятия, а он поцеловал ее. Он забыл про пластиковый пакет под мышкой и тот упал на пол. — Что это? — спросила она.

— Плащ. Я взял его на дежурство, ожидается дождь.

— Ты не останешься?

— Если бы мог, остался! — он еще раз поцеловал ее и притворно застонал. — Много чего произошло с тех пор, как я видел тебя последний раз.

— Я сделаю кофе, это быстро. Заходи на кухню и рассказывай.

Энди сел и посмотрел в окно. Небо заволокли темные облака, которые, казалось, касаются верхушек небоскребов.

— Здесь в квартире этого не чувствуется, — сказал он, — но на улице даже хуже, чем раньше. Думаю,

влажность повысилась, сейчас где-то около девяносто девяти.

— Ты нашел этого мальчишку Чуна?

— Нет. Он может быть сейчас только на дне реки. Прошло уже больше двух недель, как он улизнул от нас с корабля, и с тех пор мы не напали на его след. Нам даже разрешили напечатать его фотографии и отпечатки пальцев вместе с описанием внешности, чтобы разослать по всем участкам. Я отнес копии в Китайский городок и раздал там всем детективам. Сначала мы поставили пост у жилья мальчишки, но потом сняли его, потому что обзавелись двумя живущими на этом же корабле осведомителями — они будут смотреть во все глаза и дадут нам знать, если он появится — иначе им не заплатят. Вот все, что мы сейчас можем сделать.

— Думаешь, вам удастся его поймать?

Энди пожал плечами и подул на кофе.

— Трудно сказать. Если он уйдет на дно или уедет, возможно, мы его больше не увидим. Теперь следует положиться только на случай. Хотелось бы убедить в этом муниципалитет.

— Значит... ты по-прежнему занимаешься этим делом?

— Наполовину. На нас по-прежнему давят, требуя поскорей найти мальчишку, но Грасси удалось убедить их, что я могу заниматься расследованием лишь часть времени, и они согласились. Поэтому я должен половину рабочего времени заниматься этим делом, а остальное время — дежурить. Что — поскольку ты знаешь Грасси — означает, что я весь рабочий день дежурю, а остальное время разыскиваю Билли Чуна. Я уже начинаю ненавидеть этого парня. Хорошо, если бы он утонул, а мне удалось бы это доказать.

Ширли села напротив с чашкой кофе.

— Значит, вот так ты провел последние дни.

— Вот так я их и провел. На дежурстве и на Кен-сикском водохранилище последние два дня. Не было никакой возможности заскочить сюда или послать весточку. Я и сейчас на дежурстве и должен в восемь отметиться, но я должен был увидеть тебя. Сегодня тридцатое. Что ты собираешься делать, Ширли?

Она молча покачала головой и уставилась в стол: пока он говорил, на ее лице появилось безрадостное выражение. Он перегнулся через стол и взял ее за

руку, но она будто не заметила этого. Однако руку не отняла.

— Мне тоже не хочется об этом говорить, — сказал он. — Эти последние недели были, в общем... — Он решил сменить тему разговора. Он не мог выразить все, что чувствовал — особенно сейчас. — Тебе докучала сестра О'Брайена?

— Она приходила, но ее не пустили в здание. Я сказала, что не хочу ее видеть, и она закатила сцену. Тэб сказал мне, что весь обслуживающий персонал получил большое удовольствие. Она написала записку: сказала, что будет здесь завтра, чтобы забрать все вещи, поскольку это последний день месяца. Полагаю, она может это сделать. Среда — это уже первое, так что срок истекает в полночь.

— Какие у тебя планы в отношении того, куда... что ты собираешься делать? — Слова прозвучали грубовато, но лучше сказать он не смог.

Ширли помолчала немного и покачала головой.

— Я вообще об этом не думала, — сказала она. — Когда ты здесь, это для меня праздник, и я все время откладываю заботы на следующий день.

— Это в самом деле был праздник! Надеюсь, мы не оставили этой змее ни пива, ни виски?

— Ни глоточка!

Они рассмеялись.

— Должно быть, мы пропили целое состояние, — сказал Энди. — Но я ни капельки об этом не жалею. А как насчет еды?

— Осталось немного крекеров... и еще куча всего, чтобы приготовить классный ужин. В морозильнике у меня лежит тилапия. Я надеялась, что мы съедим ее вместе: своего рода отвальная, вместо новоселья.

— Я — запросто, если ты не против такого позднего ужина. Уже полночь.

— Я «за». Это будет забавно.

Когда Ширли радовалась, все говорило об этом. Энди оставалось только улыбаться. Казалось, у нее в волосах появился новый блеск; она вся словно лучилась радостью и счастьем. Энди это чувствовал и радовался вместе с ней. Он знал, что если сейчас он не задаст своего вопроса, то уже не сделает этого никогда.

— Послушай, Ширли... — Он взял ее руки в свои, и почувствовал ее тепло. — Может, ты пойдешь ко

мне? Ты можешь жить у меня. Правда, комната не такая большая, но меня почти не бывает дома, так что я не буду путаться под ногами. Все будет твоим, если пожелаешь. — Она открыла рот, но он приложил палец к ее губам. — Подожди, не отвечай! Соблазнить мне тебя нечем. Все это временно — столько, сколько захочешь. Ничего похожего на Челси-парк — грязный дом без лифта, половина комнаты и...

— Помолчи, пожалуйста! — рассмеялась она. — Я уже несколько часов пытаюсь сказать «да», а ты, похоже, хочешь меня отговорить.

— Что?

— Больше всего на свете я хочу быть счастливой. А эти недели с тобой я была так счастлива, как никогда за всю свою жизнь. И ты не испугаешь меня своей квартирой. Ты бы видел, как живет мой отец, а я ведь тоже там жила до двадцати лет.

Энди удалось обойти вокруг стола, не свалив его, и он прижал ее к себе.

— Мне нужно быть в участке через пятнадцать минут, — с сожалением сказал он. — Жди меня здесь. Я работаю до шести, но вряд ли меня в это время отпустят. Мы устроим отвальную, а потом перевезем твои вещи. У тебя их много?

— Все поместится в три чемодана.

— Великолепно. Мы их просто перенесем или возьмем такси. Мне нужно идти. — Его голос изменился. — Поцелуй меня.

Она подняла к нему сияющее лицо...

Уйти от Ширли стоило Энди больших усилий. Перед уходом он прокрутил в голове все возможные варианты оправданий своего опоздания, хотя знал, что ни один из них не удовлетворит лейтенанта. Спустившись в вестибюль, он услышал какой-то шум с улицы. Швейцар, Тэб и еще четыре охранника толпились у входной двери, выглядывая на улицу. Когда Энди подошел, они расступились.

— Вы только посмотрите, — сказал Чарли. — Что творится.

Противоположная сторона улицы была почти не видна, скрытая завесой падающей воды. Дождь лил как из ведра, а канавы превратились в стремительно несущиеся потоки. Взрослые толпились у дверей и в подъездах,

но дети, радуясь и визжа, бегали по улице, садились на тротуар и болтали ногами в вонючем потоке.

— Канализации не справиться с таким ливнем, вода поднимется на пару футов. Кое-кто из этих детишек точно утонет, — сказал Чарли.

— Такое происходит каждый раз, — подтвердил охранник Ньютон, кивая со зловещим удовлетворением. — Малышей сбивает волной, и никто даже об этом не знает, пока не заканчивается дождь.

— Можно вас на минуточку? — спросил Тэб, дернув Энди за рукав, и отошел в сторону.

Энди последовал за ним, расправляя сплипшиеся складки плаща.

— Завтра — тридцать первое, — сказал Тэб.

Он взял у Энди плащ и помог ему его надеть: рукав склеился, и Энди с трудом протолкнул туда руку.

— Я полагаю, что тебе следует поискать другую работу, — сказал Энди, слушая шум дождя и думая о Ширли.

— Я не это имел в виду, — сказал Тэб, отвернулся от окна и стал смотреть на улицу. — Я о Ширли. Она завтра должна освободить квартиру. Я слышал, что эта старая крыса, сестра мистера О'Брайена наняла гужевик. Она в первую очередь вывезет всю мебель. Если б я знал, что собирается делать Ширли.

Сложив руки на груди, он наблюдал за ливнем с невозмутимостью изваяния.

Это не его дело, подумал Энди. Однако Тэб знал ее намного дольше, чем он, Энди.

— Ты женат, Тэб? — спросил он.

Тэб искоса взглянул на него и хмыкнул.

— Женат и очень счастлив, у меня трое детей. И я не брошу семью, даже если мне предложат одну из телезвезд вот с такими грудями. — Он пристально взглянул на Энди и улыбнулся. — Тут вам не о чем беспокоиться. Просто мне нравится эта девчонка. Она просто отличная девчонка — вот и все. Меня беспокоит ее судьба.

Тут нет никаких тайн, подумал Энди, понимая, что такие вопросы ему будут задавать часто.

— Она собирается жить у меня, — сказал он. — Я найду сегодня вечером и помогу ей перебраться.

Он взглянул на Тэба. Тот серьезно кивнул.

— Очень хорошо. Рад слышать. Надеюсь, все будет замечательно.

Он отвернулся и опять стал смотреть на дождь, а Энди взглянул на часы и, увидев, что уже почти восемь, выбежал на улицу. Воздух был прохладным — прохладнее, чем в вестибюле. Когда начался дождь, температура упала, наверно, градусов на десять. Может, теперь прекратится эта ужасная жара? Она и так длилась довольно долго. В ров уже набралась вода, по ее поверхности колотили крупные капли. Энди не успел пройти по мостику, как почувствовал, что башмаки уже промокли. Со штанин текло, мокрые волосы прилипли к голове. Но было прохладно, и все остальное его не волновало, даже мысль о постоянно раздраженном Грассиоли, похоже, не слишком занимала его.

Дождь шел до вечера. В остальном этот день ничем не отличался от других. Грассиоли дважды лично отчитал Энди, а потом дал ему разнос перед всем отделом. Энди расследовал два ограбления на дорогах и ещё одно разбойное нападение, которое в итоге превратилось в убийство, поскольку жертва скончалась от ножевого ранения в грудь. Работы навалилось больше, чем отдел мог разгрести за месяц, а пока подчищали старые дела, все время поступали новые. Как он и ожидал, в шесть уйти не удалось, но в девять лейтенант вылетел куда-то по телефонному звонку и все дежурившие днем — несмотря на угрозы и предупреждения Грассиоли — через десять минут исчезли.

Дождь по-прежнему продолжался, хотя и не такой сильный, как прежде, а воздух казался даже холодным после недель непрерывной жары. Идя по Седьмой авеню, Энди вдруг заметил, что улицы почти пусты — в первый раз за лето. В доме на лестнице и у входа сидели и лежали люди, некоторые растянулись на ступеньках и спали. Он с трудом пробрался, перешагивая через лежавших и не обращая внимания на брань. Что тут будет твориться осенью, если владелец дома не наймет охранников, чтобы гнать скуoters?

— Ты себе все глаза испортишь, если все время будешь пялиться в этот чертов ящик, — сказал он Солу, входя.

Старик полулежал на кровати и смотрел какой-то фильм про войну. Из телевизора гремела канонада.

— У меня зрение испортилось, когда ты еще не родился, мистер Умник, и я по-прежнему вижу лучше, чем девяносто девять процентов чудаков моего возраста. Все ишачишь?

— Найди мне работу лучше, и я брошу эту, — сказал Энди, включая в своей комнате свет и выдвигая нижний ящик шкафа.

Сол зашел и сел на краешек кровати.

— Если ты ищешь фонарик, — сказал он, — то однажды ты его оставил на столе. А я положил его в верхний ящик под рубашки.

— Ты мне как отец родной.

— Ага, только не пытайся занять денег, сынок.

Энди положил фонарик в карман и вздохнул: теперь он должен рассказать Солу все. Он долго оттягивал этот разговор и теперь недоумевал, почему так волнуется. В конце концов, эта комната принадлежала ему. Они вместе ели, потому что так было легче — вот и все. Просто джентльменское соглашение.

— У меня некоторое время будет жить один человек, Сол. Не знаю наверняка, как долго.

— Это твоя комната, дружище. Я знаю этого парня?

— Нет. Но это не парень...

— Ха-ха! Все ясно. — Он щелкнул пальцами. — Не та ли цыпочка, девочка Большого Майка, с которой ты встречался?

— Да, та самая девушка. Ее зовут Ширли.

— Фантастическое имя, фантастическая девушка, — сказал Сол, вставая. — Просто фантастика. Только смотри не обожгись, дружище.

Энди открыл рот, но Сол вышел из комнаты и хлопнул за собой дверь. Чуть сильнее, чем требовалось. Когда Энди уходил, он опять смотрел телевизор и даже не взглянул на соседа.

День получился длинный, ноги у Энди отнимались, шею сводило, и болели глаза. Он думал, почему так разозлился Сол. Он никогда не видел Ширли, — что он имеет против нее? Бредя по городу под моросящим дождем, он подумал о Ширли и бессознательно начал насвистывать. Он был голоден, устал, и ему очень хотелось ее видеть.

Вскоре за завесой дождя показались башни и шпили Челси-парка, швейцар кивнул и отдал честь, когда Энди проходил по мостику.

Ширли отворила дверь, на ней было серебристое платье, которое он впервые увидел в тот первый вечер, а поверх него — белый фартук. Волосы были заколоты серебряной заколкой, а дополняли гарнитур серебряный браслет на правом запястье и кольца на обеих руках.

— Только не замочи меня, — сказала она, целуя его. — Я надела все самое лучшее, что у меня есть.

— А я похож на бродягу, — сказал он, снимая мокрый плащ.

— Ерунда. Просто похоже, что у тебя был тяжелый день в офисе, или как вы там называете это место, где работаете. Тебе нужно отдохнуть. Повесь плащ в ванную и высуши волосы, а то простудишься. Потом приходи в гостиную. У меня для тебя сюрприз.

— Что такое? — спросил он.

— Если я тебе скажу, это уже не будет сюрпризом, — ответила она с убийственной женской логикой.

Ширли сняла фартук и ждала его в гостиной у большого стола. Две высокие свечи бросали отблески на серебряные приборы, фарфоровые тарелки и хрустальные бокалы. Белая скатерть свисала твердыми складками.

— Это еще не все, — сказала Ширли, указывая на серебряное ведерко, откуда высовывалось горлышко бутылки.

На пробку была намотана какая-то проволока, а ведерко наполнено кубиками льда и водой. Энди достал бутылку и поднес к свету, чтобы прочесть этикетку.

— «Французское шампанское — редкое, отборное, игристое, вино высшего качества». — Он аккуратно поставил бутылку обратно в ведерко. — Мы пили вино в Калифорнии. Я был еще ребенком, но отец дал мне попробовать. Я вообще не помню вкуса. Ты меня балуешь, Ширли. И ты меня обманула — сказала, что мы допили все напитки в этой квартире — а теперь достанешь вот это.

— Я тебя не обманывала! Я купила его сегодня, специально на ужин. Заходил человек Майка, снабжавший его спиртным, он из Джерси и даже ничего не знает про то, что случилось с Майком.

— Это, должно быть, стоит целое состояние...

— Не так уж много, как ты думаешь. Я отдала ему все пустые бутылки, и он продал мне его со скидкой. Открывай же, ради Бога, давай попробуем.

Энди долго мучился с проволокой на пробке. Он видел, по телевизору, как открывают такие бутылки, но на экране это казалось намного проще, чем на самом деле. В конце концов он откупорил ее. Раздался хлопок — и пробка улетела в другой конец комнаты. Ширли стала ловить бокалом пенящееся вино — так, как велел делать виноторговец.

— За нас, — сказала она, и они чокнулись.

— Отлично. Я никогда не пробовал ничего подобного.

— Ты никогда не пробовал и такого ужина, — сказала она и выбежала на кухню. — Сиди, пей вино и смотри телевизор, все будет готово через несколько минут.

На первое был чечевичный суп, но совсем не такого вкуса, как обычно. С остатками мяса, объяснила Ширли. Вареная тилапия была подана с белым соусом и посыпана сухарями из крекеров. В качестве гарнира фигурировал морской салат. Все это запивали вином, и Энди удовлетворенно вздыхал. Когда Ширли принесла кофе и десерт — желе из агар-агара, залитое соевым молоком, — он застонал, но съел и это.

— Ты куришь? — спросила она, убирая со стола.

Он откинулся на спинку кресла, прикрыв глаза и расслабившись.

— Жалованье полицейского не позволяет. Нет, не курю. Ширли, на кухне ты просто гений. Я избалуюсь, если буду есть то, что ты готовишь.

— Мужчин надо баловать, тогда с ними легче жить. Жаль, что ты не куришь, потому что я нашла две сигары в коробке, спрятанной Майком. Он приберегал их для особых гостей.

— Отнеси их на блошинный рынок, получишь хорошие деньги.

— Нет, я не смогла бы этого сделать, по-моему, это нехорошо.

Энди выпрямился.

— Если так, то Сол курит — тот человек, о котором я тебе рассказывал, он живет в соседней комнате. Это его порадует. Он мой очень хороший друг.

— Чудесная идея, — сказала она. Кем бы ни был этот Сол, ей хотелось ему понравиться, если уж при-

дется жить в соседней комнате. — Я положу их в чемодан. — И она понесла поднос с пустой посудой на кухню.

Вымыв посуду, она закончила упаковывать свои вещи в спальне и попросила Энди достать с верхней полки последний чемодан. Ей нужно было переодеться, и он помог ей расстегнуть молнию на платье. Это произвело такой эффект, на который она и надеялась.

После полуночи последний чемодан был собран, Ширли надела свое серое повседневное платье и была готова идти.

— Ты ничего не забыла? — спросил Энди.

— Не думаю, но взгляну в последний раз.

— Ширли, когда ты сюда переехала, ты привезла с собой полотенца, постельное белье или еще что-нибудь такое? — Он показал на смятую постель и почувствовал себя почему-то неловко.

— Нет, ничего. У меня была только сумка с одеждой.

— Я просто подумал, что эти простыни принадлежат тебе. Понимаешь... в общем, у меня только одна простыня, очень старая, а сейчас они стоят целое состояние, даже бывшие в употреблении.

Она засмеялась.

— Ты говоришь так, будто собираешься проводить большую часть времени в постели. Теперь я вспомнила, две простыни мои. — Она открыла чемодан, сложила их и стала засовывать внутрь. — По крайней мере это он мне задолжал.

Энди вынес чемоданы в коридор и вызвал лифт. Ширли задержалась на секунду, проверяя, захлопнулась ли дверь, потом догнала его.

— Он когда-нибудь спит? — спросил Энди, когда они вышли в вестибюль и увидели Чарли, стоявшего на своем посту у входной двери.

— Не уверена, — ответила Ширли. — Когда что-нибудь происходит, он тут как тут.

— Очень жаль, что вы уезжаете, мисс Ширли, — сказал Чарли. — Я могу забрать у вас ключи от квартиры, если вам будет угодно.

— Напишите-ка расписку, — попросил Энди, когда она отдала ключи.

— Был бы рад, — невозмутимо произнес Чарли, — если бы было на чем писать.

— Вот, напишите в моем блокноте, — сказал Энди.

Он бросил взгляд через плечо швейцара и увидел Тэба, выходявшего из комнаты охраны.

— Тэб, а ты тут что делаешь ночью? — воскликнула Ширли.

— Жду вас. Я узнал, что вы уезжаете, и думал, что нужно помочь вам донести вещи.

— Но уже очень поздно.

— Последний рабочий день нужно закончить как следует. И по-моему, не следует расхаживать в такое время суток по улицам с чемоданами. Вам могут перерезать горло и не за такое. — Он взял два чемодана, Энди подхватил третий.

— Ну надо же, — сказала она. — Высокооплачиваемый телохранитель и детектив так хлопочут, чтобы проводить меня два квартала.

— Мы еще и улицу подметим, — сказал Энди, забрал блокнот и пошел к двери, предупредительно открытой швейцаром.

Когда они вышли, дождь уже кончился, и в просветах между облаками были видны звезды. Было восхитительно прохладно. Ширли взяла обоих мужчин под руки, и они пошли по улице из залитого светом Челси-парка в кромешную тьму.

Глава 13

Энди поднимался в темноте по лестнице, освещая фонариком спящих людей и стараясь не уронить тяжелую ношу. Его друг Сол спал, и они тихо прошли в комнату Энди. Кровать была достаточно просторна для двоих. Ширли настолько устала, что, положив голову ему на плечо, крепко уснула и даже не почувствовала, как Энди встал утром, оделся и ушел.

Она проснулась и увидела, что солнце заливает изголовье кровати, и, облокотившись на подоконник, ощутила свежий, чистый воздух. Город похорошел после ливня. Пыль и грязь были смыты, все казалось удивительно чистым. Остроконечные силуэты Беллевью вздымались над хаосом черных крыш и заляпанных кирпичных стен. Жара исчезла, унесенная дождем. Ширли с наслаждением зевнула и оглядела комнату.

Чего еще ожидать от холостяка — на всем слой пыли. Теперь это ее забота, ведь Энди проводит большую часть времени вне дома. Не мешало бы кое-что покрасить. В комнате было большое зеркало, треснувшее, но вполне приличное и шкаф для одежды. Короче, жаловаться не на что. Нужно немного прибрать — и комната будет просто загляденье. И еще надо бы убрать эту паутину с потолка.

Бак с водой стоял у перегородки, и, когда она повернула кран, в тазик, державшийся на кронштейнах, потекла коричневатая струйка воды. У нее был

резкий запах химии, который Ширли почти забыла, поскольку вода в Челси-парке проходила через специальные фильтры. Мыла нигде не было видно. Она плеснула себе воды на лицо, вымыла руки и вытерлась стареньким полотенцем, висевшим рядом с бачком.

Вдруг за перегородкой раздался лязгающе-визжащий звук. Она испугалась. Что это такое? Звук доносился из соседней комнаты, где жил Сол. Было очень мило с его стороны, что он начал шуметь только тогда, когда услышал, что она встала и включила воду. Она причесалась, надела вчерашнее платье и слегка подкрасилась. Бросив взгляд в зеркало, она глубоко вздохнула и отворила дверь.

— Доброе утро... — сказала она и осталась в дверях, стараясь не открыть от изумления рот.

Сол сидел на велосипеде-тренажере, едущем в никуда, с сумасшедшей скоростью крутя педали; седые волосы развевались, а седая борода подпрыгивала на груди. Его единственным одеянием были допотопные, латанные-перелатанные шорты. Визг испускал какой-то черный предмет позади велосипеда.

— Доброе утро! — вновь сказала она, на этот раз немного громче. Он взглянул на нее и стал медленнее крутить педали. — Меня зовут Ширли Грин.

— А кем же вы еще можете быть? — холодно произнес Сол, слезая с велосипеда и вытирая пот с лица тыльной стороной ладони.

— Я никогда не видела подобных велосипедов. Он что-то делает? — Она не собиралась вступать в перебранку с соседом.

— Ага. Он делает лед. — Сол надел рубаху.

Она подумала, что это какая-то глубокомысленная шутка, которых она никогда не понимала, но тут увидела, что от черной штуковины провода ведут к большим батареям на холодильнике.

— Понятно, — сказала она, обрадовавшись своему открытию. — С помощью велосипеда у вас работает холодильник. По-моему, это остроумно. — На сей раз он что-то беззлобно пробурчал, и она поняла, что движется в правильном направлении. — Хотите кофе?

— Не знаю. Я слишком давно его не пробовал.

— У меня есть полбанки. Если вскипятить немного воды, можно сделать.

Не дожидаясь ответа, она вышла в соседнюю комнату и принесла банку. Сол посмотрел на коричневую банку, пожал плечами и пошел набирать воды в кастрюльку.

— Могу поспорить, что на вкус это чистый яд, — сказал он, ставя кастрюлю на плиту. Включив лампочку в центре комнаты и посмотрев, как светится спираль, он с сожалением покачал головой. — Пока свет у нас есть, так что будем надеяться, что нам удастся вскипятить стакан воды. — Он включил электронагревательный элемент печи.

— Я пью этот растворимый кофе уже пару лет, — сказала Ширли, садясь в кресло у окна. — Говорят, по вкусу он совсем не похож на настоящий кофе, но я этого не знаю.

— Могу вам сказать со всей уверенностью. Абсолютно не похож.

— Вы когда-нибудь пробовали настоящий кофе? — Она еще не встречала человека, который бы без удовольствия рассказывал о своем жизненном опыте.

— Пробовал? Милочка, я раньше только на нем и сидел. Вы — ребенок, вы понятия не имеете, что было в старые добрые времена. Мы выпивали три, четыре чашки, может, даже целый кофейник, не задумываясь. Один раз я даже отравился кофе — вся кожа стала коричневой, — потому что выпивал по двадцать чашек на дню. Чемпион по питью кофе. Мог бы получить медаль.

Ширли восхищенно покачала головой и подула в чашку. Кофе был чересчур горяч.

— Я совсем забыла, — вдруг сказала она, вскочила с кресла и выбежала в другую комнату. Через секунду она вернулась и подала Солу две сигары. — Энди сказал, что их надо передать вам, потому что вы курите.

Выражение мужского превосходства сошло с лица Сола, и он открыл от изумления рот.

— Сигары? — Это все, что он смог сказать.

— Да. У Майка была их целая коробка, но осталось только две. Я не знаю, хорошие они или нет.

Сол попытался припомнить ритуал курения сигар. Он подозрительно понюхал конец одной из них.

— По крайней мере пахнет табаком. — Он поднес ее к уху и отщипнул кончик, раздався отчетливый хруст. — Ага! Чересчур сухие. Можно было догадаться

ся. О сигарах нужно заботиться, хранить их в соответствующих условиях. Эти напрочь пересушены. Они должны быть намного влажнее. Так их курить нельзя.

— Вы хотите сказать, что они плохие? Придется их выкинуть? — Мысль показалась ей ужасной.

— Ничего подобного, успокойтесь. Я просто возьму коробку, положу туда мокрую губку, а на нее сигары, и выдержу так три-четыре дня. В сигарах что хорошо: их можно возвращать к жизни, как Лазаря; больше того — он наверняка не стал бы пахнуть так славно через четыре дня. Я покажу, как надо с ними обращаться.

Ширли отхлебнула кофе и улыбнулась. Похоже, все улаживается. Солу просто не пришлось по душе идея, что у Энди кто-то будет жить. Но он отличный мужик, у него полно забавных историй, и эта старомодная манера говорить... и она поняла, что они уживутся.

— Это пойло не так плохо на вкус, — сказал Сол. — Если забыть вкус настоящего кофе. Или виргинской ветчины, или ростбифа, или индюшки. Господи, я мог бы рассказать об индюшке. Это было во время войны. Я торчал в какой-то заднице, в Техасе; всю жратву привозили из Сент-Луиса, а мы находились дальше всех. То, что доходило до нас, было настолько дрянным, что сержанты в столовой вздрагивали, когда открывали бачки с солдатской баландой. Но однажды произошло невероятное. Эти техасцы на своих ранчо выращивали индюшек и отправляли на Север к Рождеству и Дню Благодарения. — Ширли кивнула. — В общем, шла война, и не было возможности переправить всех этих индюшек, поэтому ВВС купили их по дешевке, и мы целый месяц пировали. Кому рассказать, так не поверят! Мы жарили индюшек, тушили, варили из них суп, пекли пирожки с индюшатиной, делали рагу, крекеры...

В коридоре послышались быстрые шаги, и кто-то так сильно дернул за ручку, что дверь затряслась. Сол тихонько сунул руку в ящик стола и вытащил большой нож.

— Сол, ты дома? — крикнул из коридора Энди, дергая за дверную ручку. — Открывай.

Сол кинул нож на стол и поспешил к двери. Энди ворвался весь в поту, тяжело дыша. Он прикрыл за собой дверь и заговорил, понизив голос:

— Послушайте, наполните бачки и все канистры. И наполните все, в чем только можно держать воду. Может, заткнете раковину, тогда в нее тоже можно налить воды. Наполняйте столько канистр, сколько вам разрешат на колонке. А если заметят, что вы слишком часто возвращаетесь, идите на другую — на Двадцать восьмой улице. Шевелитесь. Сол... Ширли тебе поможет.

— А что произошло?

— Дьявол! Не задавай глупых вопросов. Я не могу этого сказать... не проболтайся, а то мы все попадем в беду. Мне нужно возвращаться, пока не обнаружили, что меня нет.

Он выскочил из комнаты так же стремительно, как и появился, хлопнула дверь, звуки шагов затихли.

— А что случилось? — спросила Ширли.

— Узнаем позднее, — сказал Сол, засовывая ноги в сандалии. — Прямо сейчас нужно идти. Энди впервые выкидывает такую штуку, а я — старый человек... меня легко испугать. В вашей комнате есть еще одна канистра.

Казалось, что обеспокоены были только они. В очереди у колонки на углу стояли всего две женщины, и одна из них наполнила всего одну бутылку. Сол донес канистры до дома, а по лестнице Ширли захотела тащить их сама.

— Нужно сгонять лишний жир, — сказала она. — Вы пока возвращайтесь в очередь, а я перелью воду и принесу пустые.

Очередь стала чуть длиннее, но в этом ничего необычного не было. Большинство людей всегда собиралось в это время у колонки, пока в полдень ее не закрывали.

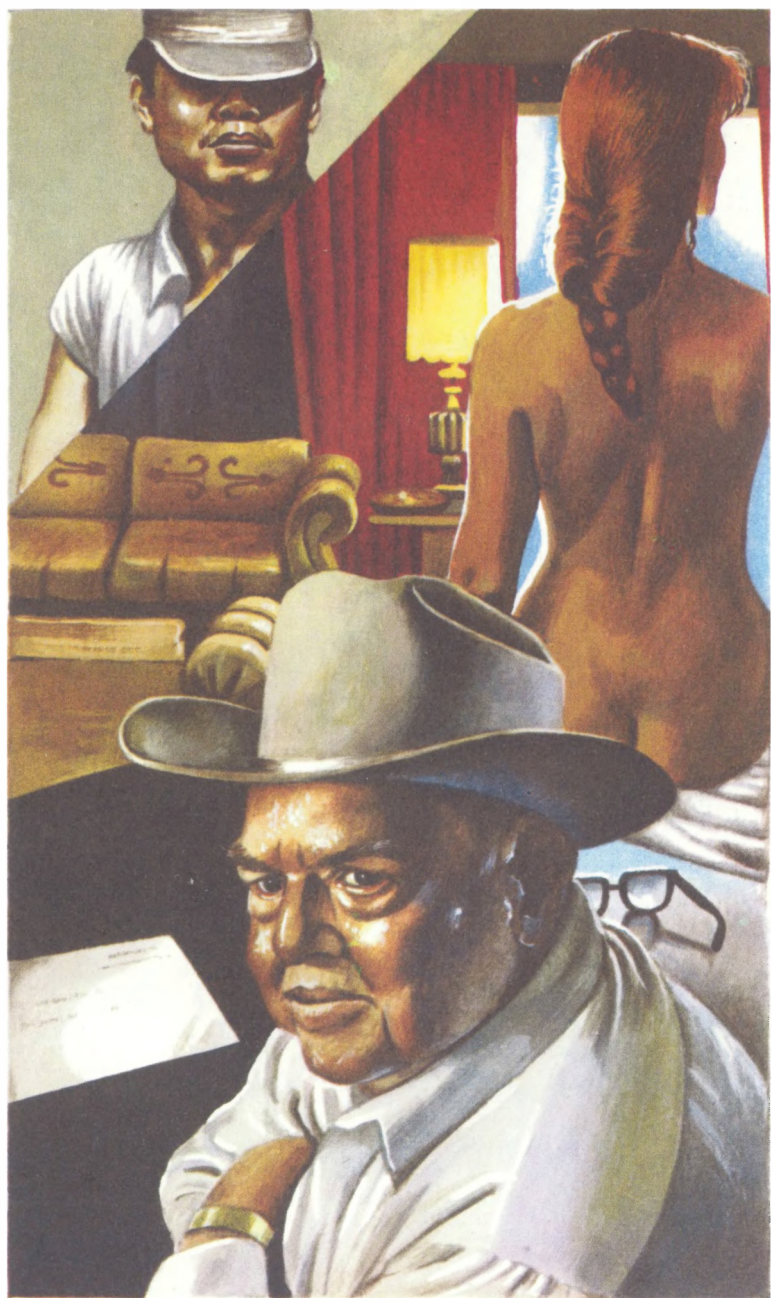
— У тебя, похоже, жажда, папаша, — сказал полицейский, когда они опять встали в очередь. — Ты же был здесь только что.

— А твоя какая забота!? — рявкнул Сол. — Что-то слишком много стал замечать. Может, я решил раз в году принять ванну, чтобы не провонять, как некоторые, о ком я мог бы сказать, да не буду...

— Успокойся, дедуля.

— К счастью, я тебе не дедуля, внучок, а то бы уже давно повесился. С каких это пор полиция стала считать, сколько людям нужно воды?

Полицейский отступил на шаг и повернулся к ним спиной. Сол набрал канистры, по-прежнему ворча, а

Ширли помогла отнести их в сторону и завинтить крышки. Как только они благополучно закончили операцию, на мопеде появился сержант.

— Запирай! — крикнул он. — Закрыто до завтра!

Женщины, стоявшие в очереди, закричали и бросились к колонке, пытаясь набрать воды. Полицейский полез сквозь орущую толпу к крану. Но не успел он добраться до колонки, как вода в кране стала течь тоненькой струйкой и вскоре пропала. Полицейский посмотрел на сержанта.

— Ага, произошла авария, — сказал сержант. — Трубу... прорвало, пришлось перекрыть. Завтра все будет в порядке. А теперь расходитесь.

Сол молча посмотрел на Ширли, они забрали канистры и побрели домой. Они оба заметили заминку сержанта. Произошло нечто более серьезное, чем авария водопровода. Они медленно поднимались по лестнице, стараясь не расплескать ни капли.

Глава 14

Хоть легавые и знали, кто он такой, и охотились на него, удача пока была на его стороне. Порой Билли овладевал страх, но это проходило, и он опять начинал думать об удаче. Разве не удача, что легавые появились тогда, когда он вышел из дому? И он удрал, никем не замеченный, — это тоже удача. Ну и что же, что пришлось все бросить? На нем были шорты, а накануне он зашил в них все свои деньги, поскольку боялся потерять их, нося в сандалии. Так что у него были деньги, а это все, что нужно.

Первым делом он зашел на блошиный рынок на Мэдисон-сквер, разбудил одного из парней, спавших под прилавками, и купил у него сандалии. Затем он направился в центр города, подальше от своего района. Когда открылись водоразборные колонки, он умылся, затем купил поношенную рубаху на одном из лотков и немного крекеров из водорослей. Он съел их на ходу. Когда Билли добрался до Китайского городка, было еще очень рано, но улицы уже были полны народу, а ему нужно было найти свободное место у стены и немного вздремнуть.

...Проснувшись, он понял, что здесь ему оставаться нельзя. Местные как-то странно на него поглядывали, а он знал, что, если его описание уже распространили по городу, они не задумываясь продадут его за пару дол-

ларов. Когда-то он слышал, что китайцы живут и в Ист-Сайде, и направился туда.

На одном месте нельзя было долго оставаться: его могли заметить. К тому же, пока стоит жара, можно спать где угодно. Приходилось держаться людных улиц, поскольку там на тебя никто не обращает ни малейшего внимания. Он спал даже днем, а иногда и ночью, если удавалось найти какое-нибудь тихое местечко. Он продолжал двигаться с места на место и не слишком беспокоился о том, что с ним будет дальше. Все в порядке, пока у него еще есть деньги. А потом... Он не любил думать о том, что будет потом, и поэтому не думал об этом.

Ливень застал его врасплох. Пришлось задуматься о поиске какого-нибудь укрытия. Он попал под дождь прямо посреди улицы и промок до нитки. С тысячами других бездомных он нашел убежище под Уильямсбургским мостом, но даже там не было совершенно сухо, поскольку ветер постоянно менял направление и потоки воды задувало под мост. В сырости и холоде он провел всю ночь, не сомкнув глаз, а под утро выбрался на лестницу, ведущую на мост, чтобы погреться на солнце. Вдоль моста тянулась пешеходная дорожка, и Билли пошел по ней навстречу восходящему солнцу. Он никогда не забирался так высоко и с замиранием сердца смотрел сверху на город и реку. Вверх по течению медленно двигалось серое грузовое судно, а его лихо обгоняли парусные и весельные лодки. Глядя вниз, Билли крепче хватался за поручни.

Пройдя половину моста, он сообразил, что вышел из Манхэттена — впервые в жизни, — а если он пойдет дальше, то полиция никогда его не обнаружит. Впереди раскинулся Бруклин, зазубренная стена причудливых очертаний на фоне неба, совершенно новое, незнакомое место. Он о нем ничего не знал, и полиции никогда и в голову не придет искать его так далеко.

Когда он перешел через мост, страх медленно начал проходить — это напоминало Манхэттен, только другие люди и другие улицы. Одежда на нем уже высохла, и Билли чувствовал себя неплохо, но очень устал и хотел спать. Шумные людные улицы вели все дальше и дальше, и он наугад шел по ним, пока не очутился перед высокой стеной, тянувшейся вдоль дороги, и казалось, что не было ей конца. Он пошел вдоль нее,

гада, что находится за ней, пока не добрался до запертых металлических ворот с колючей проволокой, протянутой поверху. На черном потертом щите виднелась надпись: «Бруклинский военно-морской склад. Вход воспрещен». За решетками ворот Билли увидел непонятные постройки, пустые навесы, горы ржавого железа, части кораблей, разбитые железобетонные плиты и мусор. Внутри расхаживал тучный охранник в серой форме с тяжелой дубинкой. Он подозрительно взглянул на Билли, тот поспешно отошел от ворот и двинулся дальше.

Было похоже, что огромное безлюдное пространство за забором заброшено и никому не нужно. Если бы удалось пробраться мимо полицейского, он мог бы прятаться там вечно. Если бы можно было туда пробраться... Он шел вдоль стены, пока каменный забор не сменился покосившейся оградой. Сверху была натянута колючая проволока, но она заржавела, провисла, а в некоторых местах порвалась. На этом участке улицы людей было не слишком много. Здесь перебраться через ограду не составляло труда.

То, что он не единственный, кому пришла в голову такая идея, выяснилось через минуту, пока он изучал ограду. С той стороны забора появился человек, немногим старше Билли. Он на секунду остановился и осмотрелся, убеждаясь, что поблизости никого нет. Затем подсунул под проволоку кусок железобетонной плиты, ловко прополз под оградой и вытолкнул кусок плиты, так что проволока упала на прежнее место. Затем он встал и спокойно зашагал по улице.

Билли подождал, пока человек скроется из виду, потом подошел к тому месту, откуда он вылез. В земле было вырыто небольшое углубление, не слишком большое, чтобы привлечь чье-то внимание, но достаточное, чтобы проползти под оградой. Он засунул кусок бетона под проволоку, как сделал тот человек, огляделся — никто не обращал на него внимания — и проскользнул под оградой. Проще простого. Он вытолкнул ногой кусок плиты, и проволока упала.

Было что-то пугающее в этом пустынном пространстве. Никогда прежде ему не приходилось быть совершенно одному. Билли замедлил шаг, двигаясь вдоль нагретых солнцем кирпичных строений, потом остановился и осторожно выглянул из-за угла. Впереди был

широкий пустырь, заваленный обломками кораблей. Билли вышел из-за угла, как вдруг рядом послышались шаги. Он отбежал к стене и увидел, как мимо медленно прошел охранник в сером. Когда он исчез из виду, Билли бросился в тень ржавых стальных балок плавучего сухого дока.

Он пробирался среди обломков, ища какое-нибудь местечко, куда можно заползти, спрятаться и поспать. Ему встречались и другие охранники, но их было легко заметить. Они ходили по широким проходам и не приближались к зданиям. Если бы ему удалось проникнуть в одну из заброшенных построек, он оказался бы в безопасности. Одна из них привлекла его внимание — длинное, низкое здание с рухнувшей крышей и окнами без стекол. Оно было обито асбестовыми плитами, многие из которых раскололись, а некоторые вообще были оторваны. Он подошел поближе, заглянул в окно, но, кроме темноты, ничего не увидел. Рухнувшая крыша нависла в паре метров над полом — получалась темная, тихая пещера. Это то, что ему нужно. Он зевнул и залез в проем. И тут в бок ему впился острый край какой-то железяки. Билли закричал от боли.

Пока он выбирался из проема, что-то тяжелое пролетело в воздухе над головой и ударилось в стену, рассыпавшись на мелкие кусочки. Билли поднялся на ноги и заковылял подальше от входа, но никто не пытался его преследовать. Из темного проема не доносилось ни звука, но Билли как можно быстрее пошел прочь, с опаской оглядываясь на здание. Завернув за угол, он остановился, задрал рубашку и увидел большую ссадину чуть пониже ребер, вокруг которой кожа уже посинела. Похоже, обычная ссадина и синяк, но как больно.

Было ясно, что придется с кем-то воевать. Он не собирался возвращаться в здание — ни за что! — но отыскать здесь какое-то оружие просто необходимо. Повсюду валялись куски бетона, и он подобрал один, из которого торчала ржавая арматура.

Должно быть, многим людям пришла идея прятаться здесь. Он мог бы сразу об этом догадаться, когда увидел парня, вылезавшего из-под забора. Бродяги скрывались где-то здесь: это было достаточно просто. Они находили укромное местечко, занимали его и не пускали туда чужих — должно быть, так. Наверняка суще-

ствовал вход в любое из этих зданий, и в каждом кто-нибудь прятался. Дрожь пробежала по спине при этой мысли, и, прижав руку к болевшему боку, он пошел прочь от здания. Может, лучше выбраться отсюда подобру-поздорову? Но местечко уж слишком хорошее, жаль оставлять его. Если бы ему удалось найти какую-нибудь нору, это было бы идеально.

Билли огляделся. Для драки надо найти что-нибудь получше куска бетона. Он посмотрел под ноги, выискивая что-нибудь подходящее, но, несмотря на обилие всякого мусора и лома, нигде не валялось ничего такого, что можно было бы превратить в оружие. Словно здесь уже прошло множество людей с той же самой целью. Зажав в руке камень, он заковылял дальше.

Ему уже хотелось выбраться из этих ржавых джунглей, но он заблудился. Солнце ужасно пекло голову и раскалило потрескавшийся асфальт под ногами. Билли брел вдоль огромного сухого дока, ощущая себя насекомым, ползущим по краю мироздания. Вдали несли свои маслянистые воды Ист-Ривер. На том берегу высились небоскребы Манхэттена. При глубоком вздохе бок сильно болел, и одиночество все сильнее наваливалось на плечи.

У самой кромки воды лежал разобранный корабль — обшивку содрали, изнутри торчали шпангоуты — словно скелет какого-то мертвого морского чудовища. Разборка не была доведена до конца: кормовая часть корабля была почти не тронута, рубка и носовая часть тоже были целыми. На уровне земли не было никаких отверстий. Судно, по-видимому, было танкером, поперечная переборка находилась на месте. А иллюминаторы и вход располагались намного выше. Забраться наверх было нетрудно. Билли подумал, не прячется ли и здесь кто-нибудь. Однако надо было отдохнуть, а эта развалина казалась подходящей для этой цели. Стоит рискнуть. Забираться наверх с куском бетона в руке было нелегко, но Билли пока не решался с ним расстаться.

Перед рубкой оставался небольшой участок разломанной палубы, шириной около метра. Билли ухватился за него, подтянулся и просунул голову в проем. Камень он держал наготове.

— Здесь есть кто-нибудь? — тихо произнес он.

В рубке было темно и тихо.

— Эй! — крикнул Билли, но ему никто не ответил.

Он медленно вошел через проем в темное помещение. На этот раз на него никто не напал. Он заморгал глазами, пытаясь что-нибудь рассмотреть в темноте. Впереди виднелось что-то темное, но при ближайшем рассмотрении это оказалось лишь кучей мусора. В дальнем углу лежала такая же куча. Но, присмотревшись, Билли понял, что это человек, который сидел на полу, прислонившись к стене и вытянув ноги. Он пристально смотрел на Билли.

— Брось это, — сказал человек очень тихо, почти шепотом.

Он протянул руку и стукнул загнутым концом металлической трубы по полу. Билли посмотрел на нее, широко открыв глаза, бок по-прежнему болел. Он бросил в сторону кусок бетона.

— Разумно, — сказал человек, — весьма разумно.

Он быстро встал, выпрямившись, как складной метр, — высокий мужчина с тонкими руками, очень худой, вероятно, от недоедания. Когда он вошел в луч света, Билли увидел, что кожа у него туго обтягивала скулы и почти лысый череп, губы были растянуты, длинные желтоватые зубы выдавались вперед. Водянистые голубые глаза, круглые, как у ребенка, казались почти прозрачными. Они были похожи на окна, в которые заглядываешь, — а с той стороны ничего не видно. Он продолжал в упор смотреть на Билли, помахивая обрезком трубы и не говоря ни слова. И было непонятно, улыбался он или злобно скалился.

Билли сделал шаг. Конец трубы описал дугу. Билли остановился.

— Что тебе здесь надо? — спросил мужчина.

— Ничего, я просто...

— Что тебе надо?

— Я искал место, где можно спрятаться. Я устал. Я никому не хочу зла.

— Как тебя зовут? — прошептал человек, глаза его были неподвижны.

— Билли...

Зачем он так ответил? Он закусил губу. Зачем он сказал свое настоящее имя?

— У тебя есть что-нибудь поесть, Билли?

Он хотел соврать, но передумал. Он сунул руку за пазуху.

— Вот, у меня есть крекеры. Хотите? Они немного поломались.

Труба упала на палубу и откатилась в сторону — мужчина шагнул к Билли, сложив руки горстями.

— «Отпускай хлеб твой по водам, ибо через много дней опять найдешь его». Знаешь, откуда это? — спросил он.

— Нет... не знаю, — смущенно ответил Билли и высыпал крекеры в протянутые ладони.

— Я так и думал, — недовольно проворчал мужчина, сел, прислонившись к стене, и стал есть, автоматически жуя. — Я полагаю, что ты язычник, желтый язычник. Впрочем, это неважно. Ты такой же, как и все Его создания. Хочешь спать — спи. Места здесь достаточно для двоих.

— Я могу уйти, вы пришли сюда первым.

— Ведь ты боишься меня, не правда ли? — Билли поежился под пристальным немигающим взглядом, и человек кивнул. — Не надо, потому что мы ходим рядом со страхом. Знаешь, что это означает? Тебе понятен смысл этого гёда, а?

Билли молча сел. Он не знал, что ответить. Мужчина доел последние крошки, вытер руки о грязные штаны и тяжело вздохнул.

— Ты не можешь этого знать. Ложись, спи. И не волнуйся — сюда никто не придет. В нашей коммуне строгие правила относительно собственности. Обычно только посторонние, вроде тебя, нарушают границы, хотя и другие могут сделать это, если посчитают необходимым. Но сюда они не придут, они знают, что у меня нечего взять. Можешь спать совершенно спокойно.

Несмотря на усталость, Билли казалось немыслимым спать под пристальным взглядом незнакомого человека. Он лег у стены в дальнем углу с открытыми глазами, настороженно ожидая, что будет дальше. Мужчина бурчал что-то себе под нос и чесался. Над ухом Билли послышалось жужжание. Комар. Еще один. Билли ожесточенно хлопнул себя по ноге. Похоже, что здесь ужасно много комаров. Что ему делать? Попытаться уйти?..

С внезапным испугом он понял, что заснул. Солнце стояло низко и светило почти в дверной проем. Он сел и огляделся. Никого. Сильно болел бок.

Послышался лязгающий, металлический звук. Он раздавался где-то снаружи. Билли на цыпочках подошел к проему и выглянул. Мужчина поднимался вверх, а конец трубы, которую он тащил с собой, стучал об обшивку судна, производя звук, который его встревожил. Билли юркнул назад. Мужчина швырнул трубу вверх и влез на палубу.

— Водоразборные пункты сегодня закрыты, — сказал он и показал допотопную погнутую банку из-под краски, которую он принес с собой. — Но я нашел одно местечко, где сохранилась вода после вчерашнего дождя. Будешь?

Билли кивнул, внезапно вспомнив, как у него пересохло в горле, и взял протянутую банку. Она была наполнена чистой водой, сквозь которую была видна отшелушившаяся зеленая краска. Вода оказалась очень вкусной.

— Пей еще, — сказал мужчина. — Я напился, когда набирал воду. Как тебя зовут? — спросил он, забирая банку.

Это ловушка? Человек, должно быть, помнит его имя, и Билли не посмел назвать другое.

— Билли, — ответил он.

— Можешь звать меня Питером. Если хочешь, оставайся.

Он с банкой вошел внутрь и, похоже, забыл о своей трубе. Билли с подозрением на нее посмотрел, не уверенный в мотивах, которые двигали этим человеком.

— Ты оставил здесь трубу! — крикнул он.

— Принеси сюда, пожалуйста. Нельзя бросать ее куда ни попадя. Положи здесь, — сказал он. — Помоему, у меня где-то есть еще один кусок, вроде этого. Можешь брать его с собой, когда будешь покидать эти апартаменты. Некоторые наши соседи могут быть весьма опасны.

— Охрана?

— Нет, эти для нас абсолютно неопасны. Их работа — это синекура, и у них не больше желания беспокоить нас, чем у нас — беспокоить их. Пока они нас не видят, нас здесь нет. Так что просто сторонись их. Ты обнаружишь, что они не очень-то хорошо видят. Они могут сшибать свои деньги, не подвергая себя опасности. Благоразумные люди. Все, что стоило украсть, исчезло много лет тому назад. Охрана осталась, потому

что никто еще не решил, что делать с этим местом, а проще всего — забыть про него. Они представляют собой символы государства времен упадка культуры, тогда как эта пустыня — намного более значимый символ. Вот почему я здесь. — Он обхватил руками ноги и положил острый подбородок на колени. — Ты знаешь, сколько имеется входов в это место?

Билли покачал головой, не понимая, о чем говорит Питер.

— Тогда я тебе скажу. Их восемь — и только один не заперт, и им пользуются охранники. Остальные закрыты и опечатаны семью печатями. Это тебе что-нибудь говорит? Семь печатей. Нет, вижу, что не говорит ничего. Но существуют и другие знаки — некоторые сокрыты, другие отчетливо видны невооруженным глазом. А еще больше появится — и один за другим откроются нам. Некоторые были написаны на века. Наподобие великой блудницы по имени Вавилон, которая никогда не являлась Римом, как многие ошибочно полагали. Ты знаешь, как называется вот тот город?

— Этот? Нью-Йорк?

— Да, это одно имя, но существует и другое, которым его называют и называли, и никто против него не возражает: Вавилон-на-Гудзоне. И ты видишь, что это и есть великая блудница, и Армагеддон произойдет здесь — вот почему я пришел. Когда-то я был священником. Ты не поверишь.

— Почему же? — ответил Билли и зевнул, осматривая стены и выглядывая в дверной проем.

— Священник должен говорить правду, что я и делал, и за это они меня вышвырнули. Они — те, кто искушал Антихриста в своих палатах. Коллегия кардиналов посоветовала папе римскому снять запрет на уничтожение жизни ребенка, и он с этим посчитался, тогда как правда закона Божьего — вокруг нас. Он сказал: «Плодитесь и размножайтесь!», что мы и делали. И Он дал нам разум, чтобы исцелять больных и укреплять слабых, и вот, где лежит истина. Наступает тысячелетие, сейчас, прямо на нас, на перенаселенный мир душ, ждущих Его зова. Вот истинное тысячелетие. Ложные пророки сказали, что это был год однотосячный, но сейчас в этом городе больше людей, чем было в то время во всем мире. Сейчас наступает время, мы видим, как оно грядет, мы можем читать его знаки.

Больше мир уже не может удержаться, он развалится на части под тяжестью человеческой массы, — но он не развалится до тех пор, пока семь труб не провозгласят новый год, новое столетие. Тогда наступит расплата.

Он умолк и тонкий писк комаров стал слышен в неподвижном воздухе. Билли хлопнул ладонью по ноге и убил одного комара. Руку Питера освещало солнце, и Билли видел многочисленные следы от комариных укусов.

— Никогда не видел столько комаров, как здесь у тебя, — сказал Билли. — Причем днем. Раньше меня днем никогда не кусали. — Он встал и начал ходить по засыпанной всяким хламом рубке, отмахиваясь от комаров. Ногами он отшвыривал какие-то лохмотья и щепки. В задней стене находилась тяжелая стальная дверь, приоткрытая на несколько сантиметров. — А что там? — спросил он.

Питер не услышал вопроса — или сделал вид, что не слышит. Билли толкнул дверь. Но петли так заржавели, что дверь не сдвинулась с места.

— Ты не знаешь, что там такое? — спросил он громче.

Питер зашевелился и обернулся.

— Нет, — ответил он. — Никогда не смотрел.

— Дверь закрыта давным-давно. Может, там что-нибудь, что может нам пригодиться. Никогда не знаешь, что найдешь. Давай посмотрим, нельзя ли ее открыть.

Навалившись на дверь вдвоем и используя в качестве рычага кусок металлической трубы, они сумели приоткрыть ее еще на несколько сантиметров. В образовавшуюся щель уже можно было пролезть. Билли пробрался туда первым, и под его ногой что-то загрохотало. Он наклонился.

— Посмотри. Я же говорил, что мы что-нибудь найдем. Я могу это продать или оставить на всякий случай.

Это был стальной лом длиной больше метра, брошенный здесь много лет назад. Он был покрыт слоем ржавчины, но все еще был очень крепок. Билли засунул острый конец трубы в щель и нажал изо всех сил. Ржавые петли заскрипели, и дверь открылась полностью. Тут находилась маленькая площадка, и металлические ступеньки вели в темноту. Билли начал медленно спускаться, крепко держа в руке лом и держась за

поручни. На пятой ступеньке он оказался по щиколотку в воде.

— Здесь не так уж темно... и полно воды, — сказал он.

Питер спустился по лесенке и посмотрел вниз. Потом он показал на два светлых пятна наверху.

— Очевидно, дождевая вода скапливается на верхней палубе и просачивается сюда через эти дыры. Наверняка вода тут накапливается уже много лет.

— Вот откуда летят твои комары, — сказал Билли. Замкнутое пространство было наполнено их жужжанием. — Нужно закрыть дверь.

— Весьма практично, — согласился Питер. — Теперь можно не ходить за водой к колонке и не лазить через ограду. Здесь ее столько, сколько нам нужно. Пожалуй, даже больше.

Глава 15

— Привет, незнакомец, — сказал Сол.

Ширли отчетливо слышала его голос за перегородкой. Она сидела у окна и делала себе маникюр. Положив кисточку и лак на кровать, она подбежала к двери.

— Энди!.. Это ты? — крикнула она.

Отворив дверь, Ширли увидела его, покачивающегося от усталости. Она подбежала к нему и обняла. Он поцеловал ее и рухнул в кресло у стола.

— Я совершенно выжат, — пробормотал он. — Не спал с... когда это было? С позавчерашней ночи. Раздобыли воду?

— Наполнили оба бачка, — сказал Сол, — и все канистры, прежде чем все прикрыли. Что случилось с водой? Я слышал всякие байки по телевизору, но это полная чепуха. Они чего-то не договаривают?

— Ты ранен? — воскликнула Ширли, заметив, что у него разорван рукав, а под ним видна повязка.

— Ничего страшного, просто царапина, — ответил Энди и улыбнулся. — Это во время дежурства... вилами.

— Вероятно, преследовал дочку фермера. Хорошая история, — хмыкнул Сол. — Хочешь выпить?

— Если остался спирт, можешь немного разбавить его водой. Могу выпить и такого. — Он сделал глоток и откинулся на спинку кресла. Напряжение сошло с его лица, но глаза были красные от усталости и опухшие. Сол и Ширли сели за стол напротив него. —

Никому не рассказывайте, пока не появится официальных сообщений, но с водой приключились большие неприятности, а еще большие грядут.

— Ты поэтому нас и предупредил? — спросила Ширли.

— Да, я кое-что услышал на станции во время обеденного перерыва. Неприятности начались на артезианских скважинах и насосах на Лонг-Айленде и на всех насосных станциях Бруклина и Квинза. Знаете, под Лонг-Айлендом существует водоносный слой, и если слишком быстро откачивать воду, то в подземный резервуар начинает проникать морская вода. Она уже давно была солоноватой, это можно почувствовать, если воду не смешивать с водой, поступающей из штата. Они, должно быть, рассчитали, сколько нужно откачивать. Наверняка в расчеты вкралась ошибка, или станции качали больше положенного. В любом случае в Бруклин сейчас течет чистая соль. Все станции там закрыли, а расход из Кротона и из штата увеличили.

— Фермеры и так скулили всю дорогу про сухое лето. Могут поспорить, это им очень понравится.

— Не буду спорить. Наверняка это планировалось уже давно, потому что они поставили охрану на акведук — с винтовками и взрывчаткой — той, что украли в прошлом году из арсенала в Олбани. Десять полицейских убито. Не знаю, сколько ранено. Они взорвали, по крайней мере, километр труб, прежде чем мы туда прорвались. Наверняка вся деревенщина от мала до велика пыталась нас остановить. Не у всех были винтовки, но они отлично управлялись вилами и топорами. В конце концов их разогнали слезоточивым газом.

— Значит... в городе вообще нет воды? — спросила Ширли.

— Мы привезем воду, но некоторое время люди помучаются от жажды. Будьте поэкономнее с водой, больше пока не будет. Только для питья и приготовления пищи, больше не для чего.

— Но нам же нужно мыться, — сказала Ширли.

— Нет, мыться не будем. — Энди протер глаза. — Тарелки можно вытирать тряпкой. Что касается нас, — что ж, немножко провоняем.

— Энди!

— Извини, Ширли. Это ужасно, знаю. Но ты должна понять: все очень серьезно. Можно какое-то время

прожить не умытаясь, от этого не умирают. А когда опять подключат воду, тогда и соскоблим всю грязь.

— Как по-твоему, сколько это продлится?

— Трудно сказать. Для ремонтных работ потребуется куча бетона и арматуры — и то и другое страшный дефицит. Нужны бетономешалки и прочая техника. Большую часть воды придется привозить в железнодорожных цистернах, в автоцистернах и на баржах. Возникнут чертовски сложные проблемы с распределением и рacionamento. Нужно рассчитывать на то, что станет хуже, пока не станет лучше. — Он поднялся на ноги и зевнул. — Я хочу пару часов подремать, Ширли. Разбуди меня в четыре. Перед уходом мне нужно побриться.

— Два часа! Что это за сон! — возмутилась она.

— Я тоже так думаю, но на большее у меня нет времени. Кто-то наверху по-прежнему давит на нас по поводу убийства О'Брайена. У одного осведомителя из Китайского городка есть какая-то информация, и я должен с ним сегодня встретиться, вместо того чтобы выспаться перед вечерним патрулированием. Я медленно начинаю ненавидеть Билли Чуна, где бы он ни прятался.

Он вышел в другую комнату и рухнул на кровать.

— Можно я останусь здесь, пока он спит, Сол? — спросила Ширли. — Я не хочу его беспокоить... но я не хочу беспокоить и вас...

— Беспокоить! Как такая симпатичная барышня может кого-то побеспокоить? Позвольте сказать вам, что, может, я на вид и старый, но это только из-за моего возраста. Я не говорю, что вы не должны ощущать себя рядом со мной в безопасности. Годы решительных действий прошли. Теперь я получаю удовлетворение, просто размышляя об этом, что в любом случае дешевле, и вы можете не тревожиться. Несите сюда свое вышивание, а я расскажу вам о тех временах, когда я служил в Ларедо и мы с Люком на один из уик-эндов заехали в Мальчишеский городок в Нуэво-Ларедо. Хотя, если подумать, может, лучше вам об этом не рассказывать.

Когда Ширли вошла в комнату, Энди крепко спал, растянувшись на кровати прямо в одежде. Он даже не снял башмаки. Она задернула шторы и убрала с кровати маникюрный набор. В подметке правого башмака Энди зияла приличная дыра, и она уставилась на Шир-

ли, словно пыльный печальный глаз. Если попытаться снять с него башмаки, то можно его разбудить. Поэтому она тихонько вышла и прикрыла за собой дверь.

— Нужно заряжать аккумуляторы, — сказал Сол, глядя на поплавок ареометра. — Энди уже вырубился?

— Да, крепко спит.

— Подождите, вот будет дело, когда начнете его будить. Когда он вот так выключается, можно сбрасывать бомбу, и, если она его не убьет, он ее не услышит. Я сейчас заряжу батареи, а он и не узнает.

— Так несправедливо! — внезапно взорвалась Ширли. — Почему Энди обязан выполнять двойную работу, сражаться за воду для всего города? Что тут все эти люди делают? Почему бы им не уехать куда-нибудь, раз не хватает воды?

— На этот вопрос ответ очень прост — ехать некуда. Вся страна — это одна большая ферма. Людей на юге так же много, как и на севере, поскольку не существует общественных средств передвижения. Любой, кто попытается пешком дойти до теплых краев, подохнет с голоду задолго до того, как туда доберется. Люди остаются на месте, потому что государство организовано так, что заботится о них только там, где они живут. Они плохо питаются, но все-таки что-то едят. Чтобы сдвинуть людей с насиженных мест, необходима крупная катастрофа, вроде исчерпания запасов воды в Калифорнийских долинах или пылевого шара, который, как я слышал, принимает международные масштабы и движется к канадской границе.

— Ну тогда в другие страны. Ведь все приехали в Америку из Европы и с других материков. Почему бы некоторым из них не вернуться?

— Если вы думаете, что проблемы существуют только у нас, посмотрите, как обстоят дела за океанами. Вся Англия — просто один большой город, и я видел по телевизору, как застрелили последнего консерватора при попытке защитить последний лес, который собрались вырубить. Или вы хотите отправиться в Россию? Или в Китай? Они уже пятнадцать лет ведут войну из-за спорных приграничных территорий, которая является единственным способом замедлить рост населения. Однако у вас призывной возраст, а там в армию призывают и девушек, так что вам это наверно не понравится. Может, в Данию. Там можно жить велико-

лепно — если вы сможете туда попасть. По крайней мере едят они регулярно, но на границе они поставили бетонную стену, а береговая охрана стреляет без предупреждения, потому что слишком много голодающих людей пытается пробиться в землю обетованную. Нет, может, у нас здесь и не рай, но все-таки место пригодно для жилья. Я должен зарядить батареи.

— Это несправедливо. Я по-прежнему придерживаюсь этого мнения.

— А что справедливо? — улыбнулся Сол. — Успокойтесь. Вы молоды, красивы, вы регулярно едите и пьете. Так на что вы жалуетесь?

— А и в самом деле, не на что. — Она улыбнулась ему в ответ. — Просто я разозлилась, видя, как Энди целыми днями работает, заботясь о людях, а они даже не знают об этом, и их это вообще не заботит.

— Не может быть иной благодарности, кроме зарплаты. Работа есть работа.

Сол вытащил велосипед-тренажер и подсоединил провода от генератора к аккумуляторам на холодильнике. Ширли подвинула кресло к окну и раскрыла маникюрный набор. Скрип и стоны генератора переросли в пронзительный вой.

День был прекрасный, солнечный, но не жаркий, и, судя по всему, осень будет отличной. Возникли перебои с водой, но все придет в норму. Она нахмурилась, глядя на крыши домов и небоскребы. На звуковом фоне бесконечно ревающего города был отчетливо слышен визг детей во дворе.

Если не считать проблем с водой, все было отлично. Но вот что интересно: несмотря на то что она знала, что все отлично, у нее по-прежнему сохранялось некое внутреннее напряжение, подспудное ощущение тревоги, которое не покидало ее.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава 1

— Все говорят, что это самый холодный октябрь. Я никогда не видала такого холода. Да к тому же дождь. И вечно-то его не хватает, чтобы наполнить резервуар, но он всегда достаточно силен, чтобы промокнуть насквозь и продрогнуть до костей. Это нормально?

Ширли машинально кивнула, едва вслушиваясь в слова. Очередь немного продвинулась, и Ширли шаркала несколько шагов вслед за говорившей, похожей на бесформенную грудку одежды, накрытую сверху разорванным синтетическим плащом. «Наверное, я выгляжу не лучше», — подумала Ширли, натягивая на голову конец одеяла, чтобы хоть как-то спастись от надоедливой мороси. Стоять оставалось недолго, впереди всего десятка два людей, но прошло гораздо больше времени, чем она предполагала: почти стемнело. Над автоцистерной зажгли лампочку, осветившую ее черные бока и завесу дождя. Очередь вновь продвинулась, и женщина перед Ширли заковыляла, таща за собой маленького ребенка: такой же тряпичный узел, как и его мать; лицо было скрыто повязанным сверху шарфом. Ребенок все время хныкал.

— Прекрати сейчас же! — прикрикнула на него женщина. Она обернулась к Ширли: красное одутловатое лицо, почти беззубый рот. — Он плачет, потому что мы только от врача. Доктор думал, что он заболел серьезно, но оказалось, что это всего-навсего кваш. —

Она показала опухшую руку мальчика. — Посмотрите, все распухает, на коленях появляются черные пятна. Нужно было две недели сидеть в больнице Беллевию, чтобы доктор рассказал мне то, что я и без него знала. Но это единственный способ получить от него бумажку. Вот так нам выписали горохового масла. Супружник у меня его любит. Вы живете в нашем квартале, не так ли? По-моему, я вас там видела.

— На Двадцать пятой улице, — ответила Ширли, снимая крышку с канистры и кладя в карман пальто. Она продрогла до костей и была уверена, что простудилась.

— Я узнала вас. Подождите меня, пойдем домой вместе. Уже поздно, а вокруг столько хулиганья, так и норовят вырвать из рук воду. Они всегда могут ее продать. Вот миссис Рамирес из моего дома: она хоть и вздорная, но хорошая баба, знаете, ее семья живет в этом доме со второй мировой войны. Так ей поставили такой синяк под глазом, что она едва видит, и выбили два зуба. Какой-то подонок ударил ее дубинкой и отобрал воду.

— Да, я вас подожду, это прекрасная мысль, — сказала Ширли, внезапно почувствовав себя страшно одинокой.

— Карточки! — рявкнул полицейский. Она протянула ему три листочка: свою карточку, Энди и Сола. Полицейский поднес их к свету, потом вернул ей. — Шесть литров! — крикнул он человеку, стоявшему у крана.

— Как шесть? — возмутилась Ширли.

— Сегодня норму снизили, дамочка. Поживее, народ ждет.

Она подала канистру, человек у крана засунул в нее конец шланга и открыл воду.

— Следующий! — крикнул он.

Ширли подняла канистру — та была до обидного легкой. К Ширли подошла та женщина, одной рукой таща ребенка, а в другой неся двадцатилитровый бак из-под керосина, который казался почти полным. Наверняка у нее большая семья.

— Пойдемте, — сказала женщина, ребенок засеменил за ней, слабо подвывая.

Когда они свернули с Двенадцатой авеню в переулок, стало еще темнее, словно дождь впитал весь

тусклый свет. Тут в основном располагались старые склады и фабрики с серыми, крепкими стенами. Тротуар был мокрый и пустынный. Ближайший уличный фонарь находился в квартале отсюда.

— Муж мне голову оторвет за то, что возвращаюсь домой так поздно, — сказала женщина, когда они завернули за угол.

Вдруг дорогу им преградили две темные фигуры.

— Отдавайте воду, — сказал один, и в темноте тускло блеснуло лезвие ножа.

— Нет, не надо! Пожалуйста, не надо, — взмолилась женщина, спрятав бак с водой себе за спину.

Ширли прижалась к стене. Это были молодые парни, подростки. И у них был нож.

— Воду! — приказал первый, угрожая ножом.

— Получай! — заорала женщина, размахнувшись баком. Прежде чем тот успел увернуться, она ударила его баком по голове и повалила на землю, нож выпал. — Ты тоже хочешь? — закричала она, наступая на второго. Тот был безоружен.

— Нет, я не хочу ничего такого... — запричитал он, пытаясь поднять упавшего.

Женщина шагнула к нему, и он отскочил. Она нагнулась за ножом. Парень схватил своего напарника и потащил за угол. Все произошло так быстро, что Ширли не успела опомниться. Она стояла, прислонившись к стене и дрожа от страха.

— Получили по заслугам! — захохотала женщина, разглядывая старый погнутый нож. — Я им воспользуюсь лучше, чем они. Ведь просто мальчишки, дети.

Она была возбуждена и обрадована. За все время она ни разу не выпустила руку ребенка; тот захныкал громче.

Больше ничего не произошло, и женщина проводила Ширли до ее двери.

— Большое вам спасибо, — сказала Ширли. — Не знаю, что бы я делала...

— Не стоит, — проворчала женщина. — Нож-то вот он.

И она побрела дальше, таща одной рукой тяжелый бак, а другой — ребенка. Ширли вошла в дом.

— Где ты была? — спросил Энди, когда она открыла дверь. — Я уж начал беспокоиться.

В комнате было тепло и пахло рыбой. Энди и Сол сидели за столом со стаканами в руках.

— Ходила за водой, очередь на целый квартал. Мне дали только шесть литров, норма опять снижена.

Она заметила, что он невесел и решила не рассказывать про инцидент на обратном пути. А то он будет переживать, а она не хотела испортить ужин.

— Просто чудесно, — саркастически произнес Энди. — Норма и так мизерная, так ее делают еще меньше. Ширли, вылезай скорей из мокрой одежды, а Сол сделает тебе «Гибсон». Пospel его самопальный вермут, а я принес водки.

— Пей, — сказал Сол, протягивая ей холодный стакан. — Я варю суп с этим «энер-Г», его только так и можно есть. Скоро должен быть готов. Это у нас будет на первое, а потом... — Он кивнул в сторону холодильника.

— Что? — спросил Энди. — Секрет?

— Никаких секретов, — сказала Ширли, открывая холодильник, — просто сюрприз. Я купила их сегодня на рынке, каждому по одному. — Она вынула тарелку с тремя крошечными соево-чечевичными гамбургерами. — Новый продукт, его даже показывали по телевизору. С ароматом копченого мяса.

— Наверняка стоят целое состояние, — сказал Энди. — До конца месяца есть мы не будем.

— Они не так дороги, как может показаться. Я потратила на них мои собственные деньги, а не из бюджета.

— Какая разница, деньги есть деньги. Мы, вероятно, могли бы прожить целую неделю на то, во что обошлись эти штуки.

— Суп готов, — сказал Сол, ставя на стол тарелки.

У Ширли в горле встал ком от обиды. Она села и уставилась в тарелку, стараясь не разреветься.

— Извини, — сказал Энди. — Но ты же знаешь, как растут цены. Нужно быть поэкономнее. Подоходный налог снова увеличился, теперь восемьдесят процентов, из-за возросших отчислений на социальную помощь. Так что зимой придется туго. Не думай, что я не ценю...

— Если ценишь, то почему не заткнешься и не начнешь есть свой суп? — спросил Сол.

— Кончай, Сол, — сказал Энди.

— Я кончу, если ты прекратишь ругаться в моей комнате. А теперь давай, нечего портить такой превосходный ужин.

Энди хотел ответить, но передумал и взял Ширли за руку.

— Ужин замечательный, — сказал он. — Давайте им наслаждаться.

— Не такой уж замечательный, — сказал Сол, прихихиваясь к супу и морща нос. — Подожди, дай сначала я попробую... М-да. Но гамбургеры должны забить этот вкус.

Наступило молчание: они начали есть суп. Через некоторое время Сол завел одну из своих армейских историй про Новый Орлеан и, как всегда, рассмешил их. Напряжение исчезло. Сол разлил остатки «Гибсона», а Ширли подала на стол гамбургеры.

— Будь я пьян, они по вкусу действительно напоминали бы мясо, — заявил Сол, жуя гамбургер.

— Они неплохи, — заметила Ширли.

Энди кивнул. Ширли быстро съела гамбургер, подобрала с тарелки крошки, затем принялась за коктейль. Инцидент по пути домой казался далеким и нереальным. Что там сказала эта женщина про болезнь ребенка?

— Вы знаете, что такое «квош»? — спросила она.

Энди пожал плечами.

— Какая-то болезнь... А почему ты спрашиваешь?

— Со мной в очереди за водой стояла одна женщина, и я с ней разговорила. С ней был маленький мальчик. У него вот этот квош. По-моему, ей не следовало бы таскать его по дождю, раз он болен. Интересно, не заразная ли эта болезнь?

— Можешь не волноваться, — сказал Сол. — «Квош» — сокращенно от «квошиоркор». Если вы интересуетесь проблемами здоровья, нужно смотреть медицинские программы, что я постоянно делаю, или открыть какую-нибудь книгу. Тогда бы вы все об этом знали. Его нельзя подхватить, потому что это заболевание наподобие авитаминоза, как бери-бери.

— О такой болезни я тоже никогда не слышала, — сказала Ширли.

— Она встречается не так часто, зато квош — на каждом шагу. Он начинается, когда в пище не хватает белков. Раньше им болели только в Африке, но теперь он разгуливает по всем Соединенным Штатам. Правда,

грандиозно? Мяса нет, чечевица и соевые бобы стоят дорого, поэтому мамки пичкают своих детей крекерами и сладостями — тем, что подешевле...

Лампочка замигала и погасла. Сол на ощупь прошел по комнате и нашел выключатель в путанице проводов на холодильнике. Загорелась тусклая лампочка, подсоединенная к батареям.

— Нужно бы зарядить, — сказал он, — но можно подождать и до утра. После еды нельзя заниматься физической нагрузкой, вредно для пищеварения и обмена веществ.

— Я очень рад, что вы живете вместе с нами, доктор, — сказал Энди. — Мне нужен совет врача. У меня проблемы. Понимаете... все, что я ем, не задерживается у меня в желудке...

— Очень смешно, мистер Умник. Ширли, не понимаю, как ты уживаешься с этим остряком.

После ужина они воспряли духом и даже какое-то время болтали, пока Сол не объявил, что выключает свет, чтобы не разрядить батареи полностью. Маленькие брикеты морского угля сторели, и в комнате стало холодно. Они пожелали друг другу спокойной ночи, и Энди пошел в другую комнату за карманным фонариком. Там было еще холоднее.

— Я ложусь, — сказала Ширли. — Не то чтобы я устала, но это единственный способ согреться.

Энди безрезультатно пощелкал выключателем на стене.

— Электричество все еще отключено, а мне нужно еще кое-что сделать. Что за дела?... Еще неделю назад у нас был свет вечерами.

— Давай я лягу и буду светить тебе фонариком — годится?

— Придется поступить так.

Он раскрыл на крышке комода блокнот, рядом положил бланк и начал переписывать сведения в рапорт. Левой рукой он сжимал фонарик, и тот испускал ровный неяркий свет.

Ночью в городе было тихо, холод и дождь прогнали с улиц людей. Жужжание крошечного генератора и скрип пера по пластику звучали неестественно громко.

Ширли раздевалась при свете фонарика. Сняв одежду, она сразу озябла и быстро надела теплую пижаму, заштопанные носки, в которых обычно спала, а сверху

натянула толстый свитер. Простыни были холодными и влажными, их не меняли с тех пор, как начались перебои с водой. Однако она старалась просушивать их как можно чаще.

— Что ты пишешь? — спросила она.

— Все, что у меня есть по поводу Билли Чуна. На меня все еще насаждают, требуя его разыскать, — ничего более глупого я не слышал. — Он отложил ручку и нервно зашагал из угла в угол. Фонарик у него в руке бросал дрожащий свет на потолок. — После того как прикончили О'Брайена, у нас на участке зарегистрировано две дюжины убийств. Мы поймали одного убийцу — его жена умерла от потери крови... Но обо всех остальных забыли, кроме убийства Большого Майка. Что может быть такого важного в этом деле? Похоже, никто не знает. Однако по-прежнему требуют рапорты. Поэтому после двухсменного дежурства я должен продолжать поиски этого мальчишки. Вот и сегодня ночью мне нужно проверить еще одну дурацкую информацию, но я этого делать не собираюсь. Даже если Грасси распилит меня завтра пополам. Ты знаешь, сколько я спал за последнее время?

— Знаю, — вздохнула Ширли.

— Пару часов за ночь, если удавалось. В общем, сегодня ночью я собираюсь наверстать упущенное. Мне нужно быть в участке в семь утра: еще один митинг протеста на Юнион-сквер — так что все равно слишком долго спать мне не придется. — Он остановился и отдал ей потухший фонарик. У Ширли в руках он вновь ярко загорелся. — Я тут ною, но мне некому пожаловаться, кроме тебя, Ширли. Пока ты меня не встретила, тебе жилось гораздо лучше.

— Этой осенью всем плохо. Ничего подобного еще не было. Сначала вода, теперь вот холодно. Я не понимаю...

— Я не это имел в виду, Ширли... свети, пожалуйста, на комод. — Он достал масленку и прочие принадлежности для чистки оружия и разложил все это на тряпке рядом с кроватью. — Я о нас с тобой. Я не могу дать тебе того, к чему ты привыкла.

Она старалась не вспоминать о своей жизни с Майком. Об этом они вообще не говорили.

— Мой отец живет почти в таком же районе, — сказала она. — Все не так уж сильно отличается.

— Я не об этом. — Он сел на корточки и начал разбирать револьвер. — После того как ты ушла из дома, все у тебя пошло намного лучше, я это знаю. Ты симпатичная девушка, даже более того; за тобой, должно быть, ухлестывало множество парней. — Он говорил запинаясь, и не отрывая глаз от револьвера.

— Я живу здесь, потому что так хочу, — твердо сказала она. — Привлекательной девушке жить легче. Я это знаю, но не все так уж просто. Я хочу... Не знаю точно... счастья, по-моему. Ты мне помог, когда я действительно нуждалась в помощи, и мне было хорошо с тобой, как ни с кем. Я не говорила тебе раньше, но я надеялась, что ты позовешь меня сюда. Мы с тобой так подходили друг другу.

— Это единственная причина?

Они ни разу не говорили об этом с той самой ночи, когда он привел ее к себе, и сейчас ему хотелось узнать все о ее чувствах, не раскрывая свои.

— Почему ты привел меня сюда, Энди? Какая у тебя была причина? — Она не ответила на его вопрос.

Не глядя на нее, он вставил барабан в револьвер и крутанул его большим пальцем.

— Ты мне понравилась... очень понравилась. В сущности, если хочешь знать, — он понизил голос, будто говорил что-то постыдное, — я тебя люблю.

Ширли не знала, что ответить, и молчание затянулось. Жужжал фонарик; из-за перегородки раздался скрип пружин и приглушенное ворчание Сола, забирающегося в кровать.

— А ты, Ширли? — тихо, чтобы не услышал Сол, спросил Энди и наконец взглянул ей в лицо.

— Я... я здесь счастлива, Энди, и я хочу здесь жить. Я серьезно не думала об этом.

— Любовь, брак, дети? Об этом ты думала? — В его голосе опять послышалась резкость.

— Любая женщина думает о подобных вещах, но...

— Но не по отношению к неряхе, вроде меня, живущего в полуразвалившейся крысиной норе, вроде этой... Ты это имела в виду?

— Не говори за меня. Я этого не сказала и даже не думала об этом. Я не жалуюсь... разве что тебя ужасно долго не бывает дома.

— У меня работа.

— Знаю... просто я скучаю без тебя. По-моему, мы чаще были вместе в те первые недели, когда встретились. Было весело...

— Тратить деньги всегда весело, но нельзя веселиться все время.

— А почему? Я имею в виду не все время, а иногда вечером или в воскресенье. Кажется, что мы не говорили друг с другом много недель. Я не хочу сказать, что роман должен продолжаться вечно...

— У меня работа. Какой, по-твоему, получится роман, если я ее брошу?

Ширли чуть не расплакалась.

— Энди, пожалуйста... я не хочу с тобой ругаться. Неужели ты не понимаешь?..

— Я все прекрасно понимаю. Если бы я был большой шишкой в синдикате, занимался девочками, гашишем и ЛСД, все было бы по-другому. Но я просто паршивый полицейский, пытающийся как-то спасти все от развала, в то время как разные ублюдки делают наоборот.

Он вставил патроны в барабан, не глядя на нее и не видя слез, текущих у нее по лицу. За столом она не заплакала, но сейчас не могла сдержаться. Этот холод, мальчишка с ножом, нехватка воды, все подряд, — а теперь еще это. Она положила фонарик на пол, он помигал и погас. Энди поднял фонарик и включил его, а она отвернулась к стене и с головой накрылась одеялом.

Энди ей нравился, — но любила ли она его? Трудно сказать, ведь они так редко видятся. Почему он этого не понимает? Она не пыталась спрятаться от жизни. Но она, ее жизнь, проходила не рядом с ним, а в этой жуткой комнате, где он иногда появлялся, на улицах, рядом с этими людьми, с тем парнем с ножом... Она заплакала еще горше.

Энди молча лег в кровать, молчала и Ширли: они не знали, что сказать друг другу. Вдвоем под одеялом стало теплее. Пахло смазочным маслом: должно быть, он плохо вытер руки. Когда он был рядом, ей было хорошо.

Она коснулась его руки и прошептала: «Энди...», но он не ответил. Он крепко спал.

Глава 2

— Чую, начинается заварушка, — сказал детектив Стив Кулозик, застегивая ремешок на шлеме, и утрюмо посмотрел сквозь защитное стекло.

— Ты чуешь заваруху! — покачал головой Энди. — Какое у тебя чудесное чутье! Пригнали весь участок — и полицейских, и детективов, нечто вроде ударных войск. Выдали шлемы и гранаты со слезоточивым газом в семь утра, заперли здесь без всяких приказов, — а ты чуешь заваруху. Поделись секретом, Стив.

— Природный дар, — спокойно ответил тучный детектив.

— Всем внимание! — заорал капитан. Голоса и шарканье ног стихли, люди в шеренгах замерли, выжидающе поглядывая в дальний конец помещения, где стоял капитан. — Сегодня у нас спецзадание, и детектив Дуайер из штаба все вам объяснит.

В рядах возникло шевеление, стоявшие в задних рядах пытались рассмотреть гостя. Штабное отделение занималось подавлением массовых беспорядков с применением оружия, работали они на Центральной улице и получали приказы непосредственно от инспектора Росса.

— Там, в задних рядах, меня слышно? — крикнул Дуайер и влез на стул. Это был широкоплечий, коренастый человек, похожий на бульдога, голос у него был хриплый и низкий. — Двери заперты, капитан? —

спросил он. — То, что я должен сказать, предназначается исключительно для этих людей.

Все оказалось в полном порядке, и он опять обернулся, осматривая ряды полицейских в форме и детективов в штатском.

— Вероятно, этим вечером в городе будет убито пара сотен — или, может, пара тысяч — человек, — сказал он. — Ваша задача — сделать эту цифру как можно более низкой. Когда вы выйдете отсюда, вы увидите, что начинаются бунты и беспорядки, и чем быстрее вы будете действовать, тем лучше. Пункты социальной помощи сегодня закрыты, и никакой еды не будут выдавать в течение по крайней мере трех дней.

Послышался ропот.

— Прекратите шум! Вы кто — полицейские или кучка старух? Я вам обо всем говорю прямо, чтобы вы были готовы к худшему, а не хлопали глазами.

Наступила абсолютная тишина.

— Отлично. Беспорядки происходят уже несколько дней, но мы не могли действовать, пока не оценили общее положение вещей. Теперь мы это знаем. Город перестал выдавать продукты по карточкам, поскольку склады почти пусты. Мы собираемся их закрыть, подвезти резервы и открыть через три дня. Но норма будет уменьшена — и это секретная информация, ее не следует разбалтывать каждому встречному-поперечному. До конца зимы норма останется минимальной, не забывайте об этом, что бы вы ни услышали. Непосредственная причина нехватки продуктов — авария на главной магистрали к северу от Олбани. Но это не самая большая неприятность. Зерно вскоре начнет снова поступать, но его будет мало. Один профессор из Колумбийского университета на Центральной улице рассказал нам об этом, чтобы мы могли принять какое-то решение, но я не буду останавливаться на технических деталях — у нас не так много времени. Но если коротко, то дело обстоит примерно так.

Прошлой весной не хватило удобрений, и зерна было собрано мало. Были ураганы и паводки. Пылевой шар продолжает расти. И еще неприятности с соевыми бобами, отравленными инсектицидами. Вы знаете об этом ровно столько, сколько и я — все это было по телевизору. К этому добавилось еще множество неприятных мелочей — беда не ходит одна. Советом прези-

дента по экстренному планированию были допущены некоторые ошибки, и там вы скоро увидите другие лица. Так что всем жителям нашего города придется потуже затянуть пояса. И нам с вами хватит работы, уж коли мы занимаемся охраной порядка. Мне не нужно говорить вам, что случится, если начнутся бунты, поджоги и тому подобное. Мы не можем рассчитывать на какую-либо помощь извне, потому что у армии куча других дел. Именно вам придется заниматься всем этим. Причем в пешем строю. Не осталось ни одного годного вертолета: у них сломаны детали, узлы или лопасти, а запчастей нет. На вас ложится большая ответственность. На вас рассчитывают тридцать пять миллионов людей, живущих в этом городе. Если вы не хотите, чтобы они умерли с голоду... выполняйте задание. Ну... есть вопросы?

По рядам пронесся шепот, затем один полицейский нерешительно поднял руку. Дуайер кивнул.

— Сэр, а как насчет воды?

— Эта беда скоро будет ликвидирована. Ремонтные работы на акведуке почти завершены, и воду пустят самое большее через неделю. Но по-прежнему сохранится нормирование, поскольку имеет место снижение уровня грунтовых вод на Лонг-Айленде и очень низок уровень в резервуарах. И это приводит к еще одной проблеме. Мы каждый час передаем по телевидению предупреждения, мы поставили в порту столько охраны, сколько только смогли. Но люди по-прежнему пьют речную воду. Не знаю, как они это могут делать — чертова река превратилась в настоящую канализационную трубу, — но они это делают. И причем не кипятят ее, что равносильно самоубийству. В больницах зафиксировано множество случаев дизентерии и тифа, и Бог знает, чего еще. А до конца зимы дела будут обстоять еще хуже. На доске объявлений вывешен список симптомов этих заболеваний, и я хочу, чтобы вы их запомнили наизусть, смотрели во все глаза и докладывали в управление здравоохранения обо всех подозрительных случаях. Сделайте прививки — и вам не о чем беспокоиться. В управлении есть все необходимые вакцины. — Дуайер наклонил голову, прислушиваясь к шепоту в ближайших рядах, и нахмурился. — По-моему, кто-то сказал «государственный чиновник». Может быть, мне послышалось. Однако давайте с этим разберемся.

Это выражение выдумали коммуняки, и в том смысле, в котором они его употребляют, оно означает, что тот, кто доводит линию партии до масс, продает им прошлогодний снег, всякую чушь. Но в этой стране мы работаем совсем по-другому. Возможно, я государственный чиновник, но я говорю вам правду, чтобы вы могли выйти на улицу и выполнять свою работу. Есть еще вопросы?

В рядах царило молчание. Вопросов не было, и Энди неохотно поднял руку.

— Да? — сказал Дуайер.

— Сэр, что делать с рынками? — спросил Энди, и все повернулись к нему. — Блошинный рынок на Мэдисон-сквер, там полно продуктов, рынок в Грамерсипарке...

— Хороший вопрос: сегодня это самые горячие точки. Большинство из вас будут сегодня дежурить на этих рынках или недалеко от них. Наверняка возникнут недоразумения у складов, когда их не откроют, и еще будут проблемы на Юнион-сквер с этими стариками — они всегда бузят. — Его слова были встречены одобрительным смехом. — Магазины распродадут все, что есть, и закроются, об этом мы позаботимся, но рынки нельзя контролировать точно так же. Продукты питания можно будет купить только там, и люди очень быстро это поймут. Смотрите во все глаза и, если что-нибудь начнется — тут же примите решительные меры, чтобы пламя не перекинулось дальше. У вас есть дубинки и газ; используйте их, если возникнет необходимость. У вас есть пистолеты, но их лучше не вынимать из кобуры. Нам не нужна стрельба без разбору, от этого будет только хуже.

Больше вопросов не последовало. Детектив Дуайер ушел до того, как всем выдали персональные задания, и больше его не видели. Когда стражи порядка вышли на улицу, дождь почти прекратился, и город окутал плотный холодный туман. У обочины стояли два грузовика с брезентовыми крышами и старый городской автобус, выкрашенный в грязный оливковый цвет. Половина окон в нем была забита фанерой.

— Оплачивайте проезд! — крикнул Стив, входя вслед за Энди в автобус. — Интересно, откуда достали такой антиквариат.

— Из городского музея, — ответил Энди. — И эти гранаты тоже. Ты их видел?

— Я их пересчитал, к твоему сведению, — сказал Стив, плюхаясь на потрескавшееся пластиковое сиденье рядом с Энди.

У обоих на коленях лежали ранцы с гранатами. Энди открыл свой и вынул зеленую коробку.

— Читай, — сказал он, — если умеешь.

— Я учился в колледже, — пробурчал Стив, — я могу читать по-ирландски так же хорошо, как и по-американски. «Граната, под давлением... слезоточивый газ... МОА-397...»

— Самая заметная надпись внизу.

— «Герметически закрыто в арсенале Сент-Луиса, апрель 1974 года». Ну и что? У этой ерунды нет срока годности, она не портится.

— Не думаю. Из слов нашего государственного чиновника следует, что нам они сегодня могут понадобиться.

— Ничего не будет. Для беспорядков чересчур сыро.

Автобус с дребезжанием остановился на углу Бродвея и Уорт-сквер. Лейтенант Грассили ткнул пальцем в Энди и кивнул на дверь:

— Ты интересуешься рынками, Раш. Будешь патрулировать отсюда до Двадцать третьей. Кулозик, ты тоже.

Дверь со скрипом закрылась, и автобус медленно двинулся сквозь толпу. Люди шли по тротуару и по мостовой, наталкиваясь друг на друга и не обращая на это внимания, — постоянно меняющееся, но совершенно однородное море людей. Вокруг двух детективов сразу образовалось пустое пространство. Полиция никогда не пользовалась особой популярностью, а полицейских в шлемах с метровыми дубинками, заполненными свинцом, просто боялись. Свободное пространство двигалось вместе с ними. Они пересекли Пятую авеню и направились к Вечному свету, теперь погасшему из-за нехватки горючего.

— Почти восемь, — сказал Энди. Его глаза непрерывно осматривали окружающих. — Пункты социальной помощи обычно открываются в это время. Думаю, что сообщение по телевидению передали вовремя.

Они медленно зашагали к Двадцать третьей улице по мостовой, поскольку прилавки блошиного рынка заполнили весь тротуар.

— Втулки, втулки, самые лучшие втулки! — нудил какой-то торговец, когда они проходили мимо, — маленький человечек, который почти терялся в складках огромного плаща, его бритая голова высывалась из воротника, словно голова стервятника из кольца перьев. Он вытер сопливый нос грязной ладонью и показался совсем уж каким-то слабоумным. — Покупайте втулки, господа офицеры, самые лучшие, из них получают отличные чашки, кастрюли, супницы, ночные горшки, все, что угодно...

Они прошли мимо, и крики утихли позади.

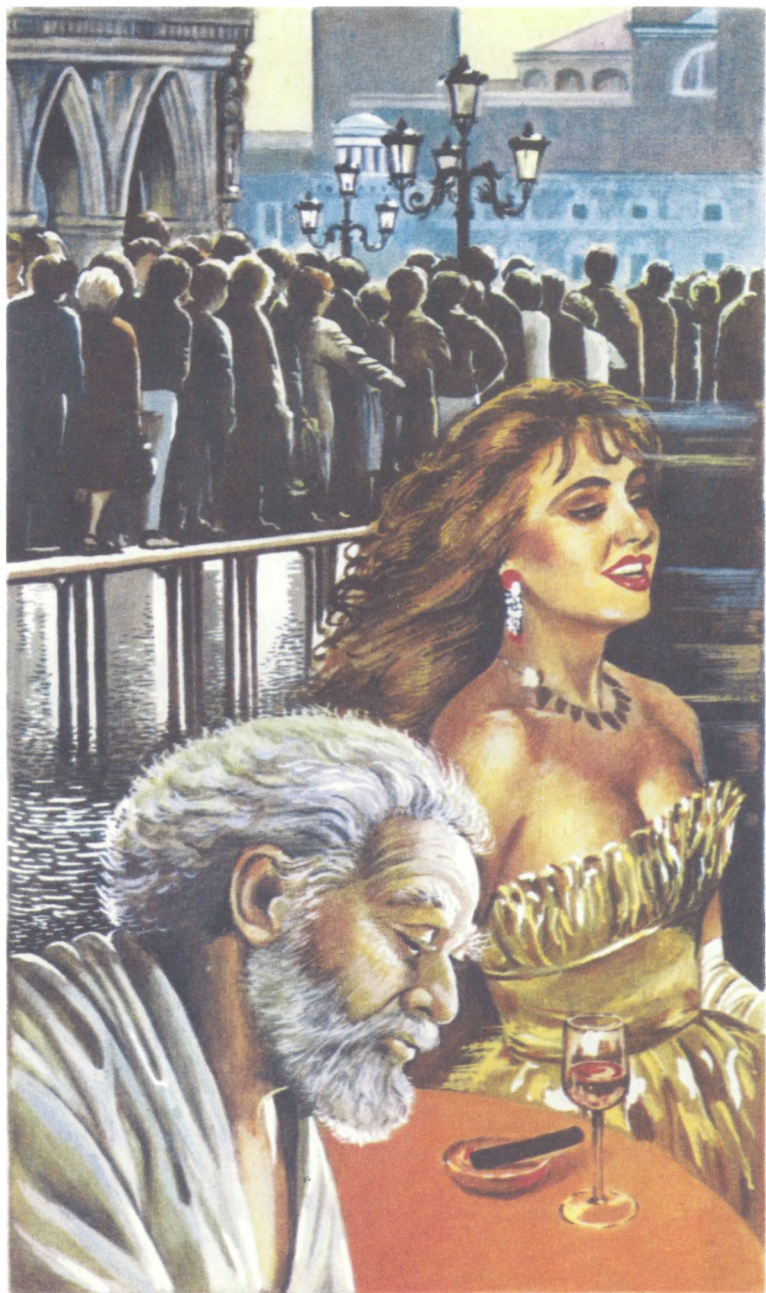
К девяти часам что-то изменилось, казалось, в воздухе повисло какое-то напряжение. Голос толпы как будто стал громче, и она волновалась словно закипающая вода. Когда детективы шли обратно мимо лотка со втулками, то не увидели большей части товара на прилавке, осталось лишь несколько ржавых изделий, на которые даже вор не позарится. Торговец всем телом прикрывал свое имущество, уже не зазывая покупателей. Он не двигался, и только глаза его тревожно бегали.

— Слышишь? — воскликнул Энди, и они оба повернули в сторону рынка. Раздался злобный крик, к нему присоединились другие. — Пошли посмотрим, — сказал Энди, устремляясь к узкому проходу между прилавками.

Толпа плотно забила весь проход между лотками и тележками и зашевелилась лишь тогда, когда детективы начали свистеть в свистки. Пришлось взяться за дубинки — и вскоре Энди со Стивом удалось пробиться к месту происшествия. Посреди толпы находилось три прилавка, где обычно продавали крекеры. Один из них был перевернут, и печенье из водорослей валялось на земле.

— Они подняли цену! — кричала какая-то тощая старуха. — Незаконно подняли цену! За крекеры они требуют вдвое больше!

— Нет никакого закона! Мы можем просить, сколько захотим! — заорал в ответ хозяин прилавка, размахивая перед собой куском кабеля.

Он готов был отдать жизнь, защищая свой товар — ломаные крекеры. Печенье из морских водорослей было самой дешевой и самой невкусной едой, которую когда-либо потреблял человек.

— Ты не имеешь права, подлая твоя душа, такие цены не пойдут! — крикнул какой-то мужчина, и толпа заволновалась и подалась вперед.

Энди что было сил засвистел в свисток.

— Разойдитесь! — заорал он. — Я сейчас все улажу, только разойдитесь! — Стив встал лицом к толпе, размахивая перед собой дубинкой, а Энди повернулся к торговцу и заговорил с ним, понизив голос: — Не будь идиотом. Снижай цену и быстро распродавай товар...

— Я могу запрашивать цену, какую хочу. Нет такого закона... — возразил он, но сразу осекся, когда Энди ударил дубинкой по прилавку.

— Верно... на рынке свои законы. Ты что, хочешь потерять все и свою дурную башку в придачу? Назначь цену и быстро все распродавай, потому что, если ты этого не сделаешь, я просто уйду и эти люди сделают с тобой все, что захотят.

— Он прав, Эл, — сказал продавец у соседнего прилавка. Он прислушивался к тому, что говорит Энди. — Распродавай все и убирайся отсюда подбрюшью. Иначе они нас растопчут. Я уже сбросил цену.

— Ты слизняк... а бабки? — запротестовал Эл.

— Дурак! А дырка в голове, если мы поступим иначе? Я продаю.

Шум по-прежнему не утихал, но, как только крекеры стали дешевле, появилось множество желающих их купить, и единство толпы рухнуло. Послышались крики из другого места — со стороны Пятой авеню.

— Здесь все в порядке, — сказал Стив. — Пошли дальше.

Большинство лавок было заперто, прилавки опустели. Свободные места заняли владельцы тележек и начали бойко торговать. Какая-то женщина в разорванной одежде лежала, всхлипывая, на обломках прилавка, а ее товар, вареные бобы, был полностью растащен.

— Паршивые фараоны! — прорыдала она, когда они проходили мимо. — Почему вы их не остановили? Паршивые фараоны!

Они прошли, не обратив на нее внимания, и оказались на Пятой авеню. Толпа бурлила и гудела, и блюстителям порядка с трудом удалось пробиться сквозь нее.

— Слышишь? — спросил Стив. — Поют будто.

Толпа в едином порыве устремила от центра города. С каждой секундой пение становилось громче, его перекрывал зычный резкий голос запевалы, раздававшийся из громкоговорителя:

Раз, два, три — помощи не жди;

Четыре, пять, шесть — нечего нам есть.

— Старики, — сказал Энди. — Они опять идут маршем на Таймс-сквер.

— Выбрали для этого подходящий день, сегодня столько происшествий.

Когда появились первые участники марша, люди, шедшие навстречу, столпились на тротуаре, уступая дорогу. Впереди шагали молодые люди в форме и размахивали дубинками. За ними шли старики, возглавляемые Мальшом Ривзом. Слегка хромая, он шел впереди с портативным громкоговорителем на батарейках, серой металлической трубой, в мундштук которой был встроен микрофон. Он поднес ее ко рту, и многократно усиленный голос загремел над толпой:

— Вы все, стоящие на тротуарах, присоединяйтесь к нам! Идите вместе с нами! Участвуйте в нашем марше протеста! Мы боремся не только за самих себя, но и за вас всех. Если вы пожилые граждане, вы в глубине сердца вместе с нами, поскольку мы проводим этот марш, чтобы помочь вам. Если вы моложе, вы должны понять, что мы хотим помочь вашим матерям и отцам добиться помощи, которая когда-нибудь понадобится и вам...

Огромная толпа людей вышла с Двадцать четвертой улицы и оказалась на пути марширующих. Задние ряды напирали, не видя, что делается впереди. Старики замедлили шаг и наконец остановились перед людской волной. Вдалеке раздавались резкие свистки полицейских, а патрульные, шедшие впереди колонны стариков, тщетно старались приостановить наплыв людей. Вдруг из узкой Двадцать четвертой улицы появилось множество бегущих в панике людей. Они врзались в толпу и смешались с авангардом стариков.

— Стойте! Стойте же! — гремел усиленный микрофоном голос Ривза. — Вы мешаете проведению марша, санкционированной демонстрации...

Появившиеся люди бросились к нему, и какой-то здоровенный мужчина, по лицу которого текла кровь, выхватил у него громкоговоритель.

— Отдай! — приказал он, и его слова усилились мегафоном.

Энди хорошо видел, что происходит, но ничего не мог сделать: толпа отделила его от Стива и отнесла назад к шатким прилавкам.

— Отдай мне! — вновь раздался голос мужчины, перекрытый воплем Ривза, когда громкоговоритель с силой выдернули у него из рук.

— Они пытаются уморить нас голодом! — прогремел над толпой усиленный мегафоном голос. Побелевшие лица повернулись к нему. — Пункты социальной помощи ломятся от продуктов, но их заперли и не дают нам ничего. Откроем их и возьмем еду. Давайте их откроем!

Толпа одобрительно заревела и, ведомая злобным голосом, опять устремилась на Двадцать четвертую улицу, топча и толкая стариков. Толпа превратилась в стадо. Людей нужно было остановить во что бы то ни стало, иначе массовые беспорядки были неминуемы. Группа стариков окружила раненого Ривза, который что-то кричал, но в общем гаме слов не было слышно. Левой рукой он придерживал предплечье правой, которая висела как плеть, наверное, была сломана. Энди пытался выбраться из этой давки, но понимал, что это ему вряд ли удастся, — стадо уносилось прочь все быстрее.

— ...сохраняя продукты для себя. Кто-нибудь видел тощего полицейского? А политики едят наши продукты, и им наплевать, что мы подышаем с голоду!

Слушая подстрекательские слова, люди зверели все больше и больше. Энди рывком открыл ранец и вытащил гранату. Они взрывались и выпускали облако газа через три секунды после того, как выдергивалось кольцо. Энди сорвал кольцо, затем выпрямился и бросил гранату в сторону мужчины с громкоговорителем. Зеленая коробка описала высокую дугу, упала в толпу рядом с ним — и не взорвалась.

— Гранаты! — проревел мужчина. — Легавые пытаются нас прикончить, чтобы нам не досталось еды. Им нас не остановить... вперед... вперед! Гранаты!

Энди выругался и вытащил еще одну гранату, потом отогнал от себя дубинкой людей, вытащил кольцо и, прежде чем бросить, сосчитал до двух.

Граната взорвалась с глухим хлопком почти над головой мужчины с громкоговорителем. Толпа колыхнулась, ослепленные слезоточивым газом люди пытались убежать от ядовитого облака.

Энди вытащил из ранца противогаз и быстро, как на учениях по гражданской обороне, натянул его.

Хотя вся операция по надеванию противогаза заняла не более трех секунд, обстановка вокруг драматическим образом изменилась. Люди бежали во все стороны, пытаясь спастись от облака газа, которое плыло тонкой дымкой над дорогой. Те, кого это оружие настигло, лежали на мостовой или сгибались в три погибели в неудержимых припадках рвоты. Газ был сильнодействующий.

Энди подбежал к человеку, выхватившему громкоговоритель. Тот стоял на четвереньках, ослепленный и отплевывающийся, но крепко держал в руке мегафон и ругался в него в промежутках между спазмами. Энди попытался вырвать у него громкоговоритель, но тот стал неистово отбиваться, держа его мертвой хваткой. Наконец Энди огрел его дубинкой по голове. Человек рухнул на грязную мостовую, и Энди схватил мегафон.

Самое тяжелое позади. Энди поскреб ногтем по поверхности микрофона, раздалось громкое скрежетание: эта штука все еще работала. Энди глубоко вздохнул и сорвал с лица противогаз.

— Говорит полиция! — сказал он, и лица людей повернулись на голос. — Все закончилось. Спокойно расходитесь по домам, все закончилось. Если вы будете благоразумны, газ больше применяться не будет. — Энди боролся с тошнотой, подкатывающей к горлу. — Обстановку контролирует полиция, беспорядки закончились...

Он закрыл микрофон рукой и согнулся пополам в приступе рвоты.

Глава 3

Нью-Йорк был на краю гибели. Каждый запертый склад окружали толпы людей, которые были голодны, напуганы и искали виновных. Гнев звал людей бунтовать. Хлебные бунты грозили превратиться в водяные. Грабеж мог начаться повсюду. Полиция как могла отбивалась, храня тончайший барьер между гневным протестом и кровавым хаосом.

В первый вечер беспорядки остановили полицейские дубинки, а когда они не помогали, толпы разгонял газ. Напряжение возрастало, поскольку люди собирались вновь в другом месте. Струи воды из машин по борьбе с беспорядками быстро остановили мятежников, когда они попытались захватить пункты социальной помощи, но машин не хватало, да и воды было не так много, чтобы заполнять опустевшие баки. Управление здравоохранения запретило пить речную воду: это было смерти подобно. Тот минимум воды, что имелся в наличии, был крайне необходим для тушения пожаров, вспыхивающих в разных частях города. Когда улицы во многих местах были блокированы, пожарные машины не могли пробиться напрямую к местам пожаров, и им приходилось ехать кругным путем. Некоторые пожары охватили целые районы, и к полудню все машины находились на тушениях.

Первый пистолет выстрелил в начале первого ночи. Им воспользовался охранник управления социальной

помощи, который убил человека, выбившего окно в продуктовом складе на Томпкинс-сквер и пытавшегося туда забраться. Это был первый, но далеко не последний выстрел — да и первый убитый оказался не последним.

Летающая проволока окружила некоторые из районов беспорядков, но ее было мало. Когда ее запасы кончились, вертолеты беспомощно кружили над бурлящими улицами и служили полиции лишь постами воздушного наблюдения, обнаруживая места, куда необходимо было перебросить подкрепление. Занятие было совершенно бесполезным, поскольку никакого резерва не было — все находились на передовой.

После первого столкновения на Мэдисон-сквер все остальное не производило на Энди сильного впечатления. Остаток дня и большую часть ночи он, как и все городские полицейские, противостоял насилию и сам применял насилие, чтобы восстановить законность и порядок в городе, раздираемом сражениями. Единственная возможность немного отдохнуть появилась у него, когда он пал жертвой им же примененного газа и ему удалось добраться до санитарной машины, где ему оказали помощь. Ему промыли глаза и дали таблетку.

Он лежал внутри машины на носилках, прижимая к груди шлем, гранаты и дубинку, и медленно приходил в себя. Водитель машины сидел у двери на других носилках с карабином 30-го калибра, готовый охладить пыл любого, кто заинтересуется машиной или дорогими хирургическими инструментами. Энди мог бы полежать и дольше, но в открытую дверь врывалась холодная морось, и его начало так сильно знобить, что зуб на зуб не попадал. Подняться на ноги, добрести до двери и спрыгнуть на землю оказалось очень трудно, но, начав двигаться, он почувствовал себя немного лучше, кроме того, ему стало теплее.

Нападение на центр социальной помощи сорвалось. Возможно, помогло то, что он сумел отобрать громкоговоритель. И Энди медленно побрел к ближайшей группе фигур в синей форме, морща нос от мерзкого запаха своей одежды.

Усталость не покидала его; он помнил лишь оружие, бегущие ноги, звуки выстрелов, крики, хлопанье газовых гранат, какой-то тяжелый предмет, попавший ему в руку, где моментально появился огромный синяк.

Вечером начался дождь; потоки холодной воды вперемишку со снегом, а не полиция прогнали людей с улиц. Однако, когда толпы разошлись, полиция обнаружила, что ее работа только начинается. Зияющие окна и выломанные двери нужно было охранять, нужно было искать раненых и оказывать им помощь, тогда как пожарному управлению требовалось содействие в тушении многочисленных пожаров. Это продолжалось всю ночь, а на рассвете Энди обнаружил, что лежит на скамейке в своем участке, и слышал, как его имя называет по списку лейтенант Грассиоли.

— И это все, о чем можно пожалеть, — добавил лейтенант. — Получите пайки перед уходом и сдайте обмундирование и снаряжение. В восемнадцать ноль-ноль всем быть здесь — и никакие извинения мне не нужны. Неприятности у нас еще не закончились.

Ночью дождь прошел. Утреннее солнце бросало длинные золотистые блики на влажный, черный асфальт. На углу Седьмой авеню валялось два разломанных велотакси, с которых уже сняли все пригодные детали, а в нескольких метрах от них лежал человек. Казалось, он спал, но когда Энди подошел ближе, он понял, что человек мертв. Не останавливаясь, Энди пошел дальше; сегодня санитарное управление будет убирать трупы.

Первые «пещерные люди» выходили из метро, щурясь от солнечного света. Летом все смеялись над «пещерными людьми» — теми, кому управление социального обеспечения разрешило жить на станциях не работавшего ныне метрополитена, — но когда наступили холода, зубоскалам стало не до смеха. Вероятно, там, внизу, мерзко, грязно и темно, но зато всегда включено несколько электронагревательных приборов. Конечно, они не роскошествовали, но, по крайней мере, не замерзали. Энди свернул в свой квартал.

Поднимаясь по ступенькам, он несколько раз наступил на спавших, но так устал, что не обратил на это внимания. Он долго не мог попасть ключом в замочную скважину; его сопение слышал Сол и открыл дверь.

— Я только что сварил суп, — сказал Сол. — Ты пришел как раз вовремя.

Энди достал из кармана пальто остатки крекеров и высыпал на стол.

— Наворовал? — спросил Сол, кладя кусочек в рот. — А я думал, что еще дня два не будут выдавать ни крошки.

— Полицейский паек.

— Это по-честному. Нельзя же колошматить своих сограждан на пустой желудок. Я кину парочку-другую в суп, пусть будет понаваристее. Скорее всего, ты вчера не смотрел телевизор и поэтому не знаешь об игрищах в конгрессе. Зрелище, в самом деле, захватывающе...

— Ширли еще не проснулась? — перебил его Энди, сбрасывая пальто и тяжело опускаясь в кресло.

Сол немного помолчал, потом медленно произнес:

— Ее нет.

Энди зевнул.

— Еще очень рано. Куда она пошла?

— Она ушла не сегодня, Энди, — ответил Сол, стоя спиной к Энди и помешивая суп. — Она ушла вчера, через пару часов после тебя. И до сих пор не возвращается...

— Ты хочешь сказать, что во время всех этих беспорядков она была на улице... и в прошлую ночь тоже? И что же ты сделал? — Он выпрямился, забыв об усталости.

— А что я мог сделать? Выйти на улицу и попасть под ноги толпы, как эти старые чудаки? Могу поспорить, что с ней все в порядке. Вероятно, она увидела, что творится, и решила остаться у друзей, и не возвращаться пока.

— Каких друзей? О чем ты говоришь? Ее нужно найти.

— Сядь! — приказал Сол. — Не суетись! Поешь супа и немного поспи. Это лучшее, что ты можешь сделать. С ней все будет о'кей. Уж я-то знаю, — неохотно добавил Сол.

— Что ты знаешь, Сол? — спросил Энди, хватая его за плечи и поворачивая лицом к себе.

— Не пытайся управлять рыночными отношениями! — заорал Сол, скидывая с плеч его руки. Затем спокойно добавил: — Я знаю, что она вышла отсюда не просто так, у нее была причина. Она надела свое старое пальто, но под ним я заметил шикарное платье. Нейлоновые чулки. На ногах целое состояние. А когда она прощалась со мной, я увидел, что она накрасилась.

— Сол... что ты хочешь сказать?

— Я не хочу... я говорю. Она была одета так, будто собралась к кому-то в гости, а не за покупками. По-видимому, она ушла, чтобы с кем-то встретиться. Может, со своим папашей... Могла же она пойти к нему в гости.

— Зачем ей нужно с ним встречаться?

— Это я у тебя должен спросить. Ведь ты же с ней поругался, не так ли? Может, она ушла, чтобы прийти в себя.

— Поругался... Да, да. — Энди снова упал в кресло, сжав ладонями голову. Это было прошлой ночью? Нет, позавчерашней. Казалось, сто лет прошло с той глупейшей ссоры. — Она ничего с собой не взяла? — спросил он.

— Только маленькую сумочку, — ответил Сол и поставил на стол тарелку с супом. — Ешь. Я себе тоже сейчас налью. — Немного помолчав, он добавил: — Она вернется.

Энди слишком устал, чтобы спорить, — да и что он мог сказать? Он машинально ел суп, почувствовав, что очень голоден. Он ел, положив локоть на стол, другой рукой подпирая голову.

— Ты бы только послушал вчерашние речи в сенате, — сказал Сол. — Самая забавная комедия на свете. Они пытались пропихнуть закон о чрезвычайном положении — чрезвычайном... он уже лет сто готовится. Они обсуждали всякую ерунду, но о главном не сказали ни слова. — Он заговорил с сильным южным акцентом: — «Перед лицом бэдственного положения мы предлагаем обратить взоры к несмэтным богатствам вэличайшего бассейна и дельты самой могучей из рэк, Миссисипи. Плотины и каналы, э, наука, э — и у вас будут богатэйшие пахотные земли в Западном мире!» — Сол сердито подул на суп. — Они говорили об этом тысячу лет назад. Но разве кто-нибудь сказал об истинной причине принятия закона о чрезвычайном положении? Нет. За все эти годы они так и не набрались смелости, чтобы прямо сказать правду, поэтому и прикрываются всякими поправками и несущественными вопросами.

— О чем ты говоришь? — спросил Энди, слушая вполуха.

— О контроле над рождаемостью, вот о чем. Все-таки они в конце концов сподобились открыть клиники для всех — замужних и нет — и приняли закон о том, что все матери должны иметь информацию о контроле над рождаемостью. Боже, какой скулеж поднимется, когда пуритане узнают об этом!

— Только не сейчас об этом, Сол. Я устал. А Ширли сказала, когда вернется?

— Я рассказал тебе все... — Он осекся и прислушался к звуку шагов в коридоре. Кто-то остановился у двери, и слышался легкий стук.

Энди бросился к двери и распахнул ее.

— Ширли! — сказал он. — У тебя все в порядке?

— Да, конечно... у меня все отлично.

Он так крепко прижал ее к себе, что у нее перехватило дыхание.

— С этими беспорядками... я не знал, что и думать, — сказал он. — Я сам пришел лишь несколько минут назад. Где ты была? Что случилось?

— Я просто захотела уйти на некоторое время — вот и все. — Она сморщила нос. — Что это за запах?

Он поспешно отошел от нее.

— Я наглотался рвотного газа и чуть не задохнулся. Я не мог освободиться. Что значит, захотела на некоторое время уйти?

— Дай хоть снять пальто.

Энди пошел за ней в комнату и плотно затворил за собой дверь. Она вынула из сумочки туфли на высоком каблуке и положила их в шкаф.

— Ну? — сказал он.

— Не надо ничего усложнять. Я чувствовала здесь себя пойманной, как в клетке, со всеми этими нехватками, авариями, холодами и прочим, да еще без тебя. Мне было очень плохо после нашей ссоры. Показалось, что все идет как-то не так. Поэтому я подумала, что если я наряжусь и схожу в какой-нибудь ресторан, из тех, где я была раньше, то мне, может быть, станет лучше. Просто выпить чашечку кофе. Понимаешь, смена обстановки... — Она посмотрела на его непроницаемое лицо и быстро отвела глаза в сторону.

— А что было потом? — спросил он.

— Я не на допросе, Энди. Зачем этот обвинительный тон?

Он повернулся к ней спиной и стал смотреть в окно.

— Я ни в чем тебя не обвиняю, но... тебя же не было дома всю ночь. Что я, по-твоему, должен думать?

— Ну, ты же знаешь, что вчера творилось. Я побоялась возвращаться. Я была в ресторане «Керли»...

— Мясной кабак?

— Да, но если ничего не есть, то выходит не очень дорого. Кучу денег стоит только еда. Я встретила там знакомых, и мы болтали. Потом они отправились на вечеринку и пригласили меня с собой. И я поехала. Мы узнали по телевизору о беспорядках, и никто не захотел уходить. Поэтому вечеринка затянулась на всю ночь. Очень много людей осталось, и я вместе с ними.

Она сняла платье и повесила на вешалку. Потом надела шерстяные рейтузы и теплый свитер.

— И это все, чем ты занималась всю ночь?

— Энди, ты устал. Почему бы тебе немного не поспать? Мы поговорим об этом в другой раз.

— Я хочу поговорить об этом сейчас.

— Ну, пожалуйста, больше же нечего сказать...

— Нет, есть. В чьей квартире все это происходило?

— Какого-то незнакомого мне человека. Он не был приятелем Майка, я просто иногда встречала его на вечеринках.

— Так хозяин мужчина? — Воцарилось напряженное молчание, пока его не нарушил вопрос Энди: — Ты провела ночь с ним?

— Ты в самом деле хочешь знать?

— Конечно, я хочу знать. Зачем, по-твоему, я спрашиваю? Ты с ним спала, а?

— Да.

Спокойствие в ее голосе и внезапность ответа ошеломили его, но ведь он и не надеялся получить иной ответ. Он долго молчал, не находя слов, и наконец спросил:

— Зачем?

— Зачем? — Внезапно ее охватил гнев. — Зачем? А какой у меня был выбор? Я поела и выпила, нужно было платить. Чем еще я должна была расплатиться?

— Прекрати, Ширли, ты была...

— Какой? Честной? Я должна была оставаться здесь, хоть и не сплю с тобой?

— Это совсем другое.

— Да? — Ее начало колотить. — Энди, я надеюсь, что так оно и есть, так должно быть... но больше я

просто ничего не знаю. Я хочу, чтобы мы были счастливы. Не знаю, почему мы ссоримся. Я этого совсем не хочу. Все идет как-то не так. Если бы ты почаще бывал здесь, со мной...

— Мы обсудим это как-нибудь вечером. У меня работа... что я могу поделать?

— Ничего, думаю, больше ничего... — Она сцепила пальцы, чтобы они не тряслись. — Иди поспи, тебе нужно отдохнуть.

Она вышла в другую комнату, и он не шелохнулся, пока дверь не захлопнулась. Потом он пошел за ней, но остановился и сел на край кровати. Что он мог ей сказать? Он медленно стянул башмаки и одетым лег в кровать, накрывшись с головой одеялом.

Усталый и вымотанный, он долго не мог уснуть.

Глава 4

Люди боялись выходить на улицу, пока не рассвело, и очередь за водой этим утром была очень короткой. Однако, когда Ширли заняла место в очереди, на улице уже было много народу. Когда она получила свою норму воды, солнце поднялось уже высоко.

Ширли каждый день встречалась с миссис Майлс. Приходившая первой занимала очередь, а потом они вместе возвращались домой. Миссис Майлс всегда брала с собой маленького сына, который, похоже, все еще болел этим самым квошем. Очевидно, ее муж нуждался в богатом белками гороховом масле больше, чем ребенок. Норму воды увеличили. Это так обрадовало Ширли, что она не обращала внимания на тяжесть и боль в спине. Теперь воды хватало даже на умывание и мытье посуды. Водоразборные колонки должны были открыться самое позднее в середине ноября, а это уже скоро.

В это утро, как обычно, Ширли вернулась раньше восьми и, войдя в квартиру, увидела, что Энди уже одет и собирается уходить.

— Поговори с ним, Ширли, — сказал Энди. — Убеди его, что он становится идиотом. Должно быть, возраст сказывается.

Он поцеловал ее на прощание и собрался уходить. Со времени той ссоры прошло три недели, и внешне все казалось таким же, как и раньше, но внутри что-то изменилось, некое ощущение уверенности — или, мо-

жет быть, любви — было разрушено. Об этом они не говорили.

— Что опять не так? — спросила она, стаскивая верхнюю одежду, в которую была укутана.

Энди остановился на пороге.

— Спроси Сола. Я уверен, что он с радостью расскажет все в мельчайших подробностях. Но когда он закончит, вспомни одну вещь. Он не прав.

— У каждого человека свое мнение, — невозмутимо ответил Сол, смазывая гуталином из допотопной банки еще более допотопные армейские ботинки.

— Мнение тут ни при чем, — сказал Энди. — Ты просто напрашиваешься на неприятности, ищешь приключений себе на голову. До вечера, Ширли. Если все будет тихо, как вчера, я долго не задержусь.

Дверь захлопнулась, и Ширли заперла ее на замок.

— О чем он говорил? — спросила она, грея замерзшие руки над брикетом морского угля, тлеющем в плите. Было холодно и промозгло, от сильного ветра дребезжало стекло в оконной раме.

— Он говорит о протесте, — сказал Сол, с удовольствием рассматривая до блеска начищенный черный ботинок. — Точнее, он высказывается против протеста. Ты слышала про закон о чрезвычайном положении? Его всю прошлую неделю обсасывали по телевизору.

— Тот, что они называют законом о детоубийстве?

— Они?! — заорал Сол, сердито полируя ботинок. — Кто они? Сборище бездельников — вот кто они такие. Люди со средневековым соображением, вечно идущие по проторенной дорожке. Другими словами, задницы.

— Но, Сол... нельзя же заставить людей делать то, во что они не верят. Большинство из них все еще думают, что это имеет какое-то отношение к убийству детей.

— Они думают неправильно. Разве я виноват, что мир полон болванов? Ты прекрасно знаешь, что контроль над рождаемостью не имеет ничего общего с убийством детей. В сущности он их спасает. Что лучше: давать детям умирать от болезней и голода или следить за тем, чтобы лишние дети вообще не рождались?

— Если так рассуждать, то вопрос выглядит по-другому. А ты не забываешь о законах природы? Разве контроль над рождаемостью не является их нарушением?

— Милая моя, вся история медицины есть история нарушения законов природы. Церковь — как протестанская, так и католическая — пыталась приостановить использование анестезирующих средств, потому что по закону природы женщина должна рожать детей в муках. И то, что люди должны умирать от болезней, — закон природы. И то, что человеческое тело нельзя разрезать и что-то там чинить, — тоже закон природы. Был даже один парень по имени Бруно, которого сожгли на костре, потому что он не верил в абсолютную истину и законы природы вроде этих. Когда-то все было против законов природы, и теперь контроль над рождаемостью присоединяется к этому всему. Потому что большинство наших бед проистекает из того факта, что в мире чересчур много людей.

— Это слишком просто, Сол. В действительности существует не только черное и белое...

— О да, это так, но никто не хочет этого признавать. Послушай, сегодня мы живем в страшно паршивом мире, и все наши беды происходят по одной-единственной причине. Чертовски много народу. Как так вышло, что до сих пор у нас ни разу не возникало проблемы перенаселения?

— Не знаю... никогда об этом не задумывалась.

— И не только ты одна. Причина — оставим в стороне войны, потопа, землетрясения и подобные несущественные вещи — заключалась в том, что люди болели, как собаки. Умирало множество грудных младенцев, множество детей, а остальные умирали очень молодыми. Кули в Китае жил, питаясь одним рисом, и обычно умирал, когда ему не исполнялось еще и тридцати лет. Я слышал об этом вчера вечером по телевизору, и я этому верю. А один из сенаторов прочитал из азбуки — это такой учебник, по которому учили детей в колониальной Америке — что-то вроде «будь добр к своим младшим братьям и сестрам, и они не пробудут с тобой слишком долго». Они размножались как мухи и умирали как мухи. Сколько детей умирало... Боже! И не так уж давно, надо сказать. В 1949 году, после демобилизации, я побывал в Мексике. Дети там умирали от таких болезней, о которых ни ты,

ни я даже и не слышали. Там никогда не крестили детей младше года, потому что большинство из них к тому времени умирало, а крещение стоило кучу денег. Вот почему у них никогда не было проблемы перенаселения. Раньше весь мир был одной большой Мексикой, размножаясь, умирая и сохраняя равновесие.

— Так что же изменилось?

— Я тебе скажу, что изменилось. — Он потряс ботинком у нее перед носом. — Современная медицина. Все стало возможно вылечить. Избавились от малярии, а также и от других болезней, которые убивали людей молодыми и притормаживали прирост населения. Появился контроль над смертностью. Старики стали жить дольше. Стало выживать больше детей, которые раньше бы умерли, теперь они превратились в стариков, которые живут еще дольше. Люди появляются в этом мире с бешеной скоростью, но, увы, не уходят из него так же быстро. На каждых двух умерших приходится трое новорожденных. Население без конца удваивается — и скорость все время возрастает. Человеческая чума заразила наш мир. У нас стало больше людей, и они живут дольше. Нужно, чтобы рождалось меньше людей, — вот решение проблемы. У нас есть контроль над смертностью, мы должны сбалансировать с ним и контроль над рождаемостью.

— Я все-таки не понимаю, как это может получиться, если люди по-прежнему думают, что это имеет какое-то отношение к убийству детей.

— Прекрати ты говорить про мертвых детей! — заорал Сол и кинул ботинок в другой конец комнаты. — Никакие дети не имеют к этому ни малейшего отношения — ни живые, ни мертвые. Так думают лишь безмозглые идиоты, которые слышали звон, да не знают, где он. О присутствующих мы не говорим, — добавил он не слишком искренне. — Как можно убить кого-то, кто никогда не существовал? Мы все — победители в овариальных гонках, однако я никогда не слышал, чтобы кто-нибудь сокрушался по поводу — ты извинишь мне биологический термин — сперматозоидов, проигравших в этих соревнованиях.

— Сол... о чем ты говоришь?

— Об овариальных гонках. Всякий раз, когда нужно оплодотворить яйцеклетку, миллионы сперматозоидов стремятся обогнать друг друга и выполнить эту работу.

Лишь один из них побеждает в этой гонке, а остальные остаются с носом. Кого-нибудь волнует это? Ответ один — нет. Так что же такое все эти сложные графики, колпачки и пиллюли, используемые для контроля над рождаемостью? Не что иное, как способы проследить, как бы эти сперматозоиды не натворили чего. Так при чем здесь дети? Я не вижу никаких детей.

— Когда ты так излагаешь, мне тоже кажется, что они здесь ни при чем. Но, если это так просто, как получилось, что до сих пор ничего не было предпринято?

Сол глубоко вздохнул, мрачно подобрал ботинок и вновь принялся его чистить.

— Ширли, — сказал он, — если бы я мог ответить, завтра бы меня, вероятно, сделали президентом. Ничто никогда не бывает просто, когда нужно отыскать ответ. У всех свои собственные идеи, их проталкивают, посылая к черту остальные. Такова история рода человеческого. Когда-то она вознесла нас на вершину, а сейчас сбросила нас оттуда. Люди будут мириться с любыми неудобствами, и с детской смертностью, и со старением в тридцать лет, пока все будет по-старому. Попробуй заставить их измениться — и они станут с тобой драться, даже умирая, будут твердить, что то, что было хорошо для их дедушек, хорошо и для них. Когда в Мексике опрыскивали дома ДДТ — чтобы уничтожить москитов, которые являются переносчиками малярии, убивающей людей, — приходилось использовать войска, чтобы сдерживать людей, пытающихся туда немедленно вернуться. Местным жителям не нравилась эта белая ерунда на мебели, она выглядела некрасиво. Я видел это своими собственными глазами. Контроль над смертностью появился незаметно, и люди о нем даже не узнали. Врачи пользовались все более современными лекарствами, качество питьевой воды улучшалось, работники здравоохранения следили за тем, чтобы болезни не распространялись. Все это появилось словно само собой, этого никто не заметил. И теперь в мире слишком много людей. И что-то в этом отношении нужно делать. Но сделать что-то означает, что люди должны измениться, должны предпринять какое-то усилие, воспользоваться своим рассудком, а это большинству людей не под силу.

— Да, это будет вмешательством в личную жизнь, Сол. Вот так просто сказать людям, что они не могут иметь детей...

— Прекрати! Мы опять начинаем возвращаться к этим мертвым детям! Контроль над рождаемостью не подразумевает никаких детей. Он лишь означает, что у людей есть выбор, как жить. Как управляемые одними инстинктами, бездумно размножающиеся животные или как разумные существа. Будет в семье один, два или три ребенка — какая рождаемость удержит население земного шара на постоянном уровне и создаст благоприятные условия для нормальной жизни всех людей? Или будет четыре, пять или шесть, о которых не думают и не заботятся, которых растят в холоде, голоде и нищете? Как в этом мире за окном, — добавил он, показывая в окно.

— Если мир таков, как ты говоришь, тогда все бездумны и эгоистичны.

— Нет. Я лучшего мнения о человеческом роде. Им просто об этом никогда не говорили, и они рождались животными и умирали животными, по крайней мере многие из них. Я виню вонючих политиков и так называемых общественных деятелей, которые избегали этого вопроса и скрывали его, потому что он спорен и вообще... Пройдут годы, прежде чем он решится, а мне хочется получить свое сейчас. Через столетие человечество сожрет все запасы полезных ископаемых, которые накапливались в течение миллионов лет, и никто наверху не прислушается к голосам, которые пытаются их предупредить. Они просто будут позволять нам чересчур много производить и чересчур много потреблять, пока не исчерпается нефть, пока не истощится пахотный слой, пока не срубят все деревья, не перебьют всех животных, не отравят землю. И нам придется смотреть на семь миллиардов людей, дерущихся из-за оставшихся крох, ведущих нищенский образ жизни — и по-прежнему бесконтрольно размножающихся. Поэтому я заявляю, что пришло время встать и сказать свое слово.

Сол сунул ноги в ботинки и крепко завязал шнурки. Потом надел теплый свитер, достал из шкафа изъеденный молью мундир. На оливковой ткани виднелись разноцветные нашивки, а под ними — медаль снайпера и значок военного училища.

— Похоже, сел, — пробормотал Сол, пытаясь и пытаясь застегнуть пуговицы на животе.

Затем он замотал шею шарфом и надел допотопное, потрепанное пальто.

— Куда ты собрался? — огорченно спросила Ширли.

— Сделать заявление. Напроситься на неприятности, как сказал бы наш общий знакомый Энди. Мне семьдесят пять лет, и я достиг этого почтенного возраста, остерегаясь всяческих неприятностей, держа язык за зубами и не вылезая, как меня учили в армии. Возможно, в этом мире слишком много таких, как я — не знаю. Возможно, я должен был высказать свой протест немного раньше, но я никогда не видел того, против чего мне хотелось бы протестовать, — а сейчас я вижу. Сегодня столкнулись силы тьмы и силы света. Я собираюсь примкнуть к последним.

Он натянул на уши шерстяную шапочку и направился к двери.

— Сол, о чем ты вообще говоришь? Скажи мне, пожалуйста, — попросила Ширли, не зная, радоваться или плакать.

— Проводится демонстрация. Придурки под лозунгом «Спасите наших детей» идут к муниципалитету, протестуя против закона о чрезвычайном положении. Проводится и еще один митинг — теми, кто выступает за этот закон, и чем больше там будет народу, тем лучше. Если много людей встанут и крикнут, их могут услышать. Возможно, тогда закон пройдет через конгресс. Возможно.

— Сол!.. — крикнула Ширли, но дверь захлопнулась.

Поздно ночью Энди с двумя санитарами притащили носилки, на которых лежал Сол. Он был мертвенно-бледен, без сознания и тяжело дышал.

— Произошла уличная потасовка, — сказал Энди. — Там был Сол. Его сбили с ног. У него сломано бедро. — Он устало и без улыбки посмотрел на Ширли. Носилки внесли в комнату. — Для старика это может оказаться очень серьезным, — сказал он.

Глава 5

На воде образовалась тоненькая корочка льда, она хрустнула и сломалась, когда Билли опустил туда канистру. Поднимаясь вверх по лестенке, он увидел, что показалась еще одна ржавая ступенька. Они вычерпали уже огромное количество воды из-за переборки, но, похоже, ее оставалось там еще много.

— Наверху тонкий лед, но не думаю, что вода промерзнет до самого дна, — сказал он Питеру, плотно закрывая за собой дверь. — Там по-прежнему много воды. Очень много.

Он каждый день тщательно замерял уровень воды, а потом плотно закрывал дверь, словно это был банковский подвал, полный денег. А почему бы нет? Чем не деньги? Пока продолжались перебои с водой, они могли бы получать за нее неплохие деньги, те доллары, которые были нужны, чтобы жить в тепле и хорошо питаться.

— Ну что, Пит? — спросил он, вешая канистру на кронштейн над горящим морским углем. — Ты когда-нибудь перестанешь думать, что эту воду можно есть? Мы могли бы продать ее и купить еды.

Питер неподвижно сидел на корточках, глядя на дверь, и не обращал на него никакого внимания, пока Билли не повысил голос. Питер безрадостно покачал головой.

— Чей Бог живот их, и чья слава в стыде их, — с выражением произнес он. — Я уже объяснял тебе, Билли. Мы подходим к концу материального мира. Если ты будешь жаждать материального, ты пропал...

— Так... а ты пропал? Ведь эту одежду и эту еду мы купили на деньги, вырученные за воду. Так что ты имеешь в виду?

— Я ем только для того, чтобы дожить до Дня, — торжественно ответил он, глядя сквозь дверной проем на бледное ноябрьское солнце. — Мы уже очень близки к нему, осталось несколько недель — даже трудно поверить. Скоро настанет час. Мы благословенны — это произойдет при нас.

Питер встал и вышел, и Билли услышал, как он спускается на землю.

— Мир подходит к своему концу... — пробормотал Билли, размешивая гранулы «энер-Г» в воде. — Приду-рок, явный придуток.

Он уже не первый раз думал об этом, — но только про себя. Все, что говорил этот человек, было невероятно, но могло оказаться правдой. Питер любого убеждает в этом с помощью Библии и других книг. Сейчас у него не было книг, но он помнил наизусть и мог цитировать очень длинные отрывки. Разве это не может быть правдой? Почему мир стал таким? Так было не всегда; по телевизору показывали старые фильмы. Однако как быстро все переменялось. Должна быть какая-то причина, и, возможно, все будет так, как говорит Питер: мир закончится, а первый день нового года станет Судным днем...

— Дурацкая мысль. — Он вздрогнул и поднес руки к огню.

Все было не так уж плохо. На нем надето два свитера и старый пиджак с заплатами на локтях — теплее он никогда раньше не одевался. И питались они хорошо. Он шумно втянул с ложки варево из «энер-Г». Покупка карточек социальной помощи обошлась в несколько долларов, но дело того стоило, еще как стоило. Теперь они получали продукты и даже воду в пунктах социальной помощи. И могли торговать своей собственной водой. И по крайней мере раз в неделю он нюхал «грязь». Казалось, мир еще долго не подойдет к своему концу. Черт с ним. Мир великолепен, пока ты смотришь на него.

Снаружи слышалось позвякивание ржавых желез, повешенных на обнаженные шпангоуты судна. Каждый, кто пытался залезть в рубку, задевал эти звенящие препятствия и таким образом предупреждал о своем появлении. С тех пор как они обнаружили у себя воду, приходилось остерегаться непрошенных гостей. Билли взял лом и подошел к двери.

— Питер, я приготовил поесть, — сказал он, выглядывая наружу.

На него уставилось чужое небритое лицо.

— Убирайся отсюда! — закричал Билли.

Мужчина промямлил что-то нечленораздельное: в зубах у него был зажат заостренный кусок автомобильной рессоры. Он повис на одной руке, а другой выхватил изо рта свое оружие.

— Беттиджо! — заорал мужчина хриплым голосом.

Билли отскочил как раз вовремя — у его уха просвистел какой-то предмет и ударился в металлическую стену.

Коренастая женщина с огромной копной светлых волос, стоявшая внизу, запустила в Билли куском бетона. Билли успел пригнуться.

— Давай, Дональд! — завопила она. — Забирайся!

Второй мужчина, такой же волосатый и мерзкий, как первый, стал взбираться на другой борт судна. Билли понял, что попался. Он мог раскроить череп любому, кто попытается влезть на кусок палубы перед дверью, — но лишь одному. Он не мог охранять одновременно оба борта. Пока он справится с одним, второй окажется за спиной.

— Питер! — закричал он как можно громче. — Питер!

Еще один кусок бетона рассыпался в пыль позади него. Он подбежал к краю палубы и замахнулся ломом на бандита, тот уклонился, и лом ударил по балке над его головой. Звук навел Билли на хорошую мысль: он начал бить ломом по металлической обшивке рубки, производя страшный грохот.

— Питер! — крикнул он еще раз в отчаянии и кинулся в другую сторону, где второй налетчик уже уцепился за борт. Он быстро подтянулся на руках и перемахнул через борт.

Обернувшись, Билли увидел, что и другой бородач ухватился за борт обеими руками. Закричав скорее от

страха, чем от ярости, Билли бросился к нему, размахивая ломом. Лом скользнул по голове человека и ударил его по плечу, выбив изо рта кусок рессоры. Мужчина неистово взвыл, но не упал. Билли снова замахнулся, но тут его крепко схватил сзади второй нападавший. Билли не мог пошевелиться и едва дышал. В это время человек, которого он ударил, выплевывал изо рта осколки зубов. По бороде у него текла кровь. Он смачно сплюнул, перелез через борт и набросился на Билли с кулаками. Билли взвыл от боли, отбиваясь ногами и пытаясь вырваться. Смеясь, бандиты потащили его к краю палубы, чтобы сбросить вниз.

Билли уцепился за край палубы, мучители принялись топтать ногами его руки, но вдруг замерли: вернулся Питер. Забравшись на палубу сзади, он замахнулся на мужчин куском трубы.

Пока он сражался у рубки, Билли стал медленно спускаться на землю. Уклонившись от удара рессорой, Питер последовал за ним.

Внизу бесновалась белобрысая женщина.

— Убейте их обоих! — кричала она. — Он меня ударил, сбил с ног. Убейте их!

И она вновь принялась швырять куски бетона, но ни один из них не попал в цель. Когда Билли с Питером оказались на земле, она быстро побежала прочь, выкрикивая проклятия. Соломенные волосы развевались на бегу.

Двое мужчин смотрели сверху на Билли и Питера, но ничего не говорили. Они сделали свое дело. Они завладели судном.

— Пошли, — сказал Питер, подставляя Билли плечо. Он опирался на свою трубу, как на посох. — Они одолели нас и теперь это их корабль — и вода. Они будут охранять его лучше, чем мы. Я знаю эту блудницу Беттиджо: она живет с ними обоими, и они делают все, что она попросит. Да, это знак. Она — вавилонская блудница, прогнавшая нас...

— Мы должны вернуться, — прохрипел Билли.

— ...приказавшая нам идти к великой вавилонской блуднице туда, за реку. Возврата нет.

Билли опустился на землю, тяжело дыша и шевеля разбитыми пальцами. Питер спокойно смотрел на корабль, который был их домом. Три маленькие фигурки

прыгали по палубе, их торжествующие крики доносил холодный ветер с залива. Билли задрожал.

— Пошли, — мягко сказал Питер, помогая ему подняться. — Здесь оставаться негде и незачем. Я знаю, где можно найти приют в Манхэттене. Я был там много раз.

— Я не хочу туда идти, — сказал Билли, вспомнив о полиции, и остановился.

— Нужно. Там мы будем в безопасности.

Билли медленно пошел за ним. А почему бы и нет? Легавые, наверно, давным-давно забыли про него. Если он не пойдет с Питером, он останется один. Страх одиночества был сильнее незабываемого страха перед полицией. Они выживут, если будут держаться вместе.

Они прошли уже половину Манхэттенского моста, когда Билли заметил, что один из его карманов разорван.

— Пстой! — крикнул он Питеру. — Подожди! — Он тщательно ощупал одежду, и его охватила паника. — Пропали, — сказал он, прислонясь к перилам. — Карточки. Должно быть, они выпали во время драки. Может, они у тебя?

— Нет. Ты их взял вчера, когда ходил за водой. Но это неважно.

— Неважно! — заплакал Билли.

Над грифельно-серой поверхностью воды неслись свинцовые низкие облака. Ледяной ветер пронизывал насквозь. Стоять было холодно, и Билли пошел дальше, Питер последовал за ним.

— Куда мы идем? — спросил Билли, когда они сошли с моста и повернули на Дивизион-стрит.

Здесь, в толпе, было немного теплее. Билли всегда чувствовал себя лучше, когда вокруг находились люди.

— На стоянки. Их много в районе новостроек, — сказал Питер.

— Ты придурок, стоянки всегда переполнены.

— Не в это время года, — ответил Питер, показывая на грязный лед в канаве. — Жизнь на стоянках никогда не была легкой. А в такое время года она особенно тяжела для стариков и инвалидов.

Лишь на экране телевизора Билли видел улицы города, заполненные машинами. Для него это было историческим, а потому неинтересным фактом, поскольку стоянки существовали, сколько он себя помнил — эта-

кий постоянный, но постепенно приходящий в упадок элемент городского пейзажа. Когда движение на улицах стало затихать, а автомобили превратились в редкость, не стало необходимости в сотнях автостоянок по всему городу. Они постепенно стали заполняться брошенными машинами: некоторые пригоняла полиция, другие приволакивали, толкая руками. Стоянки превратились в своего рода деревушки, где в машинах жили люди, потому что это было лучше, чем жить на улице. В каждой машине обитало множество жильцов, и все-таки зимой, когда самые слабые умирали, появлялись свободные места.

Билли и Питер направились было на большую стоянку за микрорайоном Сьюард-парк, но их выгнала оттуда шайка подростков, вооруженных обломками кирпичей и самодельными ножами. На Мэдисон-сквер они обнаружили, что вокруг небольшого парка недалеко от микрорайона Ла Гардия сломана ограда и парк заполнен ржавеющими останками автомашин без колес. Здесь не видно было агрессивных подростков, лишь несколько человек урюмо бродили вокруг. Из одной из труб, которые торчали из крыш большинства автомобилей, поднимался дымок. Питер и Билли стали пробираться между машинами, заглядывая в окна. На них смотрели бледные, призрачные лица.

— На вид очень неплоха, — сказал Билли, указывая на неуклюжий допотопный «бьюик», тормозные цилиндры которого наполовину погрузились в грязь. Окна с обеих сторон замерзли, и изнутри не слышалось ни звука, когда приятели подергали ручки запертых дверей. — Интересно, как они проникают внутрь? — недоуменно сказал Билли и влез на капот. Над передним сидением имелась скользящая солнечная крыша; и она сдвинулась немного, когда он на нее надавил. — Дай трубу! — крикнул он Питеру.

Используя трубу в качестве рычага, они расширили отверстие и заглянули внутрь. В машине сидел человек. Его лицо было неподвижно. В одной руке он зажал дубинку: металлический прут, к которому проводом привязаны острые осколки стекла. Человек был мертв.

— Должно быть, крепкий мужик был, раз один владел такой большой машиной, — сказал Билли.

Тело было тяжелым, к тому же одеревенело, и пришлось повозиться, прежде чем они вытащили его через отверстие в крыше. Грязные тряпки, в которые он был закутан, им были не нужны, они вынули у него из кармана только карточки социальной помощи. Питер вытащил тело на улицу, где его могли найти работники санитарного управления, а Билли ждал внутри машины, высунув голову в отверстие и оглядываясь по сторонам. Увесистая дубинка была наготове, если бы кто-нибудь посмел посягнуть на их новый дом.

Глава 6

— Вот это да! — восхищенно произнесла миссис Майлс, когда служащий управления социального обеспечения протянул Ширли в окошко небольшой пакет. — У вас в семье кто-то болен?

— А где старый пакет, сударыня? — спросил служащий. — Вы же знаете, что, получая новый, нужно возвращать старый. С вас три доллара.

— Извините, — сказала Ширли, доставая из хозяйственной сумки пластиковый конверт и протягивая его служащему вместе с деньгами.

Тот что-то проворчал и сделал отметку на одной из своих регистрационных дощечек.

— Следующий! — крикнул он.

— Да, — сказала Ширли миссис Майлс, которая уставилась на пакет и медленно читала буквы на нем. — Сол болен, несчастный случай. Он живет с нами в одной квартире; ему за семьдесят. Он сломал ногу и не может встать с постели. Это для него.

— Мясные хлопья. Прекрасно, — сказала миссис Майлс, провожая глазами пакет, пока тот не исчез в сумке Ширли. — Как вы их готовите?

— С ними можно делать все, что угодно, но я готовлю густой суп с крекерами. Так проще кормить больного. Сол не встает.

— Таких людей нужно класть в больницу, особенно таких старых.

— Он был в больнице, но там сейчас нет мест. Как только они узнали, что он живет в одной квартире с Энди, они тут же заставили его забрать Сола домой. Всех, у кого есть хоть какое-то жилье, выгоняют. Беллевью переполнена, они заняли несколько корпусов в университетских общежитиях и поставили туда койки, но все равно мест не хватает. — Ширли заметила, что миссис Майлс выглядит как-то странно: сегодня она впервые пришла без своего маленького сына. — Как здоровье Томми? Ему что, хуже?

— Не хуже, но и не лучше. Квош остается квошем. А это хорошо, потому что я получаю паек. — Она показала на пластиковую баночку у себя в сумке, в которой лежал небольшой кусок горохового масла. — Томми остался дома, на улице так холодно. На всех детей не хватает одежды, ведь Винни каждый день ходит в школу. Она умница. Заканчивает третий класс. Что-то давно я не видела вас у колонки.

— За водой теперь ходит Энди. Я должна быть с Солом.

— Большое счастье, что у вас дома кто-то болеет и вы можете получать дополнительный паек. Наверняка зимой весь город будет питаться крекерами с водой.

Счастье? — подумала Ширли, завязывая косынку и осматривая темное помещение отдела специальных пайков. Прилавок делил его пополам: с одной стороны находились служащие и ряды полупустых полок, а с другой — длинные людские очереди. Здесь были перекошенные параличом лица и трясущиеся руки — те, кому требовалась специальная диета. Диабетики, инвалиды, люди с болезнями, вызванными недостатком витаминов, белков и огромное количество беременных женщин. Все они счастливчики?

— Что вы собираетесь приготовить на ужин? — спросила миссис Майлс, глядя в грязное окно на небо.

— Не знаю. Думаю, то же, что и всегда. А что?

— Возможно, пойдет снег. Возможно, у нас будет белый День Благодарения, к какому мы привыкли в детстве. Мы собираемся приготовить рыбу, я ее приберегла специально для этого праздника. Завтра же четверг, двадцать пятое ноября. Разве вы не помните?

Ширли покачала головой.

— Нет. Все пошло наперекосяк с тех пор, как случилась эта беда с Солом.

Они шли, низко наклонив головы, чтобы спрятать лица от резких порывов ветра. Когда они сворачивали с Девятой авеню на Девятнадцатую улицу, Ширли столкнулась с какой-то женщиной, шедшей навстречу.

— Извините, — сказала Ширли. — Я вас не заметила...

— Вы же не слепая! — рявкнула женщина. — Ходите тут, людей с ног сбиваете. — Она посмотрела на Ширли и выпучила глаза. — Это ты?

— Я же извинилась, миссис Хеггерт. Я не нарочно. — Она хотела идти дальше, но женщина преградила ей дорогу.

— Я знала, что найду тебя, — победно произнесла миссис Хеггерт. — Я собираюсь подать на тебя в суд. Ты украла все деньги моего брата, а мне не оставила ничего, вообще ничего. Лишь счета, которые мне пришлось оплачивать, за воду и за все остальное. Они были такие большие, что мне пришлось продать всю мебель, чтобы их оплатить. Но я все еще остаюсь должна, и меня преследуют. Ты все оплатишь!

Ширли вспомнила, как Энди принимал душ, и, наверное, у нее на лице появилась улыбка, потому что Мери Хеггерт завопила:

— Не насмехайся надо мной, я честная женщина! Твари вроде тебя не смеют улыбаться мне прямо в лицо. Весь мир знает, кто ты такая, ты...

Она замолчала, словно ее выключили — миссис Майлс влепила ей здоровую пощечину.

— Придержи свой мерзкий язык, девочка, — сказала миссис Майлс. — Никто не смеет говорить с моей подругой в таком тоне.

— Как вы смеете! — завопила сестра Майка.

— Я уже посмела... и ты схлопочешь еще, если будешь путаться у меня под ногами.

Увлечшись перепалкой, женщины на какое-то время совершенно забыли о Ширли. Они были примерно одного возраста и воспитания, хотя Мери Хеггерт после замужества немного поднялась в общественной иерархии. Но выросла она на этих улицах и знала их законы. Нужно драться или отступать.

— Не лезь не в свое дело, — сказала она.

— Сейчас это станет моим делом, — сказала миссис Майлс, сжимая кулаки.

— Это не твое дело, — повторила сестра Майка и на всякий случай отступила на несколько шагов назад.

— Дуй отсюда! — крикнула миссис Майлс.

— Вы обо мне еще услышите! — пообещала Мери Хеггерти, повернувшись и с чувством собственного достоинства пошла прочь.

— Я очень сожалею, что вы ввязались в этот скандал, — сказала Ширли.

— С большим удовольствием, — ответила миссис Майлс. — Мне хотелось, чтобы она затеяла ссору, и уж тогда бы я с ней разделалась. Знаю я подобных дамочек.

— На самом деле я не должна ей никаких денег...

— Это не имеет значения. Было бы лучше, если бы были должны. Я получила бы удовольствие, приструнив ее как следует.

Миссис Майлс распрощалась с Ширли у ее дома и степенно пошла дальше. Внезапно почувствовав сильную усталость, Ширли с трудом дошла до квартиры и толкнула незапертую дверь.

— Ты скверно выглядишь, — сказал Сол. Он лежал накрытый несколькими одеялами до самого подбородка. На голову была надета шерстяная шапочка. — И выключи, пожалуйста, ящик. Скоро я либо ослепну, либо оглохну.

Ширли положила сумку и выключила орущий телевизор.

— Становится холоднее, — сказала она. — Даже дома холодно. Я зажгу огонь и подогрею суп.

— Больше не могу есть эти дерьмовые мясные хлопья, — пожаловался Сол и состроил гримасу.

— Не говори так, — спокойно сказала Ширли. — Это настоящее мясо, именно то, что тебе нужно.

— То, что мне нужно, ты уже не можешь достать. Ты знаешь, что такое эти мясные хлопья? Я все про них узнал сегодня по телевизору. Я не очень интересуюсь этим вопросом, но я же не могу вырубить этот чертов ящик! Длинная программа о животных во Флориде. Должно быть, они там, в Майами-Бич, что-то слышали про животных. Они перестали осушать болота, а вместо этого занимаются черт-те чем. Улиткофермы — как тебе это нравится? Выращивают гигантских западноафриканских улиток — триста граммов мяса в каждой раковине. Вытаскивают, разрезают, обезвоживают,

запаковывают и отправляют голодающим крестьянам сюда, на холодный Север. Мясные хлопья. Что ты на это скажешь?

— Очень интересно, — сказала Ширли, размешивая бурые, похожие на щепки, кусочки мяса в каше. — Я один раз видела по телевизору кино, где ели этих улиток. По-моему, это было во Франции. Должно быть, они какие-то особенные.

— Для французов, возможно, но не для меня...

Тут у Сола начался жестокий приступ кашля, после которого он совсем ослаб и лежал на подушках, тяжело дыша.

— Может, хочешь попить воды? — спросила Ширли.

— Нет... все в порядке. — Его раздражение, похоже, исчезло вместе с кашлем. — Извини, что набросился на тебя, малышка, ты за мной ухаживаешь и все такое. Просто я не привык лежать пластом. Я всю жизнь сохранял отличную форму, регулярно занимался спортом, сам себя обслуживал, никогда никого ни о чем не просил. Но есть одна штука, которую не предотвратить. — Он мрачно посмотрел на свои одеяла. — Время идет походным маршем. Кости становятся хрупкими. Поскользнулся, упал — и вот уже в гипсе до самого подборадка.

— Суп готов...

— Не сейчас, я еще не проголодался. Может, включишь телевизор... нет, оставь. Он мне надоел. В новостях сказали, что закон о чрезвычайном положении пройдет всего лишь через два месяца обсаживания его в конгрессе. Я этому не верю. Слишком много людей ничего об этом не знают или не беспокоятся, а потому на конгресс не оказывают настоящего нажима в этом отношении. У нас по-прежнему есть женщины с десятью детьми, умирающими от голода, которые считают грехом иметь детей меньше. Полагаю, в этом мы можем винить главным образом католиков: они все еще не верят, что контроль над рождаемостью — праведное дело.

— Сол, пожалуйста, не нападай на католиков. У моей матери в семье...

— Я не против кого бы то ни было, и я очень люблю семью твоей матери. И я не против пуритан, когда говорю, что эти задницы поджаривали на кострах ста-

рушек за то, что те якобы были ведьмами. Это история. Твоя церковь поставила рекорд в борьбе против контроля за рождаемостью со стороны общественности. Это тоже история. Результаты, свидетельствующие, что они не правы — за окном. Они навязали остальным свои убеждения, и теперь мы все гнием в одной канаве.

— На самом деле, плохо совсем не это. На самом деле церковь не выступает против идеи контроля над рождаемостью. Она против способов, которыми он осуществляется. Она всегда одобряла метод ритмов...

— Он недостаточно хорош. Как и пилули, он не для всех. А когда они собираются дать добро спирали? Это единственное, что действительно работает. А знаешь, когда она появилась, — самое простое средство для любой дуры, безопасное и безвредное? В 1964 году, когда светлые головы в университете Джона Хопкинса все исследовали, включая побочные эффекты, вот когда. Уже тридцать пять лет у них есть этот маленький кусочек пластмассы, который стоит от силы пару центов. Он вводится внутрь и остается там годами, он не препятствует процессам жизнедеятельности, не выпадает, в сущности женщина даже не чувствует его, — но пока он есть, она не может забеременеть. Вынь его — и она вновь сможет иметь детей, ничего не меняется. И самое забавное, что никто до сих пор не знает, как она действует. Это чудо. Возможно, нужно писать с заглавной буквы: Чудо. И церковь могла бы ее признать и сказать, что воля Божья на то, будет она действовать или нет.

— Сол, ты богохульствуешь.

— Я? Ничего подобного! У меня, как у каждого, есть право высказывать догадки относительно того, что думает Бог. В любом случае, это не имеет к нему никакого отношения. Я просто пытаюсь найти извинение для католической церкви, которая не желает принять эту штуку и дать страдающему человечеству небольшой отдых.

— Сейчас этот вопрос рассматривается.

— Грандиозно. Они запоздали всего на каких-то тридцать пять лет. Может, все же закон и пройдет, хотя сомневаюсь. Это старая история: то чересчур рано, то чересчур поздно. Мир скатился к черту в ад, и это мы столкнули его туда.

Ширли помешивала суп и с улыбкой смотрела на Сола.

— А ты не преувеличиваешь? Нельзя во всех наших бедах винить перенаселенность.

— Можно, черт подери, — извини за выражение. Уголь, которого должно было хватить на столетия, весь выкопали, потому что слишком много людей хотят жить в тепле. И нефть тоже. Ее осталось так мало, что мы не можем позволить себе ее сжигать. Она идет только на производство химикатов, пластмасс и прочей ерунды. А реки — кто их отравил? Вода — кто ее выпил? Пахотный слой почвы — кто его истощил? Все сожрано, изношено, исчерпано. Что у нас осталось? Какой у нас единственный природный ресурс? Старые автостоянки — вот что осталось. Все уже использовано, и нам приходится любоваться миллиардами старых ржавых машин. Когда-то у нас был целый мир, но мы его съели, сожрали, и он исчез. Когда-то прерии были черны от бизонов — об этом я в детстве читал в учебнике, — но я их никогда не видел, потому что их всех превратили в бифштексы и изъеденные молью ковры. Ты думаешь, это произвело какое-то впечатление на человечество? Или киты, странствующие голуби, журавли или другие животные, которых мы истребили? Черта с два! В пятидесятые и шестидесятые годы было много разговоров о строительстве станций для опреснения морской воды: в пустынях зацветут сады и все такое. Но это были только разговоры. Если некоторые люди умеют читать древние письма, то это совсем не значит, что они могут заставить прочесть их всех остальных. Требуется по меньшей мере пять лет, чтобы построить всего одну атомную станцию. Те станции, в которых мы нуждаемся *сейчас*, должны были быть построены *тогда*. Этого не произошло. Все достаточно просто.

— Это у тебя все получается просто, Сол, но не поздно ли беспокоиться о том, что люди должны были сделать сто лет тому назад?

— Сорок... но это неважно.

— Что мы можем сделать сегодня? Разве не об этом мы должны сейчас думать?

— Думай, сладкая моя; мне от этого становится тошно. Мчаться вперед на полной скорости, оставляя на месте, — вот что мы можем сегодня сделать. Воз-

можно, я живу прошлым, и если это так, то у меня на то свои причины. Тогда все было намного лучше, а беда всегда приходит завтра, так что черт со всем этим. Существовала Франция, великая страна, цитадель культуры, готовая повести за собой весь мир по пути прогресса. Только они приняли закон, провозгласивший контроль над рождаемостью нелегальным, и для врачей стало преступлением даже говорить о противозачаточных средствах. Прогресс! Факты достаточно явные, любой может удосужиться убедиться в них. Консерваторы постоянно говорили нам, что следует изменить курс, а то все природные богатства исчезнут. И вот они исчезли. Уже тогда было почти поздно, но что-то еще можно было сделать. Женщины во всех странах мира умоляли дать им информацию о методах контроля над рождаемостью, чтобы они могли ограничивать размеры семей какими-то разумными рамками. В результате было очень много болтовни и чертовски мало дела. Если бы существовало пять тысяч клиник, занимающихся планированием семьи, этого было бы все-таки недостаточно. Дети, любовь и секс, — вероятно, самые эмоционально важные и самые таинственные вещи, известные человечеству, поэтому открытая дискуссия была невозможна. Нужно было провести свободную дискуссию, отпустить тонны денег на научные исследования проблем оплодотворения, планирования семьи во всемирных масштабах, на программы обучения, на пропаганду контроля над численностью населения, а самое главное — допустить свободное высказывание свободных взглядов. Но этого не произошло, а теперь 1999 год и конец столетия. Так себе столетие! В общем, через пару недель наступит новый век, и, возможно, он действительно станет новым для шокированного человечества. Сомневаюсь — и не беспокоюсь об этом. Я этого не увижу.

— Сол, ты не должен так говорить.

— Почему? У меня неизлечимое заболевание. Старость.

Он вновь закашлялся, на этот раз надолго, а когда приступ прекратился, он лежал молча на кровати, совершенно измученный. Ширли подошла поправить одеяла, и ее ладонь коснулась его руки. Глаза у нее расширились, она изумленно открыла рот.

— Ты такой горячий. У тебя жар?

— Жар? — Он начал кашлять и от этого еще больше ослабел. Когда он заговорил вновь, голос его звучал очень тихо. — Послушай, милая моя, я старый боец. Я лежу на спине в постели совершенно разбитый и не могу пошевелиться. А в комнате так холодно, что можно заморозить кого уютно. У меня могли бы появиться пролежни, но, скорее всего, у меня воспаление легких.

— Нет.

— Да. Не надо бояться правды. Если оно у меня есть, значит есть. Ну, будь хорошей девочкой и поешь супу. Я не голоден и лучше немного вздремну. — Он закрыл глаза и опустил голову на подушку.

Энди вернулся домой в начале восьмого. Ширли узнала знакомые шаги в коридоре и встретила его в дверях, прижав к губам палец. Затем она тихо провела его в другую комнату, показав на Сола, который все еще спал, тяжело дыша.

— Как он себя чувствует? — спросил Энди, растегивая мокрое пальто. — Ну и вечерок сегодня. Дождь со снегом и слякоть.

— У него жар, — сказала Ширли. — Он сказал, что у него воспаление легких. Это может быть? Что делать?

Энди замер, вытащив руку только из одного рукава.

— У него температура? Он кашляет? — спросил он. Ширли кивнула. Энди приоткрыл дверь и прислушался к дыханию Сола, затем молча закрыл ее и стал надевать пальто. — Меня предупреждали об этом в больнице, — сказал он. — Для стариков, не встающих с постели, всегда существует такая опасность. Мне там дали какие-то антибиотики. Мы дадим ему их, а я схожу в Беллевью, — может, удастся достать еще, и спрошу, не возьмут ли его обратно. Ему нужно находиться в кислородной камере.

Сол, не до конца проснувшись, принял таблетки. Ширли положила ладонь ему на лоб — он горел. Через час вернулся Энди. Лицо его ничего не выражало. Ширли всегда думала, что это профессиональное выражение лица. Сейчас оно могло означать только одно.

— Антибиотиков больше нет, — в отчаянии прошептал он. — Из-за эпидемии гриппа. То же самое с койками и кислородными камерами. Все переполнено. Я даже не видел никого из врачей, говорил с девушкой в приемном покое.

— Они не могут так поступить. Он очень болен. Это все равно что убийство.

— Если бы ты видела Беллевию. Похоже, что болеет половина города. Люди повсюду: в коридорах, на лестницах, даже на улице. Лекарств не хватает. Помогите, их дают только детям, остальные должны рассчитывать только на везение.

— Везение! — воскликнула Ширли и уткнулась лицом в его мокрое пальто, беспомощно всхлипывая. — Но какое тут может быть везение? Это убийство. Такой старый человек нуждается в помощи, его нельзя бросить просто так. Он умрет.

Он прижал ее к себе.

— Мы здесь и можем за ним ухаживать. Еще осталось четыре таблетки. Теперь иди и ляг. Ты тоже заболешь, если не будешь заботиться о себе.

Глава 7

— Нет, Раш, это невозможно. Так не пойдет... и ты знаешь это лучше меня. — Лейтенант Грассиоли прижал палец к уголку глаза, но это не помогло — тик не прекратился.

— Извините, лейтенант, — сказал Энди. — Я прошу не за себя. Это семейные проблемы. Я уже отдежурил девять часов, и до конца недели у меня двойные смены...

— Полицейский находится на дежурстве двадцать четыре часа в сутки.

Энди едва сдержался.

— Я знаю, сэр. Я не отлыниваю от работы.

— Отлыниваешь. Разговору конец.

— Тогда разрешите мне уйти хоть на полчаса. Я хочу заскочить домой, а потом вернуться и буду в вашем полном распоряжении. Я буду работать до прихода дневной смены. В любом случае у вас после полуночи будет не хватать людей, а если я останусь, то смогу закончить те рапорты, которые вот уже неделю требуют с Центральной улицы.

Придется работать двое суток без отдыха, но только так можно было добиться от Грасси хоть чего-то. Лейтенант не мог приказать ему работать столько часов подряд — если не было экстренной необходимости, — но он мог воспользоваться предложением Энди. Большинство детективов вновь перевели на патрулирова-

ние, так что их непосредственная работа очень пострадала. Штаб на Центральной улице не считал такой аргумент достаточно веским.

— Я никогда никого не прошу работать сверхурочно, — сказал Грассиоли, заглатывая наживку. — Но я играю честно, по правилам. Ты можешь взять сейчас полчаса, но не больше, как ты понимаешь, а когда вернешься, все доделаешь. Если хочешь остаться здесь вечером, твое право.

— Слушаюсь, сэр, — сказал Энди.

Хорошенькое право. Он пробудет здесь до восхода солнца.

Дождь, шедший последние три дня, сменился снегом. Огромные снежинки бесшумно падали в конусах света под фонарями на Двадцать третьей улице. Пешеходов было немного, но по-прежнему темные фигуры жались к колоннам, поддерживающим экспресс-линию. Большинство ночующих на улицах нашли себе убежище от непогоды, но их невидимое присутствие, как и остальных жителей города, было почти ощутимым. В каждом доме жили сотни людей, их темные силуэты мелькали в подъездах и окнах. Энди наклонил голову, чтобы снег не летел в лицо, и побежал. Но быстро запыхался и пошел медленнее.

Ширли не хотела, чтобы он уходил этим утром, но он не мог остаться. Солу лучше не становилось; не становилось ему и хуже. Так было последние три дня. Энди хотелось остаться с ним, помочь Ширли, но выбора у него не было. Он должен был идти на дежурство. Она этого не понимала, и они чуть не поссорились — шепотом, чтобы не услышал Сол. Энди надеялся вернуться пораньше, но обстоятельства распорядились иначе. Он мог лишь забежать на несколько минут, поговорить с ними обоими, узнать, не нужна ли какая-нибудь помощь. Он знал, что Ширли нелегко быть одной с больным старым человеком, — но что было делать?

В коридоре из-за дверей раздавались музыка и звуки телевизионных передач, а в его квартире царила тишина. У него вдруг возникло дурное предчувствие. Он отпер дверь и тихо ее отворил. В комнате было темно.

— Ширли? — прошептал он. — Сол?

Ответа не последовало, и тишина вдруг страшно поразила его. Где учащенное, хриплое дыхание, напол-

нявшее раньше комнату? Зажужжал его фонарик, луч света пересек комнату и уткнулся в кровать, в неподвижное, бледное лицо Сола. Казалось, он тихо спит, но Энди знал — еще до того, как коснулся кончиками пальцев, — что Сол мертв.

О Боже! — подумал он. Она была с ним одна, в темноте, когда он умирал.

И тут он услышал тихие, душераздирающие рыдания, раздававшиеся из-за перегородки.

Глава 8

— Я не хочу больше об этом слышать! — заорал Билли, но Питер продолжал говорить, словно Билли тут вообще не было:

— «...И увидел я новое небо и новую землю, ибо прежнее небо и прежняя земля исчезли, и моря уже нет». Так написано в Книге откровений; если мы ищем истину, она там. Откровение нам, мимолетный взгляд в завтра...

— Заткнись!!!

Никакого воздействия это не оказало, и монотонный голос упорно продолжал звучать на фоне ветра, завывающего вокруг старой машины и проникающего во все щели и трещины. Билли натянул на голову пыльное одеяло, но это не помогло, к тому же стало трудно дышать. Билли опустил одеяло до подбородка и устался в серый сумрак внутри машины, пытаясь не обращать внимания на бормотание человека рядом. Передние кресла и заднее сиденье были сняты, и седан превратился в одну, не слишком просторную комнату. Они спали бок о бок на полу, покрытом обрывками теплоизоляции, ватина и поролона. Неожиданно Билли почувствовал сильный запах йода и дыма, когда ветер задул по дымовой трубе и перемешал пепел в желобе, который они использовали в качестве печки. Последний кусок морского угля сожгли неделю назад.

Билли уснул и спал до тех пор, пока нудный голос Питера не разбудил его вновь. Теперь Билли был уверен, что его компаньон лишился рассудка, поскольку разговаривал сам с собой. Билли чувствовал, что задыхается в этих тесных стенах, в этой пыли, в этих бессмысленных словах, которые наполняли всю машину и давили на него. Встав на колени, он повернул ручку и немного опустил заднее стекло. Он прильнул к щели, жадно дыша холодным свежим воздухом. Что-то холодное коснулось его губ. Он наклонил голову, чтобы выглянуть в щель, и увидел белые парящие снежинки.

— Я выйду, — сказал он, закрыв окно, но Питер сделал вид, что не слышит. — Я выйду. Здесь воняет.

Он взял пончо, сделанное из синтетического покрытия, срезанного с переднего сидения «бьюика», просунул голову в отверстие и закутался. Когда он открыл заднюю дверь, в машину влетел снежный вихрь.

— Здесь воняет, и ты воняешь... и, по-моему, ты придурок.

Билли вылез из машины и с силой хлопнул дверью.

Падая на землю, снег таял, а на крышах автомобилей лежал толстым слоем. Билли собрал горсть снега с капота машины и положил в рот. В темноте не было заметно никакого движения, с тихим шелестом падали снежинки, ночь была безмолвна. Пробравшись мимо покрытых белыми саванами машин, Билли вышел на Канал-стрит и повернул на запад к Гудзону. Улица была на удивление пустынна, должно быть, было уже очень поздно. И шорох колес какого-то запоздалого велотакси, проехавшего мимо Билли и скрывшегося во мраке, еще долго звучал в ночи.

Билли остановился у складов и понаблюдал, как из ворот выезжали пятеро гужеви́ков. С обеих сторон шли охранники, а люди-лошади едва передвигали ноги, таща тяжелый груз. Что-то ценное, подумал Билли, вероятно, продукты. При воспоминании о еде в пустом желудке болезненно заурчало, и он прижал к нему ладони. Он не ел уже два дня.

Здесь было больше снега, он лежал на железной изгороди, и Билли, проходя мимо, собрал его, скатал в маленький шарик и положил в рот. Дойдя до Элизабет-стрит, он взглянул на большие механические часы, установленные на фасаде здания с вывеской «Центр китайской коммуны». Стрелки показывали начало чет-

вертого. Это означало, что до рассвета еще часа три-четыре. Масса времени, чтобы дойти до окраины и вернуться.

От ходьбы он согрелся, но одежда промокла почти насквозь. Путь до Двадцать третьей улицы был неблизкий, и Билли очень устал. Несколько последних недель он недоедал. Дважды он останавливался передохнуть, но тогда сразу становилось холодно. И он вновь с трудом поднимался на ноги и пускался в путь. Чем дальше на север он уходил, тем сильнее его охватывал страх.

Отчего бы мне туда не сходить? — спрашивал он себя, тревожно озираясь в темноте. Легавые сейчас про меня совсем забыли. Все случилось так давно, это — он посчитал по пальцам — было четыре месяца тому назад, в декабре пошел пятый. Полиция никогда не расследует дело дольше двух недель, если только не застрелили мэра или не украли миллион долларов.

Пока его никто не видел, он чувствовал себя в безопасности. Дважды он уже отправлялся на север, но как только оказывался неподалеку от своего старого дома, он останавливался. Либо дождь был не слишком сильным, либо вокруг было слишком много людей. Но сегодня ночью все совсем по-другому. Похоже, что снегопад усилился, — его никто не заметит. Он доберется до «Колумбии Виктории», спустится к себе и всех разбудит. Это была его семья, они будут рады его увидеть, несмотря ни на что. Он объяснит, что невиновен. А еда! Он сплюнул в темноту. У них были карточки на четверых, а его мать всегда делала запасы на черный день. Он наестся до отвала. Овсяные лепешки, огромные, может, даже только что приготовленные и горячие. Одежда тоже. У матери осталась вся его одежда. Он наденет теплые вещи и возьмет пару отцовских башмаков. Никакого риска, никто не узнает, что он там был. Зайти всего на несколько минут, самое большее на полчаса, а затем назад. Игра стоила свеч.

Он прошел под эстакадой на Двадцатой улице и направился к шестьдесят первому причалу. Похожая на амбар пристройка у причала была забита людьми, и он не осмелился пройти мимо. Снаружи вдоль здания узкие мостки, положенные на сваи; Билли хорошо их знал, хотя впервые шел по ним ночью. Мостки были скользкими от растаявшего снега. Он двинулся по мост-

кам боком, прижимаясь спиной к стене и слыша внизу плеск волн о сваи. Не дай Бог свалиться — влезть обратно он уже не сможет, это будет верная смерть. Задрожав, он переставил ногу и чуть не запнулся о толстый швартовочный канат. Над ним, почти невидимый в темноте, возвышался ржавый борт самого крайнего судна Корабельного городка. Это был самый длинный путь до «Колумбии Виктории», а значит, и самый безопасный. Никого вокруг не было видно, и он по сходням забрался на палубу.

Когда Билли пересек плавучий город, у него вдруг пропала тревога. Погода была на его стороне, снег все так же валил, окутывая все вокруг. И корабли были за него: на палубах никого не было, и никто не видел, как он проходил. Он все рассчитал, он готовился к этой ночи очень долго. Если он спустится вниз и попытается разбудить кого-нибудь из своих, его могут услышать. Но он не настолько глуп.

Добравшись до палубы, Билли остановился и достал длинный шнур, сплетенный несколько недель назад из проводов системы зажигания нескольких старых машин. К концу шнура был прикреплен тяжелый болт. Он осторожно взмахнул им — и болт слабо стукнул в фанерное окно каюты, где спали мать и сестра. Стук наверняка будет слышен в каюте и кто-нибудь обязательно проснется.

Через некоторое время Билли услышал, как внизу отодвинулась фанера и исчезла внутри каюты. Из отверстия высунулась чья-то голова.

— Что такое? Кто там? — Это был голос его сестры.

— Старший брат, — прошептал он по-кантонски. — Открой дверь ипусти меня.

Глава 9

— Мне так жалко Сола, — сказала Ширли. — Как это жестоко.

— Не надо, — ответил Энди, прижимая ее к себе и крепко целуя. — Не думаю, что он чувствовал себя таким уж несчастным. Он — старый человек и за всю свою жизнь много чего перевидал и сделал. Для него все было в прошлом, и я не думаю, что он был очень счастлив в этом мире. Посмотри — неужели солнце? По-моему, снег кончился, и небо проясняется.

— Но его смерть так нелепа. Если бы он не пошел на ту демонстрацию...

— Полно, Ширли, прекрати. Сола не вернешь. Почему бы тебе не подумать о сегодняшнем дне? Ты можешь себе представить, что Грасси дает мне выходной — просто из чувства симпатии?

— Нет. Он ужасный человек. Я уверена, что он готовит тебе пакость, о чем ты и узнаешь, придя завтра на работу.

— Да ну тебя, ты говоришь прямо как я, — засмеялся он. — Давай позавтракаем и подумаем, что мы хотим сделать сегодня.

Энди вошел в комнату и зажег огонь, пока Ширли одевалась. Затем он еще раз проверил, все ли вещи Сола спрятаны подальше от глаз. Вещи были в шкафу, он протер начисто все полки и засунул поверх одежды книги. С кроватью ничего не поделаешь, а одеяло и

подушку он свернул и тоже положил в шкаф. Теперь кровать больше походила на диван. Вполне прилично. Нужно будет постепенно избавиться от всех вещей Сола. Можно продать их на блошином рынке. За книги дадут хорошие деньги. Некоторое время можно будет лучше питаться, однако Ширли не следует говорить, откуда взялись деньги.

Он будет тосковать по Солу, он это знал. Семь лет назад Сол стал снимать эту комнату. Позднее повышение цен на продукты вынудило его разделить комнату и сдавать половину. Но он не хотел делить ее с кем попало. Он пошел в участок и сказал, что сдает жилье. Энди, живший тогда в полицейских бараках, сразу же переехал к Солу. Так что Сол получил сразу и дополнительный доход, и вооруженную охрану. Поначалу между ними не было дружбы, но потом они сблизились, несмотря на разницу в возрасте. «Ты молод, если молод душой», — всегда говорил Сол и жил по своим собственным законам. Надо же, как много из того, что сказал Сол, Энди запомнил. Он будет постоянно вспоминать его слова. Он не хотел быть сентиментальным — Сол стал первым бы смеяться над этим, — но воспоминания не давали ему покоя.

Солнце светило прямо в окно, ночной холод рассеялся, и в комнате стало очень уютно. Энди включил телевизор и нашел на одной из программ музыку. Не ту, что любил он, а которая нравилась Ширли. Это была вещь под названием «Римские фонтаны». На экране били жемчужные струи. В комнату вошла Ширли, причесываясь на ходу. Энди показал на экран.

— Эта вода не вызывает у тебя жажды?

— Вызывает желание принять душ. Могу поспорить, что от меня исходит ужасный запах.

— Аромат, как от духов, — сказал он, с удовольствием наблюдая за тем, как она причесывает волосы, сидя на подоконнике. В них играли золотистые солнечные блики. — Как тебе нравится мысль прокатиться на речном трамвайчике и устроить пикник? — внезапно спросил он.

— Прекрати! Я не понимаю шуток до завтрака.

— Я серьезно. Подвинься-ка. — Он облокотился на подоконник рядом с ней и, прищурившись, посмотрел на допотопный термометр, который Сол прибил к внешней стороне рамы. Большинство цифр отвалилось,

но Сол на их месте нацарапал новые, причем по принятой лишь в последние годы в Соединенных Штатах шкале Цельсия. — Уже десять градусов в тени — могу поспорить, что сегодня дойдет до пятнадцати. Когда ты видела в Нью-Йорке в декабре такую погоду? Нужно ловить момент. Завтра может выпасть полтора метра снега. Из остатков соевой пасты сделаем сандвичи. Речной трамвайчик отходит в одиннадцать, и мы можем прокатиться на машине охраны.

— Значит, ты серьезно?

— Конечно, я не шучу с такими вещами. Настоящая поездка за город. Я же рассказывал тебе о путешествии, которое совершил, когда на прошлой неделе находился в охране. Трамвайчик поднимается по Гудзону до Кротона-на-Гудзоне, где наполняют цистерны. Это занимает два-три часа. Я сам не видел, но говорят, что в парке на мысе Кротон — он вдается в реку — еще сохранилось несколько настоящих деревьев. Если будет достаточно тепло, мы сможем устроить там пикник, а затем возвратимся на трамвайчик. Что скажешь?

— Я скажу, что это невозможно и невероятно, просто чудо. Я ни разу не уезжала так далеко от города. Наверняка до парка — несколько десятков километров. Когда мы выйдем?

— Сразу же, как только позавтракаем. Я положил на сковородку овсяные лепешки, можешь их перевернуть, пока они не подгорели.

— На огне от морского угля ничего не может подгореть.

Она подошла к плите и занялась сковородой. Энди не помнил, когда в последний раз видел ее такой улыбающейся и счастливой. Такой, как летом.

— Не будь свиньей и съешь все лепешки, — сказала она. — Я могу взять кукурузное масло — я не зря приберегала его — и испечь овсяные кексы для пикника.

— Сделай их большими и солеными, мы там сможем выпить столько воды, сколько нам захочется.

Энди подвинул Ширли кресло так, чтобы она села спиной к велотренажеру Сола. Не нужно, чтобы сейчас она видела что-нибудь, что напоминало бы о случившемся. Она смеялась, строила планы, и ему не хотелось все это испортить. Это должно быть что-то особенное, они оба были в этом уверены.

Когда они заворачивали сэндвичи, в дверь постучали, и Ширли вздрогнула.

— Посыльный... я так и знала! Тебе придется идти на работу...

— Не волнуйся, — улыбнулся Энди. — Грасси не нарушит слова. И кроме того, так посыльные не стучат. Если я и разбираюсь в каких-то звуках, так это в их «бах-бах-бах».

Ширли вымученно улыбнулась и пошла отпирать дверь, а Энди продолжал заворачивать сэндвичи.

— Тэб! — радостно воскликнула она. — Уж тебя-то мы никак не ждали... Входи, мы рады видеть тебя. Это Тэб Филдинг! — крикнула она Энди.

— Доброе утро, мисс Ширли, — флегматично произнес Тэб, оставаясь в коридоре. — Извините, но я не в гости. Сейчас я на работе.

— Что такое? — спросил Энди, выходя в коридор.

— Понимаете, я взялся за ту работу, которую мне предложили, — сказал Тэб. Он был мрачен. — С сентября я служил в объединенном резерве телохранителей. Случайные работы, задания выдаются нерегулярно, выбирать не приходится. Человек, отказывающийся от задания, сразу же отодвигается в конец списка. А мне нужно семью кормить...

— Что ты хочешь сказать? — спросил Энди.

Он понял, что за спиной Тэба в темноте стоит еще кто-то и по звуку шагов догадался, что пришедших несколько.

— Не городи чушь, — раздался за спиной Тэба неприятный гнусавый голос. Человек по-прежнему стоял позади Тэба, и его не было видно. — Закон на моей стороне. Я тебе заплатил. Покажи им ордер!

— Теперь, по-моему, я все понимаю, — сказал Энди. — Отойдти от двери, Ширли. Входи, Тэб, поговорим.

Тэб шагнул вперед, и человек в коридоре попытался последовать за ним.

— Ты не войдешь туда без меня! — заверещал он. Но Энди захлопнул дверь у него перед носом.

— Лучше бы вы этого не делали, — покачал головой Тэб. На сжатом кулаке у него был металлический кастет с шипами.

— Успокойся, — сказал Энди. — Я хочу сначала поговорить с тобой с глазу на глаз, узнать, что происходит. У него действительно ордер на вселение, а?

Тэб кивнул, утрюмо поглядывая на дверь.

— О чем вы говорите? — спросила Ширли, с беспокойством глядя на их лица.

Энди ничего не ответил, а Тэб обернулся к ней и сказал:

— Суд выписывает ордер любому, кто может доказать, что ему в самом деле необходимо место для жилья. Обычно их выдают людям с большими семьями, которые вынуждены искать жилье попросторнее. С ордером на вселение можно найти свободную квартиру или комнату, эта бумажка дает правомочие поискам. Могут возникнуть неприятности, — люди не хотят, чтобы к ним въезжали чужие, — поэтому вместе с ордером на поселение им предоставляют и телохранителя. Вот я и пришел с человеком по фамилии Беличер, нанявшим меня. С ним вся семья, они стоят в коридоре.

— Но что ты здесь делаешь? — спросила Ширли, все еще не понимая.

— Этот Беличер — вампир — с горечью сказал Энди. — Он шатается по моргам, выискивая одиноких людей.

— Можно сказать и так, — ответил Тэб, стараясь говорить невозмутимо. — К тому же у него большая семья, и ему негде жить. Можно посмотреть на это и так.

Внезапно в дверь заколотили, и снаружи послышался возмущенный голос Беличера. Ширли наконец поняла смысл присутствия Тэба.

— Ты здесь потому, что им помогаешь, — сказала она. — Они узнали, что Сол умер, и хотят занять его комнату.

Тэб молча кивнул.

— Все же выход есть, — сказал Энди. — Если бы здесь жил кто-нибудь из моего участка, то эти люди сюда не попали бы.

Стук стал громче, и Тэб отступил на шаг к двери.

— Если бы здесь кто-нибудь жил, все было бы о'кей, но Беличер может обратиться в суд и отсудить эту комнату, потому что у него семья. Я сделаю все, чтобы помочь вам, — но Беличер мой хозяин.

— Не открывай дверь! — приказал Энди. — До тех пор пока мы не разберемся в этом.

— Я должен... Что я могу поделать? — Тэб выпрямился и сжал кулаки. — Не пытайся остановить меня, Энди. Вы — полицейский и вы знаете закон.

— Тэб, как ты можешь? — прошептала Ширли.

Он повернулся к ней, глаза его были грустными.

— Когда-то мы были с вами хорошими друзьями, Ширли. Я это помню. Но мне нужно выполнять свою работу. Я должен их сюда впустить.

— Давай... открывай эту чертову дверь, — с горечью сказал Энди, отвернулся и подошел к окну.

Семья Беличеров ворвалась в комнату. Мистер Беличер был тощий, с головой странной формы, почти без подбородка и достаточно образованный: он сумел написать свою фамилию на бланке заявления в управление социальной помощи. Главой семьи была миссис Беличер. Из-за ее мощной фигуры повыскакивали дети, семеро. Восьмой был на подходе, судя по ее животу. Их было бы одиннадцать, но три маленьких Беличера погибли в результате недосмотра и несчастных случаев. Самая старшая девочка, лет двенадцати, несла на руках покрытого болячками грудного младенца, который отвратительно вонял и непрерывно вопил. Вырвавшись из темного коридора, дети орали как сумасшедшие.

— О, смотри, какой милый холодильник, — восхищенно сказала миссис Беличер, не успев войти. Она тут же подошла и открыла дверцу.

— Не трогайте... — сказал Энди, а Беличер дернул его за руку.

— Мне нравится эта комната, не очень большая, но миленькая. А что там?

Он направился к открытой двери в перегородке.

— Там моя комната, — сказал Энди, захлопывая дверь у него перед носом. — Не смейте туда входить.

— Не стоит так поступать, — сказал Беличер, быстро отходя бочком в сторону, как пес, которого слишком часто бьют. — У меня есть права. Закон гласит, что с ордером на вселение я могу смотреть все, что захочу. — Энди шагнул к нему, и он опасливо отошел еще дальше. — Я вам верю. Эта комната очень милая, хороший стол, стулья, кровать...

— Эти вещи принадлежат мне. Комната без мебели, к тому же маленькая. Она недостаточно велика для вас и вашей семьи.

— Она большая, все нормально. Мы жили и в комнатах поменьше...

— Энди!.. Останови их! Посмотри!.. — закричала Ширли.

Энди обернулся: двое мальчишек нашли пакеты с травами, которые так заботливо выращивал Сол в своем огороде на окне, и рвали их, думая, что там какая-нибудь еда.

— Положите на место! — заорал он, но они уже попробовали трав и стали отплевываться.

— Язык жжет! — завопил старший и высыпал содержимое пакета на пол.

Глядя на брата, другой стал делать то же самое с остальными пакетами. Энди принялся ловить их, но они уворачивались, и, прежде чем он их остановил, пакеты опустели.

Энди повернулся и увидел, что младший мальчик забрался на стол — оставив на нем грязные следы — и включил телевизор. К крикам детей и бесполезной ругани их матери добавилась музыка. Тэб оттащил назад Беличера, когда тот открывал шкаф, чтобы взглянуть на его содержимое.

— Уберите отсюда детей, — сказал Энди, побелев от ярости.

— У меня есть ордер! У меня права! — заорал Беличер, отбегая назад и показывая квадратную пластинку.

— Мне наплевать на ваши права, — сказал ему Энди и распахнул дверь в коридор. — Мы поговорим о них, когда ваше отродье будет за дверью.

Тэб разрешил проблему, схватив за шиворот ближайшего к нему мальчишку и выбросив его за дверь.

— Мистер Раш прав, — сказал он. — Дети могут подождать в коридоре, пока мы уладим все вопросы.

Миссис Беличер тяжело опустилась на кровать и прикрыла глаза, словно все происходившее не имело к ней никакого отношения. Мистер Беличер отошел к стене, бормоча что-то под нос. Когда последний гаденьш был изгнан из комнаты, в коридоре слышались визги и плач.

Энди огляделся — Ширли ушла в другую комнату. Он услышал, как повернулся ключ в замке.

— Полагаю, все? — спросил он, пристально глядя на Тэба.

Телохранитель беспомощно пожал плечами.

— Извините, Энди, я честен перед Богом. Что я мог поделаться? Таков закон, и, если они хотят здесь остаться, вы не можете их выгнать.

— Таков закон, таков закон, — эхом отозвался Беличер.

Энди заставил себя разжать кулаки.

— Помогите мне, пожалуйста, Тэб, перенести эти вещи в другую комнату.

— Конечно, — сказал Тэб и взялся за конец стола. — Попробуйте объяснить Ширли мою роль во всем этом, ладно? Думаю, она поймет, что это работа, которую мне приходится выполнять.

Под ногами захрустели высушенные травы, усеявшие пол, и Энди ничего не ответил.

Глава 10

— Энди, ты должен что-то сделать — эти люди сведут меня с ума! — воскликнула Ширли.

— Успокойся, Ширли, — сказал Энди. Он стоял на стуле, переливая воду из канистры в бачок на стене, и, когда он повернулся, чтобы ответить, вода выплеснулась и полилась на пол. — Дай мне закончить, а потом начнем ругаться, хорошо?

— Я не ругаюсь... Я просто говорю то, что чувствую. Послушай.

Все, что происходило за перегородкой, было отчетливо слышно. Плакал грудной ребенок — это, похоже, продолжалось день и ночь. Приходилось затыкать уши ватой, чтобы уснуть. Дети дрались, полностью игнорируя гнусавые жалобы отца. В придачу ко всему кто-то начал стучать чем-то тяжелым по полу. Скоро придут жильцы из нижней квартиры. А это не сулило ничего хорошего. Ширли села на край кровати, крепко сцепив пальцы.

— Ты слышишь? — спросила она. — Это никогда не прекращается. Не знаю, как они могут вот так жить. Тебя не бывает дома, и ты не слышишь самое худшее. Неужели мы не можем их отсюда выгнать? Наверняка же можно что-то сделать.

Энди заполнил бачок и осторожно слез на пол. Они продали кровать Сола и его шкаф, но все остальное

стояло здесь, и не было даже метра свободного пространства. Он тяжело опустился в кресло.

— Я пытался, ты же знаешь. Двое полицейских, живущих сейчас в бараках, готовы переехать сюда, если мы сможем выселить Беличеров. Это самое трудное. Закон на их стороне.

— А есть такой закон, что мы должны мириться с подобными людьми? — Она беспомощно ломала себе пальцы, уставившись на перегородку.

— Послушай, Ширли, мы не можем поговорить об этом в другое время? Мне скоро уходить...

— Я хочу поговорить сейчас. Ты откладываешь этот разговор с тех самых пор, как они появились, а скоро уже две недели, и я больше не могу.

— Полно, все не так плохо. Просто шум.

В комнате было очень холодно. Ширли поджала ноги и завернулась в старое одеяло. Под ней закрипели пружины кровати. В соседней комнате наступила тишина и вдруг взорвалась резким смехом.

— Ты слышишь? — спросила Ширли. — Что у них за мозги? Каждый раз, когда они слышат, как здесь скрипит кровать, они раздражаются смехом. У нас нет никакой личной жизни. Эта перегородка тонкая, как картонка, они прислушиваются ко всему, что мы делаем, и слышат каждое наше слово. Если они не уйдут... может, мы уедем?

— Куда? Будь благоразумна, нам еще повезло, что у нас такая огромная комната. Ты же знаешь, сколько людей спят на улице и сколько тел собирают каждое утро.

— Мне все равно. Я беспокоюсь о своей жизни.

— Пожалуйста, не сейчас. — Он поднял голову — лампочка замигала, потускнела, но потом вновь ожила. В окно внезапно застучал град. — Мы сможем поговорить об этом, когда я вернусь. Я ненадолго.

— Нет, я хочу решить все сейчас, ты каждый раз откладываешь этот разговор. Ты не должен сейчас уходить.

Он положил пиджак, пытаясь сохранять самообладание.

— Это может подождать до моего возвращения. Я говорил тебе, что у нас наконец появилась информация о Билли Чуне: один осведомитель видел, как он покинул Корабельный городок — похоже, навещал свою

семью. Информация довольно-таки старая. Это произошло пятнадцать дней назад, но осведомитель подумал, что она не важна, и сообщил нам об этом только сейчас. Полагаю, он надеялся, что мальчишка вернется, но этого не случилось. Мне придется поговорить с его семьей и узнать, что им известно.

— Ты не должен сейчас уходить... Ты же сам сказал, что это произошло давно...

— Какая разница? Лейтенант завтра потребует рапорт. И что я ему скажу? Что ты не захотела, чтобы я уходил?

— Мне все равно, что ты ему скажешь...

— Я это знаю, но мне не все равно. Это моя работа, и я должен ею заниматься.

Они молча смотрели друг на друга, тяжело дыша. Из-за перегородки слышался детский плач и всхлипывания.

— Ширли, я не хочу с тобой ругаться, — сказал Энди. — Я должен уйти — вот и все. Мы можем поговорить об этом позднее, когда я вернусь.

— Если я еще буду здесь, когда ты вернешься. — Она крепко сжала пальцы, лицо у нее побледнело.

— Что ты имеешь в виду?

— Не знаю. Я только знаю, что надо что-то менять. Пожалуйста, давай решим все сейчас...

— Неужели ты не понимаешь, что это невозможно? Мы поговорим, когда я вернусь. — Он отпер дверь и стоял, держась за ручку и стараясь овладеть собой. — Давай не будем ругаться. Я вернусь через несколько часов, и мы обо всем поговорим, ладно?

Она не ответила, и, подождав секунду, он вышел, хлопнув дверью. И сразу ему в нос ударил мерзкий, отвратительный запах чужой комнаты.

— Беличер, — сказал он, — ты выметешься из этой квартиры. Здесь начало вонять.

— Я ничего не могу поделать с дымом, пока не смастерю что-то вроде трубы.

Беличер наморщил нос, держа руки над тлеющим куском морского угля. Он лежал в ступке, наполненной песком, откуда поднимался едкий, маслянистый дым, заполнявший всю комнату. Отверстие в стене для дымовой трубы из плиты, которое когда-то проделал Сол, было тщательно закрыто куском полиэтилена, раздуваемого ветром.

— Запах дыма здесь приятнее всего, — сказал Энди. — Ваши дети опять использовали комнату в качестве туалета?

— Вы же не попросите детей спускаться вниз по лестнице посреди ночи, а? — съязвил Беличер

Энди молча взглянул на кучу тряпья в углу, где согревались миссис Беличер и младшие дети. Двое сыновей занимались чем-то в углу, но они сидели спиной к Энди, и он не видел, чем именно. Маленькая лампочка бросала свет на плинтус, покрытый пылью и грязью, на стены, на которых появились пятна.

— Вам лучше очистить это место, — сказал Энди и захлопнул дверь, прежде чем Беличер успел ответить.

Ширли была права, эти люди были совершенно невозможны, и ему нужно что-то с ними сделать. Но когда? Нужно действовать как можно скорее, она их долго не вынесет. Он был зол на вторгшихся жильцов — и зол на нее. Понятно, все очень плохо, но приходится принимать все таким, какое оно есть. Он по-прежнему работал по двенадцать-четырнадцать часов в день, что намного лучше, чем просто сидеть здесь и слушать, как орут дети.

На улице было темно, ветрено и слякотно. У стен домов и на тротуарах уже намело сугробы. Энди опустил голову и шагал вперед, ненавидя Беличеров и пытаясь не злиться на Ширли.

Сходни и мостки Корабельного городка были покрыты льдом, и Энди осторожно пробирался по ним, пытаясь не поскользнуться и не свалиться в холодную воду. В темноте все корабли были похожи, и он освещал фонариком борта, чтобы разобрать названия. Он озяб и промок, прежде чем добрался до «Колумбии Виктории» и отворил тяжелую стальную дверь, ведущую на нижнюю палубу. Спускаясь вниз по металлической лесенке, он увидел впереди полосу света. Одну из дверей открыл маленький мальчик с кривыми ножками. Похоже, это квартира Чунов.

— Секундочку, — сказал Энди.

Мальчик смотрел на него, ничего не говоря и широко открыв глаза и рот.

— Это квартира Чунов, не так ли? — спросил он, входя.

За дверью он увидел женщину. Это была сестра Библи. Мать сидела в кресле у стены с тем же выраже-

нием тупого испуга на лице, что и у дочери. Она прижимала к себе близнецов. Никто не произнес ни звука.

Эти люди действительно «любят» полицию, подумал Энди. Тут он заметил, что они как-то испуганно поглядывают на дверь в конце комнаты. Что их так беспокоит?

Он закрыл дверь в коридор. Возможно ли это? Однако ночь, когда Билли Чуна видели здесь, была такой же снежной, как и эта — отличное прикрытие для беглеца. Будет ли у меня наконец выходной?! — подумал Энди. Ту ли ночь он выбрал, чтобы прийти сюда?

Пока он размышлял, дверь в спальню отворилась, и оттуда вышел Билли Чун. Не заметив детектива, он хотел что-то сказать, но его мать и сестра разразились воплями. Он поднял голову и застыл, увидев Энди.

— Ты арестован, — сказал Энди и стал снимать с ремня наручники.

— Нет! — прохрипел Билли и выхватил из-за пояса нож.

Началось светопреставление. Старуха пронзительно визжала, даже не останавливаясь, чтобы перевести дух, а дочь бросилась на Энди, пытаясь выцарапать ему глаза. Она успела исполосовать ему щеку, прежде чем он оттолкнул ее. Сражаясь с этой фурией, он краем глаза следил, как Билли подбирался к нему с длинным сверкающим лезвием в руке.

— Брось нож! — крикнул Энди и прислонился спиной к двери. — Тебе отсюда не выйти. Не создавай себе неприятностей...

Женщина вцепилась в руку Энди. Он оттолкнул ее так, что она упала, и полез за револьвером.

— Стоять! — заорал он и направил дуло в потолок.

Он хотел сделать предупредительный выстрел, но сообразил, что помещение сделано из стали и пуля срикошетирует, — а тут две женщины и двое маленьких детей.

— Стоять, Билли, тебе отсюда не уйти! — заорал он, направляя револьвер на мальчишку, подбиравшегося к нему с ножом.

— Выпусти меня, — всхлипнул Билли. — Я тебя убью! Почему вы не оставите меня в покое?

Он не собирается останавливаться, понял Энди. Нож был острый, и Билли умел им пользоваться. Если он хочет неприятностей, он их получит.

Энди прицелился в ногу Билли и нажал курок, как вдруг Билли споткнулся и упал.

Грохот выстрела из револьвера 38-го калибра наполнил комнату, а Билли повалился вперед с пулей в голове. Нож вывалился и упал к ногам Энди. После выстрела воцарилась полная тишина, воздух наполнился резким запахом пороха. Никто не шевелился. Энди встал на колени и взял юношу за запястье.

Раздался стук в дверь. Энди толкнул ее рукой, не оборачиваясь.

— Я офицер полиции, — сказал он. — Я хочу, чтобы кто-то немедленно отправился в двенадцатый участок на Двадцать третьей улице и доложил о случившемся. Скажите, что здесь Билли Чун. Он убит.

Пуля в висок, неожиданно подумал Энди. Поражен в ту же самую точку, что и Большой Майк.

Светопреставление продолжалось. Билли был мертв и спокоен. Но вот его мать и сестра... Они подняли страшный крик, а близнецы прижались друг к дружке и всхлипывали. В конце концов Энди выгнал всю семью к соседям напротив и оставался с телом, пока не прибыли с участка Стив Кулозик с каким-то полицейским. Он больше не видел этих двух женщин, да и не хотел этого. Произошел несчастный случай. Если бы мальчишка не упал, он получил бы пулю в ногу, на том бы все и кончилось. Полиции, в общем-то, наплевать на стрельбу, теперь дело будет закрыто без каких бы то ни было канцелярских проволочек — просто существовали эти две женщины. В общем, пусть они ненавидят его, это его не сильно волновало, к тому же он их больше никогда не увидит. Пслучилось так, что сын оказался не убийцей, а жертвой, — а они думали именно так. Прекрасно. В любом случае дело закрыто.

Энди добрался до дома уже после полуночи. Доставка тела и написание рапорта заняли много времени. Как обычно, Беличеры не заперли дверь в коридор — им наплевать, у них нет ничего ценного, что можно украсть.

В комнате у них было темно, и Энди с фонариком в руке пробирался, переступая через тела и видя открытые глаза. Они не спали, — но хоть притихли, даже грудной ребенок. Когда он вставил ключ в замок своей двери, то услышал позади в темноте приглушенное хихиканье. Над чем они могли смеяться?

Отворив дверь в комнату, Энди вспомнил ссору с Ширли и внезапно ощутил страх. Он поднял фонарик, но не стал нажимать на него. Позади снова послышался смех, на этот раз громче.

Луч света скользил по стульям и пустой кровати. Ширли не было. Это ничего не значило: она, вероятно, спустилась вниз, в туалет — вот и все.

Но, открыв шкаф, Энди увидел, что ее вещи исчезли вместе с ее чемоданами.

Ширли ушла.

Глава 11

— Что вы хотите? — сурово спросил мужчина, стоя в дверях спальни. — Вы же знаете, что мистер Бритз — очень занятой человек. И я — занятой человек. И никому из нас не нравится, когда вы звоните и вызываете. Если у вас есть что сказать мистеру Бригзу, приходите и расскажите.

— Я прошу прощения, что побеспокоил вас, — сказал судья Сантини, задыхаясь. Он полулежал на подушках в большой двухспальной кровати, накрытый мягкими одеялами. — Мне бы очень хотелось. Но боюсь, что я уже отбегался. По крайней мере, так говорит мой доктор, а я плачу ему достаточно, чтобы обращать внимание на его мнение. Когда у человека моего возраста бывает инфаркт, ему приходится следить за собой. Отдых, только отдых. Больше никаких восхождений по лестницам Эмпайр Стейт Билдинга. Я говорю вам вполне откровенно, Шлахтер, что я по ним на самом деле сильно скучать не буду...

— Что вы хотите, Сантини?

— Сообщить некоторую информацию для мистера Бригза. Этот мальчишка Чун найден, Билли Чун, который убил Большого Майка.

— Ну и что?

— А то, что я надеялся, вы вспомните нашу встречу, на которой мы обсуждали этот вопрос. Высказывалось подозрение, что убийца может быть связан с Ником

Куоре, что этот мальчишка нанят им. Я в этом сомневаюсь, по-моему, он действовал самостоятельно. И мы никогда не узнаем этого наверняка, потому что он мертв.

— Это все?

— Этого недостаточно? Вы могли бы вспомнить, что мистер Бригз интересовался вероятностью появления Куоре в этом городе.

— Это вообще маловероятно. Куоре в течение недели занимался исключительно захватом Патерсона. Там уже дюжина убитых. Он никогда не интересовался Нью-Йорком.

— Рад слышать. Но я думаю, что в любом случае вам лучше рассказать все мистеру Бригзу. Он интересовался этим, было оказано давление на управление полиции, и с августа этим делом занимался особый человек.

— Круто. Если выдастся возможность, я ему расскажу. Но его это больше не волнует.

Гость ушел. Судья Сантини устало откинулся на подушки. Сегодня вечером он был совершенно измотан, сильнее, чем когда бы то ни было.

Всего две недели до нового года. До нового столетия. Будет забавно писать «две тысячи» вместо «тысяча девятьсот с чем-то», как он делал всю жизнь.

1 января 2000 года. Эта дата казалась какой-то странной. Он позвонил, чтобы пришла Роза и накапала лекарство. Сколько в новом столетии ему суждено прожить? Мысль была невеселой.

В тихой комнате тиканье старомодных часов казалось громким.

Глава 12

— Тебя хочет видеть лейтенант! — крикнул Стив в комнату, где сидели детективы.

Энди в ответ махнул рукой, встал и с удовольствием распрямился, охотно оставляя кипу рапортов, над которыми корпел. Он плохо спал ночью и теперь здорово устал. Сначала этот выстрел в мальчишку, потом уход Ширли — для одной ночи вполне достаточно. Где ее искать? Однако он не мог просить ее вернуться, поскольку Беличеры по-прежнему жили у них. Уже не в первый раз его мысли путешествовали по замкнутому кругу. Что же дальше?

Он постучал в дверь кабинета лейтенанта и вошел.

— Вы хотели меня видеть, сэр?

Лейтенант Грассиоли кивнул, затем проглотил таблетку и поперхнулся водой, которой запивал лекарство. У него начался приступ кашля, и он в изнеможении опустился в потертое вращающееся кресло. Сегодня он выглядел особенно скверно.

— Язва собирается убить меня в ближайшие дни. Слышал, чтоб кто-нибудь умирал от язвы?

На подобные вопросы ответа не было. Энди гадал, почему лейтенант затеял этот разговор. Это было на него не похоже. Обычно он не удосуживался беседовать по душам.

— Наверху не очень-то обрадовались, что ты застрелил этого Чуна, — сказал Грассиоли, роясь в рапортах и папках, которыми был завален его стол.

— Что вы имеете в виду?

— Черт, только то, что у меня недостаточно хлопот с отделом, так я еще должен впутываться в политику. Центральная улица думает, что ты угробил на это дело слишком много времени; у нас на участке, с тех пор как ты начал это дело, две дюжины нераскрытых убийств.

— Но... — Энди был ошарашен, — вы сами мне говорили, что комиссар приказал бросить меня на это дело. Вы говорили, что я должен...

— Неважно, что я говорил, — проворчал Грассиоли. — Комиссара не достать по телефону, по крайней мере, мне. Ему глубоко наплевать на убийцу О'Брайена, и никто не интересуется этим мошенником из Джерси Куоре. Более того, помощник комиссара без конца наезжает на меня из-за того, что застрелили Билли Чуна. Все валят на меня.

— Больше похоже на то, что все валят на меня.

— Не перечь мне, Раш. — Лейтенант встал, отпихнул ногой кресло и повернулся спиной к Энди, глядя в окно и барабанив пальцами по раме. — Помощник комиссара — Джордж Чжу, и он думает, что ты хотел отомстить за что-то косоглазым, выследив этого мальчишку и прихлопнув его, вместо того чтобы арестовать.

— Вы сказали ему, что я действовал по приказу, лейтенант? — тихо спросил Энди. — Вы же сказали ему, что он был застрелен случайно, это написано в моем рапорте?

— Я ничего ему не говорил. — Грассиоли повернулся к Энди. — Люди, заставившие меня заниматься этим делом, не разговаривают. Мне нечего сказать Чжу. В любом случае он зациклился на расовой проблеме. Если бы я попытался рассказать ему, что произошло на самом деле, я бы только создал лишние неприятности себе и участку — всем. — Он опустил-ся в кресло и потер дергающийся глаз. — Я разговариваю с тобой напрямую, Энди. Я собираюсь свалить ответственность на тебя, пусть будешь виноват ты. Я собираюсь на шесть месяцев снова одеть тебя в форму, пока все не уляжется. В зарплате ты ничего не потеряешь.

— Я не ожидал никакой награды за раскрытие этого дела, — сердито сказал Энди, — или за арест убийцы, — но такого я не ожидал. Я могу обратиться в управление?

— Можешь, ты можешь это сделать. — Лейтенант довольно долго молчал, очевидно, ему было не по себе. — Но я прошу тебя этого не делать. Если не ради меня, то ради участка. Я знаю, что это нечестная сделка, но в итоге все будет в полном порядке. Как только смогу, я верну тебя в отдел. И в любом случае ты не будешь заниматься чем-то совершенно незнакомым. Нас всех следовало бы отправить на патрулирование улиц за ту следственную работу, которую мы проводим. — Он со злостью ударил ногой по ножке стола. — Что скажешь?

— Все это воняет дерьмом.

— Знаю, что воняет! — заорал лейтенант. — Но что еще, черт подери, я могу сделать? Думаешь, меньше будет вони, если ты подашь жалобу в управление? У тебя не будет никакого шанса. Тебя выгонят с работы и вообще из полиции, да, вероятно, и меня вместе с тобой. Ты — хороший полицейский, Энди, а таких осталось немного. Управлению ты нужен больше, чем оно тебе. Плюнь ты на это. Что скажешь?

Воцарилось долгое молчание, и лейтенант повернулся к окну.

— Ладно, — наконец сказал Энди. — Я сделаю так, как вы хотите, лейтенант.

Он вышел из кабинета без разрешения: ему не хотелось, чтобы лейтенант его благодарил.

Глава 13

— Еще полчаса, и мы окажемся в новом веке, — сказал Стив Кулозик, топая ногами по заледеневшей мостовой. — Я слышал вчера по телевизору какого-то шутника, пытавшегося объяснить, почему новое столетие начнется в следующем году. Но он, должно быть, идиот. Полночь, двухтысячный год, новый век. В этом что-то есть. Посмотри-ка.

Он показал на большой экран, установленный на старом Таймс Билдинге. По экрану бежали строки, написанные трехметровыми буквами:

ДЕСЯТКИ ПОГИБШИХ ИЗ-ЗА РЕЗКОГО ПОХОЛОДАНИЯ НА СРЕДНЕМ ЗАПАДЕ.

— Десятки, — проворчал Стив. — Могут поспорить, что они и не считают. Они знать не хотят, сколько людей умерло.

«СООБЩЕНИЯ О ГОЛОДЕ В РОССИИ НЕ СООТВЕТСТВУЮТ РЕАЛЬНОСТИ», — заявил Галыгин в Президентском обращении к народу утром нового столетия.

СВЕРХЗВУКОВОЙ САМОЛЕТ ВМФ США ПОТЕРПЕЛ АВАРИЮ В САН-ФРАНЦИССКОМ ЗАЛИВЕ.

Энди взглянул на экран, а потом на бурлящую толпу на Таймс-сквер. Он уже привык носить синюю форму, хотя по-прежнему ему было не по себе, когда рядом находился кто-то из отдела.

— Что ты здесь делаешь? — спросил он Стива.

— То же, что и ты, — нахожусь в распоряжении вашего участка. Они по-прежнему требуют подкрепления, думают, что будут беспорядки.

— Они не правы. Чересчур холодно, да и людей не так уж много.

— Тревожатся не из-за этого, а из-за сумасбродных верующих. Они говорят, что наступает Судный день или черт знает что еще. Они группами собираются по всему городу. Они будут чертовски недовольны, если мир не подойдет в полночь к своему концу — так как, по их мнению, это должно произойти.

— А мы будем еще больше недовольны, если это случится.

Над головами бежали гигантские слова:

КОЛИН ОБЕЩАЕТ БЫСТРО ПОКОНЧИТЬ С ЗАДЕРЖКОЙ ПРИНЯТИЯ ДЕТСКОГО ЗАКОНА.

Толпа медленно колыхалась, люди вытягивали шеи, глядя на экран. Затрубили какие-то трубы, и в гомон толпы вплелись звон колокольчиков и жужжание трещоток. Все оживились, когда на экране появилось время:

23:38 — ВСЕГО 22 МИНУТЫ ДО НОВОГО ГОДА.

— Конец года и конец моей службы, — сказал Стив.

— Ты о чем? — спросил Энди.

— Я ухожу. Я обещал Грасси остаться до первого января и не болтать об этом до самого ухода. Я поступаю в войска штата. Буду охранником в одном из трудовых лагерей. Вновь Кулозик наестся... едва могу дождаться.

— Стив, ты меня разыгрываешь. Ты лет двенадцать служил в полиции. Ты дослужился до детектива второго класса...

— По-твоему, я похож на детектива? — Он легонько постучал дубинкой по бело-синему шлему. — Смотри в лицо фактам. С этим городом все ясно. Здесь нужны дрессировщики, а не полицейские. У меня будет отличная работа, мы с женой станем хорошо питаться, — и я уберусь из этого города навсегда. Я здесь родился и вырос, но скажу тебе, что не буду по нему скучать. В штате нужны опытные полицейские. Они бы взяли тебя моментально. Почему бы тебе не пойти со мной?

— Нет, — ответил Энди.

— Почему ты так быстро отвечаешь? Подумай. Что тебе еще даст этот город, кроме неприятностей? Ты

раскрываешь крутое дело, достаешь убийцу, а в награду идешь патрулировать улицу.

— Замолчи, Стив, — без всякой злобы сказал Энди. — Я не знаю, почему я остаюсь, — но я остаюсь. Не думаю, что в штате будет так уж здорово. Я занимаюсь этим, зная, что это такое. Мне просто не хочется пока бросать.

— Имеешь право, — пожал плечами Стив: это движение почти потерялось в глубинах его толстого пальто и многочисленных шарфов. — Увидимся.

Энди в знак прощания поднял свою дубинку, и его друг стал пробираться сквозь толпу и вскоре исчез из виду.

23:59 — ОДНА МИНУТА ДО ПОЛУНОЧИ.

Когда слова пробежали по экрану, на их месте появился огромный циферблат, и толпа оживилась и заорала. Громче зазвучали трубы. Энди пробирался сквозь массы людей, заполнявших площадь и давивших на заколоченные окна и витрины. Экран озарял пустые лица и открытые рты мерцающим зеленым свечением, и люди были похожи на утопленников.

Секундная стрелка отсчитывала последние секунды последней минуты года. Конца века.

— Конец света! — завопил какой-то мужчина, перекрывая шум толпы. Из рта брызнула слюна, чуть не попав в лицо Энди. — Конец света!

Энди вытянул руку и ткнул его концом дубинки; мужчина открыл рот и схватился за живот. Удар получился достаточно сильным, чтобы переключиться с конца света на собственные кишки. Те, кто видел, что произошло, стали показывать на мужчину пальцами и смеяться. Их смех тонул в окружающем реве. Затем эти люди вместе с тем мужчиной исчезли из виду, когда толпа колыхнулась вперед.

Торжественный звон церковных колоколов вырвался из репродукторов, установленных на зданиях, окружавших Таймс-сквер.

— **С НОВЫМ ГОДОМ! С НОВЫМ ГОДОМ!** — закричали тысячи людей. — **С НОВЫМ ВЕКОМ!**

Трубы, колокольчики и трещотки присоединились к крикам, создавая невнятный гвалт.

Секундная стрелка сделала полный круг, новому веку уже была одна минута, и часы пропали, а на их месте появилась огромная голова президента. Он произносил речь, но из-за непрекращающегося крика и

шума толпы ни одного слова из репродукторов слышно не было. Губы президента шевелились, что-то говоря, поднимался в знак предостережения указательный палец.

Энди едва расслышал полицейский свисток на Сорок второй улице. Он стал пробираться на этот звук, распиная людей плечами и дубинкой. Кого-то толкали в тесном кругу людей. Еще один полицейский, зажав свисток зубами, пробирался с другой стороны, размахивая во все стороны дубинкой. Энди взмахнул своей дубинкой, и толпа перед ним расступилась. На мостовой лежал высокий мужчина, закрыв голову руками.

Лицо президента исчезло с экрана, и снова появилась бегущая строка.

Мужчина на земле был страшно худ и одет в какое-то тряпье. Энди помог ему подняться, и сквозь него взглянули полупрозрачные голубые глаза.

— «И отрет Бог всякую слезу с очей их, — сказал Питер. — И смерти не будет уже, ни плача, ни вопля, ни болезни уже не будет; ибо прежнее прошло. И сказал сидящий на престоле: се, творю все новое».

— Не сейчас, — сказал Энди, поддерживая его под руку. — Идите домой.

— Домой? — заморгал ошарашенный Питер, когда до него дошел смысл слов. — Нет уже дома, и нет света, ибо прошло тысячелетие, и нас всех будут судить. Закончилась тысяча лет, и Христос возвращается во славе на землю.

— Должно быть, вы ошиблись веком, — сказал Энди, поддерживая мужчину под локоть и ведя его сквозь толпу. — Полночь уже прошла, новое столетие началось, и ничего не изменилось.

— Ничего не изменилось?! — заорал Питер. — Это Армагеддон! Он должен начаться!

Он в испуге вырвался из рук Энди и побежал прочь, но, повернувшись, закричал искаженным голосом:

— Все должно кончиться! Может ли мир существовать вот так еще тысячу лет? ВОТ ТАК?!

Их разделили идущие люди, и он исчез из виду.

Вот так? — подумал Энди, устало бредя среди расходящейся толпы. Он помотал головой, чтобы избавиться от этой мысли и выпрямился: он на работе.

Теперь, когда всеобщий энтузиазм пропал, люди почувствовали холод, и толпа быстро рассыпалась. Они расходились, пряча лица от ледяного ветра с моря. За

углом на Сорок четвертой улице у гостиницы «Астор» охранники освобождали место на мостовой, чтобы ко входу смогли подъехать велотакси с Восьмой авеню. Яркие огни над входом освещали это место, и Энди остановился на углу, когда появились первые гости. меховые шубы и вечерние платья, смокинги под темными пальто с каракулевыми воротниками. Должно быть, здесь происходил грандиозный праздник. Появились еще гости вместе с охранниками, они стояли в ожидании на тротуаре. Слышались женские голоса, смех и возгласы, поздравления с новым годом.

Энди повернулся, чтобы преградить путь людям, идущим с площади на Сорок четвертую улицу, и увидел Ширли, стоявшую в ожидании велотакси и с кем-то беседовавшую.

Он не заметил, кто с ней был и что на ней было надето, — он видел лишь ее лицо и легкие волосы. Она смеялась, оживленно разговаривая с окружающими. Затем она села в такси, накрылась накидкой и исчезла.

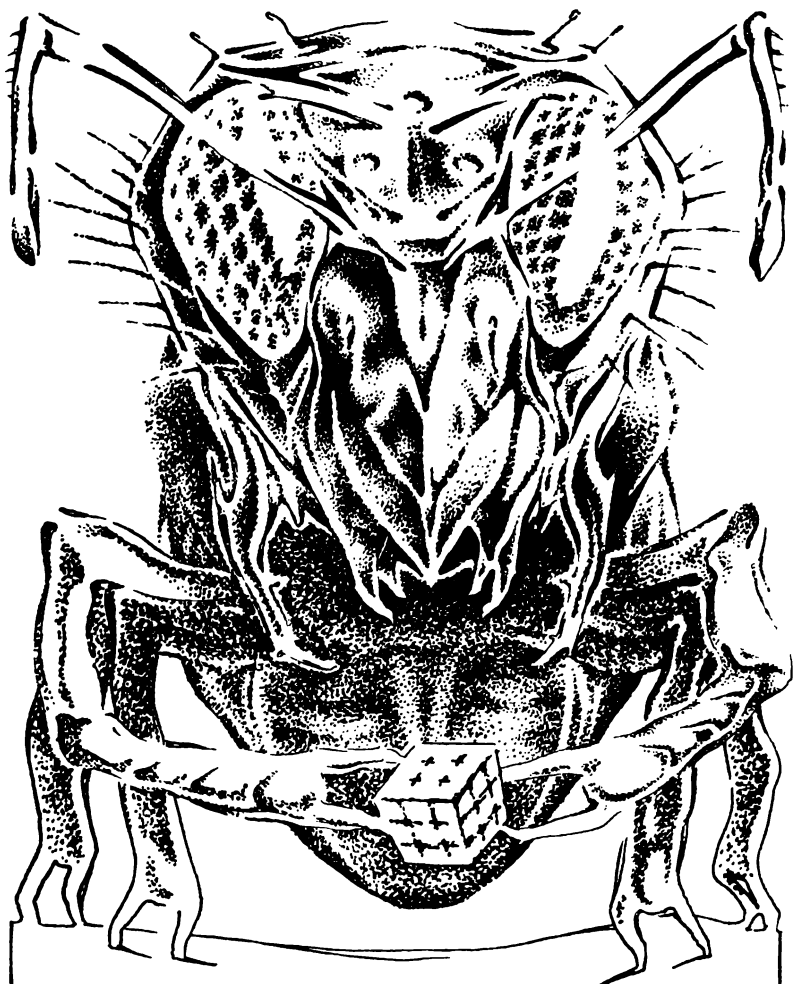
Падал прекрасный белый снег, ветер нес его по тротуарам и по потрескавшейся мостовой Таймс-сквер. На улице остались одинокие прохожие, да и они шли по домам. Остаться здесь Энди было больше незачем, дежурство закончилось, и он пошел домой. Покачивая дубинкой, висящей на ремешке, он отправился в сторону Седьмой авеню. Мерцающий экран отбрасывал свет на его пальто, на искрящийся снег, таявший на рукавах, пока Энди не прошел мимо здания гостиницы и не растворился в темноте.

Экран швырял бегущие буквы на пустую площадь.

СТАТИСТИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ СООБЩАЕТ, ЧТО В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ ПОСЛЕДНИЙ ГОД ВЕКА СТАЛ ВЕЛИЧАЙШИМ.

В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ ЖИВЕТ 344 МИЛЛИОНА ЧЕЛОВЕК.

С НОВЫМ ВЕКОМ! С НОВЫМ ГОДОМ! С НОВЫМ СЧАСТЬЕМ!

**ЗВЕЗДНЫЕ
ПОХОЖДЕНИЯ
ГАЛАКТИЧЕСКИХ
РЕЙНДЖЕРОВ**

Глава 1

ШУТКА НАПРЯЖЕНИЕМ В 89 ТЫСЯЧ ВОЛЬТ

— Джерри! Где тебя черти носят? — слышался из сарая голос Чака. — Синхрофазотрон нагрелся и рвется в бой!

— Я тоже рвусь в бой, — шепнул Джерри на ухо прекрасной Салли Гудфеллау.

Та демонстративно отвернула головку, и Джерри, воспользовавшись случаем, поцеловал ее в шею, в щеку, в подбородок. Следующий поцелуй пришелся бы в манящие алые губы, но Салли стукнула Джерри тыльной стороной ладони в волевым подбородок.

— Глупенький, — проворковала она, рывком высвобождаясь из коварных объятий, — тебе же отлично известно, что вы оба, Чак и ты, нравитесь мне одинаково.

Она потрянула головой, отчего длинные светлые волосы рассыпались по плечам, и удалилась, а Джерри, потирая опухшую челюсть, проводил ее печальным взглядом.

— Джерри! — опять закричал Чак. — Поторопись, аккумуляторы садятся.

— Иду, иду.

Войдя в сарай, Джерри плотно затворил дверь, задвинул засов и тщательно запер все три замка. Предосторожность не была излишней, ведь превращенный двумя приятелями в лабораторию сарай был битком

набит чудесными открытиями и не запатентованными еще изобретениями, за обладание которыми боссы крупных компаний и корпораций продали бы свои грязные души дьяволу. Так уж вышло, что два приятеля, пока студенты непримечательного государственного колледжа в сонном городке Плисантвиль, обладали самыми выдающимися умами во всей стране, а может быть, и во всем мире.

Глядя на сложенного как греческий бог Джерри Кортени, не подумаешь, что перед тобой превосходный инженер, обладатель медалей и наград за работы во многих областях естественных наук. Скорее этот загорелый, темноволосый, широкоплечий парень с блуждающей на губах лукавой улыбкой выглядел пионером новых территорий, кем он, собственно, и был. Родился Джерри далеко за полярным кругом, на Аляске, вырос вместе с четырьмя братьями-богатырями там же. С молоком матери он впитал любовь к этому прекрасному суровому краю, к бескрайним ледяным просторам и шепоту деревьев. Была у Джерри еще одна страсть — тяга к знаниям. Как ни любил он север, но жажда знаний вела его от одного учебного заведения к другому, от школы к школе, пока наконец он не попал в Плисантвильский колледж.

На долю приятеля Джерри Чака ван Чивера выпало куда более прозаическое детство сына миллионера. Отец Чака был пятым ребенком в семье босняка-эмигранта, но, как утверждают семейные легенды, родился с платиновой ложечкой во рту. В юности ван Чивер старший отправился на поиски золота. Желтого металла не нашел, зато, застолбив участок там, где сейчас психиатрическая больница города Плисантвиль, обнаружил платину. Честер ван Чивер разбогател, но через несколько лет неожиданно продал шахту, а на полученные деньги купил на окраине города крошечный сыроваренный заводик. Благодаря особым технологиям и обилию специй его сыр «Ван Чивер Чедер» приобрел всемирную известность, а владелец — миллионы. Хотя некоторые гурманы утверждали, что вкусом новый сыр напоминает подсоленную пережеванную бумагу, ценителей сыра оказалось много, видимо из-за того, что в состав сыра входили специальные добавки, которые поглощали из атмосферы влагу, и, если сыр не был съеден в первые два-три дня после приобретения, его

становилось гораздо больше. Как показала жизнь, Честер ван Чивер был парень не промах, не в пример жадным спекулянтам недвижимостью, которые купили у него платиновый рудник. А жила через несколько недель истощилась! Удар оказался столь сокрушительным, что большинство из них закончили свои дни в уютных уединенных коттеджах, возведенных на месте рудника.

От отца Чак унаследовал светлый ум, но посвятил его не бизнесу, а математике. К тому же Чак — светловолосый гигант с руками толщиной с ногу обычного мужчины — был душой футбольной команды «Стегзавры», в решающую минуту он пробивал брешь в обороне соперника, забивал мячи с любого конца поля. Правда, случалось, он забывал об игре. Например, дважды за последний сезон в его мозгу возникало решение сложной математической задачи, и он замирал посреди матча, но затем, так же внезапно, как замирал, вновь включался в игру и проводил решающий мяч; и товарищи по команде помалкивали о его странностях.

Внешне приятели-студенты отличались как день и ночь: один блондин, другой с волосами черными как смоль, один жилистый, другой коренастый. Но, несмотря на эти различия, мыслили они схоже, в груди каждого билось честное, жадное до знаний сердце, светлому разуму любого из них позавидовал бы самый признанный мыслитель настоящего, прошлого, а возможно, и будущего.

Все в сарае-лаборатории было плодом их совместной деятельности. Например, не так давно они изобрели дешевый метод передачи электроэнергии на значительные расстояния без проводов, и в углу теперь пылились действующие макеты приемника и передатчика. На столе валялся клок бумаги с незамысловатой формулой квадратуры круга. Подобными вещичками приятели развлекались, как дети игрушками. Последняя их забава — мощный, на восемьдесят девять тысяч вольт, синхрофазотрон, собранный из найденных на свалке электромагнитов и ржавого парового котла, — занимала почти все внутреннее пространство сарая. Питался ускоритель элементарных частиц от изобретенных ребятами аккумуляторов с бесконечной емкостью. Новая игрушка сейчас нетерпеливо гудела; достаточно щелчка пере-

ключателя, и заряженные частицы с чудовищной скоростью полетят к мишени.

— Рубидий установил? — спросил приятеля Чак, настраивая измерительные приборы; его толстые пальцы с поразительной ловкостью порхали над кнопками и шкалами, движения были точны и проворны, как у мастера-часовщика, колдующего над старинным швейцарским механизмом.

— Подожди минуту, — рука Джерри потянулась к ящичку с образцами редких металлов, но пальцы наткнулись на лежавшую рядом головку сыра «Ван Чивер Чедер». Было ли это мгновенным озарением или безобидной шуткой, навеянной воспоминаниями об изгубе губ очаровательной Салли, неясно, известно лишь, что Джерри отломил кусочек сыра, воровато оглядевшись, поместил его в синхрофазотрон и включил вакуумный насос. — Готово!

— Начали!

Громко щелкнув, аккумуляторы в долю секунды разрядились, воздух наполнился свежим запахом озона.

— Эксперимент номер восемьдесят три. — Записав данные в блокнот, Чак вскрыл камеру и взглянул на мишень. Глаза его полезли на лоб, карандаш выпал из ослабевших пальцев. — Черт возьми!

Джерри разразился мальчишеским хохотом.

— Это шутка, — пробормотал он через несколько минут, хватая ртом воздух. — Вместо рубидия я поместил кусок сыра.

— По-твоему, это сыр?

Чак вытащил из синхрофазотрона и поднес к глазам приятеля черный шарик. Теперь Джерри открыл в изумлении рот, а Чак захихикал.

— Шутки в сторону, — сказал Чак, становясь вдруг серьезным. — Что это такое?

— Прежде чем это побывало в синхрофазотроне, оно было обычным куском сыра.

Чак принес мощную лупу, пристально рассмотрел черный шарик.

— В сыре моего папаши тьма-тьмушая нестандартных химических соединений. Оказавшись в вакууме, химические элементы перегруппировались, а от ударов ускоренных частиц соединились по-новому. Так что же мы теперь имеем?

— Сейчас выясним! Поместим вещество в вакуум...

— Конечно, это же очевидно! Сделаем из непонятного вещества катод, подведем ток и посмотрим сигнал на выходе!

— В точности моя идея! — Джерри расплылся в улыбке до ушей. — Как назовем новое вещество?

— Что если сырит? По-моему, вполне благозвучное название.

— Принято!

Аккуратно разобрав старую радиолампу, Чак прикрепит к катоду сырит, затем удалил с помощью вакуумного насоса воздух из стеклянной колбы и запалял ее. Джерри тем временем соорудил из подручных деталей нехитрый стенд и, припаяв провода к радиолампе, подсоединил ее к усилителю радиоприемника. Щелкнув выключателем, Чак замкнул электрическую цепь.

— Прибавь ток, — велел Джерри, хмуро глядя на шкалы приборов.

Доведя рычажок лабораторного реостата до упора, Чак сказал:

— Чертов сырит потребляет всю мощность.

— Гм... Смотри: ток поступает в цепь, но ни одна стрелка даже не шевелится, на выходе ноль. Куда же расходуется энергия?

Чак задумчиво почесал челюсть.

— Энергия не проявляет себя как вольт, ом или ватт, уж это точно. Выходит, мы имеем дело с каким-то излучением. Давай его сфокусируем, приделаем к выходу антенну, и посмотрим, что получится.

За антенну сошла металлическая вешалка. Ее подключили в электрическую цепь, вокруг расположили измерительную аппаратуру.

— Для начала подадим на вход только один милливольт, — предложил Джерри и щелкнул выключателем.

В следующее мгновение беззвучно исчезла часть стены, в точности повторяющая очертания вешалки. Джерри поспешно выключил ток, и приятели заспешили к дырке. Выглянули. В заборе, огораживающем сарай, тоже была дыра в форме вешалки.

— Дыра в заборе раза в три больше, чем в стене, — задумчиво произнес Чак. — Следовательно, излучение распространяется расходящимися волнами.

— Похоже, — Джерри ткнул пальцем в дыру. — Видишь тот обрубок? Там была антенна телевизора мистера Грея. И... Дай соображу... Да, правильно, на

заборе, там, где сейчас дыра, обычно спит кот миссис Хосенрефер. Помнится, когда я шел сюда, он лежал на излюбленном месте.

— Так что же случилось? — задал терзавший обоих вопрос Чак, когда приятели забивали дыру в стене.

— Надо бы все хорошенько обмозговать. Пока сохраним случившееся в тайне, а мистеру Грею pošлем анонимный чек за нанесенный ущерб.

— А как насчет анонимного кота для миссис Хосенрефер?

В дверь нетерпеливо застучали. Приятели обменялись многозначительными взглядами, и Чак неохотно открыл дверь. На пороге стояла миссис Хосенрефер — владелица сарая, сдающая приятелям свою собственность в аренду. Несмотря на преклонный возраст и выпавшие на ее долю тяготы, она была доброй отзывчивой женщиной. Несколько лет назад она овдовела, ее муж — стрелочник — попал под товарный поезд. У бедняги из-за неумеренного потребления виски прогрессировала глухота, и он не слышал стука колес и завывания гудка...

— Я не стала бы вас тревожить, но... — седовласая вдова в отчаянии заломила руки. — Произошло нечто ужасное! Мой кот... Мой красавец, последняя радость в жизни... Его похитили! Бедный Макс, до чего грубо обошлись с ним негодяи-воры!

— Почему вы считаете, что кота похитили? — сдавленным голосом спросил Джерри.

— Такие уж нынче ужасные времена! Люди творят такое, за что прежде... Особенно эти рокеры-наркоманы! Уверена, что Макс после обеда мирно дремал на заборе, но у кого-то чесались руки. Его похитили! Только что мне позвонил шериф Кларктауна и сказал такое!.. Несчастливого Макса швырнули через раскрытое окно в соборе Первозданных Баптистов в середину хора. Макс страшно разозлился и исцарапал солиста. Его поймали и, обнаружив на ошейнике стальную пластинку с адресом и телефоном, позвонили мне...

— А как давно вам звонили? — с самым невинным видом поинтересовался Джерри.

— Еще и минуты не прошло. Я сразу бросилась к вам за помощью.

— А Кларктаун в восьми милях отсюда... — пробормотал Чак, ковыряя носком ботинка доску пола.

— Да, это ужасно далеко. Ума не приложу, что мне делать, как получить моего дорогого Макса обратно.

— Не беспокойтесь, — Джерри мягко подхватил вдову под руку и вывел во двор. — Мы туда съездим и привезем Макса. В дорожной сумке.

— Спасибо!.. Спасибо!.. Бедный, бедный Макс...

Джерри поспешно заскочил внутрь, и Чак тут же захлопнул дверь. Причитания стали тише, а приятели озабоченно переглянулись.

— Восемь миль! — воскликнул Чак.

— Мгновенное перемещение!

— Уму непостижимо!

— И это сделали мы!

— Что сделали?

— Еще не знаю, но сердцем чувствую, что в наших руках — величайшее открытие со времен изобретения колеса!

Глава 2

ОШЕЛОМЛЯЮЩЕЕ ОТКРЫТИЕ

— Пора домой, за расчеты, — Чак тяжело вздохнул, переводя взгляд с огромной дыры в земле, где совсем недавно лежал валун, на огромную дыру в ближайшем холме. — Ничего не попишешь, управлять сырит-излучателем нам пока не по силам.

— Еще один эксперимент, последний, — предложил Джерри, ковыряя длинной отверткой в недрах прибора.

Из соображений безопасности приятели вмонтировали свое изобретение в переносной японский телевизор, да так искусно, что тот все еще выполнял основные функции. Закончив настройку, Джерри щелкнул переключателем на лицевой панели телевизора. На экране появились прекрасная блондинка и вампир. Вампир приблизился к девушке, протянул когтистую лапу к ее тонкой прелестной шейке... Джерри нажал потайную кнопку, фильм ужасов сменился разноцветными линиями и полосами, перемещающимися по экрану при регулировке излучателя.

— Надеюсь, на этот раз получится, — Джерри повернул антенну на телевизоре. — Сейчас вон та толстая палка переместится на вершину холма. Внимание, включаю.

Палка осталась на прежнем месте, зато исчезла огромная скала в ста ярдах от нее и через долю секунды материализовалась над озером за их спинами. Последовал оглушительный всплеск, и приятелей окатило водой.

Чак состроил недовольную гримасу и выключил телевизор.

— Процесс перемещения по-прежнему неуправляем.

— Сдаваться рано, — желваки на лице Джерри заходили. — Нам точно известно, что сырит-излучатель испускает каппа-волны и любой попавший в них предмет перебрасывается в эль-измерение, где законы привычного нам пространственно-временного континуума не действуют. Из разработанной нами математической модели следует, что эль-пространство конгруэнтно нашему, но его линейные размеры много меньше. Твои соображения, Чак, по этому поводу?

— Здесь диаметр нашей спиральной Галактики составляет приблизительно восемь тысяч световых лет, а в эль-пространстве — не более полутора миль.

— Точно. Любой материальный объект, попав в эль-пространство и переместившись там совсем чуть-чуть, вынырнет в нашем мире на значительном расстоянии от первоначального положения. Теория безукоризненна, расчеты точны вплоть до пятидесятого знака после запятой, но... На практике теория почему-то не срабатывает. Вопрос: почему?

Джерри с надеждой взглянул на приятеля. Глаза Чака затянулись поволокой. Знакомая картина — Чак углубился в математические расчеты. Понимающе улыбнувшись, Джерри оттащил сырит-излучатель и измерительную аппаратуру к потрепанному «джипу» и сложил в багажник. Как всегда внезапно, Чак вернулся в реальный мир.

— Есть! — закричал он. — Наши беды в молекулярной интерференции!

— Естественно! — Джерри радостно щелкнул пальцами. — Ее влияние очевидно. Хаотично движущиеся молекулы воздуха преломляют каппа-излучение. Неудивительно, что нас преследуют неудачи. Перенесем эксперименты в вакуум, и все пойдет как по маслу. Одна проблема: как построить вакуумную камеру необходимых размеров?

— А нужна ли нам камера? У меня есть на примете место, где отменного чистого вакуума сколько душе угодно, — Чак хихикнул. — Это недалеко, всего в каких-то ста милях...

Джерри ткнул пальцем в безоблачное небо, и они дружно рассмеялись.

— Ты прав... Вакуум там высшей пробы. Только как туда добраться?

— А «Плисантвильский орел» на что? Скажем, что тестируем... Что?... А, придумал! Навигационную аппаратуру! Уверен, администрация колледжа заглотнет наживку.

«Плисантвильский орел» — «Боинг-747» — обычно доставлял футбольную команду колледжа и зрителей на матчи. Джерри и Чак были опытными пилотами, так же как и отличными снайперами и игроками в водное поло, и не раз управляли этим самолетом прежде. Случалось, они вносили изменения в бортовые электронные приборы, и, если сейчас они скажут, что улучшают навигационную аппаратуру, это прозвучит весьма правдоподобно. Добиться разрешения на несколько испытательных полетов — пара пустяков, тем более что «Боинг» подарен колледжу отцом Чака.

Друзья быстро добрались до лаборатории и договорились по телефону о полете на «Плисантвильском орле». Едва они вмонтировали излучатель в корпус бортового радиоприемника, как в дверь негромко постучали. Оба разом вскочили и чуть не подрались за привилегию открыть дверь. Наконец общими усилиями дверь была открыта, на пороге стояла Салли Гудфеллау в очаровательном, под цвет глаз летнем платье.

— Привет, мальчики. — Она впорхнула в лабораторию, непринужденно оглядываясь, поправила льняной локон. — Чем заняты?

— Да так... — Джерри замялся. Чак подмигнул ему из-за спины девушки. Еще вчера друзья торжественно поклялись, что, пока не закончат тесты, ни единая живая душа не узнает об излучателе. Клятва эта распространялась даже на девушку их мечты — Салли. — Так, старый проект.

— Какой такой старый проект? — подозрительно спросила Салли.

— Улучшаем работу навигационной аппаратуры самолета. Ты как раз вовремя. Нам понадобились три

металлические шайбочки и резиновая прокладка, и мы разобрали двигатель нашего «джипа». Сейчас собираемся на «Орел». Подбросишь нас и оборудование до аэродрома?

Салли приподняла левую бровь:

— Уж не думаете ли вы, что я поверю вашей очередной байке? Навигационная аппаратура? Помните, когда вы по заказу Пентагона конструировали летающее крыло, мне вы сказали, что клеите детский воздушный змей? А парализующий вибратор выдали за пистолет-паяльник? Так чем вы занимаетесь на самом деле?

На свою беду и Джерри, и Чак были хорошо воспитаны. Покраснев до корней волос и пробормотав что-то невнятное, они принялись таскать и складывать аппаратуру на заднее сиденье желтого «седана» Салли.

Салли была умна, почти как ее отец, ректор колледжа. Видя, что лобовая атака успеха не возымела, она решила пойти на хитрость.

— Садись со мной, Чак. — Салли похлопала по сиденью рядом с собой. — Джерри поедет сзади, а заодно присмотрит за вашим старым оборудованием.

Чак с радостью подчинился, и всю дорогу до аэродрома они беззаботно болтали. Машину Салли припарковала под крылом «Плисантвильского орла», где друзьям было сподручней ее разгружать. Между зданиями Джерри приметил сгорбленную фигуру Старины Джона, негра преклонных лет, старожилы колледжа, и позвал его на помощь. Отставив швабру и ведро, Старина Джон оглядел груз:

— Какие тяжести! Старик у вроде меня такое разве по силам?

Лукаво блеснув глазами, он нагнулся и одной левой поднял бортовую рацию весом фунтов в сто. Оказывается, годы напряженного труда не сказались на его здоровье, он по-прежнему был в отличной физической форме.

Приятеля и Старина Джон с грузом в руках прошли через салон первого класса в кабину управления. Салли, с любопытством осматриваясь, следовала за ними по пятам. Джерри сразу принялся устанавливать аппаратуру.

— Поддай плоскогубцы, — попросил он Чака.

Чак покопался в ящике с инструментами.

— Их здесь нет. В машине, наверное, остались. Сейчас принесу.

Чак прошел через темный салон, спустился по трапу, залез в машину. Плоскогубцы валялись под задним сиденьем. Насвистывая немудреный мотивчик, он направился обратно. У кабины его тихо окликнула Салли:

— Чак, побудь со мной. — Она сидела в кресле у окна и манила его изящным пальчиком, ее профиль в свете уходящего дня был неотразим. Чак пристроился рядом, и она многообещающе улыбнулась ему. — Смотри, — она оттянула ворот декольтированного платья. Чак придвинулся ближе. — Лифчика нет. — Даже в тусклом свете было видно, что Чак покраснел как рак, но вопреки отличному воспитанию сработали мужские рефлексy. — Э, нет, — Салли отвела руку Чака и поправила платье. — Сначала скажи, чем вы заняты. Награда потом.

— Салли, дорогая... Ну, ты же знаешь... Клятва...

— По-твоему, награда не стоит нарушения дурацкой клятвы? — Салли снова оттянула ворот платья. — Впечатляет? — Чак потерянно кивнул. — Так что вы изобрели?

— Ну... В общем, сами толком не знаем.

— Объясни, — она схватила руку Чака и прижала к своей упругой груди. — Надеюсь, стук трепетного девичьего сердца настроит тебя на нужный лад, и ты подберешь слова.

Загипнотизированный Чак открыл было рот, намереваясь выложить все, но тут услышал тихий звук за спиной. Он резко обернулся. В темном салоне определенно был кто-то еще. Чак неохотно встал и включил свет.

— Кто здесь? — Кулаки Чака сами собой сжались. — Выходи!

Из-за кресел дальнего ряда показалась знакомая сторбленная фигура.

— Я только вытряхивал мусор из пепельниц, — Старина Джон смущенно улыбнулся. — Подготавливал самолет к предстоящим играм.

Чак подошел к старику и одобрительно похлопал его по спине.

— Поди, дружище, приberi пока в хвостовом отсеке. Мы скоро закончим.

Старина Джон бесшумно удалился, а Чак занял исходную позицию рядом с возлюбленной, но, едва его рука легла на грудь девушки, ожил громкоговоритель на стене:

— Чак, — раздался голос Джерри. — Я почти закончил, но нужны плоскогубцы. Поспеши, без твоей помощи не обойтись.

Чак, поморщившись, проследовал в кабину, Салли за ним. Получив инструмент, Джерри быстро закончил работу.

— Готово, — сказал он, стирая тряпкой с пальцев смазку. — Через пять минут взлетаем.

— Ребята, возьмите меня с собой, — взмолилась Салли. — Пожалуйста! С вами так интересно.

— «Интересно» не совсем подходящее слово, — заявил Джерри. — В наших руках величайшее открытие. Сегодня мы проведем испытания, а утром ты о нас прочтешь в газетах, услышишь по радио.

— Джерри, ты сам говоришь, что завтра о нашем открытии узнает весь мир, — сказал Чак. — Может, расскажем Салли о нем прямо сейчас? Она отличный парень и, ручаюсь, до завтра никому не разболтает.

Посмотрев на Чака, Джерри улыбнулся и молча кивнул.

— Почему бы и нет, в самом деле? Значит так, Салли, наше открытие — революция в транспорте. Как работает наш прибор, словами не объяснишь. К тому же это секрет. Но вкратце, специально для тебя: сырит-излучатель, который ты видишь, способен в долю секунды забросить самолет со всеми пассажирами и экипажем на сотни миль. Бах! — и прибыли!

— О! — Салли понимающе закивала. — Ваше изобретение сэкономит уйму топлива!

— Да ты, я погляжу, соображаешь! — одобрительно сказал Чак. — Наше изобретение экономит не только топливо, но и время. Ты только представь: в ближайшем будущем каждый самолет будет оснащен нашим прибором! Самолет взлетает над аэропортом, пилот нажимает кнопку — и, оп! Самолет уже над другим аэропортом за тысячи миль, а возможно, даже на другом континенте.

— Нашим изобретением, наверно, заинтересуется министерство обороны, — внезапно пришло в голову

Джерри. — После испытаний сразу свяжемся с Пентагоном.

— Если, конечно, дело выгорит, — заметил Чак. — Наверняка узнаем к завтрашнему утру.

— Завтра для вас не наступит, — прозвучал в кабине незнакомый гортанный голос. — Я об этом позабочусь.

Друзья как по команде повернулись, их челюсти одновременно отвисли. В дверях стоял Старина Джон, но его было не узнать: спина распрямилась, седые волосы потемнели, будто с них сдули пудру, добродушное прежде лицо было искажено презрительной ухмылкой. В руках у него автомат Шпагина, ствол направлен на них.

Глава 3

НЕОЖИДАННОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

Чак потряс головой, приводя мысли в порядок, Джерри недоверчиво оглядел Старину Джона. Зловещую тишину нарушила Салли:

— Быть такого не может!

Ухмылка Старины Джона стала шире.

— Еще как может, милочка. Это ППСИ-41, калибра 7,62 миллиметра. — Он любовно погладил вороненый ствол автомата. — Скорострельность — двадцать два выстрела в секунду. Так что без резких движений поднимите ручки.

Друзья подняли руки.

— Старина Джон, что ты делаешь? — воззвал к здравому смыслу старика Джерри. — Зачем отказываешься от приличной зарплаты, страховок и весьма скорой и неплохой пенсии? Чего ради? Раскинь мозгами, вдруг твой план не увенчается успехом? С чем ты останешься на старости лет? И вообще, какая компания тебя наняла? «Черные пантеры»? Ну тогда...

— На ваши мелкобуржуазные междоусобицы мне плевать! — Не спуская с приятелей глаз, Старина Джон залез в карман, достал зеленую пилотку и нахлобучил ее на голову. Пилотку украшала кокарда с большой красной звездой и буквами «СССР». Друзья непроизвольно вздохнули, а Старина Джон холодно улыбнул-

ся: — Мое конспиративное имя забудьте. — Он с самым серьезным видом щелкнул каблуками. — Впредь зовите меня лейтенантом советской разведки Йоганом Шварцхандлером.

— Бред какой-то... — От удивления Чак едва ворочал языком. — Какой ты русский? На вид ты вовсе не... Я имею в виду, что русские, они такие: русые волосы, недокуренная папироса на нижней губе...

— Вздор! Выдумки капиталистической пропаганды! Думаешь, каждый чернокожий горит желанием служить империализму? Забыл, наверно, о части мира, где свободные от цепей угнетателей рабочие дышат воздухом социализма?! Да, мой отец чернокожий, родился на 125-й стрит в Нью-Йорке. Его призвали в армию и отправили на вашу угрожающую делу мира военную базу в Германии. Там он вдохнул сладкий воздух свободы, там встретил свободную гражданку Германской Демократической Республики. Они поженились, на свет появился я... Ну, хватит, разговорился я с вами. Для полной ясности скажу лишь, что после безвременной кончины моего отца мать вернулась на родину, и вырос я под красным стягом свободы!

Джерри молча заскрежетал зубами. Салли в сердцах воскликнула:

— Вероломный предатель!

Чак закричал:

— Коммунистическая свинья!

— Полегче, полегче, если жизнь дорога! — Советский шпион красноречиво повел стволом автомата. — Поговорили, и хватит. Теперь делайте, что я скажу...

Чак, сжав кулаки, двинулся вперед. Видя, что ствол автомата дернулся в сторону друга, Джерри бросился на Йогана. Подготовка у шпиона оказалась на уровне. Отступив на шаг, он нажал курок. В замкнутом пространстве кабины оглушительно прогремел выстрел. Джерри упал, его рубашка у плеча окрасилась красным. Салли пронзительно закричала.

— Стоять на месте! — взревел захватчик. — Шансов выбраться отсюда живыми у вас нет. Я отличный стрелок. А за здоровье приятеля не волнуйтесь: пуля всего лишь навывлет прошла его бицепс и застряла во втором томе «Американских аэропортов» у кресла штурмана. А теперь: крутом! И шагом марш по коридору!

Салли поспешно сняла косынку и перевязала руку Джерри. Выбора у друзей не было, и они побрели через ярко освещенный салон.

— Стоять! — скомандовал советский шпион у туалетных кабинок. — По одному в кабинку, двери закрыть, а я прослежу, чтобы над каждой загорелся сигнал «Занято».

Салли краешком губ улыбнулась Джерри, махнула рукой Чаку и скрылась в средней кабинке. Приятели неохотно последовали ее примеру.

Джерри подошел к раковине, размотал повязку, промыл рану и, не обращая внимания на боль, вновь перевязал руку. Внезапно его чувствительные ноздри уловили неприятный запах. Он поглубже втянул носом воздух и прыгнул к двери. Так и есть! По периметру двери металл покраснел, краска от жары вздулась пузырями и противно воняла. Джерри надавил на ручку и, позабыв о ране, что было сил ударил плечом в дверь. Как оказалось, больным плечом, плечо отозвалось острой болью, а дверь даже не дрогнула. На его стон из коридора отозвался ехидный смешок.

— Побейся, побейся, приятель! Ты правильно угадал: двери ваших апартаментов я прихватил сваркой. Теперь, когда с вашей любезной помощью дело сделано, обрадую вас: я не только великолепный стрелок, но и искусный пилот, я налетал тысячи часов на самолетах всевозможных конструкций и типов. Вы, без сомнения, полагали, что я, прихватив ваше бесценное изобретение, попытаюсь скрыться, а вы тем временем выберетесь, поднимете на ноги полицию, ФБР, ЦРУ... глядишь, меня и схватят. Но вы просчитались! Ха-ха-ха! Сейчас я подниму самолет в воздух, и мы направимся к матушке России. Ваше изобретение там изучат лучшие военные эксперты, и в этом им помогут вы. Ведь наши спецы по пыткам не хуже ваших.

Его дикий смех заглушил удары в заваренные двери всех трех импровизированных камер. Негодяй отлично знал, что, сообщив он о своем коварном плане раньше, друзья погибли бы, но живыми в плен не сдались. Однако сделанного не вернешь, надежды на спасение нет. Удаляющиеся шаги Йогана прозвучали для друзей похоронным звоном.

— Все кончено? — давась слезами, спросила Салли.

Тонкие, но чрезвычайно прочные стенки кабинок не заглушали звуков, и друзьям казалось, что Салли с ними, рядом, только протяни руку...

— Пока жив человек, есть надежда, — подбодрил ее Чак. — Я что-нибудь придумаю.

Взявшись за решение очередной проблемы, он, как обычно, потерял контакт с окружающим миром и на стук в стены и зов друзей не отзывался.

— Слово «поражение» мне неизвестно. — Джерри сжал кулаки и тут же заскрежетал зубами от боли в раненом плече.

Салли безгранично верила в своих друзей. Ободренная словами Джерри, она утерла слезы, села на край унитаза, достала косметичку и принялась за макияж.

Сам Джерри, однако, потерял веру в себя.

Что же предпринять? Джерри обвел скудную обстановку туалета взглядом загнанного животного. Бежать? Но как?!

Взвыл турбореактивный двигатель, за ним — второй. Вот уже воют все четыре. Огромный самолет, дернувшись, двинулся к взлетной полосе. Скоро они окажутся на пути к снежной России.

Джерри осознал, что паника и боль мешают думать, не дают сосредоточиться. Однако сломить настоящее американское мужество не так-то просто! Отвлечься от всего! Думать!

Джерри набрал полную грудь воздуха, приказал себе выкинуть из головы все посторонние мысли и думать только о бегстве.

Две минуты напряженных размышлений, и ответ готов. К подобному решению пришел бы любой студент-первокурсник, и Джерри удивился медлительности своих мозгов. Видимо, сказались неординарность обстановки, боль в плече, ярость и прочее, и прочее.

Самолет уже в воздухе. Тоже хорошо, вой двигателей и свист воздуха заглушат грохот взрыва.

Джерри достал из кармана рубашки пластиковый бумажник, извлек из него деньги, чеки, кредитные карточки. Перочинным ножом аккуратно изрезал пустой бумажник на узенькие полоски и сложил их в раковину. Добавил к пластиковым полоскам жидкого мыла. Две безобидные субстанции — пластик и мыло, смешанные в строго заданной пропорции и подвергнутые нагреву до определенной температуры, — полиме-

ризуются в мощную взрывчатку. Включенную зажигалку Джерри держал под раковиной из нержавеющей стали ровно четыре минуты и двенадцать секунд. Готово! Быстрыми уверенными движениями Джерри затолкал взрывчатку в щель между дверью и притолокой от потолка до пола. Кабина туалета была снабжена кнопкой срочного вызова стюардессы. Джерри отодрал панель, выдернул провод, зачистил изоляцию ногтями и воткнул медный конец провода в уже застывшую пластиковую взрывчатку.

— Все или ничего! — сказал он беспечно.

Прижав к лицу смоченное бумажное полотенце, он вызвал стюардессу. Электрическая цепь — кнопка, провод, взрывчатка, металлический корпус самолета — замкнулась...

По периметру двери прошла красная полоса, дверь выгнулась и в клубах едкого дыма вылетела в коридор. Вслед за дверью в коридор выскочил покрытый сажей и копотью Джерри.

Резкий звук вывел Чака из оцепенения.

— Где?.. Кто?.. Что происходит? — слышался его голос из кабины слева.

— Я приобрел нам всем билеты к свободе, — сообщил Джерри, откашлявшись. — Похоже, наш русский друг не услышал грохота. И... Да, он настолько самоуверен, что бросил сварочную горелку здесь.

Минуту спустя все двери были вскрыты, и друзья воссоединились. Пока Чак и Джерри пожимали руки и хлопали друг друга по спинам и плечам, практичная Салли принесла аптечку первой помощи, смазала ожоги на лице и руках Джерри, капитально перевязала пробитое пулей плечо.

— Разом ворвемся в кабину и скрутим негодяя, — предложил Чак, жестами показывая, как именно разделяется с воздушным пиратом.

— Вряд ли получится, слишком уж он изворотлив, — не согласился Джерри. — Пока мы до него доберемся, он расстреляет нас, как мишени в тире. Придумаем план получше. Без стрельбы, а то кто-нибудь пострадает или разгерметизируется кабина и салоны. Уверен, что наш приятель скорее уничтожит самолет вместе с собой и нами, чем сдастся.

— Ты прав, нужен план. Сейчас моя очередь шевелить извилинами.

Чак застыл, его глаза закрыла знакомая поволока. Джерри, деятельная натура, времени терять не стал, а, презрев ожоги и синяки, уселся в ближайшее кресло, усадил в соседнее Салли, обнял ее, поцеловал в шею, в щеку, в подбородок... Вышел из транса Чак, щелкнув пальцами, подошел к ним. Увлеченный новой идеей, он не заметил, что его друзья быстро отодвигаются друг от друга, поправляя одежду и вытирая подбородки.

— Есть, успех гарантирован! Как ты, Джерри, наверняка помнишь, наш сырит-излучатель напрямую подключен к радарной антенне...

— Помню.

— Антенна расположена в верхней части фюзеляжа, таким образом, в эль-поле попадает весь самолет. Теперь я... Я, Джерри, а не ты! И не спорь, ты ранен, а я сейчас в отличной форме!.. Я пробираюсь в радиорубку, где мы установили оборудование, поворачиваю датчик излучателя на сто восемьдесят градусов и подаю напряжение в одну тысячную вольт. Ну-ка, скажи, куда мы попадем.

Джерри, наморщив лоб, произвел в уме молниеносные расчеты.

— По-моему, самолет окажется над Гудзоновым заливом.

— Именно! Топлива хватит лишь до ближайшего канадского аэропорта, но никак не до Сибири или Кубы.

— Чак, милый, а получится? — обеспокоенно спросила Салли.

— Даже если русский заметит меня, я заскочу в радиорубку, и, прежде чем он схватит автомат и бросится за мной, пройдет секунды две. Мне вполне достаточно. Дальше действуем по обстановке.

— Хороший план, — поддержал Чака Джерри. — Думаю, сработает. Действуй!

Через салон первого класса друзья пробрались к пилотской кабине. Вой двигателей заглушил их шаги. Они заглянули внутрь. Отчетливо видимый на фоне звездного неба воздушный пират колдовал над приборами. Салли приподнялась на цыпочки и дружески чмокнула Чака в щеку. Затем он пожал руку Джерри, улыбнулся, махнул рукой и бесшумно вошел в пилотскую кабину.

Он почти добрался до радиорубки, когда что-то потревожило русского. Может, его чуткий слух уловил звук тихих шагов, а может, о присутствии Чака ему подсказало шестое чувство шпиона. Йоган резко повернул голову, увидел невдалеке американца, выругался по-русски, схватил стоявший рядом автомат и нажал на курок. Жизнь Чаку спасла атлетическая подготовка. Он нырнул в радиорубку, а в переборку, возле которой он только что стоял, ударили пули.

Выпустив очередь, Йоган вскочил и кинулся за Чаком. Тот повернул две шкалы, щелкнул выключателем и, почувствовав на спине вес чужого тела, напрягся, готовясь к драке.

Мир изменился до неузнаваемости. Чаку показалось, что его выпотрошили, вместо внутренностей вставили струну от басовой виолы и щиплют за струну, щиплют, щиплют...

Через мгновения, а может, через века, окружающее приняло знакомые очертания, в следующую секунду реактивные двигатели смолкли.

Ударом приклада по голове Йоган оглушил Чака и, выпустив бесчувственное тело, повернулся. Звезды за стеклом вроде стали ярче, ближе...

Самолет качнулся, кабина осветилась, и в поле зрения всплыла громадная, переливающаяся в лучах солнца планета.

Планету опоясывали сверкающие кольца.

Глава 4

ПОБЕДОНОСНАЯ БИТВА

Русский шпион застыл, парализованный увиденным, Салли за его спиной замерла с открытым ртом, но Джерри не подкачал. Нечто такое он предвидел и подобно человеку-пуле без размышлений ринулся в атаку. В те памятные секунды он, наверно, побил олимпийский рекорд в забеге на десять ярдов. Звук быстрых приближающихся шагов вывел русского из оцепенения, он повернулся, но, прежде чем успел поднять автомат, его челюсть испытала яростный удар кулака чистокровного американца. Игра была сделана!

Шпион растянулся на полу и не подавал признаков жизни. Джерри озабоченно осмотрел красный, распухающий на глазах кулак, прикидывая в уме, сколько костей сломано. Салли поспешно подобрала автомат, Чак между тем, потирая шею и издавая сдавленные стоны, поднялся на ноги.

— Извините, друзья, но так уж вышло... — Он кивнул на планету за стеклом. — Спешил страшно, не разглядел показания на шкале и вместо одной тысячной вольты подал на излучатель одну десятую.

— Одну десятую вольты? — выдохнула Салли. — А если бы ты подал двести двадцать вольт, что тогда?

Благоговейную тишину нарушил Чак:

— Десять милливольт перебросили нас от Земли к Сатурну! Вот это да! Ребята, да в наших руках Вселенная!

— Ничего не чувствуете? — испуганно спросила Салли. — По-моему, дышать становится трудно.

— Да, — неохотно согласился Джерри. — Мы в космосе. Воздуха здесь нет, оттого-то и заглохли двигатели. Самолет рассчитан на полеты в атмосфере, и, полагаю, воздух из салона медленно, но верно просачивается через компрессоры в безвоздушное пространство.

— Мы погибли! — вскричала Салли, теребя волосы на голове.

— Спокойно, спокойно, — Чак обнял ее, стер выступивший на лбу девушки пот, разжал ее кулачок, и на пол упала пригоршня великолепных светлых волос. — Придумаем что-нибудь.

— Действительно, у нас проблемы, — глубокомысленно заявил Джерри.

— Ерунда, справимся! — Чак беззаботно улыбнулся. — Не впервой.

Джерри улыбнулся в ответ, и приятели дружно взялись за дело.

— Перво-наперво лишим нашего недруга-шпиона свободы передвижения, — почесав в затылке, сказал Джерри. — Чак, дружище, у меня рука, сам видишь... Позаботься о нем, привяжи к креслу в салоне. Потом сходи в буфет, принеси несколько бутылочек водки. Думаю, Салли почувствует себя гораздо лучше, если немного выпьет. Я тем временем придумаю, как нам отсюда выбраться.

Быстро справившись с делами, Чак вернулся в кабину. В самолете стало заметно прохладнее, дышалось с трудом, будто высоко в горах. Салли после третьей бутылочки водки выглядела почти веселой. Сатурн переместился в верхнюю часть иллюминатора, прямо по курсу появилась сверкающая сфера.

— Если не ошибаюсь, — Чак ткнул пальцем в иллюминатор, — это Титан, самый крупный спутник Сатурна. Я понаблюдал за ним и пришел к заключению, что самолет попал в поле его тяготения и теперь падает.

— Хочу домой! — громко заявила Салли. — Жмите на свою дурацкую кнопку и везите меня к папочке.

— Салли, дорогая, потерпи немного, — Джерри ласково сжал руку девушки.

— Если мы включим сырит-излучатель прямо сейчас, то попадем неизвестно куда. Прежде необходимо выравнивать резонансные частоты, определить положение самолета относительно солнечной эклиптики, настроить гетеродины и...

— Глупости! Жмите на кнопку, а там будь что будет!

— Спокойно, спокойно, — Чак взял Салли под руку, провел по салону и усадил в кресло через проход от связанного шпиона. — Вздремни здесь, крошка.

Шпион пришел в сознание и напряг могучие мышцы, пытаясь освободиться, но не тут-то было. Видя, что Салли, едва опустившись в кресло, засопела, Чак с чувством выполненного долга вернулся в кабину.

— У меня появилась неплохая идея, — заявил Джерри. — Мы падаем на Титан, у которого, как известно каждому школьнику, есть атмосфера. В самолете должны быть аварийные баллоны с кислородом. Вскроем их и продержимся до вхождения в атмосферу. Если там достаточно кислорода, реактивные двигатели вновь заработают, и мы благополучно приземлимся. Если нет... — Джерри красноречиво пожал плечами. — Действуем по обстановке. Приземлившись, вернее, прититанившись, мы, не торопясь, произведем необходимые измерения, сфазирруем сырит-излучатель и затем, воспользовавшись им, перенесемся на Землю.

— Великолепно! — воскликнул Чак. — Пойду вскрыю кислородные баллоны. — Едва он повернулся, как сработала аварийная система, и перед каждым из четырехсот кресел в салонах и кабине упала кислородная маска. — А, вот все уже сделано.

Джерри тут же натянул штатную маску пилота, Чак надел переносную с автономным баллоном и направился в салон. Салли, свернувшись калачиком в кресле, постанывала и вздрагивала во сне. Чак бережно, чтобы не разбудить девушку, надел на нее кислородную маску, поправил сбившуюся простынку и повернулся к шпиону. Быть спасенным врагом-капиталистом тот категорически отказался. Он сквернословил, крутил головой, кусался и смятился лишь после того, как от недостатка кислорода его глаза полезли на лоб. Чак,

тяжело вздохнув, надел на него спасительную маску и вернулся в кабину. Титан уже занял почти весь экран.

— Как успехи? — Чак опустился в кресло второго пилота.

— Вроде все нормально. Если не врут приборы, мы вошли в верхние слои атмосферы.

— Гостеприимной планетку не назовешь, — заметил Чак, разглядывая заснеженные равнины, горы, глетчеры, бесплодные белые пустыни внизу.

— На мой взгляд, так очень даже красиво, — Джерри улыбнулся. — Мою родину напоминает.

— Если так выглядят места, откуда ты родом, то неудивительно, что при первой же возможности ты подался на юг. А известно ли тебе, что температура у поверхности почти минус двести по Цельсию?

— Подумаешь! Отцу рассказывал его дед, что у нас на Аляске бывали холода и посильней. — Джерри сосредоточил все внимание на управлении самолетом. — Давление уже приличное, но двигатели почему-то не запускаются.

— Наверно, потому, что атмосфера Титана в основном состоит из азота, метана, паров аммиака и нейтральных газов. Кислорода в ней почти нет.

— Ты выхватываешь мои слова прямо изо рта. А-а-а, нет кислорода и не надо, не пропадем, спустимся на планирующем, а там приземлимся как-нибудь. Выдвини закрылки, выпусти шасси и включи посадочные опознавательные огни.

— Сделано.

Самолет стремительно приближался к зазубренным пикам, мрачным скалам, ледяным плато и переливающимся в лучах далекого солнца сугробам из замерзших газов.

— Пройти бы вон над тем горным гребнем, — бормотал Джерри себе под нос. — Глядишь, с другой стороны и найдется место для посадки.

Управляя огромным семьсот сорок седьмым, Джерри использовал все свое умение, все многолетние навыки мастера-пилота. В эти минуты он напоминал искусного наездника на родео, о котором говорят: сросся с седлом, а вожжи из рук сам черт не вырвет. Неожиданно самолет задрал нос, задрожал и едва не рухнул на острые как кинжал горные пики. Несколько молниеносных манипуляций с приборами — и самолет опус-

кает нос, выравнивается и вот уже скользит над противоположным отлогим склоном, временами почти касаясь колесами камней.

— Вижу слева ровное поле! — ликующе закричал Чак.

— Думаю, дотянем! — Джерри заложил крутой вираж.

Легко и плавно огромный «Боинг» слетел с полуночного неба и бесшумно поплыл над гладким как каток ледяным полем. Джерри мастерски посадил самолет на все восемнадцать колес. С хлопком сработали воздушные тормоза, тормозные колодки прихватили колеса, самолет заскользил по льду и через десяток секунд, дрогнув напоследок, замер. На Титан прибыли первые люди!

— На Титан прибыли первые люди! — воскликнул Чак с энтузиазмом и, слегка подумав, добавил уже хмуро: — Правда, в ближайшем будущем люди Земли об этом не узнают.

— Почему?

— Сдается мне, что наши кости откапают из-под титанского снега не раньше чем через несколько веков.

— По-моему, для пессимизма нет причин. Отрегулируем сырит-излучатель, и — оп! Мы на Земле!

— Не выйдет. К сожалению, принимая решение садиться на Титан, мы малость погорячились и не учли, что в атмосфере сырит-излучатель неуправляем.

— Эка беда! У нас есть старина «Орел»! Спокойно, без суестьев проведем измерения, затем взлетим, а в верхних слоях атмосферы включим излучатель...

— Взлетим?

— Ну да. На борту есть аварийные баллоны с кислородом. Подведем кислород к турбинам и взлетим.

— Гм... Да, пожалуй, можно и так... Но... У нас новые проблемы.

— Что на сей раз?

— Взгляни в иллюминатор. То существо с щупальцами, безобразным клювом и четырьмя выпученными глазами, что карабкается по крылу нашего самолета — четвертое, которое я вижу за последние десять секунд.

— Вот так так! — Джерри резко повернул голову. — Думаешь, на Титане есть жизнь?

Прежде чем Чак ответил, из салона раздался душевраздирающий крик. Приятели подскочили и понеслись

туда. Салли, стоя ногами на кресле, тыкала в иллюминатор дрожащим пальцем и вопила нечеловеческим голосом. Приятели сразу смекнули, в чем дело, улыбаясь, усадили девушку в кресло и принялись ее успокаивать.

— Спокойно, Салли, спокойно. — Джерри погладил ее по голове. — Это всего лишь местные жители. Они безобидны, а что касается щупалец, безобразных клювов и четырех глазищ на каждого, то... Что ж, такими уж чудищами они уродились.

Салли закричала громче прежнего.

— Не волнуйся, милая, сюда они не проберутся. — Чак демонстративно засмеялся.

Салли умолкла. Не то чтобы на нее подействовали заверения Чака, а просто от криков с нее свалилась кислородная маска, и от недостатка кислорода она потеряла сознание. Приятели снова заботливо уложили ее в кресло, надели на прекрасное лицо маску и прикрыли Салли простыней. Если не считать мерзкого стука клювов по стеклу, в салоне наступила тишина.

— Развяжите меня, — завопил вдруг Йоган. — Не видите, руки совсем посинели.

— А ты затеешь потасовку и еще, чего доброго, удерешь, — Чак покачал головой. — Нет, коммунистический шпик, терпи, свою участь ты заслужил.

— Schweinhund!

— Немецкий я изучал, тебя понял, но твоя грязная ругань мне до лампочки.

— Сукин сын! — на этот раз по-русски выдал Йоган.

— Сам такой.

Салли тем временем пришла в сознание и прислушалась к обмену репликами.

— Прекратите же, наконец, — взмолилась она. — Нас, четверых американцев, занесло на край света, и неизвестно, выберемся ли мы отсюда живыми, а вы ругаетесь, как торговки на базаре.

— Ну уж нет! — твердо сказал Йоган. — Я гражданин ГДР и разведчик Советского Союза, а вовсе не американец.

— Подумай хорошенько, — настаивала Салли. — Гражданин Восточной Германии ты только наполовину, а в остальном — американец! Твой отец был отличным американцем, и от него ты унаследовал лучшие качества настоящего американца! Ты такой же, как любой из нас.

В салоне воцарилась тишина. Друзья с удивлением увидели, как по черным щекам шпиона покатались крупные горячие слезы. Поморщившись, как от зубной боли, и поморгав, он заговорил полным страсти голосом:

— Конечно... Проклятые коммунисты обманули меня... Сделали из меня своего... Мне ни разу не сказали, что я американец. Меня обманули, лишили полагающихся по рождению прав гражданина свободного государства. Но теперь я понимаю, что всегда был настоящим американцем.

— Правильно! — с чувством воскликнул Чак, разрезал проволоку на запястьях и лодыжках негра и помог ему встать. — Отныне ты снова Джон и ты один из нас!

— Теперь по закону мне полагается паспорт, я могу платить налоги, баллотироваться в президенты, играть в бейсбол и есть «хот дог»!

— Совершенно верно! — закричал Джерри, протягивая бывшему врагу руку.

Пожав парням руки, Джон повернулся к Салли. Девушку он намеревался расцеловать, но, сообразив, что быть чистокровным американцем для этого недостаточно, ограничился рукопожатием.

— Словами не передашь, до чего я рад, что стал членом вашей команды! — Джон разулыбался и вытер со щек слезы. — Чем мне вам помочь?

— Мы столкнулись с маленькой проблемой, — сообщил Джерри. — Прежде чем включить сырит-излучатель, чтобы вернуться на Землю, необходимо поднять самолет как можно выше, но в атмосфере Титана почти нет кислорода, а без него реактивные двигатели не работают. Мы с Чаком посоветовались и решили провести газопровод от запасных кислородных баллонов к турбинам...

— Боюсь, из этой затеи ничего не выйдет, — пробормотал Чак, решив в уме систему несложных уравнений. — Я тут прикинул, и получается, что с имеющимся на борту запасом кислорода самолет поднимется не более чем на сто десять футов. Результат получен без учета расхода кислорода на разогрев двигателей.

— Тогда этот вариант спасения отпадает, — Джерри ударил кулаком по раскрытой ладони. — Придумаем что-нибудь другое.

— Решение очевидно! — воскликнул Джон. — Едва я стал американцем, как мои мозги заработали на полную катушку. Видимо, оттого, что мысля я теперь реалистичными капиталистическими категориями, а не фальшивыми коммунистическими догмами. Решение нашей маленькой проблемы там... — Он ткнул пальцем в иллюминатор. За стеклом по-прежнему маячили клювы, глаза, щупальца. Салли пронзительно закричала, а Джон продолжал, перекрывая ее крик: — Пока я сидел связанным, я наблюдал за этими безобразными созданиями и анализировал их поведение. Что их привлекает к самолету? Любопытство? Вряд ли, не выглядят они любопытными. Тогда что же? Тепло? Наше тепло для них — верная смерть от ожогов. Думал я над этим, думал, пока не стал американцем. Тут меня и осенило. Посмотрите, где они скапливаются, и тоже поймете.

— Они группируются около наших воздушных компрессоров, — заметил наблюдательный Чак.

— Кислород! — Джерри щелкнул пальцами. — Конечно! Из самолета постепенно выходит кислород, и они сосут его. Им нравится кислород, отсюда следует, что некогда эта Богом забытая планета имела атмосферу земного типа, а чудовища за иллюминатором — деградировавшие потомки прежних обитателей Титана. Они выжили, следовательно, у них есть кислород. Значит, так: выходим наружу, находим их запасы, закачиваем баллоны и взлетаем.

— Учувяв в нашей крови кислород, титанцы нападут на нас, — резонно заметил Чак.

— Так зададим им перцу! — глаза Джона загорелись боевым огнем. — Они сами напрашиваются на неприятности, так они их получают.

К выходу подготовились быстро. Пропилив отверстие в полу, друзья спустились в багажный отсек. Снаружи стояла лютая стужа, и они оделись соответственно: каждый прикрепил к телу мягкие вратарские прокладки, натянул на себя по несколько футбольных форм и нахлобучил на голову шлем. К поясным ремням приторочили по баллону с кислородом. Салли разыскала в сумочке иголку с нитками и пришила к формам перчатки. Чак наверх надел собственную форму с огромными единицами на спине и на груди. Джерри, хотя в футбол и не играл, был капитаном хоккейной, фехтовальной и шахматной команд, и для него нашлась форма с номе-

ром два. Джон даже не был зачислен в колледж, не говоря уж о спортивных секциях, поэтому, посмеиваясь, он подобрал себе форму с номером девяносто девять.

— Нам понадобится оружие, — напомнил Чак, принимая на себя командование небольшим отрядом. — Я прихватчу топор из спасательного набора.

— Тепло — враг титанцев, — заявил Джерри. — Возьму-ка я сварочную горелку.

— Спиртом из аптечки я удалю с автомата всю смазку, и он послужит даже при двухсотградусном морозе, — заключил Джон.

— В таком случае все мы вооружены и готовы к любым неожиданностям, — воскликнул Чак. — Салли, запрешь за нами люк. Откроешь, только когда услышишь три коротких удара.

— Удачи, мальчики.

Салли похлопала каждого по плечу, и парни выскочили наружу.

Учуяв запах теплого кислорода, титанцы с ужасающей яростью ринулись на землян. Американцы стали спина к спине и приняли бой. Чак методично, точно заправский мясник на бойне, поднимал и опускал руку с топором, во все стороны летели щупальца и пучеглазые головы, омерзительная зеленая кровь хлестала ливнем. Не отставал от приятеля и Джерри. Пламя его сварочной горелки разило, подобно мечу победы, прорезая в рядах врагов огромные бреши и оставляя на снегу из замерзших газов обугленные корчащиеся тела. Джон хладнокровно расстреливал титанцев из автомата одиночными выстрелами. Каждая выпущенная им пуля попадала точнехонько между вторым и третьим глазом на безобразной голове и следовала прямоком в мозг. Несмотря на чудовищные потери, враги все прибывали. И умирали. И прибывали новые. Друзья карабкались на росшую перед ними гору из мертвых тел и продолжали битву, пока последнего врага не постигла заслуженная кара.

Друзья огляделись: никакого движения, лишь с опущенного топора капает зеленая кровь, да дымится ствол автомата.

— Ребята, мы победили! — воскликнул Чак, спускаясь с сорокафутового холма трупов. — Кто-нибудь ранен?

Джерри в ответ лишь беззаботно рассмеялся, а Джон доложил:

— У меня несколько царапин. Ерунда, до свадьбы заживет.

— Тогда вперед, за кислородом. Пока дрались, я заметил, что большинство титанцев прибывало оттуда. — Чак махнул рукой. — Видите ту гору с белой полосой от вершины к подножию? Ставлю последний доллар, что белая полоса — это замерзший кислород.

Друзья направились к горе, но, прежде чем достигли подножия, разразилась трагедия.

Разреженный титанский воздух пронзил сдавленный крик. Друзья, как по команде, остановились и повернули головы. Их глазам предстало такое, что долго их потом преследовало по ночам.

Люк самолета распахнут настежь, с крыла на снег прыгают титанцы. В мерзких щупальцах самого здорового — Салли Гудфеллау, отчаянно вопящая и брыкающаяся.

Глава 5

ПОРАЖЕНИЕ ОБОРАЧИВАЕТСЯ ПОБЕДОЙ

Друзья застыли как громом пораженные, но, прежде чем похитители сделали с десятков шагов, бестрашные американцы кинулись за ними, воинственно размахивая оружием.

— Салли! Сохраняй хладнокровие! — взревел Чак. — Мы идем!

— Вряд ли она слышит, — поделился своей догадкой Джон, жадно глотая между словами воздух ртом. — На ней нет кислородной маски, очень скоро она потеряет сознание.

Джон оказался прав. Крики Салли постепенно замерли, тело безвольно свесилось с омерзительной спины похитителя. Земляне побежали со всех ног. У каждого титанца на затылке находится по четыре глаза, и похитители, даже не поворачивая голов, сразу же заметили погоню. С поддюжины из них остановились и, подняв цепкие щупальца, заняли оборону. Земляне бесстрашно вступили в бой и через считанные секунды продолжили погоню, оставляя позади на снегу безобразные головы, отсеченные щупальца и обутленные тела. На пути американцев вставали все новые и новые похитители и, столкнувшись с благородной яростью землян, отправлялись к праотцам. Вот очередное чудовище мертво,

впереди только один улепетывающий во все лопатки титанец с бесчувственной девушкой на спине.

Однако скончавшиеся в муках соплеменники похитителя сделали свое черное дело — дали вожаку время для бегства, и только преследователи приблизились к нему, как он нырнул в ров. Земляне без колебаний последовали за ним. То была отчаянная храбрость, храбрость истинных американцев, благодаря которой на новых территориях некогда возникали поселения, а не так давно на Луне появились первые следы подошв человека.

Ров, петляя, углублялся и неожиданно закончился темным отверстием в скале — входом в пещеру. Похититель шмыгнул туда. Земляне последовали за ним. Стены пещеры покрывал тускло светящийся мох, видимо, близкий земному планктону, который вызывает зеленое свечение океанов. Друзья почти настигли похитителя, но в последнее мгновение тот шмыгнул в боковой туннель. Американцы последовали за ним и вновь приблизились на расстояние вытянутой руки, но коварный титанец свернул в очередное ответвление пещеры. Американцы, презрев опасность, последовали за ним, но опять он в последний миг повернул. Так повторялось раз за разом, казалось, чудовище забавляется, заманивая их все дальше и дальше в неизвестность. В очередной раз земляне едва не настигли мерзавца, но он вновь свернул. Последовав за ним, друзья оказались в огромном гроте. Титанец улепетывал по скользкому полу. Земляне следовали за ним по пятам и неминуемо схватили бы его и расквитались бы за все злодеяния, но тут грот залил поток ослепительного света. Земляне инстинктивно зажмурили глаза, а открыв их, увидели зрелище, от которого кровь стыла в жилах.

Огромный грот от пола до теряющегося в дымке потолка был покрыт светящимся мхом. По стенам проходили уступы, на них стояли титанцы с кнутами и бичевали несчастные растения. От столь изощренной жестокости мох, дрожа в агонии, испускал ослепительный холодный свет. У дальней стены было возвышение, на котором находился грубо высеченный из цельного куска камня трон. На троне восседал титанец, вдвое крупнее и втрое безобразнее любого из прежних, виденных землянами. Голову чудища венчала корона из блестящего желтого металла с крупными, грубо огра-

ненными бриллиантами. Но не размеры чудища и не его отталкивающий вид поразили землян... Десятками безобразных щупалец титанский король держал их любимую девушку, Салли, остальными же сквозь многочисленные прорехи в летнем платье ласкал ее прекрасное тело. Салли в этих омерзительных объятиях была странно неподвижна, ее бархатистая нежная кожа приобрела цвет слоновой кости, а тело от холода, казалось, стало твердым, как кость.

— Она замерзла, превратилась в сосульку, — с трудом ворочая языком, пробормотал Джерри.

— Может, это для нее и к лучшему, — тяжело вздохнув, Чак снял футбольный шлем и прижал его к груди.

— Друзья, не оставляйте надежду, — прошептал Джон. — Если только мы ее отсюда вытащим, то...

— Ес-с-сли попытаетес-с-сь с-с-сопротивлятьс-с-ся, вы покойники, — прошипело чудовище на троне и, перестав на секунду гладить прекрасную Салли, взмахнуло щупальцами. В тот же миг все входы и выходы в грот оказались заполнены титанцами. Они ожесточенно размахивали кривыми, похожими на арабские, но без гард, саблями и корчили страшные рожи. Увидев на лицах землян замешательство, король издал булькающий звук, должно быть, засмеялся. — Удивлены? Сс-сс! Прежде вы с-с-сталкивались лишь с-с-с моими рабоч-ч-чими, опьяненными горячими парами кис-с-слорода. Теперь перед вами мои отборные войс-с-ска!

— Но... Вы говорите по-английски? — выдавил Джерри.

— Ес-с-стественно. Наши детекторные приемники на крис-с-с-талах на редкость чувс-с-ствительны. Мы вот уже многие годы слушаем ваши радиопередачи и давным-давно изучили ваш варварс-с-ский яз-з-зык. Ракету с-с-с ис-с-следователями мы поджидали с-с-с нетерпением, и вот наконец вы прилетели! Как и задумано, экипаж, то есть вас, мы убьем, завладеем космическим кораблем и покинем эту пустую с-с-суровую планету. Пока мы берем вас в плен, под пытками вы рас-с-с-скажете, как управлять ракетой, а затем умрете ужас-с-с-с-с муч-ч-чительной с-с-смертью. Взять их!

Гвардия короля бросилась на землян, а титанцы на уступах еще яростнее замахали бичами. Но глупые твари не учли, что имеют дело с настоящими американ-

цами! Выкрикнув в один голос «Вперед, Америка!», друзья устремились на короля в атаку. Тот суетливо достал из-за трона четыре здоровенных кривых меча, но, прежде чем взмахнул хотя бы одним, прозвучал выстрел, и меткая пуля пробила его голову между третьим и четвертым глазом. Король испустил дух, и тело Салли выскользнуло из его ослабевших щупалец.

— Хватайте Салли! — закричал Джерри. — Если она упадет, то разобьется вдребезги!

Действительно, опасность была велика. Тело Салли от холода стало более хрупким, чем стекло. Джерри и Чак, позабыв обо всем на свете, одним прыжком оказались у трона и нежно подхватили Салли на руки. Джон тем временем прикрывал тыл, автомат в его руках разил беспощадно, не подпуская полчища врагов к трону. Увидев, что Салли вне опасности, Джон поднял ствол автомата и в мгновение ока посшибал с уступов вооруженных кнутами титанцев. С визгом они один за другим попадали на пол и затихли, тронный зал погрузился в злоебщий полумрак.

Зная, что Чак и Джон владеют немецким, а титанцам этот язык незнаком, Джерри выкрикнул:

— *Ich mochte ein Einzelzimmer mit Bad im ersten stock!* *

Уловка сработала! Джерри взвалил замерзшую, возможно навеки, Салли на плечо. Чувствуя, что Чак поддерживает тело девушки за коленки и что рука Джона опустилась на плечо Чака, он молча провел друзей к потайной двери, рывком распахнул ее и бесшумно шагнул в темноту. За спиной из тронного зала слышались яростные крики и звон оружия.

— Мы в безопасности, — прошептал Джон. — Поганые твари думают, что мы среди них и с усердием идиотов перебьют друг друга. Дверь я запер на засов, так что немного света нам не повредит.

Джерри запалил сварочную горелку, и друзья увидели, что попали в грубо вырубленный в скале туннель.

— Я понесу Салли, — предложил Чак и принял у Джерри драгоценный груз. — Пошли! Да поторопимся, а то кислород в моем баллоне почти на нуле.

* Эй! За троном — потайной ход. Хватайтесь за меня, я проведу (нем.). (Примеч. авт.)

И они заспешили со скоростью семи миль в час по тянущемуся во мраке туннелю навстречу неизвестности. Тишину нарушали лишь стук их башмаков да хриплое дыхание. Вскоре впереди забрезжил свет.

— Туннель кончается, — Джерри погасил горелку. — Если там не звездное небо, то я съем собственный шлем. Будьте начеку, неизвестно, кто или что поджидает нас у выхода.

Молча, с оружием наготове друзья продолжали путь. Вскоре стены туннеля расступились, и они оказались на ледяной равнине. Рядом с выходом возвышался утес, недалеко доброжелательно сиял иллюминаторами семьсот сорок седьмой.

— Смотрите, — Джерри показал на глыбы белого льда на утесе и на груды той же субстанции у ног. — Будь я проклят, если это не замерзший кислород... А личный-то туннель короля вел напрямиком к этим запасам.

— Мой... — Джон с шумом вздохнул, — кислород... уф!.. почти... уф-уф!.. кончился.

Друзья заспешили к «Боингу».

Сменив кислородные баллоны, они вновь были готовы к бою, и Джерри поведал разработанный им в деталях план:

— Те титанцы, что маячили у самолета, мертвы, но ставлю серебряный доллар против ржавого цента, что скоро здесь будет видимо-невидимо их собратьев. Готовимся быстрее к полету и отбываем, прежде чем нам помешают, ведь всех тварей нам не прикончить.

— А жаль, — Джон тяжело вздохнул.

Прятели согласно кивнули, и Джерри продолжал:

— Сделаем так: вы притащите кислород с утеса и заполните им грузовой отсек, а я протяну воздухопровод к турбинам и установлю обогреватель. Грузовой отсек мы запечатаем, включим обогреватель, твердый кислород растает и вскоре превратится в газ, давление поднимется, кислород сам собой пойдет к турбинам, мы же...

— Включим двигатели и удерем с проклятой планеты! — не выдержал Чак. — Отличный план! Только вот что будет с Салли?

Друзья с грустью посмотрели на лежащую в углу у бара девушку, замерзшую с выражением ужаса на прекрасном лице. Неизвестно, как долго длилось бы

тягостное молчание, но Джон, похлопав приятелей по плечам, сказал:

— Не беспокойтесь, я верну ее к жизни. Времени на разъяснения нет, положим ее пока в туалетную кабинку на кучу замерзшего кислорода, чтобы не оттаяла раньше времени.

Так они и поступили. Бережно уложив тело Салли в туалете и заперев на всякий случай кабинку, друзья взялись за дело. Джон и Чак отправились к утесу. Очистив и расколов пласты кислорода, они принялись возить его к самолету на санях, сооруженных на скорую руку из обычных носилок; Джерри же с присущими ему энергией и умением протянул от грузового отсека к турбинам воздухопровод, перетащил из кухоньки самолета и подключил обогреватель, переделал турбины для работы в условиях лишенной кислорода атмосферы.

Вскоре грузовой отсек был заполнен почти до отказа. Чак и Джон волокли к «Боингу» последние сани с кислородом, как вдруг над замерзшей равниной раздались воинственный вой и лязг.

— Враг приближается, — мрачно заметил Джон. — Грузи кислород, я прикрою.

Джон, в недавнем прошлом гражданин ГДР и советский шпион, ныне американец, верный последователь традиций предков, слов на ветер не бросал. Воскликнув: «Получайте, гады, за Перл Харбор!», он с улыбкой на губах кинулся на хищные орды врагов. Экономя патроны, стрелял он только одиночными, и каждая выпущенная им пуля поражала не меньше трех визжащих, размахивающих кривыми саблями титанцев. Атака захлебнулась, но титанцы непрерывно прибывали, задние давили на передних, и под их напором Джон шаг за шагом отступал, пока не оказался под крылом «Плисантвилевского орла».

— У меня последняя обойма! — закричал Джон, нажимая на курок, и головы пяти самых назойливых врагов разлетелись на зеленые куски.

— Эй! — раздался из самолета голос Джерри, и над головой Джона один за другим пролетели три темных цилиндра. — Прострели каждый и побыстрее залезай внутрь. Мы взлетаем!

У Джона как раз оставалось три патрона. Только очень меткий стрелок, каким и был Джон, поразил бы

столь маленькие движущиеся цели при тусклом свете Сатурна. Но Джон, хоть его и атаквали бесчисленные полчища монстров, не промазал. Выстрелил он навскидку, вроде даже не целясь, и улыбка при этом не сходила с его уст. Три выстрела прозвучали как один, и цилиндры вспыхнули ослепительным жарким пламенем. С воем ярости и боли титанцы бежали. Тепло! Тепла они боялись как черт ладана, открытый огонь наводил на них ужас. Воспользовавшись замешательством врага, Джон нырнул в люк самолета и захлопнул дверцу.

— Давление кислорода достигло двух атмосфер и непрерывно поднимается, — доложил Чак, склонившись над вмонтированным в пол салона манометром.

— Тогда, джентльмены, держите ваши шляпы, мы взлетаем! — закричал Джерри из пилотской кабины и, открыв заслонку, запустил турбину правого борта.

Турбина надрывно взывала, протестуя против нештатных условий работы, и смолкла. Друзья затаили дыхание. Турбина взывала вновь и вновь смолкла. Раз за разом Джерри запускал ее, но безрезультатно, а титанцы уже окружили самолет и готовились к атаке.

— Понял! — закричал Джерри. — Аккумуляторы сели! Выключите весь свет, все электрооборудование на борту.

Через секунду салон погрузился в темноту, и Джерри вновь взялся за заслонку, управляющую двигателями.

— Откуда появились бомбы? — спросил Джон. — Я думал, на борту нет взрывчатки.

— Бомбы изготовил я. — Джерри разулыбался, довольный. — Предполагал, что пригодятся. Налил в использованные баллоны керосин из бака и затолкал туда же куски кислорода. Топливо растопило кислород, давление в баллонах поднялось, а от ударов твоих пуль смесь воспламенилась и взорвалась.

Последние его слова заглушили внезапные выхлопы турбины. Друзья замерли в напряженном ожидании. Выхлопы стали тише, почти прекратились, и вдруг турбина заревела в полную силу, заглушая протяжные крики разбегающихся в панике титанцев. Чак и Джон одобрительно похлопали Джерри по плечам. Одна за другой заработали и остальные турбины, огромный са-

молет завибрировал. Чак уселся в кресло второго пилота и оглядел приборы.

— Джерри, дружище, — сказал он, спуская самолет с тормозов, — а сырит-излучатель ты отрегулировал?

— А я все гадал, спросит или нет, — Джерри заразитительно, по-мальчишески засмеялся. — Спросил! Излучателем я занимался, пока разогревался кислород в грузовом отсеке. Прибор теперь отрегулирован с точностью до четырнадцатого знака после запятой и готов к работе. Поднимаем наше летающее корыто на высоту тридцать тысяч футов, нацеливаем нос на Полярную звезду, а правое крыло на самую дальнюю справа от центра точку на кольце Сатурна, нажимаем кнопку — и... мы на высоте двадцати восьми тысяч девятисот пятидесяти футов над центром штата Канзас, плюс-минус несколько футов!

— Чего же мы ждем? В путь!

«Плисантвилльский орел» неуклюже развернулся и, давя и испепеляя нерасторопных титанцев, быстрее и быстрее покати по собственным следам на льду. Джерри потянул на себя штурвал, самолет послушно взмыл в воздух, плавно повернул и, оставляя под собой зазубренные скалы, взял курс на Сатурн.

— Отличная работа! — воскликнул Чак.

— Да! Все великолепно... — Внезапно улыбку будто стерли с лица Джерри. — За исключением бедняжки Салли.

При этих словах исчезла улыбка и с губ Чака, и теперь улыбался только Джон.

— Я же вам говорил, не беспокойтесь, — сказал он, чувствуя на себе взгляды двух пар встревоженных глаз — черных и небесно-голубых.

— Что ты имеешь в виду? — хмуро спросил Чак.

— Сейчас объясню.

Глава 6

НЕНАВИСТНЫЕ ГАРНИШИ И ЛИШЕННАЯ РАЗУМА ОБОЛОЧКА

— Как вы помните, прежде чем стать американцем, я был секретным советским агентом. Много удивительного, скажу я вам, происходило тогда со мной... Хотя сейчас это неважно. Важно, что, готовясь в Сибири к одной из секретных операций, я стал неплохим нейрохирургом... Хотя это тоже сейчас неважно. Важно, что лет через пять, проходя подготовку к очередному заданию в подземном госпитале на Новой Земле, я был уже своим у тамошних советских медиков. Мы пили русскую водку, сплетничали, обсуждали нерадивое начальство, в общем, все как водится. Однажды друзья показали мне, над чем они работают... Глубокое замораживание всегда было проблемой на Крайнем Севере, и врачи по поручению ЦК разрабатывали секретную технику оживления людей, попавших в буран и замерзших, превратившихся в ледышку, вроде нашей Салли...

— И у них что-нибудь получалось? — неуверенно спросил Чак.

— Получалось, и очень неплохо.

— И ты знаешь как?... — Джерри подавился собственными словами.

— Конечно. Я все видел, мотал на ус, и теперь нужные нам знания хранятся вот здесь, — Джон ткнул

себя в лоб. — Нам понадобится лишь современный госпиталь с оборудованием для подкожных вливаний, ну и с прочей обычной мелочью, какая есть в любом, самом заштатном госпитале. Найдем госпиталь, а дальше уж за дело возьмусь я, и через два часа наша Салли будет, как прежде, живой и веселой.

— Ура! — Джерри рванул штурвал на себя, и «Бонинг» резко задрал нос. — Плисантвильский госпиталь — вот что нам нужно. Быстрее туда!

Пока самолет набирал высоту, Чак, решив в последний раз проверить электронику сырит-излучателя, отправился в радиорубку. Через несколько минут оттуда послышалось:

— Джерри, я обнаружил нежелательный резонанс в бета-каппа-цепи.

— Должно быть, барахлит НЧ-генератор. Пойду займусь им. — Джерри указал на кресло пилота. — Принимай управление, Джон. Нацелишь нос на Полярную звезду, правое крыло — на кольцо Сатурна и, как только стрелка высокоточного радарного альтиметра коснется отметки «Тридцать тысяч футов», крикнешь.

— Понял, — Джон твердой рукой взялся за штурвал, и «Плисантвильский орел» продолжил набор высоты. — Приближаемся к намеченной точке, — сообщил Джон вскоре. — Как у вас дела? Готовы?

— Да. Давай обратный отсчет.

— Понял. Самолет занял заданное положение, до необходимой высоты осталось пять футов... четыре... три... два... один... Есть!

Чак недрогнувшим пальцем нажал на кнопку сырит-излучателя. Друзья испытали уже знакомое по первому путешествию через эль-измерение ощущение дискомфорта, затем самолет вновь оказался в нормальном пространстве, и тут же заглохли турбины.

— Думаю, вынырнули мы несколько высоковато. — Джерри улыбнулся, глядя на зеленую планету под ними. — Но не беда, гравитация сделает свое дело, и скоро мы спустимся.

Чак также, не отрываясь, смотрел в иллюминатор.

— Забавно, — пробормотал он, — но я что-то не вижу Луны.

— Если бы только Луны, — обеспокоенно сказал Джон. — Я не вижу знакомых созвездий.

Друзья растерянно переглянулись, затем, выражая мысли всех, заговорил Джерри:

— Ребята, посмотрим правде в глаза: под нами не Земля. Подозреваю, что нас вообще занесло в другую звездную систему. Видимо, в сырит-излучателе что-то разладилось в последнюю минуту.

Лоб Джона покрыла обильная испарина.

— Нет, излучатель здесь ни при чем, — хрипло выдавил он, глядя на высокоточный радарный альтиметр с той же безысходной тоской в глазах, с какой загнипнотизированная змеей птица глядит на мелькающий перед клювом раздвоенный язык. — Видимо, я слишком долго прожил за железным занавесом, вот и сваял ваньку. Джерри, ты велел мне подать команду, когда альтиметр покажет тридцать тысяч футов?

— Да.

— Мне очень жаль, ребята, но на всех самолетах, которыми я управлял прежде, альтиметры были проградуированы в метрах, и на этот раз я мысленно перевел показания прибора из метров в футы и...

— Дал команду.

— Да... — сказал Джон, глупо улыбаясь.

— И мы включили сырит-излучатель на высоте приблизительно десяти тысяч футов, — прошептал Джерри. — Самолет все еще находился в плотных слоях атмосферы, движущиеся молекулы воздуха исказили каппа-излучение...

Увидев сжатые кулаки Чака, Джон замер, улыбка сползла с его лица. Джерри поспешно вклинился между друзьями.

— Легче, Чак, легче. Все мы не безгрешны, все ошибаемся. Да и вообще, из-за чего, собственно, весь сыр-бор? Выбирались же мы из переделок и похлеще, выберемся и сейчас. Вспомните хотя бы старого титанского короля! Здорово мы с ним расправились!

От приятных воспоминаний Чак заулыбался, и атмосфера в кабине разрядилась. Джон подавленно опустил голову.

— Извините, ребята, я виноват. Должно быть, что-то сломалось у меня в башке, и я вел себя как последний идиот. Но Джерри прав, мы выберемся отсюда. Сядем на планету, сфазлируем сырит-излучатель, затем взлетим, нажмем кнопку и — хоп! мы дома.

— А под голову Салли пока положим побольше твердого кислорода, она и не разморозится!

— Именно!

В кабине на полную мощность работал обогреватель, из грузового отсека сквозь щели непрерывно поступал свежий кислород. Вскоре стало настолько тепло, что друзья сняли лишнюю одежду. Чак принес из кухни жестянки с кока-колой и поставил их на обогреватель. Кока быстро оттаяла, и приятели напились, причем Чак и Джерри сделали вид, что не заметили, как Джон плеснул в свою банку приличную дозу виски. Оно и понятно: бедняга чувствует за собой вину, беречь старые раны не стоит. Чак и Джон перенесли в кабину, где лежала Салли, дополнительные куски кислорода. Как-то встретит их чужая планета? Суждено ли им выбраться отсюда живыми? Чак склонился над девушкой и закрыл ее переполненные ужасом глаза.

Вскоре самолет достиг верхних, разреженных слоев атмосферы, и управление самолетом взял на себя Чак.

— Почти прибыли. Думаю, при спуске наберем приличную скорость, придется ее гасить. Болтанка будет изрядной, так что займите кресла, джентльмены.

Так оно и оказалось. От соприкосновения с воздухом крылья самолета нагрелись, и на них выгорело защищавшее металл от обледенения покрытие. Чак потянул штурвал на себя, самолет, описав огромную дугу, оказался в космосе, потом начал падать. Вскоре указатель скорости зашкалило. Чак вновь вывел самолет за пределы атмосферы и вновь устремил его к планете. Так повторялось раз за разом, пока наконец скорость не упала до ста миль в час, и Чак погрузил самолет глубоко в атмосферу.

— О, да внизу океаны, континенты! — воскликнул Джерри. — Совсем как на Земле. Кажется, я уже испытываю ностальгию.

— Видите вон там большущий континент? — Джон ткнул пальцем. — По-моему, Северную Америку напоминает.

— Да, в самом деле, — согласился Чак. — Туда-то мы и направимся.

Толком рассмотреть загадочный континент приятелям не удалось, так как большая его часть была скрыта толстым слоем облаков. Едва самолет пересек берего-

вую линию, как попал прямо в центр урагана. Определенно, грозы на неизвестной планете были много свирепей, чем на Земле, и молнии внизу сверкали непрерывно, а громовые раскаты заглушали даже вой реактивных двигателей. Чак поспешно поднял самолет над грозовым фронтом и, разыскивая приемлемое для посадки место, повел его на север.

— Хорошие новости! — воскликнул Джерри. — Я отключил подачу кислорода к турбинам, и они пока тянут. Похоже, в атмосфере кислорода предостаточно.

— А знаете, парни, — сказал вдруг Джон. — С этими громами и молниями что-то не так. Мне даже кажется, что... — Тут грохнуло так, что у друзей заложило уши, «Боинг» встал на дыбы, а в левом крыле появилась дырища в ярд диаметром. — ...взрываются артиллерийские снаряды и бомбы. Возможно, под нами идет бой.

Чак тут же налег на штурвал, небесный левиафан свечой взмыл в небо, затем развернулся и понесся прочь от суматохи внизу.

— По-моему, нам ввязываться в местный конфликт не стоит, — высказал свое мнение Джерри.

— Согласен, — кивнул Джон. — У нас и без вооруженных потасовок неприятностей хватает. Левое крыло пробито, из него вытекло все топливо, а на оставшемся в правом крыле двигатели протянут минут пятнадцать, не больше.

— Да, досадно, — согласился с приятелем Чак. — Пристегните ремни, парни.

Он включил транспаранты «Пристегнуть ремни!» и «Не курить!» и, стремясь покинуть поле битвы на скудных остатках топлива, искусно повел «Плисантвильский орел» вверх и на запад.

Самолет уже весело летел над облаками, и грохот взрывов стих, как вдруг стрелки на расходомерах коснулись красных зон, тревожно замигали красные лампочки, предостерегающе запищали звуковые сигналы. Вскоре случилось то, чего друзья ждали и боялись: двигатели один за другим, поглотив последние капли горючего, булькнули и замолкли; притяжение планеты подхватило огромный самолет и понесло его вниз к облакам. Приятели не проронили ни слова, лишь плотнее сжали челюсти да учащенней и глубже задышали, но разве поставишь им это проявление чувств в вину?

Что скрывается под облаками, неизвестно, вероятнее всего, опасности и неприятности.

Самолет прошел последний слой облаков, но смотреть оказалось особенно не на что: от горизонта до горизонта простиралась безжизненная песчаная пустыня, по унылым барханам бежали тени облаков.

— По-моему, приземляться здесь не стоит, — выразил общее мнение Джон.

Стремясь покинуть гиблое место, Чак с присущим ему мастерством вел семьсот сорок седьмой на планирующем, но с гравитацией не поспоришь, и однообразная песчаная равнина неотвратимо приближалась. Вдруг впереди появилась горная цепь.

— Бинокль, быстро! — воскликнул Джерри, протягивая руку. Джон подал бинокль, Джерри тотчас представил его к глазам, навел на резкость и вгляделся вдаль. — Вижу впереди форт, — сообщил он вскорее. — Над фортом развивается флаг, вокруг взрывы, похоже, вовсю идет бой. Да... Форт окружили повозки, по виду явно военные, и ведут по нему огонь, а пушки со стен стреляют по повозкам. Вижу защитников форта! Они совсем как люди, только рук не две, а четыре.

— А с кем они воюют? — спросил Чак.

— Не разберу... Подожди... Как по заказу взорвалась повозка, наружу вылезает водитель... — Джерри зажал правую ноздрю и издал такой звук, будто он сморкается, — Х-х-хр!

— Что «х-х-хр»?

— Самое подходящее слово для него. Представьте: омерзительное лилово-желтое тело, корявое, как дерево, да еще и со множеством отверстий, четыре ноги — точь-в-точь ответвления древесного ствола и черные блестящие щупальца там, где положено быть голове...

— Замолчи, а то меня стошнит! — закричал Джон. — Мы встанем на сторону гуманоидов и покажем этим мерзавцам х-х-хр где раки зимуют!

— Правильно! — согласился Чак. — Но что мы можем?

— Да, — откликнулся Джерри, — чем мы поможем братьям по разуму? Парни, у кого есть идеи?

Джон, тренированный шпион и диверсант, быстро нашел решение.

— Кресла в салоне легко снимаются. Чак, сделай разворот и пройди над полем боя, а мы с Джерри

покажем корявым негодьям, на что способны настоящие люди!

Так они и сделали. «Плисантвильский орел» сделал круг и, набрав высоту, спикировал на врагов, совсем как его хищный тезка. Из открытых люков по обе стороны фюзеляжа на головы врагов градом посыпались тяжелые металлические кресла. Каждое такое кресло-бомба точнехонько попало в цель, как если бы их метал компьютер.

Хитрость сработала! Неясно, много ли ущерба нанесли падающие кресла, но боевой дух врагов был бесповоротно сломлен, и они, побросав целые и поврежденные повозки, кинулись через пустыню и вскоре скрылись за ближайшими холмами. Друзья приветствовали победу восторженными криками, а сквозь свист воздуха до них донеслись ответные восторженные крики защитников форта. Чак заложил крутой вираж, и «Плисантвильский орел» мягко сел на песок в тени высокой стены форта.

Джерри быстро побрился и передал электробритву Джону.

— Приведем себя, ребята, в порядок и произведем хорошее впечатление на тех храбрых парней в форте.

С этим предложением друзья согласились. Побрызгав себя дезодорантом, стерев с одежды омерзительные зеленые капли застывшей сукровицы, причесавшись и добавив в кабинку, где лежала Салли, замерзшего кислорода, они открыли люк. Из самолета автоматически выдвинулась лестница. Друзья выглянули наружу. Оказалось, что у нижней ступеньки их уже ожидает делегация защитников форта.

Американцы с достоинством спустились один за другим, и настала историческая минута первой встречи преодолевших бескрайние просторы космоса людей с гуманоидами. Гуманоиды и земляне с неподдельным интересом разглядывали друг друга. Гуманоиды увидели трех безусловно лучших представителей великой свободной Америки, американцы же — трех гуманоидов. У гуманоидов была гладкая белая кожа, одежды на них не было, но тела оплетали кожаные ремни, с которых свисало оружие и инструменты неизвестного назначения. Гуманоиды сняли с голов шлемы, и оказалось, что они абсолютно лысы, а яркорозовые зрачки их глаз формой напоминают цифру 8. По знаку лидера,

чей шлем был золотым, а не черным, гуманоиды подняли короткие мечи и слаженно отсалютовали землянам. Американцы, щелкнув каблуками, лихо приветствовали гуманоидов ответным салютом, правда при этом случилось небольшое недоразумение: замечтавшийся Джон вначале поднял над головой сжатый кулак, но, тут же опомнившись, опустил локоть на уровень плеча и коснулся указательным пальцем брови. Стальные мечи со звоном были возвращены в ножны, вперед выступил глава делегации гуманоидов.

— Здрю ствуй ту! — глухо булькнул он.

— Мы земляне, — обратился к инопланетянам Джерри. — К сожалению, мы не говорим на вашем прекрасном языке, но заверяем, что, преодолев огромное космическое пространство, пришли с миром и принесли вам привет от жителей планеты Земля в целом и от граждан великих Соединенных Штатов Америки в частности!

— Доброе утро! — воскликнул Джон по-русски и, повернувшись к друзьям, разъяснил: — Он только что поздоровался с нами по-русски, а я ему ответил «доброе утро».

— Вот так так, — тихо проговорил Чак. — А не коммунисты ли они?

Друзья настороженно отступили на шаг.

— Нет, нет, мы не коммунисты, — заверил главный и, широко улыбаясь, вновь в приветствии поднял меч. Зубов у гуманоидов не было, их функцию выполняли две костяные пластины, как у земных черепах, отчего улыбки у них были довольно странные. — Мы ормолу и воюем с ненавистными гарниши. С вашей великодушной помощью мы выиграли сегодняшнюю битву и будем век вам благодарны.

— А не кажется ли тебе, что для ормолу ты слишком хорошо разговариваешь по-английски? — подозрительно спросил Джерри.

— Вот уже многие годы наши чувствительные радиоприемники принимают радиопрограммы с вашей планеты. По ним мы изучили ваш благородный язык, теперь понимаем каждое слово и передачи слушаем, затаив дыхание. Люди Земли, граждане свободных Соединенных Штатов Америки, я с несказанной радостью приветствую вас на планете Домит. Отныне все наше — ваше. В честь вашего замечательного прибытия

приготовлен банкет, и мы просим вас почтить наш скромный стол своим демократическим присутствием.

— Веди нас, — велел Чак.

Земляне, с любопытством озираясь, последовали за ормолу в форт. Внутри, как и снаружи, форт был весьма схож с аналогичными земными постройками: те же вкопанные в землю, заостренные сверху бревна, обгорелые и зазубренные от бесчисленных боев, те же наспех заделанные дыры в стенах. На этом, пожалуй, сходство кончалось, ибо форт ормолу был оснащен набором фантастического оружия, из которого многое даже не поддается описанию. Друзья переглянулись и молча согласились, что при первой же удобной возможности стоит более подробно познакомиться с принципами действия невиданного оружия. Лидер в золотом шлеме, который представился как Стейджен-Стербен, повернул к друзьям голову и, беззубо улыбнувшись, сказал:

— При первой же удобной возможности вам покажут наше оружие, расскажут о принципах его действия.

Друзья, одобрительно кивнув, вошли в банкетный зал, и их тотчас препроводили на почетные места за длинным столом. На столе пока стояли лишь глиняные горшки с холодной жидкостью, по виду и запаху — водой. Вскоре многочисленные ормолу расселись, Стейджен-Стербен поднял руку, и его соплеменники склонили головы.

— О Великий Дух, что живет в Другом Мире над нами, — нараспев заговорил Стейнджен-Стербен. — Мы, дети твои, возносим хвалу тебе за хлеб наш насущный.

Молитва кончилась, ормолу подняли головы, а Чак толкнул Джерри локтем и прошептал:

— Отличные ребята. Их религия, манеры — полный блеск!

Джерри согласно кивнул.

Появились официанты, из принесенных огромных корзин вилками наложили перед каждым на столе что-то, напоминающее зеленую траву. Как только сервировка была закончена, Стейджен-Стербен подал знак всеми четырьмя руками, и ормолу тут же набили рты зеленой субстанцией. Трое землян неуверенно переглянулись, затем самый смелый, Джерри, взял несколько

травинки и сунул в рот. Пожевав, сглотнул и поспешно запил водой из горшка.

— Ну как? — поинтересовался Джон.

— Черт бы их побрал с таким гостеприимством, — прошептал Джерри. — По вкусу трава травой.

— Вижу, вы не едите, — заметил Стейджен-Стербен. — Извините нас за нашу нехитрую трапезу, но мы, ормолу, все поголовно вегетарианцы, из религиозных соображений, естественно. К сожалению, своей диеты мы не нарушаем никогда.

— Что ж, бывает... — пробормотал под нос Чак.

— Некоторые из моих лучших друзей тоже вегетарианцы, — поспешно заверил Стейджена-Стербена Джерри. — Ну а мы, те, что здесь... — опасаясь оскорбить радушных хозяев, Джерри тщательно подбирал слова, — по большей части... всеядны. Но вы на нас не смотрите, ешьте.

— Мы не чувствуем себя оскорбленными, — пробормотал Стейджен-Стербен с набитым ртом. — Потерпите немного, мы скоро закончим.

Земляне выпили свою воду и с любопытством огляделись, но оказалось, что, кроме как на голые стены, смотреть не на что. К счастью, ормолу быстро уничтожили траву, и банкет закончился.

— Если не возражаете, я расскажу вам о нашей войне, — предложил Стейджен-Стербен.

— Да, конечно, это очень интересно, — поддержал предложение Джон.

— В эту чудовищную бойню мы втянуты вот уже более десяти тысяч земных лет. — Стейджен-Стербен на секунду прервался, слизнул травинку с нижней губы и продолжил: — Гарниши — наши враги — не ведают жалости и, представься им возможность, уничтожили бы нас всех до единого. Силы наши приблизительно равны, война изредка затихает, но тут же вспыхивает с прежней силой и продлится, видимо, еще не меньше десяти тысяч лет.

— Не возражаете, если я спрошу, почему вы воюете? — спросил Джон.

— Не возражаю.

— Так почему вы воюете?

— Мы защищаем свой образ жизни и воюем за возможность беспрепятственно молиться Великому Духу, когда и как сочтем нужным, и за свою веру сотрем

с лица планеты всех ненавистных гарниши до последнего!

— А не скажете ли, почему вы их так ненавидите? — поинтересовался Чак. — Я имею в виду, есть ли у них другие недостатки, кроме гнусного внешнего вида?

— Сказать об этом вслух я не решаюсь, боясь осквернить ваши благородные уши.

— Мы потерпим, — заверил Стейджена-Стербена за всех землян Джон.

— Ужасы их образа жизни не поддаются описанию, поэтому я вам лучше покажу.

По сигналу Стейджена-Стербена свет в банкетном зале померк, заработал скрытый кинопроектор. Послышались неприятные хлопающие, воющие звуки — музыка, как догадались земляне, — и на превращенной в экран белой стене пошли титры на неизвестном языке. Вслед за титрами на экране появился мерзкий гарниши — уже знакомое землянам древовидное тело, глаза расположены по кругу там, где у человека талия. Он замахал безобразными черными щупальцами, заскрипел на непонятном языке, в такт звукам на туловище открывалось и закрывалось одно из отверстий, видимо рот.

— Ну и уродина, — заметил Джерри, и друзья кивнули.

— Если бы он только выглядел так безобразно, — сказал Стейджен-Стербен, — но от него и запах под стать.

Чудовище на экране встало, вытащило откуда-то длинную палку, тяжело проковыляло на четырех ногах-колоннах к плакату на стене и принялось тыкать в него палкой. Плакат упрощенно изображал ормолу с точками и линиями по всему телу.

— И что все это значит? — не выдержал Джон.

— К несчастью, вы очень скоро все поймете, — печально сказал Стейджен-Стербен.

И, действительно, вскоре глазам землян предстало такое, что у них отвисли челюсти. В кадр попал распластанный на деревянном столе мертвый ормолу. Лектор подошел к столу и, не переставая вещать, принялся пилить тело несчастного на части мощной ленточной пилой.

— Хватит! — Джерри, опрокинув кресло, вскочил на ноги.

Демонстрация прекратилась, вспыхнул свет. Стейджен-Стербен сидел, склонив голову, и подавленно молчал.

— Зачем проклятый гарниши пилит мертвого ормолу? — напрямик спросил Джерри.

— Он разделявал тело моего несчастного соплеменника, чтобы части влезли в котел. Гарниши — ормулоеды, они ловят нас, а потом поедают, потому что они — монстры.

— Монстры, да еще какие! — закричал Чак и, опрокинув кресло, вскочил. — Я знаю, что говорю сейчас от имени всех моих товарищей. Мы, земляне, клянемся, что приложим все свои силы, все свое умение, чтобы избавить вашу планету от мерзких монстров!

Земляне торжественно закивали, а ормолу все как один повскакали с мест и, отсалютовав мечами, восторженно закричали:

— Гип-гип ура!

— Я вроде уже придумал, как мы разделаемся с монстрами-гарниши, — задумчиво проговорил Джерри. — Я сконструирую оружие, много мощнее любого, что есть у вас, оружие, которое сметет наших общих врагов к чертовой бабушке.

— Будьте так любезны, — попросил Стейджен-Стербен, широко улыбаясь и кладя две-три руки на плечи Джерри, — расскажите нам об этом фантастическом оружии.

— Я еще не додумал кое-какие мелочи, додумаю — обязательно расскажу. К тому же у нас безотлагательное дело: пока весь твердый кислород не испарился, нужно оживить Салли.

— Можно, я осматрю ваш госпиталь? — спросил Джон у Стейджена-Стербена.

— Конечно, но боюсь, что огорчу вас. Наш госпиталь далек от тех великолепных стандартов, по которым построен ваш замечательный городской госпиталь в Плисантвиле...

— Вы знаете о плисантвильском госпитале? — удивился Чак.

— Конечно. Я слышал радиопередачу об этом чуде современной земной медицины и потому утверждаю, что наш госпиталь весьма примитивен. Понимаете ли, у

нас, ормолу, нет ни нервной, ни кровеносной систем. — В подтверждение своих слов Стейджен-Стербен вытащил меч и проткнул ближайшего ормолу. Тот как жевал траву, так и жевал, и даже глазом не моргнул. Стейджен-Стербен выдернул меч и вложил его в ножны, а дыра на теле ормолу на глазах изумленных землян затянулась. — Наша кровь, — продолжал рассказ Стейджен-Стербен, — циркулирует от клетки к клетке за счет осмоса, поэтому у нас нет ни сердец, ни кровеносных сосудов. К тому же наши тела совершенно невосприимчивы к инфекциям. Наш госпиталь — обычный деревянный сарай с деревянным столом, а из медицинских инструментов там есть только ножи, пилы и, конечно, нитки с иглами. Отсеченные конечности мы просто пришиваем, а если какая-нибудь часть тела ормолу слишком сильно повреждена и не годится для дальнейшего использования, мы ее отпиливаем, вот и все лечение.

— Да, для спасения несчастной Салли вашего медицинского оборудования маловато. — Джон на минуту задумался. — Постойте, вы же изготавливаете оружие? — Дождавшись кивка Стейджена-Стербена, Джон продолжал: — Выходит, у вас есть мастерские, а в них инструменты?

— Конечно, у нас довольно приличные станки и инструменты.

— Тогда поступим так: я сам изготовлю необходимое медицинское оборудование. Много времени это не займет. Парни, несите Салли в госпиталь.

Джон сдержал слово. Когда Чак и Джерри, надев резиновые перчатки, перенесли Салли из кабинки-рефрижератора в госпиталь, они попали в хорошо оборудованную современную операционную. Посреди комнаты сиял хромом и никелем многофункциональный операционный стол, над ним была прикреплена мощная голубая бестеневая лампа, у изголовья нетерпеливо булькал, пульсировал, трепетал восстановитель кровеносных сосудов, рядом посвистывал гистерезис-аннигилятор, в ногах тикал восстановитель нервных окончаний, на специальном столике аккуратными рядами были разложены блестящие инструменты, везде царил стерильная чистота и порядок.

— Для операции мне потребуется ассистент, — сказал Джон. — У кого-нибудь из вас, ребята, есть необходимая подготовка?

— У меня докторская степень по хирургическим операциям на открытом сердце, — сообщил Чак. — Надеюсь, для твоего ассистента достаточно?

— Сойдет. Будешь подавать инструменты. Ну, а ты, Джерри?

— У меня лишь докторская степень по проктологии *, так что я лучше понаблюдаю.

Салли бережно уложили на операционный стол, и Джон приступил к операции. Вскоре нежное тело девушки уже не выглядело сосулькой, а еще через несколько минут Салли совсем оттаяла, но сердце, конечно, еще не билось, дыхания не было.

— Внутрисосудистый оксигенатор сейчас снабжает клетки ее мозга кислородом, — бесстрастно сообщил Джон, ловко работая руками. — Как вам, без сомнения, известно, при нарушении кровоснабжения более чем на две минуты в мозгу происходят необратимые изменения, и если даже пациент после этого выкарабкается, то свои дни он заканчивает в психушке. Дай Бог, чтобы Салли на Титане замерзла достаточно быстро, в противном случае после операции у нас на руках окажется прекрасная, но лишенная даже проблесков разума человеческая оболочка. А сейчас, ребята, отойдите, пожалуйста, назад, я подам на прикрепленные к грудной клетке Салли электроды двести тридцать вольт. Ток пройдет через ее сердечную мышцу, работа сердца восстановится, и Салли, как я надеюсь, вновь предстанет перед нами юная и полная жизни.

Щелкнул выключатель, мышцы Салли сократились, и она подпрыгнула на добрый фут. Грохнувшись обратно на операционный стол, она широко открыла глаза, сунула в рот палец, секунда десять пососала его и вдруг пронзительно заорала. Оба страстно любящих ее юноши задохнулись от наплыва эмоций.

— Оболочка...

— Не все потеряно, — пробормотал Джон, вселяя в их сердца надежду. — Возможно, она замерзла так

* Проктология — от «proktos» (греч.) — задний проход, раздел клинической медицины, изучающей болезни толстой (в том числе прямой) кишки. (Примеч. перев.)

сильно, что вместе с ней замерзли и ее воспоминания, и ей кажется, что она все еще в плену у ненавистных титанцев.

— Салли, это мы, твои друзья, — с надеждой заговорил Джерри. — Ты в безопасности! Ты слышишь меня? Ты в полной безопасности!

Салли тупо огляделась, в глазах ее не было даже проблеска разума.

Глава 7

ВЕЛИКАЯ ПОБЕДА ОКАНЧИВАЕТСЯ ТРАГЕДИЕЙ

— Спасибо, Джон, за попытку, — устало сказал Джерри.

— Да, Джон, — так же мрачно добавил Чак. — Ты сделал все, что в твоих силах, но, видимо, она замерзла недостаточно быстро. Теперь она до конца своих дней прекрасное растение.

— Растение? — зло воскликнула Салли. — О чем вы, черт возьми, толкуете? И что случилось с теми омерзительными титанцами, которые только что были здесь?

— Сработало! — закричали парни в унисон и принялись, незаметно смахивая с глаз скупые мужские слезы, обнимать друг друга и хлопать по плечам и спинам.

Когда первая радость улеглась, они, перебивая друг друга, в деталях рассказали Салли о последних событиях. Затем у всех возник один и тот же вопрос, и задал его самый смелый, Джерри:

— Почему ты открыла люк и пустила в самолет проклятых титанцев?

— Дурацкий вопрос! Они постучали три раза, а вы сами велели мне открыть люк, если услышу три удара. — Салли презрительно фыркнула, и возражать ей приятели не рискнули. — В любом случае, все хоро-

шо, что хорошо кончается. Если честно, я не жалею, что не видела большинства событий. Говорите, титанский король ласкал и гладил мое замороженное тело своими ужасными щупальцами? — Она обвела друзей тяжелым взглядом, и те смущенно опустили глаза. — Не думаю, что, будь я тогда в сознании, мне бы это понравилось. А теперь... Скоро мы отправимся на Землю?

— Сразу же, как только уничтожим всех мерзких плотоядных гарниши, — решительно сказал Джерри. — Кстати, я сфазирую сырит-излучатель только после того, как выясню, куда мы попали.

— Вы на Домите, четвертой планете Проксима Центавра, — сообщил появившийся в дверях операционной Стейджен-Стербен. — После наступления темноты вы полюбуетесь нашим ближайшим соседом — двойной звездой альфа Центавра.

— Для лысого парня с четырьмя руками он чертовски хорошо изъясняется по-английски, — воскликнула Салли.

— Стейджен-Стербен к вашим услугам, дорогая мисс Салли. Рад, что вы вновь в добром здравии. А теперь, когда жизнь очаровательной мисс Салли вне опасности, не расскажет ли мистер Джерри, как продвигается изготовление оружия, которое, по его словам, раз и навсегда уничтожит мерзких гарниши? Оружие готово?

— Будет готово, как только мы построим вакуумную камеру.

— А зачем вам вакуумная камера?

— Дело в том, что я придумал, как использовать сырит-излучатель в условиях атмосферы. Мы поместим его в переносную вакуумную камеру, и наше чудо транспортировки послужит оружием, с помощью которого с многовековой войной на вашей планете будет покончено раз и навсегда.

— Все наше оборудование, все наши руки в вашем распоряжении, — заверил их Стейджен-Стербен.

Пока Салли подбирала себе одежду вместо полностью пришедшего в негодность летнего платья, приятели принесли из «Плисантвильского орла» сырит-излучатель и смонтировали портативную вакуумную камеру. Вернее, делом занимались только Джерри и Джон, Чак же неожиданно замер и, уставясь в пустоту, впал в транс. Он мешал, стоя на пути, и приятели оттащили его

в угол. Прошло двадцать минут, секунда в секунду, глаза Чака приобрели осмысленное выражение, он повернулся к приятелям и самым серьезным тоном сказал:

— Как это ни досадно, но наш добродушный четырехрукий хозяин дурачит нас.

— О чем ты, Чак, дружище? — искренне удивился Джерри. — По-моему, старина С.С. ведет себя вполне порядочно.

— Тогда послушайте меня. Мы на четвертой планете Проксима Центавра. Так?

— Так.

— А знаешь, как далеко эта планета от старушки Земли?

— На расстоянии четыре целых и три десятых световых года плюс-минус несколько тысяч миль.

— Верно. А теперь скажи, как давно построен пилсантильский госпиталь?

— Два года назад... Но... Конечно! Стейджен-Стербен водит нас за нос!

— Ребята, нельзя ли помедленней, — попросил Джон, — я за вами не успеваю.

— Обман очевиден: Стейджен-Стербен сказал, что знает о госпитале из радиопередачи, а радиоволны, как известно, распространяются со скоростью света, таким образом, новость об открытии госпиталя прибудет сюда не раньше чем через два года.

— Признаюсь, я прибегнул к маленькому жульничеству, ха-ха-ха... — В дверях мастерской стоял Стейджен-Стербен собственной персоной и улыбался своей неизменной беззубой улыбкой. — Но, поверьте, я поступил так только во имя нашей межзвездной дружбы, и...

Американцы, сжав кулаки, двинулись на Стейджена-Стербена, и улыбка на его лице тотчас погасла.

— Ты обманул нас! — воскликнул Джерри. — Сознавайся! Ты читаешь наши мысли?

— Только самую малость, — сознался Стейджен-Стербен и, подняв все четыре ладони перед собой, отступил на шаг. — Пожалуйста, выслушайте меня! Мы, ормолу, от рождения воспринимаем простейшие ментальные сигналы, но, уверяю вас, только простейшие, и читаем лишь поверхностные мысли, но никак не затаенные. Из ваших мыслей я узнал, что существа с луны, которую вы только что покинули, изучили ваш

язык по радиопередачам, и... Признаю, это было глупо с моей стороны, но... Заглянув к вам в черепа, я понял, что чтение мыслей придется вам не по вкусу, и... солгал. Обещаю, что больше не буду читать ваши мысли. Но солгал я исключительно ради благороднейшей цели — завоевания нашим народом свободы.

— Чего уж там, не будем сердиться на беднягу Стейджена-Стербена за его маленький обман, — Джерри разжал кулаки, и приятели последовали его примеру. — Нам, конечно, не нравится, когда в наших головах копаются посторонние. — Джерри повернулся к Стейджену-Стербену и погрозил ему пальцем: — Впредь не читай наши мысли без разрешения. Договорились?

Стейджен-Стербен непонимающе глядел на него.

— Почему ты грозишь мне пальцем? Перестав читать твои мысли, я перестал понимать, что ты говоришь.

— Стейджен-Стербен, ты честный лысик, — сказал Джерри, пожимая Стейджену-Стербену руку.

Чак и Джон тоже пожали ему руки, все одновременно, и при этом у ормолу еще одна рука осталась свободной. Джерри хлопнул себя по лбу и указал на недоуменно моргающего Стейджена-Стербена пальцем. Тот наконец-то понял и прочитал его мысли.

— Я несказанно счастлив, что мир между нами восстановлен. — Он беззубо улыбнулся. — С этой минуты я буду читать ваши мысли только после того, как вы стукнете себя по голове. Тогда и ваши сокровенные мысли останутся в секрете, и общаться мы с вами сможем. А теперь скажите, обещанное вами оружие готово?

— Почти, — Чак махнул рукой на прибор. — Сырит-излучатель сфазирован, воздух из камеры, в которую он помещен, откачан. Сейчас выведу кнопки и ручки управления наружу, и приступим к испытаниям. — Он умело взялся за дело, искоса поглядывая на горную цепь за раскрытым окном, а через минуту воскликнул: — Закончил! При нажатии вот этой кнопки сработает сырит-излучатель. Ответственную миссию — первое испытание нового оружия — мы поручаем вам, наш четырехрукий лысый беззубый друг.

— Моя благодарность не поддается описанию. А что произойдет, после того как я нажму на кнопку?

— Нажимая кнопку, смотрите в окно. Сами все увидите.

Ормолу нажал на кнопку и моргнул:

— То ли у меня глаза не в порядке, то ли гора высотой в сорок пять тысяч футов бесследно исчезла.

— О, наш друг, да вы наблюдательны! — Джерри довольно хихикнул. — Все объясняется весьма просто. После нажатия кнопки гора попала в каппа-излучение и переместилась в эль-измерение, а затем вновь появилась в нашем измерении, но уже в полутора тысячах миль отсюда, над центром океана. Бьюсь об заклад, местные рыбы были удивлены!

— А я бьюсь об заклад, что, оказавшись вдруг посреди океана, гарниши будут удивлены не меньше! — Ормолу заулыбался, но вдруг переменялся в лице и бросился к двери.

— В чем дело? — крикнул ему вдогонку Чак.

— Неожиданное нападение! Гарниши приближаются. Их сотни, тысячи! — крикнул Стейджен-Стербен, не оборачиваясь.

— По-моему, парни, наше место сейчас на поле битвы! — воскликнул Джерри. — Давайте-ка поставим сырит-излучатель вон на ту тележку и отвезем его к стене.

Так друзья и сделали. Когда они пересекали внутренний двор, через распахнутые ворота в форт вбежала Салли. Ворота за ее спиной тотчас захлопнулись, и преследовавшие ее по пятам гарниши остались с носом.

— Слава Богу, я их вовремя заметила, — сообщила Салли, тяжело дыша. — Всю дорогу от самолета пробежала единым духом. Ну, что скажете, как я выгляжу?

Она кокетливо повернулась. В шортах и цветастой блузке, скроенных на скорую руку из футбольной формы, выглядела она неотразимо, но друзья, даже не взглянув на нее, пробежали мимо.

— Только о себе и думают, на столь важный вопрос не ответили! — Салли раздосадованно топнула ножкой. — А, что с них возьмешь? Одно слово — мужчины!

Друзья подкатили тележку к стене, перетащили сырит-излучатель к бойнице. Из-за холмов уже выкатилось более сотни бронированных повозок и прибывали все новые. Пока американцы настраивали прибор, ормолу не на жизнь, а на смерть дрались с превосходя-

щими силами противника. У соседней бойницы вовсю работал магнитный бомбомет. Ормолу один за другим заряжали в казенную часть ядра из смеси застывшего дегтя и кусков железа, а перед самым выстрелом втыкали горящий запал. В стволе было множество электромагнитов, которые, включаясь последовательно, притягивали металлические части ядра. Ядро с чудовищной скоростью выскакивало из жерла бомбомета. Пролетев несколько сотен футов и ударившись о землю, оно ослепительно вспыхивало, смертоносным дождем разлеталось в разные стороны железное крошево.

Использовали ормолу против гарниши и другое оружие. Например, катапульты. С полдюжины физически сильных солдат оттягивали У-образную стрелу, прикрепленную к станине резиноподобным материалом. На конце стрелы в кожаное седло устанавливалась здоровенная бомба с зажженным запалом. Солдаты разжимали руки, и бомба летела в стан врага. Кроме столь экзотического вооружения у ормолу были и очень похожие на земные пушки и винтовки, которые также несли смерть врагу. А враг подступал все ближе и ближе...

— Готово! — воскликнул Джерри.

— Поспешите! — закричал ближайший артиллерист. — Гарниши у ворот, если к ним подоспеет подкрепление, мы покойники.

— Не подоспеет, — пробормотал Джерри, нажимая кнопку.

В то же мгновение исчез целый батальон атакующих повозок: на песке виднелись следы шин, в воздухе кружились клубы пыли, а сами повозки растаяли! У обороняющихся вырвался крик восторга.

— Вода плеснула так, что даже здесь было слышно, — пошутил Джерри, и приятели дружно рассмеялись.

Остальных нападавших постигла та же участь, и битва была выиграна за одну минуту. Оказалось, что топливо в баках повозок гарниши по химическому составу весьма схоже с авиационным горючим. Опьяненные победой друзья погрузили сырит-излучатель на борт «Плисантвильского орла», быстренько заделали дыру в крыле, заправили баки трофейным горючим и подняли самолет в воздух.

— Летим туда, — Стейджен-Стербен, взяв на себя роль гида, ткнул пальцем на север. — Мне кажется, стоит поднять ваш замечательный корабль над облаками, чтобы его не сбили проклятые гарниши. — Он взглянул в иллюминатор и, увидев внизу облака, довольно кивнул: — Я сейчас в прямом телепатическом контакте с нашими наблюдателями на линии фронта, которые сообщают о том, что там происходит. Скоро мы окажемся над позициями врага. — Он выждал с десятков секунд. — Приготовьтесь! Форт, что прямо под нами, две тысячи лет назад остановил продвижение наших войск... Давайте! — Стейджен-Стербен заворуженно переводил взгляд с пальца Джерри, нажимающего кнопку сырит-излучателя, на иллюминатор и обратно. — Ура! Нет больше ненавистного форта!.. Если вы готовы, под нами сорокатысячная армия гарниши, сконцентрированная здесь для наступления... Давайте! Жмите!

Так и пошло. Стейджен-Стербен указывал на сосредоточение врага, а Джерри жал на кнопку. Через несколько часов такой работы у Джерри распух указательный палец, и за сырит-излучатель уселся Чак. К вечеру была уничтожена почти вся армия врага, и длившаяся десять тысяч лет война была победоносно выиграна ормолу. В баках «Боинга» оставалось совсем немного топлива, и приятели повернули назад. Утомленный Стейджен-Стербен мысленно связался с фортом и, сообщив, что там их ждут всеобщее ликование и банкет, отбыл осматривать туалетное оборудование самолета.

— Сомневаюсь, что переживу еще один такой банкет, — прошептал Джон.

— Я тоже, — согласился Джерри.

— Да-а-а, тяжелое мероприятие, — пробормотал Чак. — Особенно после почти двух суток без еды и сна.

— Что правда, то правда, — подтвердил Джерри. — Последние дни нам было не до того. Как только вернемся в форт, попросим Салли, и она нам что-нибудь быстренько приготовит.

— Интересно, из чего? — поинтересовался голодный Джон. — Мы едой не запаслись, а у ормолу из пищи — только трава.

— Не беспокойся, — уверенно заявил Джерри. — Салли — молодчина, что-нибудь да придумает. К тому же она первоклассный повар.

Самолет приземлился перед самым заходом солнца, и приятели поспешили в форт.

— Стейджен-Стербен, мы удалимся на некоторое время, посмотрим, как там без нас Салли, — бросил Джерри. — Увидимся за праздничным столом.

— Конечно, конечно, но не задерживайтесь, вас с нетерпением ждут. Ведь сегодняшняя победа — величайшее событие за последние десять тысяч лет истории нашего народа. Ваши славные имена будут известны всем нашим потомкам, о ваших беспримерных подвигах будут сложены легенды.

— Да бросьте вы, — сказал Джерри, а Чак и Джон согласно закивали. — Мы простые американские парни, всегда помогаем друзьям. Но не ради почестей или наград! Нет, сэр! Такой уж у нас характер!

И друзья с гордо поднятыми головами устало прошли через зал для торжественных приемов и открыли дверь смежной комнаты, где, как они знали, их с нетерпением ожидает очаровательная Салли.

— Салли! — позвал Чак.

Ответом был сдавленный крик. В дверях друзья несколько замешкались, выясняя, кто пойдет первым. Вбежав в комнату одновременно, они увидели леденящую душу картину: в полу открыт секретный люк, и безобразные щупальца увлекают туда вопящую девушку, которую по крайней мере двое из них любили. Друзья кинулись к люку, но тот перед самыми их носами захлопнулся. Рутаясь и толкаясь, они тянули неподатливый металл, но безрезультатно. За этим занятием их и застал Стейджен-Стербен.

— Я услышал ваши отчаянные крики и тотчас пришел.

— Салли... — Чак судорожно глотнул. — Проклятая тварь утащила ее. Помогите открыть люк, мы мигом догоним гнусного похитителя и спасем нашу любимую.

Стейджен-Стербен, наморщив лоб, задумался. Через минуту, тяжело вздохнув, положил ладони на плечи всем трем друзьям, свободной же рукой махнул в отчаянии.

— Как ни прискорбно, ваши усилия напрасны, — печально заявил он.

— Почему?!

— Мы спасем ее!

— Мы откроем люк и...

— Люк-то вы, может, и откроете, но девушку уже не спасете. — В голосе Стейджена-Стербена явственно звучала скорбь. — Слишком поздно. Я непрерывно поддерживал с ней телепатический контакт, намереваясь помочь вам в преследовании, но... Ее мысли внезапно оборвались.

— Уж не хочешь ли ты сказать, что?..

— Как ни печально, но это именно так. Если бедное дитя не мыслит, то она мертва.

Глава 8

СТРАШНАЯ ТАЙНА РАСКРЫТА

В комнате надолго воцарилась гробовая тишина. Понимая чувства друзей, Стейджен-Стербен на цыпочках прокрался к двери и удалился.

— Она была отличной девчонкой, — наконец промолвил Чак.

— Лучше во всей Вселенной не сыщешь, — Джерри тяжело вздохнул.

— Давайте заправим самолет и поскорее отправимся домой, — предложил Чак.

— Хорошая идея, — поддержал приятеля Джерри.

И они ушли, а Джон, не без основания предположив, что им хочется побыть наедине, остался. Хотя знаком он с девушкой был всего два дня, но и для него потеря оказалась чрезвычайно болезненной. Погрузившись в невеселые думы, Джон принялся мерить комнату шагами и, проходя мимо закрытого люка, в сердцах пнул его ногой. Люк неожиданно открылся. Джон отскочил назад.

Что бы это значило? Опасность? Весьма вероятно. Но, невзирая на риск, лаз необходимо исследовать. А если его там поджидает скопище омерзительных гарниши? Что ж, тем лучше! Прежде чем до него доберутся, он прикончит столько, сколько сможет.

Вспомнив, что в соседней комнате арсенал, Джон поспешил туда. Вернувшись с тяжелым мечом в руке, подкрался к зияющей в полу дыре и, недолго думая, нырнул в темноту. Приземлился на полусогнутых. Выпрямился, и тут же сильнейший удар по темечку послал его в небытие.

Как долго пробыл Джон без сознания, неизвестно. Очнулся он в крошечной тьме, голова от боли раскалывалась на части. В воздухе стояло омерзительное злое, и Джон сразу сообразил, что угодил в щупальца ненавистных гарниши. Кто же еще, кроме них, так омерзительно воняет?! Они вокрут, совсем близко, невидимые подкрадываются к нему. Почувствовав прикосновение к лицу скользкого щупальца, Джон, не раздумывая, выбросил вперед сжатый кулак. Кулак угодил во что-то твердое, раздался пронзительный, похожий на девичий крик.

Вспыхнул свет. Самые худшие опасения Джона подтвердились: его окружали проклятые гарниши! Но не только они. Рядом стояла и потирала ушибленный глаз Салли Гудфеллау. Это она, оказывается, погладила его по щеке, а в ответ получила кулаком.

— Так ты... ты жива!? — выдавил Джон.

— Как видишь, но вовсе не благодаря твоим стараниям. Почему ты пытался убить меня?

— Я думал, это монстр.

— Я — монстр?

— Мы были уверены, что тебя нет в живых. Стейджен-Стербен так нам сказал.

— Поганец С. С. наврал вам с три короба, а вы, простачки, и развесили уши. Теперь слушай правду...

— Нет, ты слушай. Я только что обнаружил под собой свой меч. Как только сосчитаю до трех, прыгай в сторону, а я уложу всех этих уродов. Раз, два...

— Нет, нет, подожди, выслушай меня.

Салли быстро подскочила к нему и схватила ручку меча, да так крепко, что, как Джон ни силился, вытащить его из-под себя он не смог, а подоспевшие гарниши в секунду обезоружили его.

— Ты... Ты... предатель человеческого рода и заслуживаешь...

— Я сказала — слушай, а не надрывай понапрасну глотку.

— Ви намирини раськазить иму все? — заметно смущаясь, спросил гарниши с лампой в щупальце. Смущался он, видимо, оттого, что рот у него находился между ногами, как раз там, где у уважающего себя человека находится известно что.

— Я расскажу ему, Слаг-Тогат, но пусть твои ребята держат его покрепче. Одного «фонаря» на сегодня мне более чем достаточно.

— Почему ты?..

— Заткнись и слушай. Стейджен-Стербен и его дружки не более чем стадо баранов, которые вот уже десять тысяч лет пытаются отнять планету у ее законных владельцев, гарниши.

— И кто тебе скормил подобный бред?

— Я, юноша, — ответил Слаг-Тогат. — Будь добр, выслушай умную леди и впредь не перебивай ее, а иначе мы завяжем тебе рот грязной вонючей тряпкой.

— Как скажешь, — сказал Джон, с трудом подавляя неприязнь. — Но, по-моему, твои манеры, не говоря уж о запахе, оставляют желать лучшего, а твой английский безобразен. Язык ты, наверно, выучил по радио?

— Так уж случилось, что именно по радио. Наши чувствительные радиоприемники вот уже годы принимают ваши передачи. Такие, например, как «Сиротка Анна», «Би-би-си», «Маяк», «Независимая Радиокompания Трансильвании», «Олененок Роджер» и другие. Мы посылали вам по радио послания, но ответа не получили, видимо, всему виной помехи ваших передатчиков.

Понимая, что ему попросту морочат голову, Джон, насколько позволяли держащие его щупальца, расслабился и принялся слушать Салли.

— Прежде всего, — сказала она, — что бы ни говорили ормолу, они непрерывно копались в наших мозгах. Гарниши огрели тебя по голове и на время отключили твое сознание, чтобы враги решили, что ты убит. Пока ты был в отключке, на твою голову, как прежде на мою, гарниши надели мозговой щит, и теперь наши мысли невозможно прочитать. Вот, посмотри. — Салли подошла к свету и наклонила голову. Джон заметил у нее на затылке напоминающую ермолку шапочку из золотых проводов и, пощупав собственную голову, обнаружил точно такую же. — Как только мои мысли были экранированы, Слаг-Тогат рассказал

мне со всеми мрачными подробностями историю своей планеты. Эволюция на Домите породила лишь один вид разумных существ — гарниши. Раса гарниши на миллионы лет старше человечества, и они намного обогнали нас в науках, искусствах и прочем. Государство у них истинно демократическое, каждый штат прямым голосованием избирает главу. Слаг-Тогат — премьер-министр единого всепланетного государства. У гарниши есть двухпалатный конгресс, Верховный и Конституционный суды, прогрессирующий подоходный налог и прочие атрибуты истинной демократии. Многие века Домит был раем в нашем понимании, но десять тысяч лет назад на планету явились лортоной и начали захватническую войну.

— Явились кто?

— Лортоной.

— А, понятно. Так и думал, что ты вспомнишь о лортоной. Хотя мне казалось, что гарниши воюют с ормолу.

— Ормолу — всего лишь прирученные животные, домашний скот, вроде наших коров. Лортоной используют их в своих дьявольских планах, подчинив своей воле их разум.

— Да, такая версия дает логичное объяснение их вегетарианской диете... Постой, но мы же своими глазами видели фильм о зверствах гарниши.

— А, фильм... — вступил Слаг-Тогат. — Его действительно много лет назад снимали гарниши. Тот фильм — учебное пособие для школы мясников, в нем наглядно показано, как разделывать туши ормолу на отбивные, бифштексы и прочее. А теперь молчи и слушай юную леди.

— Спасибо, Слаг-Тогат, — Салли благодарно кивнула. — Так на чем я остановилась? Ах, да... Десять тысяч лет назад на Домит прилетели лортоной и сразу же попытались использовать разум гарниши, сделать их своими рабами. Дело в том, что собственной науки лортоной не имеют, а пользуются передовыми технологиями поработанных ими рас, так же как и их руками и разумом. Гарниши бесстрашно вступили с агрессорами в схватку, их невоспетые пока гении изобрели мозговые щиты, и теперь все гарниши с самого рождения носят их.

— Гарниши носят мозговые щиты? — удивился Джон. — Интересно, как это у них получается, ведь у гарниши нет голов и в помине.

— Гарниши прикрывают экраном мозги, а мозг у них находится не в голове, как у нас, а в левой ноге, — Салли одарила Джона снисходительной улыбкой, какой взрослые обычно одаривают ребенка-идиота. Джон оглядел гарниши. Действительно, на левой ноге каждого красовался мозговой щит. — Защитив мозг, гарниши нанесли сокрушительный ответный удар и непременно покарали бы захватчиков, но те в своем секретном штабе, быстро сориентировавшись, взяли под ментальный контроль всех ормолу. Ормолу обычно миролюбивы, разум у них как у овец, но ими на расстоянии управляли нечестивые лортонои. Подчиняясь приказам агрессоров, ормолу убили многих ковбоев и фермеров, вырвались из загонов и со скотных дворов и ринулись в города. Там они объединились в армии и теперь либо бьются с прежними хозяевами, либо, не разгибая спин, работают на захваченных фабриках и заводах.

Несколько минут Джон переваривал полученную информацию, а переварив, принял историческое решение.

— Все, что ты, Салли, сказала, звучит весьма правдоподобно. Мне и самому показалось, что ормолу ненавязчиво выведывают у нас секрет сырит-излучателя... И тогда выходит, что Чаку и Джерри грозит смертельная опасность!.. Но, видишь ли, я не верю, уж извини, как ты, всему на слово и, прежде чем вяжусь в заварушку на стороне гарниши, должен иметь неопровержимые доказательства их версии. Одно дело убедить бесхитростную симпатичную девчушку, совсем другое...

— Бесхитростную симпатичную девчушку?! Ну спасибо, удружил! Да если хочешь знать, недавно мне присвоили степень бакалавра гуманитарных наук, а специализируюсь я в столь сложной и запутанной науке, как международная экономика!

— ...совсем другое — человека с моей подготовкой в таких отраслях знаний, как разведка и контрразведка, стратегия и тактика, хирургия мозга, ректоскопия, коды и шифры и многих других. К тому же я знаток всех кухонь мира и беспощадный убийца!

Слаг-Тогат махал щупальцами все быстрее и быстрее.

— Как по-твоему, товарищ, взмахи щупальцами сойдут за согласие?... Или, может, вас называть мистером?

— Друзья зовут меня просто Джон... Но только друзья.

— Мы отчаянно желаем твоей дружбы, вскоре называемый Джон. Пойдем, я продемонстрирую тебе неопровержимые доказательства.

Последовав за Слаг-Тогатом по лабиринту туннелей, Джон оказался в тускло освещенной комнатенке со стеклянной стеной.

— Пожалуйста, тише, — предостерег его Слаг-Тогат. — Нас могут услышать, но не увидеть: стекло прозрачно лишь в одну сторону. Взгляни, там несколько ормолу, недавно взятых нами в плен.

Джон взглянул, и от увиденного у него отвисла челюсть. Ормолу либо бесцельно бродили по вольеру, либо ели траву из кормушек — все на всех шести конечностях, взгляды бессмысленны. Вдруг ближайший ормолу замычал, остальные подхватили — по звукам ни дать ни взять ферма где-нибудь на дальнем западе перед вечерней дойкой.

— Что это с ними? — недоуменно спросил Джон.

— Смотри внимательней, — Слаг-Тогат махнул сразу несколькими щупальцами. — На каждом — экран, так что лортоной их мозгами не управляют. А сейчас ты станешь свидетелем небольшого эксперимента; с одного из наших пленников мы снимем мозговой щит. Укажи, какой тебе больше приглянулся.

— Твои слова мне все больше кажутся похожими на правду. Хорошо, пусть будет вон тот, у кормушки, — Джон ткнул пальцем в стекло.

Из-под потолка опустилась металлическая рука, ловкие захваты подцепили щит и молниеносно сняли его с головы выбранного Джоном ормолу. Ормолу в ту же секунду поднялся на ноги, выплюнул траву, огляделся. Его прежде бессмысленные глаза сияли дьявольским огнем. В дальнем конце вольера стояла подставка с мечами. Ормолу одним прыжком оказался рядом и схватил самый большой меч.

— Положи меч и сдавайся, — обратился к нему Слаг-Тогат. — Если не сдашься, мы приведем в негодность тело ормолу, которым ты сейчас овладел.

— Что мне за дело до коровьей туши?! — вскричало чудовище и, подняв меч, кинулось к стеклянной

стене. — Я лортоной, и вам, гарниши, меня не убить. Но вот вас я убить могу, и не останавлиюсь, пока не уничтожу всех до единого...

— Достаточно, — сказал Слаг-Тогат.

Тут же из-под потолка вновь спустилась металлическая рука и проворно накинута на голову ормолу мозговой щит. Ормолу выронил из «руки» меч, опустился на все шесть, громко мыча, вернулся к кормушке и вновь набил рот травой.

Джон видел достаточно и теперь верил каждому слову Слаг-Тогата.

— Слаг-Тогат, ты убедил меня, я увидел вполне достаточно. Пожмем же в знак примирения руки. — И они пожали руки, вернее щупальце пожало руку, а рука — щупальце. — С этой минуты мы союзники. Собирай скорее свою команду, и мы покажем проклятым ормолу и лортоной где раки зимуют!

— Прозрачно намекну, что главное достоинство храбрости — осторожность, — прозрачно намекнул Слаг-Тогат. — Начнем с самого важного сейчас — захватим сырит-излучатель. Ты знаешь, как он выглядит и где находится. Поэтому сделаем так: мы отвлечем ормолу, выскочив из туннелей и дав бой в форте, ты же доберешься до «Плисантвильского орла», схватишь излучатель и назад. У нас только одна попытка, так что не упусти эту возможность.

— Одна попытка? Почему? Ведь даже если я погибну, вы...

— Вы, земляне, за день уничтожили девяносто девять и девять десятых процента гарниши. Все наши уцелевшие воины сейчас здесь, в туннелях, готовятся к атаке, в домах остались только калеки и дети.

— Мне очень жаль, что так получилось.

— Нам жаль гораздо больше, но что сделано, то сделано. К тому же для нас еще не все потеряно, и если мы победим ненавистных лортоной, то численность нашей расы через тысячу лет восстановится. А сейчас за работу! Снаружи уже достаточно стемнело, мы проведем тебя через лабиринт туннелей к лазу, который выходит на поверхность рядом с вашей летающей повозкой. Помни: на твоей голове мозговой щит, и для лортоной ты невидим, но, если тебя заметит один из их рабов, в охоту на тебя включатся все ормолу до

единого. Так что не зевай, смело входи в штрафную площадку и бей в девятку!

— Ты, наверно, часто слушал по радио футбольные репортажи?

— Слишком часто. Пошли же! Да, чуть не забыл. Возьми два мозговых щита для своих друзей и сунь в карман вот этот радиопередатчик, а как только излучатель окажется у тебя, нажми кнопку с надписью «apritzheg», что по-английски приблизительно означает «Все в полном порядке».

— Я не могу прочитать ваши каракули.

— Досадно. Тогда запомни: нужная тебе кнопка красного цвета.

— Запомнил. Пошли.

— Удачи! — закричала Салли. — Помни: судьба мира, а возможно, и всей Вселенной в твоих руках! Не подкачай!

Горячо пожав руку девушке, Джон пошел за Слаг-Тогатом. На своих толстых, с виду неуклюжих ногах-колоннах гарниши двигались удивительно проворно, и Джон едва за ними поспевал. Наконец туннель кончился глухой стеной.

— Потушите свет, — распорядился Слаг-Тогат, — мы прибыли. Между нами и поверхностью только фут почвы. Мои воины в минуту выкопают дыру и помогут тебе выбраться. Помни: ты наша последняя надежда!

Солдаты-гарниши сноровисто заработали лопатками, с шумом посыпались песок и куски глины, наверху появилась и быстро расширилась дыра, в которую были видны звезды на безоблачном ночном небе. Сильные щупальца подсадили Джона, и он вылез на поверхность. Осмотрелся. Он находился в неглубоком овраге. Осторожно поднявшись на ноги, Джон высунулся над краем оврага. Невдалеке светился огнями форт, рядом стоял «Плисантвильский орел». Джон пополз к самолету, укрываясь за любым буторком, за любым холмиком. Он полз и улыбался. То-то обрадуются друзья, узнав, что Салли жива! Ему обеспечен самый теплый прием! Оказавшись у люка самолета, Джон огляделся. Вокруг ни души. Джон молниеносно поднялся по трапу и заспешил через салон к пилотской кабине. Дверь кабины распахнулась, навстречу вышел Чак с сырит-излучателем под мышкой.

— Чак! — радостно закричал Джон. — У меня такие новости!.. Да положи ты излучатель, а то, чего доброго, уронишь и разобьешь.

— Да, — равнодушно сказал Чак, кладя излучатель на пол.

Бедняга, видно, еще не оправился после известия о гибели Салли. То-то сейчас удивится!

— А теперь слушай, парень. Новость касается Сал... — Джон не договорил, увидев перекошенное гримасой злобы лицо Чака, а в руках его автомат. — Эй, ты что? Чак, что с тобой?

— Со мной все о'кей, а тебя, грязная инопланетная свинья, я сейчас прикончу!

На Джона уставилось черное дуло автомата. В следующую секунду грянул оглушительный выстрел, и Джон провалился в пустоту.

Глава 9

ПОСЛЕДНЯЯ БИТВА... А МОЖЕТ, И НЕ ПОСЛЕДНЯЯ

Джон медленно приходил в себя. Голова болела так, будто ее вдребезги разнесли гигантским молотом, а потом кое-как склеили, перепутав кусочки. Какое-то время Джон лежал абсолютно неподвижно. Наконец с величайшим трудом он открыл левый глаз, затем правый. Над ним был потолок салона самолета. Выходило, что лежит он в проходе, лицом вверх. Поколебавшись, Джон негнувшимися пальцами притронулся к затылку. От прикосновения голова заболела еще сильнее. Джон поднес пальцы к лицу. Кровь. «Видимо, застрелен наповал!» — подумал он, но, поразмыслив малость, сообразил, что жив и даже не парализован. Значит, по крайней мере одна пуля пропахала по его черепу, содрав кусок кожи и оглушив его. Джон еще раз осторожно коснулся затылка. Точно, пулевого отверстия нет, и кость вроде целая...

Пуля! Джон вдруг вспомнил последние события во всех подробностях. По непонятным причинам Чак выстрелил в него и, прихватив сырит-излучатель, убежал. Застонав, Джон вытащил из кармана передатчик. Красная кнопка означала, что у него все в порядке, поэтому он принялся нажимать подряд на все остальные, сигнализируя, что операция провалилась.

Внезапно он осознал, что давно уже слышит леденящий душу скрип и гортанный вой. В ту же секунду, забыв о боли в голове, Джон оказался на ногах; тело само собой заняло защитную стойку дзюдо, глаза напряженно высматривали опасность. Жуткая какофония неслась из пилотской кабины, и Джон, по-боксерски прикрывая кулаками нижнюю челюсть, на цыпочках подошел к распахнутой двери. Заглянув внутрь, он непроизвольно открыл рот и на минуту даже позабыл о защите.

Удивиться действительно было чему: посреди кабины на спине лежал Джерри Кортени и извивался, как змея, глаза его были закрыты, кулаки сжаты, из глотки вырывался собачий вой. Целую минуту Джон в недоумении смотрел на друга, пока наконец в извилинах его травмированного мозга не зародилась догадка.

— Лортонои! Вот кто виноват!

Вытащив из кармана мозговой щит, Джон склонился над Джерри и, изловчившись, надел на голову друга хитроумный прибор гарниши. Результат превзошел самые смелые ожидания: Джерри мгновенно прекратил корчиться и выть, его тело расслабилось, взгляд приобрел осмысленное выражение, на посиневших губах заиграла улыбка.

— О-о-о! — выдохнул он. — Наконец-то кошмар кончился.

— Кто-то забрался тебе под черепушку и пытался овладеть разумом? — поинтересовался Джон.

— А котелок у тебя, братишка, как я погляжу, варит. Коварные ментальные щупальца страшной внеземной формы жизни пытались подчинить себе мое тело, но я вступил с ними в бой. Это была битва, скажу я тебе! Выкинуть их из башки я не мог, но и им меня было не одолеть. Тогда они заставили меня лечь на пол и закрыть глаза. Я подчинился, но продолжал борьбу. Прошла вечность, и вдруг их атака кончилась, я снова оказался свободен!

— Это я надел тебе на голову мозговой щит. Теперь они до тебя нипочем не доберутся.

— Очень любезно, Джон, с твоей стороны. Кстати, не скажешь ли, где ты раздобыл эту самую штуковину, мозговой щит?

— Это длинная история, и вначале я...

— Смерть чужакам! — закричал вдруг Джерри, вскакивая на ноги. — Да здравствует звездно-полосатый!

Схватив сварочную горелку, он ловко зажег ее и бросился на входящих в кабину гарниши. Когда он пробежал мимо, Джон нанес ему подряд два каратистских удара: один по запястью правой руки, другой — по почкам. Горелка выпала из ослабевших пальцев Джерри, а сам он растянулся на полу.

— Предатель! — взревел он с ненавистью.

Джон нагнулся, выключил горелку, затем двумя легкими ударами парализовал тянувшиеся к его горлу руки приятеля и, получив таким образом возможность говорить без помех, приступил к объяснению:

— История, которую я пытаюсь тебе рассказать, длинная и запутанная, но, по крайней мере частично, счастливая. Вон, гляди, кто пришел оказать тебе первую помощь.

— Салли! Снова живая!!! — заорал Джерри, увидев проталкивающуюся сквозь толпу гарниши девушку. — Вот уж чудо так чудо!

Салли нежно обняла Джерри, и они поцеловались. Джон к этому времени был, как и его приятели, по уши влюблен в прелестную девушку. Одолев приступ ревности, он отвел взгляд и встретился глазами со Слаг-Тогатом, который привел своих пахучих соплеменников в самолет.

— Полагаю, произошло следующее, — сообщил Джон премьер-министру. — Перестав улавливать мысли мои и Салли, лортоной насторожились, а поразмыслив малость, наделали в штаны и решили, пока не поздно, рвать когти.

— А какое отношение к делу имеют штаны и когти? — удивился Слаг-Тогат.

— Будь добр, заткнись и выслушай меня. Испугавшись, что их темные замыслы раскрыты, лортоной мысленно напали на Джерри и Чака. Джерри боролся всеми фибрами души, и им удалось лишь уложить его на пол, выключив, таким образом, на время из игры. Не знаю уж как, но разумом Чака они овладели. Подчиняясь их гнусным приказам, он схватил сырит-излучатель и бежал. При моем появлении Чаку велели стрелять, и он выстрелил. Чак — отличный стрелок, и с трех метров промазать никак не мог. Но я жив, следовательно,

он не полностью потерял контроль над своим мозгом и пустил пулю выше. — Потрогав затылок, Джон поморщился. — Увидев, что я упал, он бежал с излучателем. У меня теперь к вам вопрос, вы уж извините. Долго мы будем еще стоять и чесать языками? Когда наконец отправимся на выручку Чаку?

Слаг-Тогат тут же подал щупальцем знак и принялся выкрикивать в рацию, которую держал двумя щупальцами, непонятные приказы на своем инопланетном карающем языке, а его команда, грохоча ножищами, бросилась к выходу.

— Атака начата, — повернувшись, сообщил премьер-министр приятелям по-английски. — Мы бросили все оставшиеся у нас силы на штурм форта. Молитесь Великому Какодилиу, чтобы мы взяли форт, прежде чем прибудет подкрепление ормолу.

— Позвольте мне пожать ваше мужественное щупальце, — воскликнул Джерри, полностью оправившийся после атаки коварных лортоной на его мозг и последовавшей затем беседы с Джоном. — Салли мне все рассказала, и я рад, что воюю теперь на правой стороне. Я, конечно, сожалею, что так получилось... Ну, вы понимаете... Мы, не разобравшись, уничтожили почти всю вашу древнюю благородную расу...

— Чего уж там, будем считать это превратностями войны. — Рация в щупальце Слаг-Тогата заблела и закаркала. — А, вот и сообщение! Атака идет успешно, стены в десятках мест пробиты, наши внутри форта, хотя, конечно, имеются потери с обеих сторон. Подождите! Что это?... Передовой отряд докладывает, что обнаружил неизвестную, по виду крайне омерзительную жизненную форму... Должно быть, речь идет о вашем друге, Чаке, если не ошибаюсь... Наши преследуют его... Он совсем близко... Он бежал! — Слаг-Тогат ткнул дрожащими щупальцами в иллюминатор. — Он улетает!

Земляне бросились к иллюминатору. Их взорам предстало поле битвы. Половина форта лежит в руинах, другая половина объята пламенем, вокруг обломки военной техники, повсюду тела — союзников и врагов вперемежку. Из руин медленно поднимается летательный аппарат — паровой махолет, из труб хлещут клубы дыма, по сторонам черного обтекаемого корпуса бьются четыре пары огромных серых крыльев. Стран-

ный аппарат снизу освещают яркие лучи прожекторов гарниши, вокруг него рвутся снаряды, но он, чудом уцелев, набирает высоту и с нарастающей скоростью устремляется к горизонту.

— Всем занять кресла и пристегнуться ремнями! — закричал Джерри, садясь в кресло пилота. — Мы его догоним.

Едва все расселись, как взвыли турбины, и огромный семьсот сорок седьмой, пробежав по песку, взмыл в воздух.

— Вижу махолет на экране радара, — доложил Джон. — Похоже, он держит курс точно на север.

— Этого я и опасался, — мрачно пробормотал Слаг-Тогат, но разъяснений не дал.

— Мы его быстро догоним, — уверенно заявил Джерри. — Махолету не по силам тягаться в скорости с нашей «малюткой» — «Боингом».

Но предсказанию Джерри не суждено было сбыться. Как только махолет набрал необходимую высоту и скорость, взвыли встроенные в его корпус прямоточные воздушно-реактивные двигатели, крылья отвалились, и он понесся на север со скоростью около десяти махов *. Семьсот сорок седьмой продолжал преследование на полной скорости, но чужое воздушное судно догнать не мог, и постепенно оно переместилось на самый край радарного экрана.

— Рано или поздно он приземлится, — мрачно заметил Джерри, — тогда-то мы его, голубчика, и схватим.

Гонка продолжалась. Рассвело, и махолет темным пятнышком виднелся на фоне вечных снегов, над которыми теперь пролетал «Боинг».

— Какого черта его понесло на Северный полюс? — задумчиво пробормотал Джерри. — Разве там кто-нибудь живет?

— Считается, что нет, — ответил Слаг-Тогат. — Но на этот счет у нас есть некоторые сомнения. Многие столетия мы искали секретную базу, откуда лортоной посылают свои мысленные приказы. Мы прочесали один регион планеты за другим и теперь понимаем, что, как говорят у вас, нас все эти годы морочили за нос...

* М а х — скорость звука. (Примеч. перев.)

— Морочили голову, — поправил гарниши Джерри. — У нас говорят: морочили голову или водили за нос.

— Многие годы нам водили голову...

— Водили за нос или морочили...

— Молодой человек, может, я закончу свой рассказ, а урок грамматики вашего проклятого языка мы отложим до лучших времен? — раздраженно перебил землянина Слаг-Тогат, несомненно вымотанный событиями последних часов и раздосадованный истреблением большей части его древней расы. — Лет пятьдесят назад мы пришли к заключению, что база лортоной находится вблизи Северного полюса, где-то в районе потухшего вулкана Маунт Криско, и уже начали приготовления к секретной атаке на штаб врага, но...

— Аппарат врага уменьшил скорость и начал снижение, — закричал Джон, наблюдающий за экраном радара. — Похоже, он направляется к той большущей горе, которая очень смахивает на потухший вулкан.

— Маунт Криско, — горестно сообщил Слаг-Тогат. — Как мы и подозревали.

— Он разобьется! — закричала Салли, видя, что реактивный махолет летит прямо на гору.

— Если бы... — Слаг-Тогат тяжело вздохнул. — Если бы летательный аппарат врезался в гору и взорвался, то излучатель не попал бы лортоной в руки... Хотя неизвестно, есть ли у проклятых тварей руки... Нет, о столь счастливом конце и мечтать не приходится.

— Но там же Чак! — возмутилась Салли.

— Понимаю, гибель вашего товарища причинила бы вам горе, но ваше горе было бы ничем по сравнению с моим горем, горем гарниши, потерявшего в один день всех своих близких и друзей... Но не волнуйтесь, он не разобьется.

И правда, за секунду до столкновения огромная плита в склоне вулкана отошла в сторону, и реактивный махолет влетел в открывшийся провал. Семьсот сорок седьмой попытался последовать за ним, но секретный вход закрылся, и Джерри избежал столкновения, лишь заложив в последнюю секунду крутой вираж.

— Посажу самолет вон на том ледяном поле, — сказал он. — Мы проникнем в берлогу врага и вызволим Чака.

Меж тем Салли, чья красота несколько пострадала во время последнего похищения, решила привести свою внешность в порядок. Для начала она достала из сумочки расческу и, недолго думая, сняла с головы мозговой щит. Через мгновение она изменилась до неузнаваемости: лицо искажено злобной гримасой, рот перекошен дьявольской ухмылкой, пальцы сгибаются и разгибаются, точно когти разгневанной кошки. Бочком, бочком она пересекла кабину и схватила автомат.

— Вам всем крышка! — заорала она, щелкнув предохранителем. — Полюбуйтесь: в моих руках ваша смерть. Смотрите, смотрите, а я, прежде чем нажму на курок и проклятый самолет со всеми вами на борту врежется в ледяную арктическую пустыню, наслажусь вашим ужасом.

— Салли! — закричал Джерри, переключая управление самолетом на автопилот. — Ты с ума сошла?

— К сожалению, нет, — Слаг-Тогат вытянул щупальце и придержал Джерри. — Ваша подруга, должно быть, потеряла мозговой щит, и теперь с нами говорит не она, а лортонои, по голосу — один из моих старых недругов. Немало попортил он мне крови-сока.

— Весьма верно замечено, свинья-гарниши! — Салли засмеялась. Смех был резким, неприятным, наверно оттого, что смеялась не она, а существо, овладевшее ее голосовыми связками, как, впрочем, и всем телом. — Но скоро ты перестанешь и думать, и замечать. У нас в руках секрет сырит-излучателя, и ваша второсортная планета нам больше не нужна. Теперь нам принадлежит вся Галактика!

С этими словами она нажала на курок, в кабине оглушительно загрохотало. Но, как ни была она проворна, Слаг-Тогат действовал быстрее. В мгновение ока его древовидное тело оказалось на пути пуль, а через секунду он выбил оружие из рук Салли, ее же самую обвил щупальцами.

— Вы ранены! — закричал Джерри. — В вас попало не меньше дюжины пуль.

— О моем здоровье, пожалуйста, не беспокойтесь. Мы, гарниши, весьма выносливы и почти пуленепробиваемы, а те несколько пуль, которые все-таки пробили мою шкуру-кору, в несколько дней растворятся внутри меня, не причинив ощутимого вреда.

— Все равно вы проиграли! — захрипела Салли и дико расхохоталась.

— О чем это она? Почему мы проиграли?

— Лортоной покидают нашу планету, прихватив с собой самый важный в Галактике секрет, — Слаг-Тогат ткнул одним из своих щупальцев в иллюминатор. — Теперь они не остановятся, пока не покорят всю Галактику.

За иллюминатором уже вовсю грохотал вулкан, извергая языки пламени и клубы ядовитого дыма. Вслед за огнем и дымом из жерла поднялся космический корабль и, пронзительно заывая турбинами, устремился в небо. Вскоре корабль превратился в крошечное пятнышко, а затем и вовсе скрылся из глаз.

— Проклятые лортоной сбежали, — подвел печальный итог Джон.

— Да. Теперь их не остановишь, — Слаг-Тогат тяжело вздохнул, и его щупальца повисли безжизненными плетью вдоль тела-ствола.

Салли без сознания упала на пол, а Джон тотчас надел ей на голову мозговой щит.

— Не вешайте носы, ребята, — подбодрил всех Джерри. — Проклятые твари не причинят Чаку вреда... Во всяком случае, пока он представляет для них интерес. Мы отправимся за ними в погоню, а настигнув, освободим друга и отберем у них сырит-излучатель. Они еще пожалеют, что родились на свет.

— Да? И на чем же мы отправимся за ними в погоню? — поинтересовался Джон.

— Да на нашем старом добром хищнике, «Глисантвильском орле», — Джерри любовно похлопал по штурвалу. — Он налетал в космосе уже немало часов, не подведет нас и теперь. Мы лишь слегка переделаем его, чтобы годился для полетов как в атмосфере, так и в вакууме, затем соберем новый сырит-излучатель и в путь!

— Отличная идея! — Джон слегка приподнял правую бровь. — Только вот как ты намерен построить сырит-излучатель?

— Да проще простого. Возьму кусочек сыра «Ван Чивер Чедер», помещу его в синхро... — Джерри умолк на полуслове.

— Классно придумано, приятель! — сказал Джон с нескрываемой иронией. — Для полного счастья нам не

хватает всего лишь кусочка сыра определенного сорта. Одна загвоздка: сыр остался дома, и без сырит-излучателя туда не попасть, а для его постройки нужен сыр, оставшийся на Земле. Я правильно понимаю проблему? — Джон вопросительно взглянул на Джерри. Тот подавленно молчал, и Джон закончил свою мысль: — В моем обширном англо-немецко-русском словаре есть выражение, точно описывающее ситуацию, в которую мы угодили. По уши в дерьме. Вот как оно звучит!

Глава 10

ПОДГОТОВКА И НАЧАЛО ВЕЛИЧАЙШЕГО КРЕСТОВОГО ПОХОДА

В кабине повисла тягостная тишина. Состояние героев в такие минуты обычно характеризуют как граничащее с глубокой депрессией. Обычно характеризуют, но для Джона и Джерри этот термин не подходит, ведь в них еще жила надежда, а там, где есть надежда, как известно, есть жизнь. Острый ум Джерри принялся искать выход из, казалось бы, безвыходного положения, и через несколько секунд решение было найдено.

— Есть! — воскликнул он, победно щелкнув пальцами. — Собираясь в дорогу, мы полагали, что вернемся часа через два. Ха-ха-ха! До чего же мало мы тогда знали... Вот я и вспомнил, что Чак — сама предусмотрительность — приготовил несколько сэндвичей.

— С чем были сэндвичи?! — хрипло спросил Джон.

— Вот в чем вопрос. Сэндвичи готовил Чак, а с чем уж... — Джерри пожал плечами. — Я помню только, что он ненадолго ушел и вернулся уже со свертком, однако, зная старину Чака, плененного сейчас мерзкими дьяволами, но все равно оставшегося нашим другом, полагаю, что сэндвичи были либо с колбасой салями... либо... с сыром «Ван Чивер Чедер»!

— Сомневаюсь, что построить колбасит-излучатель по силам даже таким талантливым ребятам, как мы с

тобой, — сказал Джон. — Но, если все же сэндвичи с сыром и если их еще не съели... Ну, тогда у нас есть шанс. Пойдем на кухню, взглянем!

Джон кинулся через весь огромный самолет к кухне, Джерри не отставал от него ни на шаг. Салли, чьего ухода они не заметили, стояла у буфетной стойки и слизывала с пальчиков крошки, на стойке перед ней лежала измятая промасленная бумага.

— Довольно жирные и к тому же несвежие, — объявила она. — Но, если вспомнить, когда я ела в последний раз... то, что ж, вполне съедобно.

— Ты съела сэндвичи? — взревел Джерри. Салли кивнула. — Ты съела их все?!

Еще кивок, и напряженная тишина, которую нарушил сдавленный голос Джона:

— С чем они были?

— С сыром, с чем же еще. — Салли деликатно рыгнула в кулачок. — Господи, и как только Чак умудряется есть такую гадость в таких количествах?.. Ребята, что с вами? Почему вы так хмуро на меня смотрите? Почему так настороженно приближаетесь?.. — Под недружелюбными взглядами она отступила на шаг. — Да, я съела сэндвичи и на вашу долю ничего не оставила. — Она выдавила улыбку. — Извините, я была голодна, но, по-моему, несколько несчастных сэндвичей не повод для ссоры...

— Несколько несчастных сэндвичей?! — заорал Джерри. — А знаешь ли ты, что сожрала весь сыр, имевшийся в радиусе четырех световых лет? А-а-а... — Джерри махнул рукой.

— Из сыра мы бы сделали сырит, из сырита — сырит-излучатель, а с его помощью враз спасли бы Галактику! — продолжил разъяснение Джон. — Теперь понимаешь, что ты натворила?

— Нечего сваливать с больной головы на здоровую. — Салли небрежно поправила прическу. — В конце концов, это были всего лишь сэндвичи с позеленевшим сыром. Ну а галактика... Если мы не спасем Галактику, то ее наверняка спасет кто-нибудь другой. И не кричите на меня, все равно, что сделано, того не исправишь.

— Исправлю, да еще как! — уверенно заявил Джерри, открывая аптечку. — Я дипломированный хирург и

справлюсь с нашей небольшой проблемой, но действовать надо без промедления, пока желудочный сок...

— Нет! — закричала Салли.

Увидев в руках Джерри резиновый шланг, она побежала, но была схвачена сразу десятком щупалец Слаг-Тогата. Девушка вопила, отчаянно вырывалась, но щупальца держали крепко, а Джон и Джерри быстро подготовили желудочный зонд и приступили к нехитрой операции.

Через полчаса операция благополучно закончилась, все, за исключением, пожалуй, Салли, были счастливы. «Плисантвильский орел» без дальнейших промедлений взлетел и направился к секретной базе гарниши. Самолетом управлял Джерри, а Слаг-Тогат сидел в кресле второго пилота и указывал направление. Вскоре к ним присоединился сияющий Джон.

— Получилось, ребята, получилось! Кусочки сыра я отделил и высушил. Вот они, полюбуйте! — Он торжественно поднял пробирку. — Теперь сырья для нового сырит-излучателя у нас с избытком.

— Сырье — очень удачное слово, — заметил Джерри. — Как там себя чувствует наша пациентка?

— Приняв на пустой желудок две рюмки водки, она успокоилась и заснула в кресле салона первого класса. Но, ребята, какими именами она меня называла, пока я ее укладывал! Откуда маленькая прелестная горожанка, к тому же дочь декана колледжа, знает такие грязные ругательства?

— Думаю, всему виной дурная компания. В колледже сейчас шагу не ступишь, чтобы не столкнуться с парнем, вернувшимся из вьетнамской заварушки. Салли — ветреная девушка, и с этими горе-воями она проводила чуть не все свободное время, вот и набралась. Хотя, может, не только от них. У меня самого есть знакомый, тоже вьетнамский ветеран, так он весьма и весьма приличный парень. Видимо...

— Приготовиться к посадке, — сказал Слаг-Тогат, поворачивая свое тело-ствол так, чтобы правый дальзоркий глаз смотрел прямо вперед. — Мы над потайным входом в наше секретное убежище.

— Потайной — хорошо сказано, — пробормотал Джерри. — Под нами ничего, кроме песчаной пустыни.

— Сажай самолет прямо здесь и рули между теми скалами, — велел Слаг-Тогат.

Джерри так и сделал. Едва «Плисантвильский орел» остановился, как друзья почувствовали, что самолет падает. Оказалось, что участок пустыни, где они приземлились, был ничем иным, как гигантским лифтом. Лифт быстро опускал их под землю, в неизвестность. Поддельная крыша над головами закрылась, и спуск продолжался в темноте. Вскоре внизу забрезжил свет, лифт замедлил стремительный спуск, а затем и вовсе замер посреди громадного грота, освещенного десятками огней и заполненного непонятными механизмами.

— Это убежище наши предки создали десять тысяч лет назад, — гордо объяснил Слаг-Тогат. — На поверхности шла бесконечная разрушительная война, здесь же, глубоко под землей, мы бережно сохраняли артефакты нашей древней цивилизации. С начала войны все наши ресурсы идут на военные цели, наша промышленность выпускает только боевые машины и оружие, наши матери рожают только воинов. Но и о культуре мы не забыли. Когда наши воины стареют и уже не годятся для боев, они выходят в отставку и до самой смерти работают здесь, сохраняя для потомков наследие нашей цивилизации. Они сдувают пыль с книг, смазывают машины, полируют стеклянные изделия и прочее, и прочее.

Земляне огляделись и застыли, пораженные. Действительно, поразиться было чему. Куда ни бросишь взгляд, всюду исполинские машины неизвестного назначения, чьи верхние части теряются в дымке, гигантские вращающиеся колеса, шестерни, ременные передачи, невероятные приборы под стеклянными колпаками и уходящие в бесконечность ряды полок с книгами, напечатанными на листах из вечного металла.

— А у вас есть ускоритель элементарных частиц? — прервал благоговейное молчание Джерри.

— Сейчас выясню у заведующего отделом ядерной физики.

Слаг-Тогат направился к сучковатому гарниши весьма преклонного возраста, настолько преклонного, что его щупальца от времени и от перенесенных невзгод посерели, а половину глаз закрывали черные повязки. Заведующий отделом ядерной физики поскрипел-поскрипел, затем в знак согласия махнул щупальцем и повел приятелей по широкому коридору между бесчисленными экспонатами. Несмотря на преклонный воз-

раст, двигался он весьма шустро, и Джерри с Джоном, неся поочередно ослабевшую Салли, вскоре взмокли. Через полчаса они добрались до искомого механизма. Джон уложил девушку на ближайшую скамью и вытер рукавом пот со лба.

— Мы с Джоном — первоклассные атлеты и сейчас находимся в отличной спортивной форме, — заметил Джерри. — С водой мы хлопот не знали, но вот с едой... За последние четверо суток у каждого из нас крошки во рту не было. Салли, хотя и видела сэндвичи по крайней мере дважды, тоже голодна. У нас к вам вопрос на засыпку. Может, вы нас накормите?

— Охотно, — ответил Слаг-Тогат, и вдруг забеспокоился. — Однако не исключено, что наша пища для вас смертельный яд. Прежде чем накормить вас, мы возьмем из ваших тел на анализ кровь, слюну и краккис...

— Краккис?

— Думаю, обойдемся и без краккиса. Весьма вероятно, что краккис есть только у нас, гарниши. Итак, плюньте на это стеклышко, а на это нанесите капельку крови, и наши лучшие спецы в области биохимии за считанные минуты дадут заключение о пригодности нашей пищи для вас.

Не прошло и пяти минут, как гарниши принесли не только заключение спецов, но и вкатили накрытый блестящей металлической полусферой столик на колесах.

— Примите мои самые искренние поздравления! — воскликнул Слаг-Тогат. — Ваши жизненные соки исследованы, и сделано заключение, что все они, за исключением, естественно, краккиса, которого у вас, похоже, нет, идентичны нашим с точностью до десятого десятичного знака. Вы можете без вреда для здоровья есть ту же пищу, что и мы, хотя, весьма вероятно, она вам не очень понравится.

— А что вы едите? — спросил Джон, с шумом втягивая носом воздух.

— Простую крестьянскую пищу, — Слаг-Тогат снял со стола полусферу. — Прифл, торкучи и корпск, — сообщил он, показывая на сочные бифштексы, печеный картофель и зеленый горошек.

— Положу себе побольше прифла с торкучи, — сказал Джерри, хватая длиннозубую вилку. — Впрочем, и немного корпска не помешает.

Через секунду, чудом не повредив друг другу руки вилками, земляне наполнили тарелки с горкой и дружно заработали челюстями. От громкого чавканья и аппетитных запахов очнулась Салли.

— Что тут происходит? — огляделась она.

— Да вот, пируем понемногу, — сообщил Джон, не переставая жевать.

— А мне?

Перед Салли поставили тарелку, вручили вилку, и она присоединилась к общему пиршеству, прерываемому лишь одобрительными звуками «м-м-м» и «у-у-у».

— Передайте, пожалуйста, нашу благодарность повару, — пробурчал Джерри с набитым ртом, — бифштексы ему удалось на славу.

— Он страшно обрадуется, узнав, что угодил, — сказал Слаг-Тогат. — Война отняла у нас почти всю традиционную пищу — ормолу, и мы постепенно становимся вегетерианцами. Но на ваше счастье в последней битве мы захватили трофеи.

Поняв вдруг, что едят мясо своих бывших союзников, а нынешних врагов, земляне замерли с отвисшими челюстями и округлившимися глазами.

— А мы и забыли, что воюем с вашими коровами, — сказал Джерри после минутного раздумья. — И то верно, не пропадать же прекрасным бифштексам только потому, что они из мяса врага. Друзья, а кто знает, что делают с тушей быка, заколотого тореадором на корриде?

Вопрос Джерри подбодрил землян, и они быстро опустошили тарелки. Как только последние крошки были съедены, Салли и Джон откинулись на спинки стульев и захрапели. Джерри тоже отчаянно хотелось спать, но он считал себя лично ответственным за судьбу похищенного лортонои друга. Вскочив на ноги, он проследовал за заведующим отделом ядерной физики к неимоверно сложному механизму — синхрофазотрону. Как работает синхрофазотрон гарниши, было неясно, и Джерри с головой погрузился в технические проблемы. Через считанные минуты синхрофазотрон был запущен и откалиброван, на место мишени был помещен кусочек сыра. Еще через минуту, кинув на

черный шарик сырита лишь один торжественный взгляд, Джерри приступил к конструированию генератора кап-па-излучения. Тут ему на помощь пришел древний, как само время, гарниши. Местный гений показал землянину, как работает его изобретение — машина для создания любых других машин и механизмов с заданными функциями. Через несколько секунд желаемые данные сырит-излучателя были заложены в чудо техники гарниши, и машина, с минуту порывчав, выплюнула на раскрытую ладонь Джерри новый излучатель, размерами и формой весьма напоминающий обычный пятибатареечный фонарик, с той лишь разницей, что на месте электрической лампочки находился кусочек сырита.

Джерри бегом вернулся к друзьям и разбудил их.

— Бесспорно, великолепный прибор, — Джерри показал излучатель. — Работает теперь и как средство передвижения, перемещающее крупный объект, например космический корабль, на практически любое расстояние, и как ручное оружие, перебрасывающее одушевленные и неодушевленные предметы, на которые он наведен, на поверхность ближайшей звезды.

— Так, половина дела сделана, — одобрительно отозвался Джон. — Теперь переоборудуем «Глисантвильский орел» в космический корабль и в погоню за похитителями Чака.

— Пока вы дрыхли, над нашим «Орлом» уже поработали. Посмотрите, во что гарниши превратили его, — ахнете! — Джерри провел друзей к самолету. Внешне самолет почти не изменился, лишь сверкал зеркальной полировкой, главные же изменения были внутри, куда и прошли друзья после беглого осмотра корпуса. — Фюзеляж между металлическим корпусом и внутренней обшивкой заполнен почти невесомым пластиком — более совершенным теплоизолятором, чем даже вакуум. Все стекла в иллюминаторах заменены прозрачным армолитом, превосходящим по оптическим свойствам стекло, а по механическим — сталь. Баки заполнены топливом гарниши, которое не только не требует кислорода, но и мощнее любого известного на Земле в тысячи раз. Запасы кислорода все же пополнены, ведь мы им дышим. В хвосте самолета установлены реактивные двигатели для полетов в атмосфере. Все аккумуляторы заменены аккумуляторами гарниши с неограниченной емкостью. Кухня расширена, оснащена

микроволновой печью и здоровущим семнадцатикамерным холодильником. Продуктов, которые находятся в нем, нам хватит лет на пять. В хвостовой части оборудованы лаборатория и мастерская. В них есть все мыслимые и немыслимые материалы и приборы. В специальном шкафу у шлюзовой камеры — скафандры, каждый — миниатюрный космический корабль. Три скафандра — для меня, Джона и Салли, а четвертый для бедняги Чака. — Джон поспешно отвернулся, надеясь, что друзья не заметят влагу в уголках его глаз.

Они заметили, все поняли правильно и виду не подали.

— Пилотская кабина тоже расширена, — продолжал рассказ Джерри. — Для размещения всей новой контрольно-измерительной аппаратуры она оказалась тесновата, и ее расширили за счет салона первого класса. Бар перенесен на нижнюю палубу. На фюзеляже и крыльях установлены двенадцать орудийных башенок, по пяти орудий в каждой. Артиллерист управляет стрельбой отсюда, из пилотской кабины. Скорострельные пушки палят шариками размером с теннисный мяч, начиненными взрывчаткой чудовищной разрушительной силы. Новых приборов и аппаратуры очень много, и я расскажу о них как-нибудь при удобном случае, а пока остановлюсь лишь на этом... — Он с гордостью похлопал по похожему на платяной шкаф прибору. — Не знаю, понадобится нам это или нет, но наша птичка, «Глисантвильский орел», оснащена теперь таким же космическим приводом, каким пользуются лортоной, гарниши и все остальные разумные существа в Галактике, освоившие межзвездные перелеты. Привод называется деформатором пространства. Ему, конечно, далеко до нашего сырит-излучателя, но все же пускай будет.

— И как работает этот привод? — поинтересовался Джон.

— Он деформирует пространство. На внешней части фюзеляжа над пилотской кабиной установлен диск, который посылает перед собой неизвестное пока на Земле излучение. Излучение хватает ткань пространства и тянет ее на себя, перед космическим кораблем образуется гигантская складка пространства. Корабль прокалывает выпуклость и выходит с другой стороны на расстоянии до одного светового года. Надеюсь, понятно?

— Чего уж тут не понять?! — заявил Джон. — Обычный мыльный пузырь из вакуума.

— Ну, хорошо, объясню на наглядном примере. Представьте себе, что космический корабль — швейная игла и эта игла лежит на ковре... Успеваете за мной?

— А без сарказма никак нельзя?

— Да ладно, не обижайся. Значит так, на космическом корабле, в нашем случае — игле, включают деформатор пространства, излучение мгновенно достигает дальнего конца ковра, хватает край и тянет его к игле. Ковер деформируется, перед иглой образуется складка. Игла двигается вперед, дважды прокалывает ткань ковра, ковер распрямляется, и, хоп! — игла в двух футах от своего первоначального положения, переместившись всего на сантиметр-полтора. Понял? — дождавшись кивка Джона, Джерри повернулся к Салли. — А ты, дорогая?

— Конечно, это же элементарно. А у гарниши ковер красивой расцветки?

Наступившую неловкую паузу прервал Джон:

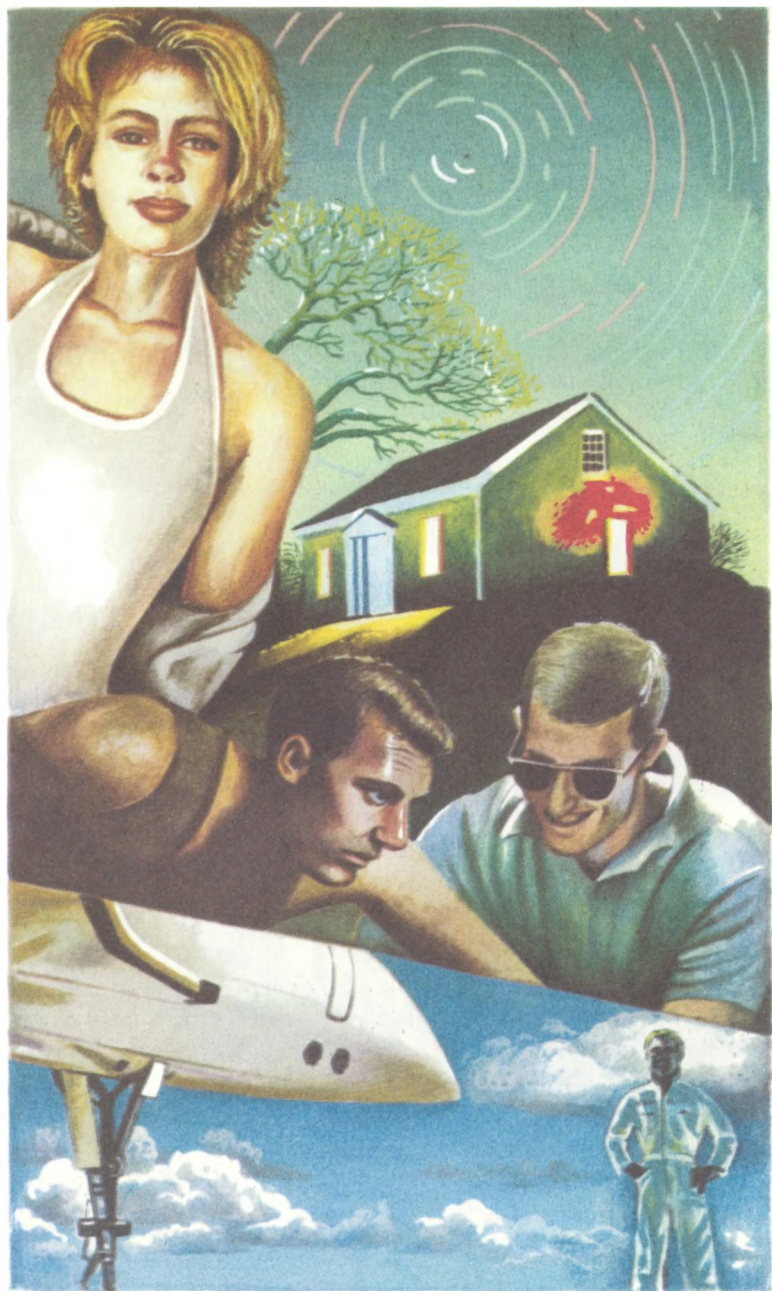
— Надеюсь, что сей мудреный деформатор нас не подведет. Миссия не из легких, неизвестно, что понадобится.

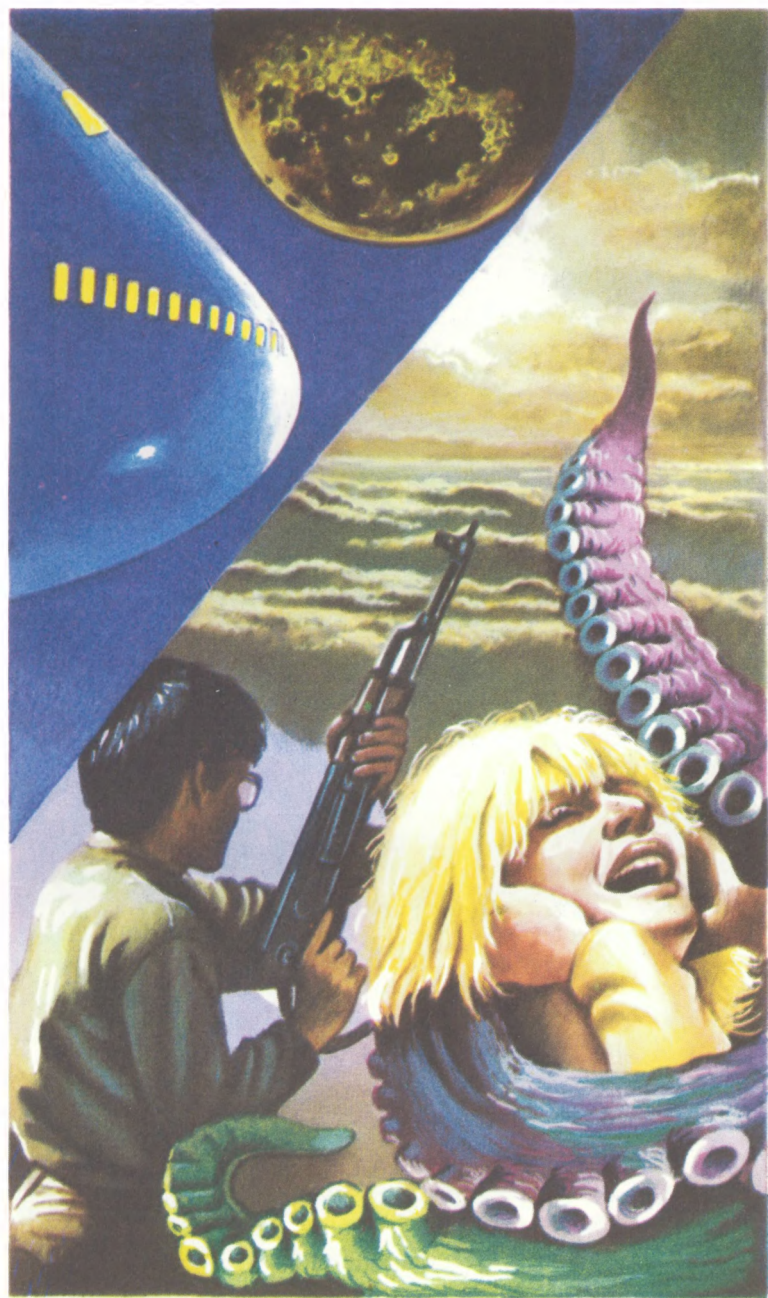
— Ну, деформатор пространства на «Плисантвилском орле» — лишь запасной космический привод. Двигаться мы будем на сырит-излучателе. Он проще, надежней и, самое главное, за один прыжок перемещает на любое расстояние.

— А вот и мы, — сообщил Слаг-Тогат, входя в самолет с толпой соплеменников.

— Кто это мы? — удивился Джон.

— Я и пятьдесят добровольцев. Моя просьба об отставке с поста премьер-министра удовлетворена, и теперь я вместе с храбрейшими из храбрейших буду сопровождать вас. Хотя для восстановления разрушенной войной экономики нашего мира нужен каждый трудоспособный гарниши, мы летим с вами, так как ответственны перед разумными существами всей Вселенной. Вы освободили нас от бремени многовековой войны с лортоной, но в Галактике есть другие разумные расы, угнетенные кровожадными и презренными пиявками разума, и мы для них сделаем не меньше, чем вы для нас.

— Я слышу благородные слова! — воскликнул Джон.

— Признаюсь, нами движет не только желание освободить другие расы в Галактике, — продолжал Слаг-Тогат. — Мы ненавидим ублюдков лортоной лютой ненавистью, и их визг и вой, когда они познают сокрушительную силу нашего и вашего оружия, будут для нашего слуха самой сладкой музыкой.

— Согласен, веская причина, — Джерри кивнул. — Пощады они не заслуживают. Мы приветствуем вас и ваших воинов на борту нашего самолета. Пусть принесут с собой оружие и боеприпасы, да побольше, и мы будем с ними сражаться плечом к плечу, спасая Галактику от поганцев лортоной.

— Давайте выпьем за победу, — предложила Салли.

— О да!

— Отличная мысль!

— Конечно!

Салли удалилась и вскоре вкатила в салон сервировочный столик из бара. Гости и хозяева проворно расхватили пластиковые стаканчики и бутылки с алкоголем.

— За союз до победы! — воскликнул Слаг-Тогат.

— Смерть проклятым лортоной! — воскликнул Джон.

— Смерть проклятым лортоной! — воскликнули люди и гарниши в один голос.

Люди подняли стаканы и залпом осушили их. Гарниши перелили выпивку из бутылок в пластиковые стаканы и отставили их в сторону, а пустые бутылки проглотили, ведь, как хорошо известно, стекло действует на представителей их древней расы, как этиловый спирт на людей. Двигатели взвыли, и великий крестовый поход начался.

Глава 11

НЕОЖИДАННАЯ ВСТРЕЧА В ГЛУБОКОМ КОСМОСЕ

Подобно выпущенной из гигантского лука стреле, сияющий в лучах солнца «Плисантвильский орел» взмыл над поверхностью Домита и вскоре, набрав скорость, дважды превышающую звуковую, устремился к границе атмосферы.

Самолет вели двое землян, рядом стоял Слаг-Тогат и направлял полет. Салли готовила в кормовом отсеке сэндвичи и напитки для воинов гарниши, кляня сквозь зубы свою незавидную роль прислуги. Гарниши подобно истуканам сидели в салоне и, зачарованно уставившись на вмонтированные в спинки кресел телевизионные экраны, слушали через наушники джаз. Художественных фильмов в фильмотеке «Плисантвильского орла» не нашлось, и Салли всунула в видеомэгнитофон первую подвернувшуюся под руку кассету — как оказалось, с учебным фильмом о тактике игры в футбол. Гарниши не возражали, не без основания считая, что бегающие по зеленому полю игроки совершают чудные языческие ритуалы.

Вскоре самолет вырвался в открытый космос, и вокруг холодным немигающим светом засияли звезды.

— Наши радары установили, что лортонои, изогнув пространство, направились к звезде, известной у нас

под названием Крштевлемнут-крм, но, остановились ли они там или последовали дальше, неизвестно, — сказал Слаг-Тогат.

— Скоро прибудем туда и все выясним, — заверил его Джерри, снимая с сырит-излучателя чехол. — У нас, на Земле, ту звезду называют Спика *. Давайте будем и мы называть ее так, тем более что Спика звучит гораздо короче и приятней для слуха, чем Крште... Тьфу!

Джерри в этой экспедиции был командиром, и Слаг-Тогат неохотно с ним согласился, хотя в глубине души остался уверен, что Крштевлемнут-крм это Крштевлемнут-крм, а вовсе не Спика.

— Новый сырит-излучатель еще не опробован, — сказал Джерри, настраивая прибор. — Для начала прыгнем только на десять световых лет, а там посмотрим.

Джерри щелкнул переключателем, и они перенеслись на десять световых лет к звезде Спика. Сняв показания приборов, Джерри вновь настроил излучатель, и они вновь прыгнули. Потом еще раз. И еще. С каждым прыжком Спика приближалась, становясь больше, ярче. Еще один прыжок — и «Плисантвильский орел» внутри внешней орбиты планеты. Тут же на корабле взвыли все аварийные сирены и гудки, тревожно затрезвонили все колокола.

Оказалось, что в нормальное пространство «Плисантвильский орел» вынырнул на краю космического поля боя. Джерри тут же повел самолет в сторону, а остальные члены экипажа, припав к иллюминаторам, во все глаза глядели на разыгрывавшуюся на фоне немигающих звезд битву (учитывая, что на каждого гарниши приходится по двадцать три пары глаз, глаз этих было немало). Бой был неравный: три белых корабля на один черный, но этим черным управлял настоящий ас. Белые корабли окружали его, заходили и спереди, и сзади, прижимали к горячему голубому светилу, пускали в него ядерные торпеды и палили смертоносными тепловыми лучами, но черный всякий раз уходил от них целым и невредимым.

* С п и к а — звезда в созвездии Девы, первой звездной величины, голубой гигант со светимостью в 740 раз больше солнечной. (Примеч. перев.)

— Снимаю шляпу перед мастерством того пилота, — сказал Джон. — Ему, наверно, нет равных даже среди американцев.

— Вопрос в том, — пробормотал Джерри, — на чьей стороне выступим мы?

— Хороший вопрос, — заметил Слаг-Тогат. — Несомненно, либо черные, либо белые в союзе с ненавистными лортоной. Давайте свяжемся с ними по радио и выясним, кто есть кто.

Такая попытка была предпринята, но в ответ на вопросы «Плисантвильского орла» на всех частотах из динамика неслись лишь свист да щелчки, вызванные активностью голубого гиганта.

— Может, бросим монетку? — предложил Джон.

— Нет, у меня идея получше, — сказал Джерри. — Если в заварушке замешаны лортоной, то без чтения мыслей, управления деятельностью мозга на расстоянии и прочих ментальных штук дело не обошлось. Уж лортоной-то по этой части доки. Предлагаю следующее: ты, Джон, возьмешь управление кораблем на себя, Слаг-Тогат встанет позади и обовьет меня щупальцами, чтобы я в случае чего не причинил себе и другим вреда. Затем с меня снимут мозговой щит, я попытаюсь вступить в контакт с неизвестными кораблями и выяснить, кто из ребят воюет на правой стороне, а кто — нет. Если я слишком разбушуюсь, наденьте мне на голову мозговой щит и выключите из игры.

— А ты храбрец, товарищ, — Слаг-Тогат приблизился к Джерри и заключил его в свои богатырские объятия. — Приготовься, снимаю с тебя мозговой щит.

— Пока не чувствую ничего необычного, — сообщил Джерри через минуту. — Сейчас пошлю мысленное сообщение. — Сосредоточившись, он наморщил лоб: — Привет боевым кораблям! Вы меня слышите? Я враг лортоной и помогу любому, воюющему с этими вампирами разума. Эй, на кораблях, слышите меня? — Джерри внезапно дернулся и, тут же одеревенев, заговорил совсем другим голосом: — Весьма рад встрече! Вы, ребята, как раз вовремя. Уходить от них мне все трудней. Если можете, избавьте меня от тех белых шакалов, что палят из смертоносных тепловых пушек.

— Кто ты такой? — подозрительно спросил Джон.

— Извините, забыл представиться. Я лорд Пррси, потомственный дворянин из весьма уважаемой семьи хагг-индеров. Ребята, а может, отложим церемонию полного знакомства на более подходящее время? Один из белых кораблей как раз заходит мне в хвост.

Действительно, битва в космосе с каждой секундой становилась все ожесточенней.

— Извините, — сказал Джон, — но, чтобы встать на вашу сторону, нам вашего слова недостаточно, нужны доказательства. Мы войдем с тремя атакующими вас кораблями в контакт и, если сказанное вами правда, поможем вам.

— Весьма мудрое решение, — заметил лорд Пррси. — Переключаю вас на ближайшего бандюгу хагг-луса. Пообщайтесь с ним и дайте мне знать, что надумали. Конец связи.

Через миг с Джерри произошла страшная перемена: лицо перекосила гримаса злобы, на губах выступила пена, и он с нечеловеческой силой забился в объятиях гарниши.

— Мягкотелые извращенцы! Как посмели вы вторгнуться в святая святых, космическое пространство хагг-лусов?! Мы, хагг-лусы, союзники миролюбивых лортонои и не потерпим грязных демократо-республиканских подонков на...

— По-моему, вполне достаточно, — сказал Слаг-Тогат, надевая на голову Джерри мозговой щит. — Обстановка ясна.

— Уф-ф! Побывай в ваших головах то злобное создание, вы бы уяснили обстановку куда быстрее! — Джерри быстро настроил сырит-излучатель и трижды нажал на кнопку. В одно мгновение три вражеских корабля исчезли, перенесясь на поверхность горячего голубого солнца, и что с ними там стало, ясно без слов.

Джерри вновь снял мозговой щит и тут же заговорил мягким голосом лорда Пррси:

— Я бы сказал, весьма эффектный способ демонстрации, на чьей вы стороне. Хоп! — и их уже нет! При случае научите меня этому трюку. Предлагаю побеседовать поближе, так сказать, с глазу на глаз. Вы кислорододышащие?.. О, мне сегодня чертовски везет! Давайте подведем наши корабли шлюз к шлюзу, и я зайду к вам в гости.

— Согласны.

Космические корабли сблизились, и земляне увидели, что кораблю лорда Пррси — черной космической стреле, почти такой же длины, как семьсот сорок седьмой, — изрядно досталось в бою: на броне там и сям выжженные тепловыми лучами полосы, множество щербин от близких разрывов ядерных торпед, кое-где не хватает выступающих частей. Корабль лорда Пррси лихо затормозил и оказался точно под крылом «Плисантивильского орла». Последовал едва ощутимый толчок, шлюзы кораблей состыковались.

Джерри передал управление «Орлом» автопилоту и вместе со всеми гарниши и землянами прошел в салон к главному шлюзу. Зашипел воздух, давление уравнилось, хлопнул внешний люк шлюза семьсот сорок седьмого, затем открылся внутренний, и в салон вошел храбрец, в одиночку сражавшийся с тремя кораблями неприятеля. Сали пронзительно завопила, остальные поспешно отступили и прижались к стенам.

И было от чего. Несмотря на мягкий спокойный голос, каким он говорил через Джерри, лорд Пррси оказался настоящим монстром: двадцати футов длиной, закованный в черный, как антрацит, хитиновый панцирь, с хвостом, увенчанным ядовитым шипом, и трескучими клешнями скорпиона. Кроме того, от него исходили волны обжигающего жара.

— Прохладно тут у вас, — сказал монстр хрипло. — Ну да ладно, потерплю. Кому мне выразить свою благодарность?

Гость повернулся, и земляне поняли, что вполз он, пятась как рак. С непроницаемо черной головогруды на них взирали два красных горящих глаза, один — маленький, круглый, другой — раздутый и искаженный линзой с обеденное блюдо величиной. Джерри, самый смелый, вышел вперед и представил своих друзей.

— Весьма рад знакомству, — пробубнил монстр, поправляя линзу, привинченную к хитиновому панцирю металлическими болтами.

— Для существа, пышущего жаром, как раскаленная печь, и выглядящего двадцатифунтовым черным скорпионом, вы на редкость хорошо изъясняетесь по-английски, — бесстрашно заметил Джон.

— Словами не передать, до чего я рад такой похвале, — сказал лорд Пррси. — Если честно, то я и сам горжусь своими лингвистическими способностями. Скажу вам по секрету, я возглавляю общественное движение по замене нашего старого, на мой взгляд, неуклюжего и не годящегося для цивилизованного общения языка на ваш, замечательный и утонченный. А ваш столь изысканный язык я выучил по радио. Понимаете ли, наши мощные радиоприемники уже давно ловят передачи с планеты со странным названием «Третья программа Би-би-си». Наши радиоинженеры вычислили, что источник радиоволн расположен рядом с непримечательным желтым солнцем, которое находится вон в том направлении. — Взмахом огромной, по краям острой как бритва клешни он указал, в каком именно, разрезав при этом внутреннюю переборку. — О, да... Прошу прощения, ваша звезда вовсе не незначительная, а очень даже симпатичная... Раз вы говорите на том языке, то рискну предположить, что вы родом оттуда. Ах, да, я же это уже выяснил... Ужасно глупо с моей стороны... Да, что-то я отвлекся...

— Может, слегка подкрепитесь? — предложила вежливая Салли.

— Как вы добры, сударыня. Если вас не слишком обременит, то я бы не отказался от стакана воды. Последний раз я пил воду месяца четыре назад, так что с удовольствием воспользуюсь вашим радушным предложением, наполню свой водяной пузырь, заодно произнесу тост в честь нашей замечательной встречи... Спасибо, большое спасибо, до чего же огромный стакан! Воды в нем достаточно для пятерых таких, как я. Ваше здоровье! — Он залпом осушил стакан и с грохотом вытер ротовое отверстие передней, самой здоровенной клешней.

— Не расскажите ли, с кем и почему вы воюете? — спросил Джерри.

— О, конечно, конечно, но предупреждаю, история эта очень и очень страшная.

— Мы потерпим.

— Тогда начну. Моя раса называется хагтис, мы эволюционировали на третьей планете солнца, которое вы видите за иллюминаторами. Планета называется Хагтис. От ее имени, полагаю, и пошло название нашей

расы. Наше солнце, как вы, наверно, заметили, очень яркое и горячее. Хаггис вращается вокруг него на довольно близком расстоянии, и температура там почти на всей поверхности выше температуры кипения воды. Вот почему у нас так ценится сия драгоценная жидкость... Но я опять отвлекся. Благодаря интенсивному жесткому излучению светила эволюция на нашей планете шла семимильными шагами, и очень скоро после зарождения жизни возник разум. Обладатели разума, хаггисы, мирно плодились и развивались, но приблизительно двенадцать тысяч лет назад разделились на две расы. Часть хаггисов обзавелась черными хитиновыми панцирями, которые великолепно защищают от губительных солнечных лучей, и возник мой народ — хаггиндеры. Другая часть хаггисов, которая теперь зовет себя на своем деградировавшем языке хагг-лусами, так и осталась белой. Помимо того что черный цвет тела чертовски красив...

— Совершенно с тобой согласен! — воскликнул Джон, любовно глядя на свою черную пятерню.

— ...он также хорошо защищает хозяина от губительной радиации. Белый же, напротив, совсем не защищает от радиации, и неудивительно, что мозги в головогрудях хагг-лусов очень скоро сварились вкрутую. Скажу без преувеличения, что мудрейший хагг-лус глупее последнего идиота хагг-индера. Кроме того, что хагг-лусы безумны, они еще и злы, развратны и не похожи один на другого. Мы объявили им войну и каждый день уничтожали тысячами, но они, к несчастью, плодятся как кролики. Ради сохранения собственной расы все хагг-индеры переселились на четвертую планету системы. Но проклятым хагг-лусам присуща дьявольская изворотливость. Очень скоро они открыли межпланетные, а затем и межзвездные перелеты, война между нами вступила в новую фазу, космическую, и не утихает вот уже без малого девять тысяч лет.

— Наша война длилась десять тысячелетий, — с гордостью изрек Слаг-Тогат.

— Рад за вас, — сказал лорд Ппрси. — Но впредь, пожалуйста, не перебивайте меня. Мы уже одерживали победу за победой и конец войны был не за горами, как вдруг прибыли ненавистные лортонои. Хагг-лусы приняли их с распростертыми клешнями. О, эти него-

дзяи стоят друг друга! Наши хагг-лусы — единственная известная нам раса разумных существ, добровольно вступившая в союз с вампирами разума. Лортоной помогли хагг-лусам военной техникой, боевые действия стали интенсивнее, число жертв с обеих сторон возросло, и теперь мы лишь удерживаем свои рубежи, а о скорой победе и не мечтаем. Но я что-то разговорился, наверно, наскучил вам. Пожалуйста, расскажите, что привело вас в этот рукав Галактики?.. О, да, извините мои провинциальные манеры, я совсем позабыл... Я доставлял важное сообщение нашему королю, которое, как мне известно, он с нетерпением ожидает. Примите мою сердечную благодарность за то, что выручили меня в бою.

— Помочь вам было для нас удовольствием, — сказал Джерри. — Как вы уже знаете, прилетели мы от желтой звезды. Наша звезда называется Солнце, а наши друзья, — Джерри указал рукой на гарниши, — из системы Проксима Центавра. Мы объединились, чтобы стереть с лица Галактики ненавистных лортоной...

— Замечательно! Замечательно!

— ...и вырвать из их лап нашего друга, Чака ван Чивера.

— Ваш друг в плену? О, какое несчастье! Но не беспокойтесь, он недолго мучился. Обычно, попав в плен к лортоной, разумное существо оглянуться не успевает, как оказывается без кожи или с литром-другим жидкого свинца в желудке. Хотя, возможно, для вашего друга лортоной придумали что-нибудь поразительней. Но, даже если он жив, его давно отдали хагг-лусам, а те уж непременно отправили его в шахты ДлДрф на Северном полюсе, откуда нет возврата.

Салли пискнула и лишилась чувств.

— Мы последуем за Чаком, куда бы он ни попал, и спасем его! — заявил Джерри с непоколебимой уверенностью, и все, кроме Салли, которая лежала на полу, торжественно закивали.

— Отлично сказано, землянин! Предлагаю вам отправиться со мной к нашему королю. Возможно, ваш рассказ о новом, весьма эффективном, на мой взгляд, оружии тронет сердце монарха, и он придумает, как вызволить вашего друга.

— Согласны!

Лорда Пррси давно уже пробирала дрожь, и он поспешно покинул «Плисантвильский орел». Земляне и гарниши, порядком вспотев от соседства с его пышущим жаром огромным телом, не возражали.

Лорд Пррси послал вперед опознавательный сигнал, чтобы их ненароком не сбили, и повел длинный черный корабль к планете. «Плисантвильский орел» последовал за ним. Вскоре корабли начали спуск к форту-крепости, возвышавшемуся посреди изрытой воронками равнины. Только перед самыми носами кораблей в форте — гигантском мрачном сооружении, ошестинившемся стволами здоровенных орудий и антеннами следящей аппаратуры, — открылся громадный люк. Пилоты, как им и было велено, очень быстро ввели корабли внутрь, и многотонные ворота за ними мгновенно захлопнулись. Как раз вовремя. Следовавшие за кораблями по пятам из космоса торпеды ударились о непробиваемую броню форта и взорвались, не причинив вреда.

Друзья открыли люк. У трапа их поджидал лорд Пррси.

— Добро пожаловать на нашу планету. Я отдал распоряжение, и для вашего удобства в коридорах, по которым вы проследуете, и в тронном зале понижена температура. Не считите нас грубиянами, но в вашем присутствии на нас будут обогреватели, вроде того что свешивается с отравленного жала на моем хвосте.

— Чего уж там, носите, — разрешил Джерри, чувствуя, как из каждой его поры ручьями струится пот. Если это пониженная температура, то какая же здесь нормальная?

Спотыкаясь и обливаясь потом, земляне и гарниши проследовали за лордом Пррси по длинным скудно освещенным коридорам и попали в громадную комнату, украшенную многочисленными трофеями — высушенными белыми жалами, очевидно, некогда принадлежавшими врагам. В дальнем конце комнаты находилось возвышение, на нем — золоченый трон. На троне с золотой короной на головогруды и золотым обогревателем на хвосте возлежал здоровущий черный скорпион.

— Преклоните колени, перед вами король, — представил черного скорпиона лорд Пррси и сам поджал перед тронем лапы. Земляне и гарниши тоже встали перед Его Величеством на колени.

— Оставьте, оставьте, не до этикета сейчас, — запротестовал черный скорпион. Гости переглянулись и нерешительно поднялись, а король продолжал: — Добро пожаловать на нашу планету. Мне доложили, что вы обладаете чудесным оружием. — Король подался вперед и в нетерпении потер клешней о клешню. — Это так?

— Наше изобретение — не совсем оружие, а скорее привод для межзвездных путешествий, — разъяснил Джерри. — Но при желании его можно использовать для уничтожения неприятеля, что мы и продемонстрировали трем военным кораблям хагт-лусов, переместив их на поверхность вашего солнца.

— Замечательно! — король вновь с душераздирающим скрежетом потер клешней о клешню. — Продолжайте, пожалуйста.

— Это все. За исключением, пожалуй, того, что у нас всего лишь один излучатель. Правда, был еще второй, но его у нас украли проклятые лортоной и удрали в вашу планетарную систему, а мы последовали за ними, намереваясь отнять излучатель и вызволить из плена нашего друга, Чака, которого негодяи похитили вместе с излучателем.

— Что я слышу?! Оружие чудовищной разрушительной силы у лортоной?!

— К сожалению, да, Ваше Величество.

— Весьма досадно. — Печальная новость до того расстроила короля, что он непроизвольно сжал левую клешню и перерезал напополам шестидюймовый стальной брусок, который прежде рассеянно крутил в лапах. — Лорд Пррси, если мне не изменяет память, вы поддерживаете связь с нашим шпионом, как его там?.. Ну, тем симпатичным парнем, если не считать, конечно, того, что он белый. — Дождавшись утвердительного кивка своего подданного, монарх приказал: — Немедленно вызовите его по секретному каналу связи и выясните, что ему известно о новом оружии.

— Будет исполнено, Ваше Величество. — Лорд Пррси взмахнул правой передней клешней в салюте и поспешно удалился.

— Этот шпион — забавный малый, — разъяснил король, нарежая стальной брусок малюсенькими ломтиками. — Альбиносом родился. Каприз природы, понимаете ли. Его рождение было настоящим несчастьем для его уважаемых родителей. Кому-то из моих подданных пришла в голову великолепная идея — тайно внедрить его к хагг-лусам. Под хитин ему имплантировали металлический экран, который не только защищает мозг от убийственной радиации, но и не позволяет читать его мысли, и забросили на Хаггис. Идея сработала! Извращенцы хагг-лусы настолько глупы, что любой хаггис хотя бы с проблеском разума тут же становится у них чуть ли не министром с портфелем. Наш разведчик из интеллигентной семьи, получил отличное образование, непрерывные насмешки, подкальвания и шутки сверстников закалили его характер. Он очень быстро вознесся по служебной лестнице и сейчас, как мне известно, возглавляет министерство то ли разведки, то ли контрразведки, то ли еще чего-то. А-а-а, вот и наш дорогой лорд Ппрси! Какие новости?

— Одна новость хорошая, Ваше Величество, другая — плохая. Начну с хорошей. В секретную подземную лабораторию на Хаггисе прибыли лортонои. Они очень недовольны тем, что безумные ученые хагг-лусы никак не решат проблему управления сырит-излучателем. Так что не беспокойтесь, Ваше Величество, враги в ближайшее время не используют это высокоэффективное оружие против нас. А теперь плохая новость. Друг моих спасителей, его имя, если не ошибаюсь, Чак, не помог врагам в их злодейских планах, и после обычных физических и психологических пыток его отравили в шахты ДнДрф.

— Мы спасем его! — вскричал Джерри.

— Это невозможно, оттуда нет спасения.

— Мы все равно спасем его!

— Ну... Вообще-то есть одна возможность.

— Какая?!!

— Кого-нибудь из вас мы продадим в рабство. Его непременно пошлют в шахты ДнДрф, и он возглавит восстание невольников, которое совпадет по времени с атакой наших боевых кораблей извне. Кто добровольно вызовется стать рабом и обречь себя на более чем вероятную гибель?

В тронном зале слышался дружный топот, когда гарниши и земляне сделали шаг назад. Медленно текли секунды, все хмуро смотрели в пол. В конце концов вперед неохотно вышел Джерри.

— Черт с вами! — он стоял, откинув голову и гордо скрестив на груди руки. — Я — доброволец.

По залу пронесся крик всеобщего одобрения, а Салли обняла его и нежно поцеловала в щеку.

Глава 12

В ШАХТАХ

— Для успеха операции хотелось бы побольше знать об этих ужасных шахтах ДнДрф, — сказал Джерри, вытирая потной ладонью потный лоб. — Например, что там добывают?

— Мерзкую, мерзкую отраву! — Лорд Пррси поехал, а остальные хагг-индеры в зале непроизвольно вздрогнули. — Разумное существо, хотя бы раз понюхав эту отраву, до конца своих дней становится наркоманом и ради очередной порции готово на любое преступление. Через два-три года его хитиновый панцирь рассыпается, и мучениям несчастного приходит конец.

— А если у разумного существа, как, например, у меня, нет хитинового панциря? — поинтересовался Джерри.

— А что такое хитин? — шепотом спросила Салли. — Я всегда полагала, что это вышедшая из моды одежда, но вы вроде говорите о чем-то другом.

— Дорогая, ты перепутала хитин с хитоном, — прошептал в ответ Джерри. — Действительно, хитон — одежда древних греков, а хитин — вещество, которое покрывает большинство земных насекомых и инопланетян, вроде присутствующих здесь хагг...

— Если ваши переговоры закончены, то я с удовольствием отвечу на вопрос, — прошипел лорд Пърси, раздраженно покачивая увенчанным ядовитым жалом хвостом; Джерри и Салли подавленно замерли. — Ответ прост: если у разумного существа нет хитинового панциря, то к наркотику ДнДрф у него врожденный иммунитет. Оттого-то представителей мягкотелых рас из холодных миров, вроде вас, и посылают в шахты. Межзвездные работорговцы всегда приземляются на Хагтисе, так как знают, что за свой живой товар получают там хорошую цену. Вот и решение проблемы, как вам попасть в шахты! Я продам вас первому же пролетающему мимо работорговцу, а запрошу я сто кредиток и не отступлю, пока он не выложит хотя бы восемьдесят пять.

— Отличная идея, — одобрил король. — Уверен, что какой-нибудь корабль работорговцев либо сейчас разгружается в нашем космопорте, либо приземлится там в самое ближайшее время. Контрабандный ввоз наркотика ДнДрф подрывает устои нашей экономики, и, если землянин покончит с его добычей в шахтах Хагтиса, мы ему будем безмерно благодарны.

— Если у вас садятся корабли работорговцев, — задумчиво пробормотала Салли, — то выходит, что... О, Господи!.. Вы держите рабов?

— Ну, совсем немного, — несколько смущенно ответил король. — Мы хорошо с ними обращаемся. Не то чтобы у нас была особая нужда в рабах, а просто рабство поддерживает экономическую и политическую стабильность в обществе. Рабочие, зная, что в любую минуту могут превратиться в рабов, не объединяются во всякие политические партии и профсоюзы и не бастуют.

Салли, сложив на груди руки и шмыгнув носом, демонстративно повернулась к монарху спиной и не проронила больше ни слова. Лорд Пърси тем временем быстро просматривал металлические листы с непонятными символами.

— Вот то, что нужно! — закричал он вдруг. — Только сегодня утром из нашего космопорта взлетел корабль работорговцев, следующий курсом на Хагтис. Корабль примитивный, с ракетной тягой. Если мы потопимся, то запросто догоним его и продадим Джерри за достойную цену. Купив его, работорговцы тут же

перепродадут нашего друга хагт-лусам, а те непременно отправят в шахты ДнДрф, откуда нет возврата.

— А как же оттуда выберемся мы с Чаком? — спросил Джерри.

— Выбраться оттуда действительно непросто. К тому же любой план, который мы разработаем, телепаты лортонои тут же прочитают у вас в голове. А, придумал! Вы будете постоянно носить миниатюрный мозговой щит!

Мозговой щит хагт-индеров действительно оказался миниатюрным — не больше булавочной головки. Достаточно было поднести его к ноздре и поглубже вдохнуть, как он, застряв в носовой полости, мгновенно включался от влаги и тепла и работал не хуже громоздкого щита гарниши. Больше сотни таких миниатюрных щитов были вшиты Джерри в плавки. Предполагалось, что, даже если хагт-лусы отберут у него одежду и обувь, плавки они не тронут. Хагт-лусы, конечно, безумные монстры, но не настолько же!

После того как лорд Пррси разодрал на Джерри одежду, а на спине нарисовал весьма правдоподобные следы от хлыста, земляне, гарниши и лорд Пррси вернулись в блаженную прохладу «Глисатвильского орла» и тут же взлетели.

Через считанные минуты самолет догнал грязно-ржавую посудину — корабль работорговцев. Джон вызвал капитана по радио:

— Эй, работорговый корабль! Слышишь меня?

— Мы предпочитаем, чтобы нас называли советниками по трудоустройству, — немедленно послышалось в ответ.

— У нас на борту нетрудоустроенный гуманоид.

— Раб на продажу?

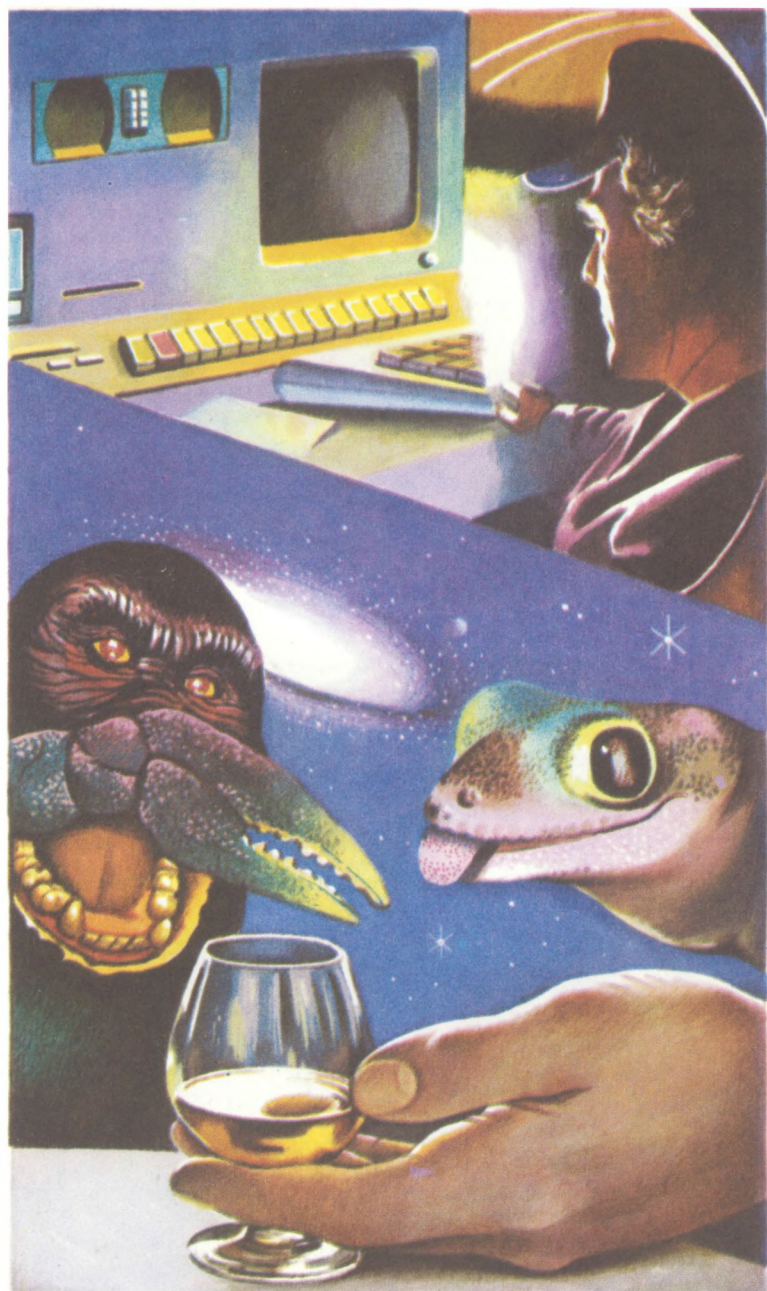
— Именно.

— Дайте его характеристики.

— Самец, сильный физически, глупый, с рвением выполняет приказы, — монотонно забубнил в микрофон лорд Пррси. — Относится к низкотемпературной жизненной форме, пригодной для работ в шахтах ДнДрф. Я хочу за него сотню.

— Предлагаю восемьдесят пять или не беру товар.

— Принято. Стыкуемся, и я передаю его вам. И смотрите, не забудьте о деньгах.

— Мы честные бизнесмены, приносим обществу благо и при легальных сделках, подобных этой, не обманываем. К тому же нам отлично видны стволы ваших атомных пушек.

Гордо расправив плечи, Джерри вошел в воздушный шлюз и через секунду услышал за спиной глухой стук закрывающегося внутреннего люка. Тут же распахнулся люк работоргового корабля, и Джерри шагнул туда. В шлюзе его уже поджидал безобразный гуманоид семи футов роста. Гуманоид швырнул в люк «Плисантвильского орла» пачку банкнотов и обрушил на спину Джерри хлыст, который сжимал в здоровенной лапше. Джерри заторопился и вскоре оказался прикованным к металлической стене между двумя рабами. Рабы, безразлично взглянув на него, отвернулись, но для Джерри они представляли определенный интерес. Он слегка толкнул локтем гуманоида справа — ярко-красное существо с почти нормальной семипалой левой рукой и острым костяным мечом вместо правой — и заговорил:

— Как дела, приятель?

Существо вместо ответа зарычало и, выставив перед собой костяной меч, бросилось на Джерри. Тот ловко увернулся и ударом в ярко-красный подбородок уложил грубияна.

— Классная работа!

Джерри повернулся на голос. Прикованный от него слева чужак был толст, лыс и, за исключением огромного белого живота, зелен; глаза навывкате, рот — от уха до уха, вместо ушных раковин дырки в черепе, узловатые пальцы соединены перепонками. Должно быть, был он родом из водного мира.

— Я тоже считаю, — продолжал чужак, — что не стоит понапрасну терять время, беседуя с красными меченосцами с Виндалу. Мозги у них крошечные, оттого, наверно, они, кроме драк, ничего знать не желают. Не то что мой народ с Вачрии — цивилизованный и интеллигентный. Представляюсь. Я Пипа Пипа, но, если хочешь, зови меня просто Пипа.

— Рад знакомству, — учтиво сказал Джерри. — Меня зовут Джерри Кортени.

— Не возражаешь, если я буду звать тебя Кортени?

— Тогда уж лучше Джерри.

— Тише, — едва слышно квакнул Пипа. — Сюда идет надзиратель, и если он услышит, что мы разговариваем, то угостит нас хлыстом. — Он тяжело вздохнул. — Хотя, разговариваем мы или нет, он все равно угостит нас хлыстом.

Пипа оказался прав. Надзиратель огрел его хлыстом по спине и пошел по проходу дальше, раздавая удары направо и налево. Бедняга Пипа вновь тяжело вздохнул.

— Вставайте, отбросы Галактики! — взвыл вдруг надзиратель. — Мы прибыли. Вам понравится ваш новый дом. Это шахты ДнДрф на Хаггисе!

Рабы разом не то застонали, не то взвыли. Каждый знал, что прибыл в конечный пункт, откуда не возвращался еще ни один раб. Замки, крепившие кандалы на руках пленников к стене, разомкнулись, и рабы, звеня цепями, неохотно поднялись и побрели к открывшемуся грузовому люку.

— Конец всему... — Пипа в очередной раз вздохнул. — Не увижу я больше родного пруда.

Джерри отчаянно хотелось подбодрить беднягу, но, вспомнив, что его мысли блокирует мозговой щит в носу, а мозг остальных рабов для лортоной открытая книга, не осмелился. Пусть до поры план бегства останется в секрете. Но пробьет час, и тогда!..

Бичи в лапах работорговцев мелькали подобно молниям, несчастные рабы один за другим сходили по наклонному трапу в холодную арктическую пустыню. Конечно, пустыня была холодной только по стандартам хаггисов, температура здесь не опускалась ниже тридцати восьми градусов по Цельсию, что для людей переносимо, но удовольствия не доставляет. Едва очередной раб сходил с трапа, как работорговец срывал с него или нее всю одежду и ударом кнута гнал дальше. Настал черед и Джерри. Его любимые ботинки из кожи тюленя были сняты с него двумя взмахами меча. За ботинками последовали джинсы «Левис», и на нем остались только плавки. За плавки Джерри был готов драться до последнего, но, к счастью, работорговец решил, что ярко-красная полоса — часть тела его собственности, и дал Джерри пинок: пошевеливайся, мол. Джерри присоединился к толпе павших духом рабов.

Пасть духом было от чего. Впереди ждали шахты ДнДрф, а пейзаж вокруг весьма напоминал преддверие

ада: повсюду валялись куски серы, оплавленные и сверкающие в лучах солнца; голубой гигант, хоть и висел над самым горизонтом, безжалостно жег голую кожу; невдалеке виднелась горная цепь, в ближайшей горе — ворота шести футов высотой из коллапсиума *, над дверью в скале выбиты закорючки. «Оставь надежду всяк сюда входящий», — предположил Джерри и вряд ли ошибся.

Бичи захлестали яростней прежнего, подгоняя рабов к мрачным воротам.

— Слушайте и мотайте на ус! — закричал главный надсмотрщик с огромного валуна, откуда ему были видны все дрожащие, полные страха рабы. При первых же его словах хлысты замелькали еще быстрее, и рабы покорно замолчали. — Повторять не буду, так что расправьте свои уши, антенны или что там у вас. Перед вами дверь в шахты ДнДрф, первая из семнадцати таких же. Дверь открывается один из вас заходит, дверь за ним закрывается, и затем открывается другая перед ним. Он проходит и ждет, пока откроется следующая. Проходит и ждет, проходит и ждет, и так семнадцать раз, пока не окажется в шахте. Двигаться советую пошустрее. Пол металлический, и через три секунды, после того как открылась очередная дверь, по нему пропускается ток напряжением пятьдесят шесть тысяч вольт. Так что идите, скулите, обливайтесь горячими слезами, кляните судьбу, но идите. Попав внутрь, вы окажетесь среди рабов, уже вкалывающих в шахте. Хагг-лусам наплевать, какие там царят порядки. Пока дробильные машины внутри перемалывают наркотик ДнДрф в пудру, а тонна этой пудры ежедневно отсасывается через дюймовую трубу, по другим трубам в шахту поступают вода и пища. Нет нормы — нет пищи. Надеюсь, понятно. Старайтесь изо всех сил, и у вас будет жратва. А теперь киньте прощальный взгляд на солнце, и вперед, в вечную ночь!

Внешняя дверь открылась, захлестали бичи, и первый раб проследовал в шахту. За ним второй, третий.

* К о л л а п с и у м — фантастический искусственный материал из атомов металлов, у которых влияние сил взаимоотталкивания устранено, а связей усилено. Изделия из коллапсиума очень тяжелы, не поддаются коррозии и практически неразрушимы. (Примеч. авт.)

Вскоре очередь дошла и до Джерри. Он последний раз взглянул на бесплодную равнину, на корабль работорговцев, на купола, под которыми, несомненно, скрываются проклятые лортонои, и пошел. Дверь за его спиной, противно заскрипев несмазанными петлями, закрылась; наступила тьма.

— Я иду за тобой, Чак, — сказал Джерри решительно и, шмыгнув носом, вытер его тыльной стороной ладони.

Открылась дверь впереди. Перспектива получить электрический удар напряжением пятьдесят шесть тысяч вольт вовсе не радовала, и Джерри поспешно вбежал в следующий тамбур. Через три секунды открылась следующая дверь. За ней еще. И еще...

Путешествие в шахту было кошмаром, но еще большим кошмаром оказалось прибытие. Едва Джерри переступил последний порог, как огромный волосатый монстр огрел его по шее дубинкой, подозрительно напоминающей берцовую кость человека. Джерри оказался на полу, но прекрасные рефлексy, не раз уже спасавшие его, не подвели. Он с быстротой молнии перекатился, и второй удар дубины пришелся по каменному полу. Джерри схватил голень монстра и что было сил рванул его на себя. Монстр гулко плюхнулся на пол, и, прежде чем он очухался, на его груди уже сидел Джерри и сжимал горло японским захватом. Пять секунд, и жертва отключается, десять секунд — умирает. Джерри давил в полную силу. Зверь под ним попытался заговорить, но из его глотки вырвался лишь сдавленный стон. На четвертой секунде он выдохнул что-то вроде «Э-э-э... Дже... ри...» и отключился.

Джерри задумался, откуда существу известно его имя. На восьмой секунде он всмотрелся в грязную заросшую морду, а на девятой разжал пальцы. К мозгу монстра прилила свежая кровь, вскоре он открыл налитые кровью глаза и с ненавистью взглянул на Джерри.

— Чак, приятель, ты что ли? — спросил Джерри.

Монстр, поморгав, захрипел:

— Я Чак... Но ты?... Откуда... Мое имя?

— Бедняга. — Джерри помог другу встать и заботливо стряхнул с него пыль. — Проклятые лортонои промыли тебе мозги и дорого за это заплатят. А когда-нибудь, обещаю, ты снова станешь прежним Чаком ван Чивером. Ты понял меня, Чак?

— Давай поедим. Чак голоден.

Джерри, проклиная судьбу, которая так круто обошлась с его лучшим другом, потрепал Чака по плечу и повел к кормушке. Там собрались существа самой различной наружности и, зачерпывая из корыта руками, клешнями, щупальцами мутную жижу, с жадностью поглощали ее. Еда запахом и видом напоминала баланду из разваренной в воде кормовой свеклы. В действительности она и была ничем иным, как баландой из разваренной в воде кормовой свеклы. Чак, растолкав грязных волосатых существ, протиснулся к кормушке, а Джерри, брезгливо поморщившись, огляделся. Глазам его предстала демоническая сцена. Именно демоническая, лучше слова не подберешь, сколько ни старайся. Пещеру освещали мерцающие костерки, разведенные в вырубленных в каменных стенах нишах. К ближайшему костерку подошел раб и вывалил из помятого ржавого ведра в огонь куски черного вещества. Топливо, догадался Джерри. Рядом с костерком рабы с громкими стонами крутили ручки дробильной машины, а другие рабы кидали в машину глыбы черной субстанции, которые подвозили на одноколесных тачках третьи. Раздробленное машиной в пудру черное вещество сыпалось в воронку и исчезало в уходящей к потолку трубе. Шум в пещере стоял невероятный.

— Страшный наркотик ДнДрф! — воскликнул Джерри и, с опаской подойдя к дробильной машине, поддел ногой блестящий черный кусок, выпавший из ее недр. — Если бы я не знал, что это смертельно опасный наркотик ДнДрф, от которого разрушаются хитиновые панцири, то решил бы, что это кусок обыкновенного черного древесного угля.

— Это и есть кусок обыкновенного черного древесного угля, ведь наркотик ДнДрф не что иное, как уголь, — раздался неприятный хриплый бас за спиной Джерри. — А ты, парень, я погляжу, считаешь себя здесь самым умным!

Джерри уже уяснил, насколько зверские порядки царят в шахтах, и поэтому сначала отскочил в сторону, а уж потом обернулся. Дубинка — берцовая человеческая кость — просвистела мимо его головы, не причинив вреда.

— Попробуешь еще раз на мне этот трюк, и ты покойник, — сказал Джерри существу с дубиной, становясь в стойку карате.

Существо озадаченно оглядело Джерри, а тот в свою очередь оглядел существо. Ничего примечательного: покрытый облезлой свалывшейся шерстью гуманоид, примерно одного с Джерри роста, с горящими белым пламенем круглыми глазами.

— Меня зовут Девил Дуд, — гуманоид обнажил острые крупные клыки — видимо, улыбнулся. — Я в этой шахте за начальника. Может, вызовешь меня на поединок? Будем драться до смерти.

В голове Джерри уже сформировался план, и он, изображая простачка, приветливо улыбнулся.

— Нет, что ты. Я отдаю себя на твою милость и подчиняюсь всем твоим командам. Покажи, что делать, и я выполняю любую работу, только не бей меня.

— Эх-х, — разочарованно буркнул гуманоид, опуская дубинку. — Будешь выкапывать куски ДнДрф вон из того угла и подтаскивать их к дробильной машине. И помни: не будешь вкалывать — умрешь как собака, — он выразительно потряс дубинкой.

— Конечно, конечно, о чем разговор. А что делают другие рабы?

— Другие тоже добывают ДнДрф, или подтаскивают его к дробильным машинам, или крутят ручки машин. Норма — тонна в день. Пока вы делаете работу, у вас есть жратва и вода.

— Ясно. А что делаешь ты?

— Я и мои ребята едим, пьем, следим за порядком и не делаем никакой работы, если не считать работой разбивание голов непослушным.

— Скучно же вы живете. Знаешь, а у меня есть план, как выбраться отсюда.

— Что? Побег?

— Именно.

— О побеге забудь и шагом марш на работу!

— Конечно, конечно. А почему бездельничают те два парня?

— Где?

— Да у тебя за спиной.

Девил Дуд, подняв дубинку, повернулся. Джерри тут же ударил его ребром ладони в основание массивной шеи и тот, потеряв сознание, со стуком рухнул на пол.

Джерри, не мешкая, вытащил из плавок мозговой щит, уселся на грудную клетку местного заправилы, правой рукой зажал ему рот, а левой ноздри. Не приходя в себя, Девил Дуд застонал и судорожно задергался, его кожа там, где был выдран мех, пошла багровыми пятнами. Сжалившись над ним, Джерри открыл ему одну ноздрию и вставил туда мозговой щит. Мозговой щит тут же исчез, а Девил, выгнув спину, сбросил с себя Джерри и схватил дубинку.

— Секундочку! — закричал Джерри, увертываясь от удара. — Будь добр, остановись, и я объясню, в чем дело.

Разъяренный босс слушать объяснений не пожелал, а принялся с криками гонять Джерри по пещере. Рабы закрутили головами и заверещали, радуясь немудреному развлечению. Вскоре Джерри надоела беготня, и, уклоняясь от очередного удара, он присел, подобрал кусок угля и внезапно швырнул. Джерри, чьи подачи в бейсболе считались неберущимися, конечно, не промазал. Кусок угля, просвистев в воздухе, угодил Девилу Дуду точнехонько в лоб и уложил его на месте. Джерри схватил выпавшую дубину и, отогнав самых любопытных рабов, уселся рядом. Через минуту Девил открыл глаза и сразу увидел занесенную над его головой дубину.

— Чего медлишь? Убей меня! Посмотрим еще, как тебе понравится командовать этими идиотами.

— Заткнись! — осадил его Джерри. — Слушай меня внимательно, или я выпущу из твоей тупой башки мозги. Я здесь, чтобы возглавить восстание рабов, а сбив тебя с ног в первый раз, сунул тебе в нос мозговой щит, и теперь твои мысли экранированы от прочтения.

От этой новости глаза Девила вылезли на стебельках из глазных впадин дюйма на три.

— Знаешь, а ты вроде прав, — сказал он. — Я довольно посредственный телепат, но сейчас понимаю, что не получаю, как прежде, приказов извне. Значит, и мысли мои теперь не читают?

— Ну наконец-то! Пообещай, что, если я верну тебе дубину, ты не бросишься на меня, а поможешь организовать рабов для побега.

— Ты освободил меня от коварных ментальных щупалец, и отныне я твой должник и верный союзник! — взвыл Девил, вскакивая на ноги. — За дело!

И они взялись за дело. Одного за другим они отзывали самых крупных мускулистых рабов, стукали их по головам дубинкой и вставляли в носы мозговые щиты. Как только рабы приходили в себя, им вкратце объясняли обстановку, они присоединялись к команде Джерри и помогали набору добровольцев. Так продолжалось до тех пор, пока не кончились мозговые щиты.

— Собирайтесь вокруг меня, — приказал своим сторонникам Джерри. — Я объясню вам план побега в деталях. Наша часть работы...

— А-а! А-а! А-а! — взвыл Девил Дуд.

Джерри неодобрительно оглядел его.

— Будь добр, заткнись!

— А-а! А-а! А-а-а! — не унимался тот.

Решив не обращать на него внимания, Джерри продолжал:

— Как я уже сказал, наша задача — обезвредить стражу у выхода...

— Но как мы выберемся наружу? — поинтересовался покрытый тусклой чешуей здоровяк.

— Нам помогут...

— А-а! А-а! А-пп-ппп-ЧХИ! — наконец разродился Девил Дуд.

— Будь здоров, — вежливо заметил Джерри.

— Что здесь за сходка? — подозрительно спросил Девил. — Почему вы не работаете? Почему я не могу прочитать в ваших мозгах? А-а-а, вы планируете побег!!!

Дубинка Джерри с глухим стуком соприкоснулась с его черепом.

— Он так сокрушительно чихнул, что потерял свой мозговой щит, и враги вновь овладели его разумом, — объяснил Джерри. — Теперь им известно, что мы задумали.

— Скрежетать клыками не время, — заметил верзила с выступающими изо рта загнутыми клыками. — Пора о шкуре подумать.

Действительно, опасность была велика. Рабы, побросав работу, точно зомби, приближались к заговорщикам: руки подняты, когтистые пальцы растопырены,

зубы обнажены в хищных оскалах, глаза горят дьявольским пламенем.

— Их разумом управляет стража! — закричал Джерри. — Отступаем, ребята! Я посылаю наружу сообщение, скоро там начнется атака! — Он определенным образом надавил на определенный зуб и взвыл (надавил слишком сильно, к тому же не на тот зуб и сломал его). Сосредоточившись, он надавил на нужный зуб и активировал вмонтированный туда крошечный, но чрезвычайно мощный субэфирный передатчик. Сигнал передатчика, пройдя сквозь пласты угля, камни и песок, вырвался наружу и устремился в космос, где его с нетерпением ожидал «Плисантвильский орел». — Сигнал подан! — радостно сообщил Джерри. — Помощь идет!

Тем временем в шахте завязалась битва. Управляемые ментальными силами рабы, не ведая страха, с голыми руками бросались на сторонников Джерри. Те, не скупясь, раздавали удары дубинками, но на месте одного упавшего тотчас вставали двое. Толпа рабов наседала, обороняющихся становилось все меньше, и они шаг за шагом отступали, пока не оказались прижатыми к стене. Казалось, все потеряно, но вдруг пещеру залил ослепительный солнечный свет. И оборонявшиеся, и нападавшие застыли, раскрыв рты. За неуловимый миг сырит-излучатель устранил все ведущие в шахту двери вместе с половиной рабов. Путь к свободе был открыт.

— Путь к свободе открыт! — закричал Джерри и бросился к выходу. — За мной!

Его сторонники растолкали не очухавшихся еще рабов и, размахивая дубинками, последовали за ним. Джерри бежал первым, отвыкшие от света глаза ничего не видели. Малейший бугорок на его пути, падение, и его бы растоптали, мокрого места не осталось бы. Но обошлось. Вот и выход из подземелья.

Снаружи вовсю кипит бой. Над равниной носится «Плисантвильский орел» и методично уничтожает врагов с помощью сырит-излучателя, внизу с ними расправляются взвод гарниши и пять хагг-индеров под командованием отважного лорда Пррси. К ним присоединяется команда Джерри, а затем и остальные рабы, освободившиеся вдруг из-под ментального контроля.

Хотя дерутся хагг-лусы как дьяволы, шансов на победу у них нет...

Все, конец кровавой битве. От подлых хагг-лусов остались лишь дымящиеся куски хитиновых панцирей, подергивающиеся клешни да хвосты с ядовитыми жадами. Джерри утер ладонью пот со лба и, прищурившись, посмотрел, как приземляется «Плисантвильский орел».

— В самолет, живо! — скомандовал лорд Пррси. — Через тридцать секунд взлетаем.

— Подождите! — закричал Джерри, выбираясь из потока рабов, устремившихся в семьсот сорок второй. — Где Чак?

— А разве он не в самолете? — удивился Джон.

— Нет.

— Значит, в шахтах остался.

— Сейчас я его приведу, — Джерри побежал к темному входу.

— Вернись! — вскричал лорд Пррси. — Скоро здесь будет весь воздушный флот хагг-лусов, и сомневаюсь, что против их натиска мы продержимся больше минуты.

— Мы затеяли эту вылазку ради освобождения Чака! Разве забыли?

— Нет, но ждать мы не можем. Ведь, если нас схватят проклятые хагг-лусы, мы лишимся не только жизни, но и сырит-излучателя с самолетом в придачу.

— Без Чака я не вернусь! Оставайтесь здесь, деритесь, если надо, но меня дождитесь. Я мигом.

Джерри что было сил побежал по темному коридору. Через десяток метров оказалось, что, привыкнув к яркому солнечному свету, он не видит вокруг ни зги. Джерри чертыхнулся и перешел на шаг.

— Чак! — позвал он, пройдя чуть дальше. — Чак, где ты?

В ответ гулкое эхо и тишина. Джерри вытянул перед собой руки и, поминутно спотыкаясь, добрал до кормушки. Здесь он услышал громкое чавканье. Кто бы это мог быть? Глаза Джерри мало-помалу привыкли к полумраку, и он разглядел у кормушки своего приятеля.

— Чак, дружище, сейчас мы с тобой выберемся отсюда! — Джерри потянул Чака за руку.

— Отвали! — зарычал тот в ответ. — Чак кушает.

Джерри с сожалением поднял руку и ударом карате по мускулистой шее отключил приятеля. С трудом взвалил бесчувственное тело на плечо и побрел к выходу. Работа была не из легких, но Джерри, хоть и изрядно вымотался за последние часы, все же справился.

Вот и выход. Джерри вышел на свет и замер, пораженный. Там, где стоял «Плисантвильский орел», было пусто. Абсолютно пусто.

Они брошены на кишашей кровожадными врагами планете в сотнях световых лет от дома.

Умирать чертовски не хотелось...

Глава 13

БРОШЕННЫЕ НА ХАГГИСЕ

Ситуация была отчаянная. До того отчаянная, что Джерри, бесстрашный космический исследователь, едва не разочаровался в самой идее космических исследований.

Что же предпринять? Самоубийство казалось самым приемлемым выходом. Джерри положил бесчувственного Чака на песок и принялся размышлять, каким именно способом покончит с собой. Прошли минуты, и, не найдя более привлекательного ухода из жизни, чем утопиться в свекольной баланде, он оставил мысль о самоубийстве.

На горизонте появились боевые корабли хагг-лусов и начали расстреливать все подозрительные, по их мнению, объекты, но поблизости, кроме обломков белых панцирей да двух-трех тел рабов, не видно было никого и ничего.

Или все-таки кто-то есть? Что за мерзкий треск и скрежет доносится из-за скалы?

Джерри вновь взвалил Чака на плечо и отступил в темную пещеру. Скрежет нарастал, приближался, и вот из-за скалы появился огромный страшный хагг-лус: увенчанный отравленным жалом хвост покачивается вперед-назад, фасетчатые глаза горят дьявольским пла-

менем. Увидев, должно быть, беглецов, он прямоком направился к пещере.

Джерри с Чаком на заливке пробежал в глубь шахты, заскочил за корыто с баландой и затаился. Через минуту льющий из входа солнечный свет за-слонило хитиновое тело.

— Войди и испытай свою судьбу! — закричал Джерри, набирая в пригоршню угольной пыли. Хагг-лус, будто не слыша угрозы, пер вперед. — Ты слышишь меня?.. Еще шаг, и я кину в тебя смертельный наркотик ДнДрф, и твой хитиновый панцирь в одночасье сгниет!

Белый гигант неумолимо приближался. Джерри сдержал слово и швырнул во врага угольную пыль. Естественно, попал, но скорпион даже не приостановился. Тогда Джерри схватил подвернувшуюся под руку дубинку из берцовой кости человека — игрушку по сравнению с клешнями в ярд длиной — и бесстрашно ринулся в бой.

— На помощь, Чак, на помощь! — воскликнул он. — Умрем как мужчины в бою!

Но помощь не пришла. Чак, очухавшись, тут же припал к корыту с баландой и драться не желал. Враг приближался. Вот уже над Джерри нависает огромный белый хитиновый панцирь. Джерри занес дубину для, может быть, последнего в жизни удара, но тут в брюхе врага открылся потайной люк, и оттуда высунулись щупальца.

— Вроде мне эти щупальца знакомы, — пробормотал Джерри, отбрасывая дубину. — Ты, что ли, старина Слаг-Тогат?

— Я и никто иной. Меня оставили здесь, чтобы я вытащил из переделки двух глупых землян.

— Кому-то в голову пришла великолепная идея. А что ты делаешь в брюхе нашего общего врага?

— Не врага, а робота. Видишь ли, как только тебя продали в рабство, неожиданно прервалась секретная связь с нашим шпионом-альбиносом, видимо, его разоблачили. Гарниши и хагг-индеры, объединив усилия, построили этого робота, и я, как последний идиот, согласился доставить его во вражеский город и разыскать шпиона, но тут потерялись вы, и меня, несмотря на протесты, выкинули у Северного полюса.— От жалости к себе он с силой ударил сразу десятком щупалец по карте с грифом «Совершенно секретно».

— Да не расстраивайся ты! — подбодрил его Джерри. — Теперь тебе в этой миссии помогут по крайней мере полтора храбрых человека. Чака я считаю за полчеловека, ведь после промывания мозгов он на большее не тянет.

Чак довольно рыгнул, должно быть, в знак согласия.

— Слушай, давай поговорим позже, — предложил Слаг-Тогат, обеспокоенно смотря во все стороны сразу, что при его количестве глаз было вовсе несложно. — Залезай в машину, и я, пока нас не заметили, закрою люк.

Оттащить Чака от корыта с пойлом оказалось непросто. Тот выл, ныл, брыкался и плевался, и только обещание Джерри дать бутерброд с солидным куском мяса ормолу помогло увести его в машину. Наконец Чак прикреплен ремнями к креслу, люк задраен. Джерри с интересом огляделся. Внутри машины было тесновато: в носовой части находились кресло водителя, обзорные экраны, штурвал, рычаги и педали, рядом — пульт, управляющий хвостом, конец которого оснащен не только ядовитым жалом, но и ультразвуковой и лазерной пушками, справа и слева располагались стеллажи с инструментами и пищей, напротив люка — малюсенькая кухонька, тут же стояли сложенные раскладушки, бар и цветной телевизор, у кормы за занавеской — химический туалет, стены сплошь обклеены плакатами, рекламирующими военную службу и предостерегающими от венерических заболеваний.

— Неплохо, — заключил Джерри, кладя в микроволновую печку гамбургер для истекающего слюной Чака.

От печки пошел такой аппетитный запах, что Джерри, подумав, положил туда же второй, для себя. Через тридцать секунд печка мелодично звякнула, сообщая, что гамбургеры готовы. Джерри сунул один Чаку в зубы, другой принялся жевать сам.

— Мне известна ваша земная легенда о Нероне, музицировавшем, пока горел Рим, — сказал Слаг-Тогат, с неодобрением глядя на жующего Джерри. — У нас есть аналогичное предание о юноше, занимавшемся крогис нардлес, в то время как мать его друга каракас.

— И в оригинале звучит достаточно грязно, так что с переводом не затрудняйся, — заметил Джерри с набитым ртом. — Кстати, я не просто жую, я одновре-

менно обдумываю план бегства. Прежде чем я изложу свои предложения, давай решим два-три неотложных вопроса. Прежде всего, не мешало бы надеть Чаку на голову мозговой щит, а то, если враги уловят его голодные мысли, они сочтут, что с хагг-лусом, в котором мы находимся, что-то не в порядке.

— Не беспокойся, не уловят. Весь робот — огромный мозговой щит, так что мысли Чака останутся при нем.

— Хорошее начало. Но, принимая робота за себе подобного, хагг-лусы непременно попытаются вступить с ним в контакт и не уловят вообще никаких мыслей. Что тогда?

— Создавая робота, конструкторы учли и это. У нас есть записи различных биотоков мозга хагг-лусов. Такие, например, как «отвали», «не стой над душой» или «здоровый глубокий сон». Нажимаешь кнопку на этом пульте, и нужная запись транслируется с усов-антенн робота.

— А что означает кнопка со значком в виде восьмерки?

— Как ты знаешь, подвергаясь непрерывному воздействию жесткого излучения голубого гиганта, все хагг-лусы безумны в большей или меньшей степени. Чаще в большей. Многие из них безумны до такой степени, что периодически впадают в состояние полного умопомрачения, и от них в такие минуты держатся подальше даже их безумные соплеменники, не без основания опасаясь за собственное здоровье. Так вот, кнопка с символом в форме восьмерки включает запись биотоков мозга хагг-луса во время такого приступа помешательства.

— Я узнал все, что нужно! — Джерри собрался было похлопать Слаг-Тогата по спине, но, увидев раздраженно смотрящие на него со спины три-четыре глаза, отдернул руку и станцевал в тесной кабине джигу. — План бегства готов!

Познакомившись с планом, Слаг-Тогат заразился энтузиазмом Джерри и тут же взялся за рычаги управления роботом. Пользуясь огромными передними клешнями, робот обсыпал свой белый корпус угольной пылью, затем набрал во все клешни по куску угля и направился к выходу, а Джерри поспешно нажал на кнопку с символом, напоминающим восьмерку.

На бесплодной арктической равнине уже приземлилось не меньше двадцати боевых кораблей, и воины хагг-лусы с оружием на изготовку осторожно приближались к входу в шахты. Тут им навстречу из пещеры вылез покрытый смертоносным наркотиком ДнДрф хагг-лус, чьи усы-антенны излучали мозговые волны полного умопомрачения. Пораженные воины замерли, но, когда безумец замахал передними клешнями, в которых были зажаты куски той же смертоносной субстанции, галопом бросились прочь, а счастливчики, еще не покинувшие своих боевых кораблей, поспешно стартовали.

Придуманная Джерри уловка сработала!

Слаг-Тогат развернул робота и направил к ближайшему кораблю с открытым люком. Команда корабля в панике разбежалась перед ним, а робот, все еще посылая волны безумия, поднялся по трапу и, пройдя по коридору в носовую часть, вошел в рубку управления. Джерри и Слаг-Тогат, в секунду разобравшись, как здесь что работает, захлопнули входной люк и запустили турбины. Корабль, приподнявшись на струе пламени и покачавшись как бы в нерешительности, свечой взмыл над арктической равниной и через несколько секунд уже летел по крутой параболе к границам атмосферы.

Джерри на радостях налил большой бокал джина и одним глотком осушил его.

— Куда мы направляемся? — спросил он Слаг-Тогата.

— Чак хочет кушать!

Джерри неохотно поднялся с кресла и сунул в микроволновую печь очередной гамбургер.

— В Хаггис-сити. Дорогой нас попытаются сбить, но, надеюсь, что, прежде чем нас запеленгуют, мы выскочим в космос и, пройдя по низкой орбите, сядем в нескольких милях от города. Там бросим корабль и отправимся на встречу с нашим разведчиком пешком.

— Хороший план, — одобрил Джерри. В эту секунду они пересекли границу ночи, и он глубокомысленно добавил: — Как раз кстати, темнота скроет наш корабль от глаз противника.

— Я запрограммировал бортовой компьютер, — доложил Слаг-Тогат. — Через четыре секунды после посадки корабль взлетит, взяв курс в никуда. Уверен, свирепые хагг-лусы уничтожат корабль, чтобы на пла-

нету не попала даже пылинка смертоносного ДнДрф, нашего же исчезновения из корабля не заметят.

С этими словами Слаг-Тогат посадил корабль на равнине среди холмов. Едва стабилизаторы коснулись грунта, распахнулся люк, и робот хагг-лус под управлением Джерри выскочил наружу. Корабль, нутужно завывая ракетными двигателями, поднялся в небо. Тут же в него угодило сразу несколько ракет-перехватчиков, и предрассветный сумрак озарила голубая вспышка.

— Прежде чем мы отправимся в город, необходимо удалить с корпуса машины всю угольную пыль, — сказал Джерри, ставя пластиковое ведро в раковину и наполняя его водой. — Бери, старина, это ведерко и жесткую щетку и действуй.

— Почему именно я? — возмутился Слаг-Тогат. — На родине я как-никак был премьер-министром и к грязной работе не привык.

— Согласен, работа не совсем по тебе, но, видишь ли, температура за бортом — больше ста двадцати по Цельсию, и я там мгновенно изжарюсь. Твоей же замечательной шкуре, в отличие от моей слабой мягкой плоти, даже пули нипочем. Так что предлагаю тебе, мой старый древовидный приятель, вызваться добровольцем на эту работенку.

Слаг-Тогат, поворчав для порядка, вылез наружу и занялся делом. Джерри принял еще стакан джина и задремал. Набивший наконец-то до отвала желудок Чак сопел рядом. Мирный сон нарушил хлопнувший люк, и друзей обдало волной жара.

— Уф-ф! Уф-ф!

При каждом выдохе из ротового отверстия бывшего премьер-министра вылетало облачко пыли. От непривычной работы на жаре его шкура-кора сморщилась, а тело-ствол похудело по крайней мере вдвое. Он вразвалку подошел к раковине, взял пластиковый шланг, один его конец надел на кран, другой сунул в отверстие в теле, включил и начал медленно раздуваться.

— Похоже, снаружи припекает? — Джерри невинно улыбнулся, а Слаг-Тогат одарил его мрачным взглядом сразу не менее дюжины глаз. — Заполнишь емкости, сразу возьмемся за дело. Кстати, как зовут того секретного агента, на встречу с которым мы спешим?

— Не скажу. Его имя — государственная тайна.

— Брось темнить, старая гнилушка. Я же свой.

— Агента зовут Икс-девять, — прошептал Слаг-Тогат. — Теперь, если тебя схватят, сразу же убей себя.

— Понятно, понятно.

— Каковы наши дальнейшие планы?

— При посадке я заметил к северу отсюда моно-рельсовую дорогу. Чтобы зря не разряжать аккумуляторы, отправимся в Хаггис-сити поездом.

— Хорошая мысль. Так и сделаем.

Слаг-Тогат уселся в кресло водителя и вывел робота хагг-луса из расщелины в скале. На западе занималась голубая заря. Землянин и гарниши огляделись: совсем рядом действительно проходила монорельсовая дорога, а в полумиле находилась станция. Из-под валунов, служивших жилищами, вылезали хагг-лусы, махали на прощание супругам, ласково похлопывали детишек по хитиновым спинам и спешили к станции. Слаг-Тогат направил робота туда же.

— Похоже, мы попали в час пик, — заметил Джерри. — Пассажиры спешат на работу. У нас есть подходящая на этот случай запись биотоков мозга?

— Сейчас соображу... Как ты считаешь, «воспоминания о ночной оргии» подойдет?

— «Воспоминания о ночной оргии»?

— Именно. Вряд ли соседи заговорят с индивидуумом, думающим о столь непристойных вещах.

— Да, то, что нам нужно. Их несложно понять. Треск клешней, антенн, хитиновых панцирей!.. Бр-р-р! В дрожь бросает! Неудивительно, что с индивидуумом, вспоминающим такое, никто не заговаривает.

Робот незаметно влился в толпу спешащих к станции хагг-лусов. В его сторону дернулись было несколько антенн-усиков, но, поняв, что на уме у соседа, беспокоить его хагг-лусы не рискнули. Робот благополучно добрался до платформы, взобрался по ступенькам, а через несколько минут подкатили блестящие вагоны монорельсового поезда. Последовала ожесточенная борьба за кресла, их, конечно, захватили пассажиры со стажем и тут же отгородились от толпы металлическими листами утренних газет. Поезд тронулся, через десяток минут показался Хаггис-сити, а еще через минуту они прибыли на Паднг-тан вокзал. Хагг-лусы, толкаясь, выскочили на платформу и заспешили к выходу в город. Ведомый Слаг-Тогатом робот плелся позади толпы.

— Почему ты тормозишь? — удивился Джерри.

— Видишь, у выхода стоят хагг-лусы с здоровенными блестящими бляхами на панцирях?

— Да, похоже, полицейские.

— И все выходящие предъявляют им бумажки, должно быть, удостоверения личности.

— А у нас нет удостоверения личности?

— Ты прямо выхватываешь мои мысли из отверстия для общения.

— Тогда выберемся отсюда другим путем. Пошли вдоль платформы в сторону пригорода. Там наверняка складские помещения, а в них имеются служебные выходы.

Робот хагг-лус, гремя двадцатью клешнями на концах лап, побежал по платформе. Платформа кончилась перед металлическими воротами, увенчанными надписью на неизвестном языке. «Служебный выход», — догадался Джерри. Оглядевшись, робот вскрыл ворота взмахом мощной передней клешни. За воротами находился пандус. Проворно сбежав по пандусу, робот попал в лабиринт служебных помещений станции.

— Может, сменим пластинку в мозгах робота, — предложил Джерри. — По-моему, трансляция порнографических мыслей не совсем подходит к ситуации.

— Отличная идея. У нас есть запись мыслей опустившегося наркомана, чей хитиновый панцирь от умеренного потребления ДнДрфа, того и гляди, рассыпется.

Джерри передернуло.

— А нет чего-нибудь попроще?

— Может, заведем неторопливые размышления игрока-любителя скачек на джедаках относительно результатов сегодняшних пятого и седьмого заездов?

— Думаю, как раз с такими мыслями наш робот хагг-лус сойдет за станционного рабочего. Ставь эту запись.

Робот меж тем попал в широкий коридор, уставленный ящиками и коробками самых разных размеров. Изредка по коридору проезжали электрокары, но они так громко дребезжали и скрипели, что робот всякий раз заблаговременно прятался за коробками. Вскоре коридор привел робота в просторное помещение.

— Гляди-ка, пустая кара, — заметил Джерри. — Воспользуемся?

— Конечно.

Оглядевшись, робот залез в открытую кабину и уселся за руль, дальше они довольно быстро покатали на колесах. Попадавшиеся все чаще рабочие не обращали на кару ровным счетом никакого внимания. Слаг-Тогат, откинувшись на спинку кресла водителя, довольно булькал, Джерри беспечно насвистывал немудреный мотивчик, Чак дремал.

Впереди показались распахнутые настежь ворота, за ними виднелось яркое голубое небо.

— Выбрались, — заключил Слаг-Тогат.

Но с выводами он поторопился. Рядом с воротами в стене раскрылась неприметная дверца, и оттуда выполз безобразный хагг-лус: на хитиновом панцире блестит начищенная бляха, в лапах — оружие, похожее на здоровенную винтовку, но с раструбом на конце ствола.

Коп!

Коп засеменял в их сторону, и Джерри поспешно включил прибор, читающий мысли окружающих.

— О пятом заезде гадает, ублюдок! — раздался в кабине робота грубый голос. — А у самого кузов битком набит авиационными бомбами! Эй, куда прешь? Читать разучился? А ну-ка, живо тормози и, пока я не сшиб тебя выстрелом, вылезай из кабины. Да удостоверение личности прихвати!

Джерри со Слаг-Тогатом переглянулись. Попали в переплет!

Глава 14

РОЖДЕНИЕ ГАЛАКТИЧЕСКИХ РЕЙНДЖЕРОВ

В действительности в переплет попал коп. Поворотом ручки на пульте Джерри развернул хвост робота и надавил на гашетку. Из отравленного жала вылетел разрушительный ультразвуковой луч, и незадачливый страж порядка тут же осел грудой белого хитина, а кара, не замедляя скорости, покатила дальше.

Но стычка с копом не осталась незамеченной. Пронзительно взвыли сирены, зазвонили колокола, из-за ящиков, из незаметных дверей и щелей выскочили вооруженные охранники.

— Давай оставим кару с бомбами им, — предложил Слаг-Тогат.

— Не только кару оставим, но и преподнесем подарок, который они долго не забудут! — нараспев проговорил Джерри.

Подчиняясь ловким щупальцам Слаг-Тогата, робот хагг-лус резко крутанул руль, кару врезалась в притолоку ворот, двигатель заглох. Робот вскочил на лапы, выпрыгнул из открытой кабины и припустил по улице, а у заблокированных карой ворот возникла толкучка. Прежде чем робот повернул за угол ближайшего здания, Джерри тщательно прицелился и выпустил тепловой луч в авиабомбы в кузове кары.

Бабахнуло будь здоров! Почва содрогнулась, и половина станции превратилась в груды обломков. Робот, как ни в чем не бывало, бежал дальше. Слаг-Тогат развернул на пульте управления подробную карту Хэггис-сити и, внимательно изучив ее, направил робота к месту, где предположительно скрывался секретный агент Икс-девятнадцать.

— Притормози, — сказал через минуту Джерри, — мы у цели.

— Карты я читаю не хуже тебя, — обиженно проворчал Слаг-Тогат.

— Весьма похвально. Надеюсь, ты заметил впереди канализационный люк?

— Какой еще люк?

— Тот открытый люк двадцати футов в диаметре, из которого за нами наблюдают блестящие глаза. Ну, посмотри же, старина, внимательней!

— Там, наверно, скрывается полицейский! — Щупальца Слаг-Тогата, точно пальцы виртуозного пианиста, запорхали над рычагами управления, и робот забежал за ближайший дом, развернулся и осторожно выглянул из-за угла.

— Да не суетись ты, старина, — посоветовал Джерри. — Вряд ли это полицейский. Может, просто водопроводчик.

Противно зашипел громкоговоритель на стене кабины управления.

— Что бы это значило? — озадаченно спросил Слаг-Тогат.

— Из люка слышится неприятное шипение, — прокомментировал Джерри. — Похоже, сидящий там шипит, привлекая наше внимание. Давай-ка не спеша подойдем к люку и посмотрим, кто там.

Слаг-Тогат взялся за рычаги, и двадцатифутовый белый скорпион с самым невинным видом выполз из-за угла и принялся вальсировать, с каждым кругом приближаясь к открытому люку. Блестящие в темноте глаза, не отрываясь, следили за ним, и, когда люк оказался в нескольких футах, оттуда послышался сдавленный шепот:

— Один, два, три, четыре, пять...

— Пароль! — радостно вскричал Слаг-Тогат и, включив наружный динамик, проговорил в микрофон: — Шесть, семь, восемь, девять, десять.

— И это ты называешь паролем? — удивился Джерри. — Да такой пароль разгадает даже пятилетний карапуз!

— Ты говоришь так потому, что не знаком с психологией хагт-лусов, — обиженно заявил Слаг-Тогат. — Они настолько глупы, что, досчитав до трех, в лучшем случае до четырех, звереют и кончают с собой ударом отравленного жала в мозг. Существо в люке без запинки досчитало до пяти, следовательно, там сидит разведчик хагт-индер, известный нам под кодовым именем Икс-девять.

Из люка появилась белая клешня и поманила их. Окинув улицу быстрым взглядом и убедившись, что за ними никто не наблюдает, Слаг-Тогат подвел робота к самому люку.

— Ты Икс-девять? — спросил Джерри в микрофон.

— Конечно, — ответил Икс-девять. — Пока я вас ждал в проклятом канализационном люке, я весь плесенью покрылся.

— Превратности судьбы, ничего не поделаешь, — сказал Джерри, будто не заметив раздражения в голосе секретного агента.

— Мы кинулись к тебе на выручку, как только ты не вышел на очередной сеанс связи, — солгал Слаг-Тогат.

— Меня застукали в секретной лаборатории, но недаром я самый умный хагтис на этой чертовой планете безумцев. Я наврал хагт-лусам с три короба, и они, дурачки, поверили и на время забыли о своих подозрениях. Но убедить лортоной в своей невиновности я бы не смог, они слишком проницательны, и, когда меня пригласили в их Центр, чтобы задать несколько вопросов с использованием малоизвестной у нас техники опустошения мозгов, я дал деру и с тех пор торчу здесь, ожидая вас.

— Тебе известно, где находится секретная лаборатория?! — возбужденно закричал Слаг-Тогат.

— Да.

— Может, кто-нибудь объяснит мне, что происходит? — недовольно поинтересовался Джерри.

— Чак голоден, — послышалось сзади.

— Много чего произошло после того, как тебя продали в рабство, — приступил к объяснению Слаг-Тогат. — Эксперименты показали, что новый сырит-

излучатель значительно превосходит по мощности первую модель. Настолько превосходит, что способен переместить в любую точку Галактики с точностью до трех-четырех метров не только «Плосантвильский орел», но и до ста боевых космических кораблей в придачу. Возможно, работа сырит-излучателя так улучшилась из-за того, что сыр, прежде чем стал сыритом, был подвергнут воздействию желудочного сока земной женской особи. Мы вознамерились было провести несколько экспериментов, результаты которых подтвердили бы или опровергли эту теорию, но женская особь оказала активное сопротивление, и образцы ее желудочного сока взяты не были...

— Чак хочет пить.

Чак заскулил и яростно задержался в кресле, но, к счастью, веревки держали крепко. Джерри, сжалившись над безмозглым существом, некогда бывшим ему другом, плеснул в стакан на два пальца неразбавленного виски и влил ему в глотку. Чак блаженно заулыбался, закатил глаза и умолк.

— Мы запланировали массированный налет на хагг-лусов, — продолжал Слаг-Тогат. — Первый удар решено было нанести по секретной лаборатории, дабы проклятые лортоной опять не скрылись, прихватив сырит-излучатель. Выяснение местонахождения секретной лаборатории и было нашей основной задачей. — Слаг-Тогат поднес микрофон к отверстию для общения: — Икс-девять, назовите, пожалуйста, координаты секретной лаборатории, и наши войска немедленно начнут атаку.

— 83556,98 на 23976,23, — выпалил мастер-шпион.

Слаг-Тогат, не мешкая, включил ультракоротковолновый радиопередатчик и раздельно произнес в микрофон:

— Докладывает Слаг-Тогат с планеты Хаггис. Координаты объекта: 83556,98 на 23976,23. Как меня поняли? Прием.

— Понял вас, Слаг-Тогат. Начинаем операцию. Конец связи.

— Есть конец связи.

Едва Слаг-Тогат положил микрофон, как небо потемнело от несметных полчищ боевых кораблей, мгновенно перенесенных сюда через бездны космоса сырит-излучателем. Робот хагг-лус поспешно нырнул в канализа-

ционный люк и закрыл за собой крышку, а корабли, сея разрушение и смерть, с ревом устремились на город. Земля затряслась от взрывов бесчисленных ракет, артиллерийских снарядов и авиационных бомб; в мгновение ока обратились в руины крупнейшие военные арсеналы хагг-лусов, космопорт, свинцовые металлургические заводы, фабрики, станции по очистке сточных вод. Площади врагам не было!

Робот хагг-лус осторожно приподнял крышку канализационного люка и выглянул. Город лежал в развалинах, казалось, даже воздух потрескивает от избытка разрушительной энергии. Вдруг невидимая сила подхватила робота и секретного агента Икс-девять, будто перышки подняла в воздух и потащила в небо. Слаг-Тогат и Джерри одновременно схватились за ручки управления стрельбой, но, едва коснувшись гашеток, увидели источник этой неведомой силы и расслабились. Их несло прямо к парящему над ними «Плисантвильскому орлу». В последнюю секунду перед, казалось бы, неминуемым сокрушительным столкновением скорость подъема уменьшилась, и робота с секретным агентом мягко прижало к доралевому крылу «Боинга». Из кабины приветливо махал Джон, а из динамика донесся его бодрый голос:

— Рад встрече, ребята! Как видите, мы прибыли, едва только получили ваше сообщение. Попав сюда, мы тут же запеленговали вашу рацию и, дождавшись, когда вы высунетесь из люка, подцепили вас новым магнитным лучом, разработанным в королевских лабораториях хагг-индерами под чутким руководством умудренных знаниями тысячелетий гарниши. Но не думайте, что я просто летаю крутами и треплю с вами языком. Пока мы разговариваем, сырит-излучатель срезает слой за слоем почву над подземной секретной лабораторией, что под нами, и отправляет ее на поверхность местного светила. А, что я говорил! Показались железобетонные конструкции!

— Та самая лаборатория! — мысленно передал секретный агент Икс-девять — от природы великолепный телепат.

— Сейчас мы зададим негодяям хагг-лусам взбучку! — восторженно закричал Джерри.

Небольшой поворот ручки сырит-излучателя, и в крыше лаборатории зияет здоровенная дыра, там, обе-

зумев, носятся хагг-лусы. Семьсот сорок седьмой камнем метнулся к руинам и сел в дыру, подмяв под себя великое множество врагов.

Еще не замер самолет, как в фюзеляже распахнулись недавно установленные люки, и оттуда с воинственными криками хлынули вооруженные хагг-индеры, а из кабины с не менее громкими криками и тоже с оружием на изготовку выскочили гарниши. Среди лабораторных установок тут же завязалась битва не на жизнь, а на смерть. Хагг-лусы пощады не просили, а отбивались от атакующих хагг-индеров и гарниши тем, что подвернется под лапы: стульями, монокристаллическими ретортами, железными брусками, пробирками с анализами мочи. Но, как ни были храбры хагг-лусы, под натиском бесстрашных союзников они умирали десятками.

Видя, что битва, того и гляди, кончится, а их робот хагг-лус, как марионетка, болтается под крылом самолета, Джерри отчаянно закричал:

— Джон, будь любезен, отцепи нас! Да побыстрее!

— Извините, совсем забыл.

Джон щелкнул выключателем, магнитное поле отключилось, и робот и секретный агент Икс-девять шлепнулись на пол. Слаг-Тогат проворно поднял робота на лапы, и тут Джерри увидел такое, отчего его мужественное сердце сжалось.

— Две ракообразных свиньи сбежали с излучателем! — закричал он в микрофон наружного громкоговорителя. — Быстрее туда! Остановим их любой ценой!

Он еще не договорил, а управляемый Слаг-Тогатом робот метнулся через комнату, разбрасывая оказавшихся на пути хагг-лусов. Вот перед ними только двое ученых хагг-лусов, несущих излучатель. Джерри тут же прицелился и надавил на гашетку, один из ученых упал, сраженный тепловым лучом, но второй, прячась за телом компаньона, нырнул в секретный ход в стене и захлопнул за собой металлическую дверь. Слаг-Тогат не успел вовремя остановить робота, и тот со страшным грохотом врезался в дверь. В пульте управления коротнуло, во все стороны брызнули искры, оголенный провод под напряжением упал на металлический пол кабины, превратив кресла в электрические стулья, и Джерри со Слаг-Тогатом, закричав, вскочили на ноги. Через мгновение подоспели гарниши и хагг-индеры.

Отодвинув поврежденную машину, они выломали дверь и, ведомые лордом Пррси, ворвались внутрь.

Секундного замешательства у двери похитителю излучателя оказалось достаточно. Он прыгнул в кабину монорельсового поезда и дернул на себя красный рычаг. Поезд рванул с места и стрелой понесся прочь. Хагг-индеры и гарниши открыли вслед беспорядочную стрельбу, но почти не поврежденный ни пулями, ни тепловыми лучами поезд скрылся в темном туннеле.

— Он направляется прямо на север, — сообщил лорд Пррси, разрезав искаленного робота двумя взмахами передних клешней и вытащив из-под обломков Джерри. — У перрона стоял всего один поезд, и преследование было невозможно.

— Прямо на север... — задумчиво бормотал Джерри, вновь забираясь в искаленного робота. — Прямо на север...

Через минуту он вновь выбрался, волоча за собой бесчувственного Чака. Следом из-под обломков вылез и Слаг-Тогат. Джерри с Чаком на плече припустил к «Плисантвильскому орлу» и, оказавшись в божественной прохладе салона, поспешно захлопнул люк.

— Что с Чаком? — закричала Салли, обнимая существо со стеклянными глазами, которое некогда было парнем, любившим ее всеми фибрами души.

— У нас есть прибор, обнаруживающий на расстоянии сырит-излучатель? — спросил Джерри, потевка каждой порой.

— А как же! Вот он, — Джон показал на небольшой ящичек со множеством лампочек и шкал. — Проклятый похититель излучателя удаляется от нас прямо на север.

— Быстрее стартуем и летим за ним!

— Чак хочет кушать! — Чак оглядел девушку голодными глазами: — Чак хочет кушать!

Должно быть, в его поврежденном мозгу сохранились воспоминания о любимой, и он вдруг вскочил на ноги и принялся сдирать с нее одежду.

— Чак, уймись!

Чак не унимался, и через секунду-другую на Салли остались лишь прозрачные черные лифчик и трусики. Джерри, тяжело вздохнув, ударом карате отключил разбушевавшегося безумца и сейчас же запрыгал по кабине на одной ноге, потирая раздувающуюся руку.

Салли, пискнув, убежала в туалет, и друзья, не мешкая, подняли самолет и взяли курс на север.

— Прямо на север... — задумчиво произнес Джон. — Я, кажется, знаю, куда он направляется!

— И я тоже, — заявил Джерри. — Потухшего вулкана на горизонте не видно?

— Вон торчит. — Джон холодно улыбнулся. — А фантазия у лортоной небогатая. Но на этот раз им не уйти! Как только над вулканом покажется их космический корабль, бери его на прицел излучателя, и, оп! Проклятые лортоной на Спике!

— Именно! А вон и ракета! — Джерри взялся за ручки настройки сырит-излучателя.

И действительно, вслед за клубом черного дыма над жерлом вулкана появился космический корабль. Джерри навел излучатель и нажал на гашетку.

Корабль исчез.

— Отличная работа! — закричал Джон и похлопал приятеля по плечу. — Один выстрел, и их больше нет!

Джерри, неуверенно улыбнувшись, прикрыл глаза ладонью.

— Спасибо, но, по-моему, корабль исчез за микросекунду до того, как я нажал на кнопку. Из этого следует, что...

— Не напрягайся, только что поступило сообщение.

— ...что лортоной все-таки научились обращаться с нашим излучателем и опять от нас удрали. Но это им даром не пройдет! Я засек их прибором, они переместились на десять световых лет и вынырнули возле того звездного скопления. — Джерри ткнул пальцем в иллюминатор, показывая, возле какого именно. — Так они разнесут разрушение и смерть по всей Галактике. Выбора у нас нет. Заправляем «Плисантвильский орел» и следуем за ними.

— Я с вами, — заявил вошедший в кабину Слаг-Тогат. — И мои воины тоже.

— И благородные хагг-индеры от гарниши не отстают, — сообщил появившийся следом лорд Пррси.

— Спасибо, друзья! — Джерри обрадованно ударил кулаком по раскрытой ладони и поморщился от боли. — Спасибо! Вы понимаете, что это значит?!

— Нет, а что?

— Впервые в многовековой истории Вселенной разумные существа разных рас объединяются против сил

зла! Мы будем драться плечом к плечу во имя идеалов свободы, равенства и братства в Галактике!

— Не во всем с тобой согласен, мой двуного-двурукий друг, — зашипел лорд Пррси. — Действительно, мы протягиваем вам клешню помощи, но драться намерены за неизбежность существующей классовой системы и сохранение привилегий для избранных.

— Называй наши благородные цели как угодно, — с жаром воскликнул Джерри. — Все равно боремся мы во имя демократии! Наш маленький отряд бестрашных бойцов наперекор всем опасностям и трудностям пойдет вперед! Мы, избранники судьбы, расширим границы цивилизации, как это некогда сделали наши предки — техасские рейнджеры!

— Отлично сказано, парень! — воскликнул Джон. — И слово красивое. Рейнджеры! Рейнджеры космоса, уничтожающие зло, где бы и в каких бы формах его ни встретили.

— Галактические рейнджеры! — проскрипел Слаг-Тогат. — Где тут записывают в эту благородную организацию?

Глава 15

ТАИНСТВЕННЫЙ КРАКАР

Огромный тронный зал хагт-индеров пестрел знаменами, выпелами, яркими одеждами и разноцветными телами существ чуть ли не со всей Галактики. Гуманоиды с изумлением обнаружили, что тронный зал даже с включенными на полную мощность кондиционерами — раскаленная духовка, и вскоре пол от их пота стал скользким, как ледяной каток. Но всем было плевать на жару! День был великий! Настолько великий, что он будет навечно вписан в историю Галактики золотыми буквами. Сегодня организация галактических рейнджеров официально объявляла о своем возникновении. У возвышения, на котором был установлен трон, толпились будущие рейнджеры. На троне восседал король. Сегодня он приколет первую звезду с номером один на грудь счастливчику, который возглавит самую мощную силу демократии в Галактике.

По поводу того, кто станет во главе самой мощной силы демократии, поначалу возникли некоторые разногласия. Оснащенный сырит-излучателем «Плисантвильский орел» — опора боевого могущества рейнджеров — принадлежал четырем землянам. Было единодушно решено, что один из них и займет столь важный пост. Салли, обыкновенная, хотя и весьма симпатичная девушка, оружием владела не очень, а Чак, как ни

старались лучшие психиатры хагг-индеры, соображал не лучше раздавленного арбуза, и их кандидатуры быстро исключили из списка претендентов. Остались двое — Джерри и Джон. Джерри считал, что раз он изобрел сырит-излучатель, то ему и быть среди галактических рейнджеров номером один, но ему тактично указали, что парень, сконструировавший «Монитор»*, не стал адмиралом военно-морского флота США. Джерри пробурчал что-то под нос, но возражать не стал. По мнению инопланетян, оба землянина обладали одинаковыми способностями, и любой из них был достоин высокого поста. Решили, что окончательный выбор сделает король хагг-индеров, и тот без колебаний указал на Джона.

— Дискриминация, — прошептал Джерри на ушко прекрасной Салли. — Король выбрал Джона только потому, что тот черный, как хагг-индер.

— Но, Джерри, дорогой, разве в США дела обстоят не аналогичным образом, только наоборот?

— Салли, милая, кто напичкал тебя коммунистическими идеями?

— Ш-ш-ш, король начинает речь.

По залу пронесся гул неподдельного интереса, и король призвал к тишине, потеряв передние клешни друг о друга. Толпа вмиг успокоилась.

— Дорогие хагг-индеры, земляне, гарниши и представители других разумных видов! — заговорил король. — Я и моя коронованная супруга с удовольствием объявляем об учреждении новой организации с чудным названием... — король мигнул и нацелил свой правый фасетчатый глаз на металлический лист, установленный перед ним на попире, — «Галактические рейнджеры»!

Зал разразился бурей оваций. Тишина наступила лишь после того, как по металлическому полу под самыми шумными был пропущен электрический ток. Король продолжал:

* «М о н и т о р» — американский бронированный военный корабль, построенный в 1861–1862 году по проекту шведского инженера Дж. Эриксона. Был успешно использован северянами в ряде морских сражений гражданской войны. Выявив слабость артиллерии того времени против сильной брони, послужил прототипом целого класса кораблей-мониторов. (Примеч. перев.)

— После создания столь достойной организации встал вопрос об ее лидере — самом смелом, умном и талантливом воине среди вас. После демократического голосования был избран землянин, носящий имя... — король вновь уставился на металлический лист перед собой и вроде бы не заметил ненавидящего взгляда Джерри, — носящий имя Джон! Волею народа я избран, чтобы приколоть значок с цифрой один на грудь первого галактического рейнджера!

В зале вновь грянули восторженные аплодисменты. Джон, гордо подняв голову, приблизился к трону. Возбужденный собственной речью, король позабыл, что земляне носят значки на одежде, а не прокалывают для них хитиновые панцири, и воткнул булавку на добрых три дюйма в грудную мышцу Джона. Джон, сдавленно вскрикнув, выдернул золотую звезду с выложенными бриллиантами огромной цифрой один и словами «Галактический рейнджер» и дрожащими пальцами приколот ее к окровавленной сорочке.

— Братья рейнджеры! — заговорил он, повернувшись к микрофону. — Ваш командир приветствует вас! Я польщен тем, что именно мне выпала честь приколоть звезду с цифрой два на грудь моему верному другу и брату по оружию Джерри Кортени, и затем звезды с цифрами три, четыре, пять и так далее к грудям, или что там у вас, всех желающих. Не деритесь, устремляясь ко мне, звезд хватит на всех. Сомневающимся растолкую, какие перспективы открываются после вступления в рейнджеры. Бесплатный проезд во все концы Галактики — это раз! — Джон говорил и загибал пальцы. — Работа по вашему выбору — два. Красивые медали, ордена и значки за пролитую кровь — три. Возможность быстрого продвижения по службе — пять. Бесплатное медицинское обслуживание — девять. И, это четырнадцать, даже бесплатное лечение зубов! Последнее, скажу я вам, немаловажно. Например, стоящему от меня справа инопланетянину, у которого зубов больше, чем клавиш на рояле, бесплатные услуги дантиста придутся ой как кстати. И помните, все эти привилегии закрепляются за вами пожизненно! — Джон откашлялся: — А вот вам еще один веский довод в пользу добровольной записи в галактические рейнджеры. Транспорта, чтобы доставить всех освобожденных рабов по родным планетам, у нас нет, и,

как только галактические рейнджеры улетят на борьбу с силами зла, хагг-индеры выключат кондиционеры, и температура здесь за считанные минуты поднимется до двухсот пятидесяти градусов по Цельсию. Не ворчите, я вовсе не оказываю на вас давления, в своем выборе вы свободны, как птички поднебесные. А теперь, храбрецы, решившие присоединиться к галактическим рейнджерам, выстройтесь в линию у правой стены, я приколю вам значки, а те, кто отказывается... Что ж, пусть стоят, где стоят, и потеют. Ха-ха-ха! Долго же им здесь потеть!

Все инопланетяне выстроились у правой стены, Джон прошел вдоль ряда, прикалывая на грудь или голову, туловище или ухо, щупальце или лапу золотой значок. Отряд галактических рейнджеров был сформирован.

На этом историческая церемония окончилась. Земляне поспешно проследовали в «Боинг» и, приготовив коктейли и бутерброды с ливером из ормолу, уселись в салоне первого класса. Тут им в головы пришла весьма неприятная мысль.

— Чак теперь не умней, чем кухонная швабра, — Джерри кивнул в сторону своего давнего друга, который с довольным видом сидел на полу и, бормоча под нос, жевал шнурки своих ботинок.

— Почему же психиатры хагг-индеры не вылечат беднягу? — спросила Салли, заламывая руки.

— Они сделали все, что могли, но, увы!.. — Джерри глубокомысленно покачал головой.

— Хагг-индеры — весьма искусные медики, — сообщил Джон. — Они великолепно читают мысли, исправляют дурное настроение и много еще чего могут, но, как ни велики их таланты, Чака они вылечить не могут, он слишком сильно болен.

— Да, местные медики — лучшие в Галактике, — невесело подтвердил Джерри. — Но если вылечить беднягу Чака даже им не по силам, то пора решать, как мы безболезненно умертвим его.

— Нет!!! — воскликнула Салли.

— Почему нет? — удивился Джон. — По-твоему, пусть сидит и жует шнурки до второго пришествия? А нам что, прикажешь с улыбками любоваться им?

— Все вы, мужчины, — жестокие звери!

— Не жестокие и не звери, а просто мы реалисты, — не согласился Джерри. — Если бы сейчас на месте Чака оказался я, то уверен, он бы для меня сделал то же самое.

В салон вполз лорд Пррси.

— Извините, я никого не перебил?

— Нет, нет, — заверил его Джерри, косясь на его увенчанный ядовитым жалом хвост.

— И, надеюсь, не оторвал вас от важных дел?

— Нет, что вы, мы тут всякими пустяками занимаемся, — сказала Салли с горечью. — Так, планируем убийство беспомощного человека, не более!

— Действительно, пустяки. Тогда, с вашего разрешения, я войду, устроюсь в уголке и включу на полную мощность обогреватель. — Не дожидаясь возражений, лорд Пррси так и сделал.

Заботливая Салли протянула ему коктейль.

— О, спасибо, сударыня, вы так добры! — Он одним глотком осушил стакан мартини. — Я пришел с неофициальным визитом и надеюсь, все сказанное здесь не покинет этих четырех стен. Или шести стен? Потолок и пол вы считаете?

— Извини, старина Пррси, но сейчас мы решаем дальнейшую судьбу нашего товарища, Чака, и не настроены на секретные дела, — сказал Джерри. — Надеюсь, ты нас понимаешь?

— Миссия, которую я вам предложу, напрямую касается вашего приятеля. Предупреждаю, она незаконна и весьма опасна.

— Что за миссия? — в один голос спросили земляне.

— Ради Великой Скаландры, не перебивайте меня! История, которую я вам сейчас поведаю, звучит невероятно, но, клянусь правой клешней, каждое слово в ней — истинная правда. К тому же эта история — величайший секрет на нашей планете. Итак, вы слушаете? — Лорд Пррси обвел землян тяжелым взглядом, те молча закивали. — Начну. Далеко к югу, за пустыней Аверно, находится горная цепь, прозванная местными крестьянами Горами Безумных. Хагт-индеры, отважившиеся когда-либо пойти туда, бесследно сгинули. И вот много десятилетий назад тогдашний король, славившийся любознательностью, снарядил туда экспедицию. В хорошо вооруженный отряд вошли только самые умные и бесстрашные хагт-индеры. Многие

месяцы о них не было ни слуха ни духа. Наконец в столицу пришла весть, что с тех гор спустился уцелевший воин. Вид его был жалок: весь в грязи и царапинах, хитиновый панцирь крошился на глазах. О своих злоключениях воин молчал, а крестьяне в тех краях нелюбопытны. Король приказал доставить воина во дворец, и воля монарха была исполнена. Мы, дворяне, присутствовали при беседе короля с тем воином, и теперь нам известна страшная тайна.

— Страшная тайна? — заинтересованно переспросил Джерри.

— Я же просил не перебивать! — раздраженно прошипел лорд Пррси, и его хвост с ядовитым жалом на конце заходил вперед-назад, а передняя клешня оглушительно чиркнула по обшивке самолета. Земляне затаили дыхание. — Если не возражаете, я продолжу. С тех стародавних времен тайна оставалась тайной. А суть ее в следующем. В тех горах обитает невероятно древний хагг-индер. Живет он в пещере совсем один и не любит, когда его отвлекают от размышлений. Если случайный путник все же забредает к его пещере, то мистический отшельник силой своей мысли выжигает у несчастного мозг. Как вы знаете, наша раса обладает огромной ментальной силой, уступающей лишь силе гнилых лортонои, но ни один хагг-индер, оказавшись в тех горах, не выстоял против отшельника, так что судите сами, насколько силен его разум. Ну так вот, уцелевший воин, прежде чем был на веки вечные заключен в темницу, рассказал нам, что отшельник задает дерзнувшему приблизиться к его пещере три загадки, и, если нарушитель спокойствия отвечает на них верно, отшельник отпускает его с миром, а если нет — выжигает мозг.

— А какое отношение эта история имеет к нам? — спросила Салли. — Я, например, вовсе не желаю, чтобы мой мозг выжег какой-то отшельник, и к той пещере не собираюсь.

— Успокойся, прекрасная землянка, на твои нежные мозги никто не посягает. С вашего разрешения, я продолжу. Уцелевший воин поведал также, что в горах на хагг-индера из их отряда упал огромный камень и, пробив хитиновый панцирь, размозжил мозг. Воин остался жив, и, хотя все согласились, что медицина ему уже не поможет, решено было нести его с собой, чтобы

отправить потом в госпиталь. Так он вместе с отрядом оказался у той страшной пещеры, и отшельник, прежде чем задать вопросы, невероятной силой своего разума излечил его, да так, что соображал раненый воин не хуже, чем прежде, и даже ответил на два вопроса, но на третьем срезался, и отшельник тут же выжег его мозг.

— Понял, — задумчиво пробормотал Джерри. — Действительно, отшельник — единственный шанс для несчастного Чака.

— Именно, — подтвердил Джон.

Два землянина, не отрываясь, смотрели в глаза друг другу, и в салоне повисла напряженная тишина.

— Если вы отказываетесь, то так и скажите! В пещеру пойду я! — закричала Салли, резко встав. — Лорд Пррси, у вас есть карта?

— О, да ты, землянка, не из робкого десятка! Надесю, ты не обидишься на меня за прямоту, но для этой миссии твой слабый разум не годится. Чтобы тягаться с отшельником, нужен гений с коэффициентом умственного развития не ниже семисот сорока трех, прирожденный лидер богатырского здоровья и великой силы духа.

— Это я! — одновременно закричали Джерри и Джон, вскакивая на ноги.

Прежде чем друзья осознали, в сколь опасное предприятие их втравил черный скорпион, на них и на Чаке уже были жаропрочные костюмы. Салли помахала им на прощание и пожелала удачи, и они уехали из города на огромной повозке с широкими гусеницами.

— Мы не взяли в дорогу пищу, — приходя в себя, пожаловался Джерри.

— Не беда, дорога недолгая, — ободрил его сидящий за рулем лорд Пррси.

Прошел час, другой, мощная машина все так же катила по безликой пустыне. Третий час, четвертый, по-прежнему от горизонта до горизонта ни пятнышка, ни травинки, ни камушка, лишь за машиной поднимаются густые облака пыли. Джерри и Джон изнывали от скуки. Наступила полночь, тьму впереди прорезали фиолетовые лучи фар, неутомимый лорд Пррси снизил скорость. К рассвету у южного горизонта появилась темная полоса. Через час оказалось, что полоса — горная цепь. За полдень лорд Пррси затормозил перед горловиной узкого каньона.

— Наконец-то приехали? — поинтересовался Джерри.

— А вы ничего не ощущаете? — спросил лорд Пррси.

— Нет. А что?

— С вашими рудиментарными чувствами это неудивительно. Вот уже два часа на меня давят ментальные волны чудовищной силы, приказывая повернуть и ехать обратно, я же наперекор им следовал к их источнику, этому каньону, но, боюсь, больше не вынесу борьбы. Так что вылезайте и идите дальше пешком. Желаю удачи.

— Вместо пустых пожеланий дал бы нам хотя бы один атомный пистолет.

— Оружие в этой долине запрещено.

— Плевать на дурацкие запреты!

— Существо с оружием здесь мгновенно умрет, так что идите лучше с пустыми руками.

— Уговорил. Куда идти?

— Туда, — лорд Пррси махнул клешней на крутой склон справа. — Жду вас здесь. На всякий случай прощайте.

— Прощай.

— Пока.

Джерри взял в руку поводок, к концу которого был привязан несчастный Чак, и храбрые земляне поползли по сыпучему щебню. Подъем был труден, не раз они останавливались, усаживались прямо на камни и, припав к трубочкам внутри шлемов, высасывали воду из заплечных канистр. В пути они никого не встретили и не услышали ничего необычного, хотя не покидавшее их чувство угрозы усилилось. Через несколько часов почти физически ощутимые волны тоски толкали их назад, но земляне сделали свой выбор и шли только вперед, готовые погибнуть, но друга спасти.

Перед крутым поворотом в долину на них обрушилась команда:

— **ОСТАНОВИТЕСЬ!**

Приказ был столь сокрушительной силы, что у друзей едва не выгорели синапсы*, и они остановились, парализованные.

— **УХОДИТЕ, ПОКА ЖИВЫ!**

* С и н а п с ы — от «synapsis» (греч.) — соединение — области контакта (связи) нервных клеток (нейронов) друг с другом и с клетками исполнительных органов. (Прим. перев.)

Голос звучал прямо в головах землян гораздо громче, чем любой звук, который они слышали в жизни.

— Мы проделали долгий путь и не отступим, — твердо сказал Джерри. — А не могли бы вы убавить громкость?

Вновь зазвучал голос, тоже громко, но уже переносимо:

— А известно ли вам, что для тех, кто пришел в Долину Смерти и не выдержал испытания, возврата нет? А выдержали его немногие.

— Известно, — сказал Джерри.

— И пришли мы сюда не из любопытства, а ради спасения друга, — сказал Джон. — Если мы выдержим испытание, то, быть может, вы...

— Здесь не биржевые торги! Решаю только я! Идите вперед!

Ноги сами собой понесли землян вперед, за скалой они повернули, а у каменного валуна перед темным входом в пещеру остановились. Вокруг валялись груды костей и пустых хитиновых панцирей. Кто обитает в пещере, землянам было ясно.

— Меня зовут Бакшиш, — вновь зазвучал в головах землян голос. — Всякий пришедший сюда до судорог боится меня.

Действительно, страхом был пропитан сам воздух в долине.

— Мы отдаем себя на вашу милость, мистер Бакшиш, — Джерри упал на колени, чувствуя, что, несмотря на двухсотсорокаградусное пекло, по его спине под жаропрочным костюмом стекает струйка холодного пота.

— Вы готовы к испытанию?

— Готовы, — ответил Джон с дрожью в голосе.

— Тогда начнем. Слушай первый вопрос. На ответ у тебя десять секунд...

— Эй, мы прежде не знали об ограничении во времени!

— Теперь знаете, — прозвучал неумолимый ответ. — Это моя игра, и играть будем по моим правилам. Итак, кто черный сидит на дереве и сеет вокруг смерть?

Джон, сосредоточившись, наморщил лоб, а монотонный голос Бакшиша отсчитывал неумолимый ход секунд:

— Один... Два... Три...

Джерри коснулся своим шлемом шлема приятеля и попытался было прошептать ответ, но сокрушительный порыв ментальной энергии отбросил его на добрых три метра.

— Впредь так не делай!

— Извините, я не знал, что подсказки против правил.

— Теперь знаешь. Итак, семь... Восемь... Девять...

— Ответ готов! — закричал Джон. — Это черный ворон с автоматом!

— А ты, парень, умен! — раздраженно прозвучало в головах землян. — Посмотрим, так ли сообразителен твой приятель. На второй вопрос у него пять секунд. Если он вовремя не ответит или ответит неверно, то все вы умрете!

Джерри потряс головой, прочищая мозги.

— Если вы, Бакшиш, готовы, то я тоже.

— Что выглядит, как круглая коробка, пахнет гуталином и в придачу летает? — немедленно последовал мысленный вопрос. — Пять... Четыре... — Считал Бакшиш на этот раз заметно быстрее.

— Летаящая коробка из-под гуталина! — победно вскричал Джерри.

На землян обрушилась волна мысленного гнева, указывая, что Джерри отгадал верно.

— На два вопроса вы ответили, но не радуйтесь, игра еще не сделана. Остался последний вопрос, и задам я его вашему приятелю, который стоит с открытым ртом и пускает слюни...

— Это нечестно! Проклятые лортонои повредили его мозги, и он не в своем уме!

— Гм... И правда. Ну да не беда, я починю его. Работенка нехитрая. Так, здесь снимаю ментальную блокаду мозга, здесь стираю ложные воспоминания, сюда добавляю истинные, отсекаю от сознания этот пласт подсознания, соединяю вон те нейроны. Готово! Его мозг как новый, если не лучше. А теперь мой вопрос...

— Эй, подождите! — закричал Джон. — Вы сказали, что починили его, но мы не знаем, так ли это. Прежде чем вы зададите ему вопрос, мы с ним погово...

Его слова заглушил наводящий ужас смех.

— Правила здесь устанавливаю я! Разве забыли? Теперь, Чак, слушай вопрос. На ответ у тебя всего

секунда. Сколько будет, если 456,78 умножить на 923,45, произведение поделить на 65,23, к частному прибавить 92565,286 и полученный результат возвести в квадрат?

— Сумма равна 99031,75 с точностью до второго десятичного знака, а округленный до целого числа квадрат 980713896, — выпалил Чак. — Если желаете более точный результат, то укажите, до какого знака после запятой.

Ответом послужило отвратительное мысленное проклятие. Галактические рейнджеры победили! Приятели подбежали к Чаку, похлопали его по плечам и спине, поздравляя с выздоровлением.

— Скажите, а что мы здесь делаем? — Чак растерянно огляделся. — Последнее, что я помню, это ужасная пытка, затем темнота, и вдруг я стою у пещеры, и неизвестный задает мне детский вопрос, и я, конечно, чисто рефлекторно отвечаю.

— Хватит самодовольной болтовни!

Внезапно земляне поняли, что голос звучит не только в их головах, но они и ушами слышат его. Они взглянули на камень перед пещерой и невольно отпрянули. Из-за камня показался Бакшиш.

Бакшиш был стар, хитиновый панцирь испещрен царапинами и щербинами, бесчисленные поколения пауков оплели его клешни паутиной. Казалось бы, в столь древнем возрасте неминуем старческий маразм, но глаза хаггиса светились безмерной мудростью. Самым же удивительным были не возраст и даже не мудрость отшельника, а цвет его панциря. Панцирь был... белый!

— Да, белый! — обрушился на землян мысленный голос. — Безобразно белый, как у мерзких хагг-лусов, а не великолепно черный, как у благородных хагг-индеров. Удивлены? Ну так знайте, я — хагг-лус! Ха! Если хотите, то растрезвоньте об этом по всей Галактике, я выше мирской суеты. Хотя, не скрою, некогда мне было небезразлично мнение света. В ту пору я, как и всякий хагг-лус, был безумен. Затем судьба солдата занесла меня сюда, на эту планету, в эту пещеру. Здесь, рядом с мощным источником радиации, мое безумие само собой прошло, здесь я обрел покой, не знающую границ мудрость и бессмертие по вашим стандартам. Впрочем, и по моим тоже. Но бессмертен я лишь рядом с источником радиации, и если покину пещеру надолго, то умру. Поэтому мне пора обратно.

Теперь вам известна моя тайна, но многовековая мудрость подсказывает мне, что вы меня не выдадите. Напоследок предостерегу вас, — его усы-антенны с треском задрожали, и на землян, подобно урагану, обрушилась последняя мысль отшельника: — ПОМНИТЕ О КРАКАРЕ!

Под напором ментальной энергии земляне отшатнулись, а вновь подняв головы, увидели, что мертвенно-бледный хатгис скрылся в пещере, и они опять одни среди костей и панцирей.

Глава 16

ЗАГАДКА В КОСМОСЕ

— Кракар... Кракар... Где-то я уже слышал это слово, — тихо бубнил лорд Пррси.

Первое в истории галактических рейнджеров совещание высшей секретности проходило в салоне первого класса «Плисантвильского орла». Мужчины обсуждали последние судьбоносные слова Бакшиша, а Салли, с гордостью носящая теперь на платье золотую брошь в виде звезды — эмблему президента вспомогательного женского корпуса галактических рейнджеров, разносила коктейли и сигары. Земляне с удовольствием закурили, инопланетяне же либо проглотили свои сигары, либо незаметно попрятали их под кресла.

— Вспомнил! — закричал вдруг лорд Пррси и, щелкнув в порыве энтузиазма передней клешней, перерезал стальное кресло перед собой надвое. — О Кракаре упоминал хагг-лус, взятый нами в плен в секретной лаборатории. Что же он говорил? Не помню. Подождите, друзья, сейчас я мысленно соединюсь с Большим Информационным Компьютером, и он раскопает нужные нам сведения.

Джон поставил пустой стакан на столик перед собой, и Салли поспешно налила в стакан виски.

— Пока компьютер думет, давайте заслушаем секретный рапорт о лортонои. Прошу, старина Слаг-Тогат.

Бывший премьер-министр откашлялся двумя или тремя дыхательными отверстиями, поднес головные щупальца с исписанными листами к близкосмотрящей паре глаз и, снова откашлявшись, монотонно забубнил:

— Данный доклад обобщает всю имеющуюся на сегодняшний день информацию о наших заклятых врагах, вампирах разума, лортонои. Информация получена из всех доступных нам источников, как от рас, воюющих с ненавистными врагами, так и от их союзников. У последних, естественно, под пыткой. Прежде всего скажу, что ни враги, ни союзники лортонои в глаза их не видели. Известно, что лортонои всегда и всюду прибывают на собственных космических кораблях и не вылезают из них, отдавая команды и инструкции телепатически. Доподлинно известен единственный случай, когда лортонои покинули свой космический корабль. Тогда они посетили секретную лабораторию хагг-лусов, но прибыли туда в здоровенном бронированном танке без окон, из которого не вылезли ни разу, так что и этот случай не помогает нам установить внешний облик врагов.

— Зачем ты рассказываешь о том, что нам неизвестно? — недовольно спросил Джон. — Говори лучше о том, что мы знаем.

— Я как раз подошел к этой части доклада. Нам известно, что лортонои обладают ментальными способностями фантастической силы, которые используют только во зло. На протяжении многих веков они появлялись в различных уголках Галактики и, встретившись с расой разумных существ, либо поработщали их с помощью своих ментальных сил, либо, если разумные существа оказывались достаточно безумны, как, например, хагг-лусы, вступали с ними в союз. Расы, поработщенные лортонои либо вступившие с ними в союз, немедленно ввязывались в войну с ближайшей разумной расой. Известно также, что в своих странствиях по Галактике лортонои собирают информацию об оружии и технологии его производства. Таким образом они усиливают собственную военную мощь и обескровливают либо уничтожают все известные им расы разумных существ. Конечная цель лортонои очевидна. Они добиваются тотального управления всей Галактикой.

— А наша цель — сокрушить дьяволов лортонои ради повсеместной победы свободного предпринима-

тельства, равенства всех перед законами и прочих идеалов истинной демократии, которой мы преданы всей душой! — воскликнул Джон, и галактические рейнджеры восторженно зааплодировали. — Лорд Пррси, старый, пышущий жаром скорпион, где же обещанная информация о Кракаре? Ваш Большой Информационный Компьютер что, построен во времена пара и газовых рожков?

— Наш БИК весьма современный и быстродействующий, Номер Раз, — обиженно ответил лорд Пррси. — Ответ пришел через три наносекунды после моего мысленного приказа, но перебивать докладчика я не стал.

— Ну и что же ответил ваш БИК? — поинтересовался Джерри.

— Он сообщил, что во время допроса бывший техник секретной лаборатории, а ныне пленник под номером Х. Н.-2712, воскликнул что-то вроде «Кракар всех вас покарает, ха-ха-ха!» и впал в коматозное состояние.

— И это все?

— К сожалению, все. Наши спецпы пытались вывести его из комы и продолжить допрос, но у них ничего не получилось. Сами понимаете, хагг-лусы существа с низким уровнем интеллекта, к тому же чертовски упрямые.

— А пытки вы не пробовали? Может, под изощренной пыткой он бы и разговорился.

— Дорогой Номер Два, именно под изощренной пыткой мы и проводим наши допросы. Другие методы общения с хагг-лусами нам неизвестны.

— А какими именно пытками вы пользуетесь?

— В панцире пленника сверлят отверстия, хитин кусок за куском отбивают, а в образовавшиеся дыры заливают кипящий свинец.

— А почему вы не поговорили с ним по душам? — спросила Салли, наполняя стаканы.

От нее отмахнулись, и Джерри углубился в детали известных на Земле пыток, выясняя, не упустили ли чего хагг-индеры. Тогда Салли вылила стакан мартини Джерри на голову и, обратив на себя таким необычным способом всеобщее внимание, вновь спросила:

— Почему вы не вылечили бедолагу и не предложили ему добровольное сотрудничество?

— Буржуазные предрассудки! — прокомментировал предложение Салли лорд Пррси.

— Но вы даже не пытались разговаривать с пленником без пыток? — спросил Джерри, вытаскивая из уха маслину.

— Нет.

— Я считаю, что Салли говорит дело, — сказал Джон. — Старина Отравленное Жало, прикажи, чтобы тому парню заменили хитиновый панцирь на металлический, вылечили его от слабоумия, а затем почитали ему из Библии, из Великой хартии вольностей и из Декларации Независимости...

— Забить ему голову гнусной пропагандой?! Никогда!

— Но ведь, получив от него интересующую нас информацию, вы можете его и убить.

— Действительно, Номер Первый! Как я сам не сообразил? Сейчас отдам приказ по мыслепочте... Сделано! Работа с заключенным Х. Н.-2712 начата.

— Хорошо, вернемся к текущим делам, — сказал Джон. — Сооружение секретной базы рейнджеров на планете Икс — девятой планете системы Сириуса — закончено. Теперь переправим туда наших добровольцев, и хагт-индеры смогут выключить воздушные кондиционеры.

— Наконец-то, хвала Великой Скаландре! — закричал лорд Пррси. — Клянусь, в последние дни я с ужасом гляжусь в зеркало. От постоянного холода из очаровательно черного я превратился в бледно-голубого. Видимо, подхватил серозно-фибринозную форму пневмонии, и не исключено, что даже двустороннюю. Вообще любая температура ниже температуры кипения воды вымораживает мне внутренности.

— Оставим медицинский треп, — предложил Джон. — И, друзья, прошу вас, не налегайте на крепкие напитки. Особенно это касается тебя, Джерри. За последние четверть часа ты выпил уже три коктейля, и у тебя глаза стекленеют. Будь добр, сдерживайся, не подавай новобранцам дурной пример. Итак, вернемся к делам. В последний раз проклятые лортонои удрали от нас к звездному скоплению на окраине Галактики. Для разнообразия мы решили не соваться с боями, не выяснив положения дел там. Пока не вернулся посланный туда разведывательный корабль, мы укрепляем свои позиции, строим новые базы, набираем добровольцев, нападая на работоторговые корабли, ну и занимаемся прочей

текучкой. Таким образом, прежде чем мы будем вовлечены в новые баталии, у нас есть время, чтобы разобраться с таинственным Кракаром, который покарает нас всех.

— Поддерживаю предложение Джона, — сказал Чак. — Тайну Кракара нужно раскрыть.

Тем временем команда медиков хагг-индеров, используя свои колоссальные ментальные способности и известные на Земле методы лечения душевнобольных, такие, как шоковая и вызывающая рефлекс отвращения терапия, префронтальная лоботомия, интеллектуальное выслушивание и психоанализ, быстро поставила техника на лапы. Едва обретя здравомыслие, он раскаялся в прежних заблуждениях и добровольно рассказал все, что ему было известно о Кракаре. А знал он, как оказалось, немного: только пространственные координаты места, где обитает Кракар, и небезынтересную информацию, что тот, кто управляет Кракаром, управляет Галактикой.

— Давайте двинем за Кракаром всем флотом! — Джерри в нетерпении потер руки. — Вломимся туда на полной тяге, застанем врагов врасплох, разложим их на атомы, захватим Кракара, и Галактика в наших руках!

— По-моему, рубить с плеча не стоит.

— Чак, приятель, о чем ты?

— А я знаю о чем, — похвасталась Салли. — Когда рубят с плеча, во все стороны летят щепки, и могут пострадать...

— Помолчи, — оборвал ее Джон. — Чак, если у тебя есть идея, так и скажи.

— Думаю, что не стоит соваться туда всем флотом. Лучше пошлем разведчиков. Пусть выяснят, кто или что это за фрукт — Кракар. Если бы его было легко захватить, то проклятые лортонои давно бы так и сделали. В разведку предлагаю отправить только «Плисантвильского орла» с воинами-землянами на борту и Салли за повара.

— Великолепная идея, Чак, дружище! — воскликнул Джон. — День-другой каникул! Видит Бог, мы их заслужили!

— А я, по-вашему, заслужила бессменный наряд на кухне? — поинтересовалась Салли, но ее никто не услышал.

Вскоре «Плисантвильский орел» был снаряжен в разведку: топливные баки заправлены, кислородные баллоны закачаны под завязку, орудия заряжены, запасы бара пополнены. С Джерри за штурвалом самолет совершил прыжок в десять световых лет. Затем — второй. Третий. После четвертого Чак включил вмонтированный в нос «Плисантвильского орла» новый электронный суперскоп, и на экране с высокой разрешающей способностью появилось контрастное изображение.

— Ни черта не видно, — заявил Чак. — А попали мы почти в середину звездного скопления, где, по сведениям техника, обитает Кракар. Номер Раз, ты уверен, что мы не напутали с координатами?

— Уверен, — сказал Джон, просматривая расчеты техников. — Координаты вычислены восемью различными методами с точностью до сто тринадцатого десятичного знака, и все результаты сошлись. Без сомнения, Кракар где-то рядом. Прыгнем еще на два световых года в северном направлении, что составит всего лишь 1671321600000 морских миль. Там оглядимся.

— Будет сделано! — отрапортовал Джерри.

Они прыгнули. Тотчас взвыли все корабельные сирены, предупреждая об опасности. Оказалось, что семьсот сорок седьмой из эль-измерения вынырнул рядом с ошестинившимся десятком мощных орудий космическим крейсером миля полторы в длину.

Джерри занес палец над кнопкой излучателя, намереваясь побыстрее убраться от опасного соседа, но тут из крейсера вылетели парализующие волю лучи, и земляне замерли, а могучие магнитные лучи как пушинку подхватили «Плисантвильский орел» и подтянули к космическому гиганту. Из ржавого корпуса крейсера выдвинулась металлическая труба фута два в диаметре. Труба коснулась «Боинга», взвыли циркулярные пилы на ее конце, и кусок корпуса самолета вывалился внутрь. Как ни сопротивлялись земляне, властная сила выстроила их перед круглой дырой с рваными краями. Из соединившей корабли трубы послышались тяжелые шаги, и руки землян сами собой поднялись в приветственном салюте. В кабину ввалился чужак, и земляне раскрыли рты. И было от чего. Чужак восьми футов роста имел короткие толстые ноги и длинное тощее тело, с каждой стороны которого было по четыре руки, всего — восемь. На чужаке была аккуратная черная

форма, на голове — черный шлем. А сама голова!.. Из-под черного шлема на землян смотрели восемь горящих глаз, под ними располагался нос, формой напоминающий насадку пылесоса, из широкого рта торчали черные блестящие клыки.

— Вольно! — гаркнул чужак, и руки землян вытянулись по швам. — Название вашей посуды, планета приписки, какое оружие на борту, паспорта экипажа и справки о прививках, — выпалил он на одном дыхании. — Рапорт! Живо!

Чужак в нетерпении замахал сразу всеми руками, в которых были зажаты блокнот, короткий меч, пистолет, дубинка и еще какое-то неизвестное землянам оружие, две же свободные были просто сжаты в кулаки.

Джерри бойко доложил обо всем, что было на борту, но, собрав волю в кулак, умолчал о сырит-излучателе — самой важной тайне в Галактике.

— Милый, по-моему, ты кое-что забыл! — воскликнула Салли. — Я имею ввиду сыр...

Кто грубо пнул ее под зад, Салли так никогда и не узнала. Пинок возымел действие, она, обидевшись, умолкла. Черный чужак пронзил ее взглядом пары самых ярко горящих глаз.

— Она имела в виду продовольственные запасы в холодильнике и кладовках, — поспешно сообщил Джерри. — Сыр, сушеный горох, колбаса, консервы и прочее, но, думаю, вам неинтересны подобные мелочи.

Чужак хмуро взирал на землян, казалось, целую вечность. Наконец он заговорил густым басом:

— Проваливайте отсюда. Если не уберетесь на полном ходу, то через две секунды после выключения магнитных лучей разлетитесь вместе со своим летающим корытом на бесконечно маленькие кусочки.

— Минуточку! — закричал Джерри. — По какому праву вы говорите с нами таким...

— По праву силы!

— Хорошо, хорошо, говорите как сочтете нужным, но будьте добры, объясните нам, что тут происходит.

— А вы будто сами не знаете?

— Нет.

— Вы находитесь во внешнем слое сил, осаждающих Кракар. Наши непрерывные атаки продолжаются вот уже двести восемьдесят пять лет, и конца им не

видно, поэтому нам всегда нужно пушечное мясо, и мы приветствуем новобранцев в наших рядах. Как только мы захватим Кракар, мы поделим Галактику между дравшимися за него воинами пропорционально количеству их конечностей, и...

— А что такое Кракар?

— А кто его знает. Известно лишь, что тот, кто управляет Кракаром, управляет Галактикой. Остальное нас не интересует. Вас, как я понимаю, тоже. Но я отвлекся. Ваши силы настолько ничтожны, что вступить в наш славный флот мы вам даже не предлагаем. А теперь ваше время истекло. Проваливайтесь!

Чужак, чеканя шаг, направился к дыре.

— А вы берете взятки? — крикнул ему вслед Чак.

Чужак повернулся на каблуках, поднял бесчисленные руки с оружием и, скрипя чудовищными черными зубами-клыками, уставился на землян. В воздухе повис запах смерти. Чувствительная Салли упала в обморок.

— Естественно, я беру взятки, — сообщил наконец чужак. — Как, впрочем, и все. Что вы предлагаете?

— Бриллианты, золото, банкноты, водку, журналы с непристойными фотографиями, авиационное топливо, кислород, Херши барс *. Выбор за вами.

— У ваших баб рук не хватает, так что засуньте свои порножурналы сами знаете куда. Топливо и кислород мне тоже ни к чему, а вот от пригоршни бриллиантов не откажусь. Что вы просите взамен?

— Пустяк.

— А именно?

— Мы хотели войти в зону боевых действий и обрушить на врага всю мощь своего оружия. Затем мы немедленно стартуем в сторону дома.

— Ну, думаю, если вы разок-другой стрельнете из своих хлопушек, вреда не будет... С другой стороны, бриллианты помогут мне дотянуть до очередного жалованья... Что ж, сыпь их в этот карман, сынок. — Чужак выразительно посмотрел на подошедшего к сейфу

* Х е р ш и б а р с — золоченые нарукавные нашивки, каждая из которых указывает, что американский военнослужащий прослужил за океаном шесть месяцев. Ценились весьма низко. Во время второй мировой войны солдаты шутили, что лучше бы им выдавали не нашивку, а плитку шоколада. Такую нашивку также часто использовали в качестве платы проститутке. (Примеч. перев.)

Чака. Тот так и сделал. Чужак раскрыл блокнот, быстро что-то написал, вырвал страницу и протянул ее Джерри. — Вот вам пропуск и координаты. Отправляйтесь, сбрасывайте свои бомбы, но через десять минут чтобы духу вашего в радиусе ближайших десяти световых лет не было. Иначе вы, ребята, покойники. Извините, но на большее ваша скромная взятка не тянет.

— Всегда к вашим услугам, сэр, — бросил Джерри вслед многорукому чужаку.

Экономя кислород, друзья быстро приварили зазубренный металлический кусок корпуса на прежнее место. Труба убралась в космический крейсер, выключились магнитные лучи, и самолет вновь обрел свободу.

— К полю боя доберемся на деформаторе пространства, — сказал Чак, усаживаясь в кресло пилота. — Если воюющая братия, не дай Бог, заподозрит, что у нас на борту сырит-излучатель, то мы оглянуться не успеем, как от нашего «Орла» останутся только щепки. Пристегните ремни, друзья, мы стартуем.

Деформировав ткань межзвездного пространства, самолет вынырнул рядом с колоссальным космическим сражением. Кругами носились космические корабли всех мыслимых форм и размеров, паля огненными лучами и выпуская атомные торпеды и снаряды. От непрерывных вспышек и огненных разрывов резало глаза, и, только надев черные очки, друзья разглядели объект, противостоящий могуществу величайших в Галактике машин разрушения. Объект был золотым шаром не больше мили в диаметре. Шар не только защищался, но и атаковал. На глазах у изумленных землян из него вырвался тонкий красный луч. Луч коснулся пятимильного крейсера, последовала ослепительная вспышка, которая поглотила не только крейсер, но и четыре находившихся поблизости боевых корабля. Их место тут же заняли другие, неведомо откуда появившиеся корабли, и бой закипел с прежней яростью.

— Кто бы ни сидел в той золотой сфере, они парни не промах, — высказал общее мнение Джон.

— Да уж... — глубокомысленно заметил Чак.

— У нас осталось только две минуты, — доложил Джерри, сверяясь с хронометром.

— Бьюсь об заклад, у тебя та же идея, что и у меня. — Джон засмеялся.

— И у меня та же! — воскликнул Чак.

— Правильно! Все оружие обороняющихся нацелено наружу. Мы же, тщательно сфазировав сырит-излучатель, объявимся внутри золотой сферы, захватим ее, а вместе с ней и Кракар!

— Нет! — закричала Салли.

— Почему нет?

— Вы задумали самоубийство! Мы слабые земляне, и не нам тягаться в могуществе с огромной космической армадой, которая вот уже почти три века атакует золотую сферу.

— Решение принято, — непреклонно сказал Джерри, а Чак и Джон кивнули, соглашаясь. — Мы докажем, что люди гораздо сильнее всех инопланетян с их боевыми кораблями, бесчисленными руками и торчащими из ртов острыми клыками. Правильно я говорю, ребята?

— Да!

— Конечно!

— Тогда поехали.

И склонные к самоубийству парни в минуту сфазировали излучатель, а Джон немедленно нажал кнопку.

Глава 17

ЧУДЕСА, ДА И ТОЛЬКО!

План сработал!

«Плисантвильский орел», мгновенно исчезнув из межзвездного пространства, материализовался внутри золотой сферы и грохнулся с высоты двух футов на пол. Пассажиров изрядно потрянуло, из кухни послышался звон разбитой посуды.

— Ребята, вы только посмотрите! — Чак ткнул пальцем в иллюминатор. — Похоже, нас здесь не ждали!

Чак, несомненно, был прав. Семьсот сорок седьмой стоял посреди просторного помещения, изогнутые стены которого закрывали гигантские, изготовленные из чистого золота машины неизвестных назначений и принципов действия. Повсюду мерцающие телеэкраны, шкалы следящей аппаратуры, кнопки, клавиши, ручки управления... Обилие безумно сложной техники впечатляло! Пока парни разглядывали детали и доставали из кобур заряженные пистолеты, Салли затряслась, застонала и даже пустила слюни.

— Помнится, перед тем как Джон нажал на кнопку сырит-излучателя, она причесывалась... — Чак раздраженно ударил себя по лбу. — Наверно, опять сняла с головы мозговой щит и сунула в сумочку.

В одно мгновение пистолеты друзей оказались нацелены на трясущуюся девушку.

— Уходите, чужаки, — заговорила она басом. — Мы не причиним вам вреда за бесцеремонное вторжение в наши владения.

— И не подумаем! — ответил за всех Джерри.

— Наша золотая сфера — исследовательская лаборатория. Здесь нет ничего ценного для вас.

— А не врешь? — спросил Джон.

— Вру, — прохрипела Салли, и ее плечи поникли. — Ах... Мы, чачкасы, говорим только правду, а я соврал... О, как мне худо! Я не переживу позора... Прощайте, друзья чачкасы! Прощайте, мягкотелые чужаки! Я сделал... Ой! — Салли покачнулась и едва не упала, но, прежде чем друзья подоспели к ней, выпрямилась и заговорила еще более хрипло: — Чачкас Два покончил с собой. Я, Чачкас Три, беру командование на себя. Немедленно покиньте нашу базу...

— Слушай, — перебил чужака Чак. — Мы не желаем говорить с помощниками. Зови Чачкаса Один.

— Не могу.

— Это еще почему?

— Чачкаса Один больше нет. Когда появилась ваша машина-монстр, он пересекал комнату, и теперь из-под переднего колеса виднеется его подергивающаяся нога.

— Несчастный случай, — определил Джерри. — Но неважно. Главное, что мы прибыли, и наступил момент истины. Вы охраняете Кракар?

Молчание.

— Говори! — приказал Джон.

— Охраняем, — неохотно подтвердила Салли чужим голосом. — Такой уж тяжелый жребий нам выпал много веков назад. Мы потомки чачкасов, старейшей расы в Галактике. Наша раса уже осваивала космос, когда на вашей отсталой планете только-только зарождалась жизнь. В болотах Земли бултыхались огромные неуклюжие ящеры, а наша империя была в зените, покоряла Вселенную, расширяя свои владения от звезды к звезде. Мы были могучи, но молодые расы, завидуя нашей силе, объявили нам войну. Война год от года становилась свирепее, век от века ожесточеннее. С годами, как известно, приходит мудрость, и когда мы изобрели самое разрушительное во всей Галактике оружие, то уже поняли, что счастье не в господстве над природой, а в самопознании. Оружие нами так и не было использовано. Нас теснили другие расы, мы от-

ступали от планеты к планете, подписывая унижительные пакты о мире, и вскоре оказались запертыми в пределах своей родной солнечной системы. За прежнюю гордыню на нас, как кара небесная, обрушились болезни, перестали рождаться дети, на полях не всходили посевы. Наша раса была обречена. Мы, кто был некогда так силен, давно покорились судьбе.

— А что вы делаете здесь сейчас? — спросил Джерри.

— Если ты помолчишь, то я расскажу. Мое печальное повествование как раз подошло к этому месту. Изобретя самое разрушительное во Вселенной оружие и не использовав его, наша раса получила истинно духовное развитие. Большинство рас считает себя вершиной творения природы. Так уж случилось, что мы о себе это знаем точно. Предположив, что в будущем вероятно чрезвычайная ситуация, угрожающая самой жизни в Галактике, мы построили золотую сферу — воплощение всех наших научных достижений, в нее поместили самых талантливых представителей своей древней расы. Вот уже миллион лет мы наблюдаем и ждем, но не было еще случая, чтобы мы всерьез хотя бы задумались о применении нашего оружия, тем более о...

— Абсолютное оружие называется кракар? — спросил Джон.

— Именно. А вы, земляне, не так глупы, как выглядите.

— Спасибо на добром слове.

— Пожалуйста. С вашего разрешения продолжу. Все расы, прознавшие о существовании кракара, собрались вокруг нашей золотой сферы с жадной убийства в сердцах и пытаются отнять его у нас силой.

— Мы не такие! — с жаром воскликнул Джон, отстегивая пояс с кобурой и незаметно запихивая его под кресло. — В наших сердцах только мир, свобода и братство, ведь мы галактические рейнджеры! Мы посвятили свои жизни уничтожению лортонои, ненавистных существ, пытающихся завладеть всей Галактикой. Клянемся, что используем ваш старый кракар только ради благородной цели. Может, отдадите его нам?

— Никогда! — Салли отшатнулась. — О каком мире вы ведете речь?! Нам же видны стволы ваших

варварских артиллерийских орудий и носы торпед под крыльями вашей машины!

— Торпеды и орудия только для самозащиты, — заверил чачкаса Джон.

— Врете! Вот мы действительно лишь защищаем себя. Вы видели, как мало вреда наносят грубые космические корабли нашей неразрушимой золотой сфере. Это оттого, что мы окружили ее стеной энергии, которую невозможно преодолеть.

— Но мы преодолели ее, — гордо сказал Чак. — Так что ваша защита не такая уж и совершенная.

— К сожалению. Но знайте, ваш сырит-излучатель — лишь упрощенный вариант нашего РШ-излучателя, от которого мы отказались, как от детской игрушки, многие тысячелетия назад и о существовании которого уже даже забыли.

— По-моему, зря, — сказал Джон, полируя ногти о манжету сорочки. — Если бы вы о нем не забыли, то мы бы не свалились как снег вам на головы и не потребовали кракар.

— Подобная ситуация была предусмотрена. На нашу базу вы проникли, но если попытаетесь захватить кракар силой, то любой из моих соплеменников нажмет аварийную кнопку, и золотая сфера вместе со всеми нами мгновенно испарится, а кракар и секрет его изготовления будут утеряны для Вселенной раз и навсегда! Мы лучше погибнем, но кракар не в те руки не отдадим.

— Звучит убедительно, — сказал Джерри. — А почему бы нам, как и подобает представителям интеллигентных форм жизни, не сесть за стол переговоров и не найти компромисс? Да и Салли, похоже, вконец охрипла.

— Мы согласны, — сказал Третий после секундного раздумья. — Будьте добры, оставьте оружие на своем корабле и выходите. Скафандры одевать ни к чему, наша атмосфера годится для вас. Конец связи.

Салли тяжело вздохнула и схватилась за шею:

— Господи! Все связки сорвала!

— Пополощи горло соленой водой, — посоветовал Джерри.

Салли опрометью бросилась в туалет, а парни, оставив оружие, вышли из самолета. У трапа их знакомым голосом приветствовал Чачкас Третий:

— Добро пожаловать!

— Будь я проклят! — сказал Чак за всех. — Эти чачкасы ни дать ни взять черные тараканы в фут длиной с малюсенькими розовыми ручками вместо передних лап.

— А земляне для нас выглядят точь-в-точь мягкими червями, которые обитали в зловонных болотах на нашей родной планете и питались падалью, вставая на головы.

— А вы...

— Давайте оставим расистскую ругань и займемся делом. Пока вы выходили из своей неуклюжей повозки, я обсудил создавшуюся ситуацию с остальными лидерами чачкасов. Думают чачкасы в сотни раз быстрее людей, и поэтому, просовещавшись по вашим примитивным стандартам не меньше суток, мы пришли к единодушному решению. Слушайте же его. Против вас лично мы, чачкасы, ничего не имеем, за исключением, конечно, того, что выглядите вы безобразными червями. Мы согласны даже дать вам кракар, если только вы убедите нас, что Галактике угрожает серьезная опасность. Для этого нам нужна полная информация о вашем прошлом, истории и культуре вашего мира, моральных и сексуальных отклонениях в поведении представителей вашей расы и прочее, и прочее.

— А не слишком ли многого вы требуете? — спросил Джон. — Мы и за десять лет не снабдим вас всей необходимой вам информацией.

— Вы неправы, безобразные мягкотелики. Если вы согласитесь, мы сделаем мгновенные слепки ваших сознаний, включающие даже ваши расистские заблуждения, и разберемся в записях в течение двух минут. Вы согласны?

— А у нас есть выбор? — подозрительно спросил Чак.

— Да, вы вправе отказаться. Мы, чачкасы, существа чести и не берем силой ничего чужого, даже воспоминаний. Если же вы согласитесь, то наши ментальные лучи, легко преодолев ваши примитивные мозговые щиты, мгновенно проникнут к вам под черепа и запечатлеют всю информацию, содержащуюся там на сером веществе. Вы при этом ничего не почувствуете.

— Ну, ребята, что делаем? — спросил Джерри. Земляне, переглянувшись, неохотно кивнули. — Черт с вами, снимайте наши воспоминания!

— Запись уже произведена, — сказал Чачкас Третий через секунду. — Как я и обещал, вы ничего не почувствовали. Пока обрабатывается извлеченная из ваших мозгов информация, предлагаю взбодриться. Надеюсь, от великолепного коньяка столетней выдержки, мгновенно изготовленного реконструкционной машиной по описанию в ваших мозгах, вы не откажетесь?

— Нет!

— Еще бы!

— То, что сейчас нужно!

— Вот, держите.

Третий подал землянам поднос, на котором стояли запотевшая поллитровая бутылка и резные хрустальные бокалы. Те сорвали сургучную печать, вскрыли пробку и, разлив золотистый напиток по бокалам, пригубили. Затем, закатив глаза, принялись прихлебывать божественный, неотличимый от оригинала коньяк малюсенькими глотками.

— Бутылку оставьте себе, я не пью, — сказал Третий. — А-а-а, вот и результаты обработки ваших воспоминаний. О-о, до чего мерзкие образы получены из ваших подсознаний методом глубокого очищения от ложных воспоминаний! К счастью, они сейчас неважны. Интерес представляет лишь то, что лортоной действительно несут угрозу всей Галактике! Решено, кракар может быть использован против них. Примите мои поздравления, мягкотелые земляне!

— Значит, вы дадите нам абсолютное оружие? — воскликнул Джон, подпрыгивая от нетерпения.

— Конечно, нет. Мы дадим вам лишь устройство, позволяющее мгновенно связаться с нами откуда угодно, если вам покажется, что лортоной захватывают Галактику, и вам собственными силами с ними не совладать. Вы сообщите об этом нам, нажав кнопку на нашем приборе и прижав к нему головы, а мы вмиг снимем ваши текущие воспоминания и, беспристрастно оценив ситуацию, возможно, повторяю, возможно, применим против агрессоров кракар.

— Устройство связи... — разочарованно протянул Джерри.. — И только-то?

— Считайте себя везунчиками. Последний раз мы делали подобное предложение восемь миллионов лет назад. Передатчик уже доставлен в ваше транспортное средство. Счастливого пути.

— Прощайте.

Земляне направились к «Плисантвильскому орлу».

— Да, чуть не забыл, — закричал Третий им вдогонку. Друзья как по команде обернулись. — Все наши механизмы и машины питаются от конвертера, полностью преобразующего материю в энергию. Постепенно в конвертере сгорает масса нашей сферы. Топлива осталось столетия на два, на три, не больше, и мы не прочь пополнить его запасы. Если вам интересно, предлагаем обмен.

— Какой?

— Мы вам — ящик «Наполеона», вы нам — двести галлонов вашего реактивного топлива.

— Согласны! — в один голос закричали земляне.

— Отлично. Коньяк уже у вас на борту, топливо из вашего бака переливается. Двухсот галлонов нам хватит на ближайшие тысячу лет. Прощайте.

Земляне помахали Третьему и, прихватив бутылку, поднялись по трапу. В салоне первого класса их встретила Салли. Помня о ее поврежденном горле, друзья налили и ей стакан. Третий не соврал, в кабине управления стоял ящик коньяка, а на сиденье пилота лежала золотая сфера размером с мяч для гольфа. На ее единственной красной кнопке было написано: «Нажми меня».

— Эти чачкасы знают толк в микроминиатюризации, — сказал Джон, засовывая сферу в карман. — Убираемся отсюда, ребята?

— И побыстрей, — сказал Чак. — Предлагаю, чтобы никто не заподозрил, что мы побывали в гостях у чачкасов, до секретной базы на планете Икс добраться одним прыжком.

— Согласен, — сказал Джон.

Джерри быстро настроил сырит-излучатель.

— Даю максимальную тягу, так что, леди и джентельмены, держите свои головные уборы, — сказал он и нажал на кнопку.

Прыжок получился самым длинным из всех, какие совершали земляне прежде, и ощущения были не из приятных.

— Фу! — выдохнула Салли, как только они прибыли. — Мне показалось, что мои внутренности заменили на спагетти и их наматывают на гигантскую вилку.

Она отстегнула ремни, поднялась, пошатнулась и рухнула в кресло. Стаканчик «Наполеона» привел ее в чувство, и Салли уже без труда прошла в кухню, сварила крепкий кофе и вернулась в кабину с кофейником и чашками на подносе. Несколько литров горячего черного кофе и три бутылки божественного коньяка помогли парням оправиться после прыжка в десятки световых лет, и, когда «Плисантвильский орел» наконец приземлился на планете Икс, они чувствовали себя бодрыми, хотя и слегка навеселе.

Покинув упругим шагом самолет, земляне прошли в рубку управления секретной базой галактических рейнджеров, и Джон тут же щелкнул несколькими переключателями на пульте. Большая часть аппаратуры пока не работала, но минут через пять он все же связался с дежурным офицером.

— Рад вашему возвращению, сэр, — сказал рогатый чужак на экране.

— Рапорт, быстро!

— Докладываю. Разведывательный корабль, посланный за лортоной, вернулся. У них такая информация, что обалдеете!

— Отлично. Срочно пришли сюда командира разведчиков.

— Есть, сэр! — Чужак откозырял, но рука зацепилась за рога, и жест получился не по уставу.

Командиром разведчиков оказался старый знакомый Джерри, Пипа. От хорошего питания он заметно раздобрел, зеленую кожу покрывал ровный загар, а на лице сияла обычная улыбка от уха до уха.

— Привет, Джерри, — квакнул Пипа. — Давненько не виделись. С той самой памятной заварушки в шахтах ДнДрф. Да, замечательное было времечко! Приключения... Опасности...

— Сначала рапорт, приятные воспоминания потом, — приказал Джон.

— Есть, сэр.

— Вы обнаружили лортоной?

— Да, сэр. Мы гнались за ними через всю Галактику. Их след привел нас к звездному скоплению на краю правого рукава Галактики. Если быть совсем точ-

ным, к звезде Дисан. У этой звезды, скажу я, весьма необычная планетарная система. Вернее, всего один сателлит. Сожалею, сэр, но я не в силах его описать. Лучше взгляните на него своими глазами, а затем я дам детали. Знаю, увидев эту чертовщину, вы глазам не поверите, как поначалу и мы. С вашего разрешения включу изображение?

— Давай.

Посреди рубки возникла четкая голограмма, и земляне выдохнули в унисон.

— Не верю, — воскликнул Джон. — Что за дурацкие шутки ты с нами шутишь, жалкая жаба?!

— Пожалуйста, сэр, верьте мне.

— Врешь!

— Если желаете, сэр, я приведу весь экипаж в свидетели, и они поклянутся хоть на Библии, хоть на детекторе лжи, что именно эту хреновину мы обнаружили, следуя за лортоной.

Посреди рубки плавал обруч, похожий на обруч для хулахупа. Ничего особенного, если не знаешь, что маленький светящийся шарик, вокруг которого вращается обруч, — солнце.

— А я знаю, что это такое, — заявил Джерри, щелкнув пальцами. — О такой штуковине писали в специальных астрономических журналах года два назад.

— Если знаешь, то не выпендривайся, объясни, — попросил Джон.

— С удовольствием. Для начала скажи, с какими, по-твоему, проблемами сталкивается бурно развивающаяся цивилизация?

— Черт его знает.

— Всякая бурно развивающаяся цивилизация сталкивается с двумя основными проблемами: перенаселенность и нехватка полезных ископаемых. Возьмем, к примеру, планету Земля. Год от года на ней становится все больше людей. Людям нужно все больше пространства, больше товаров и пищи для жизни, а природные ресурсы постепенно истощаются. Можно, конечно, послать к ближайшим планетам космические корабли и, отправив на них излишки населения, начать разработку полезных ископаемых там, но их доставка на родную планету обойдется недешево, а колонисты вскоре тоже начнут размножаться. Цикл повторится. Существова, построившие тот мир, что мы видим на голограмме,

решили эти проблемы другим путем. Они просто перекроили свою солнечную систему. Для этого они стащили все планеты и луну на одну орбиту, спаяли их, а затем, раскатав их в гигантскую ленту, соединили концы. Получился мир-кольцо. Вот вам пример того, каких поразительных результатов можно достичь, имея неограниченные запасы энергии и времени!

— Да ты, Джерри, пьян как сапожник!

— Ты спросил, я ответил, — обиженно сказал Джерри. — Я сам не знаю, как сделан тот мир, а объяснил лишь принцип его строительства.

— Спасибо.

— Ты только представь, что построил такой мир-кольцо. Раскрутив его вокруг солнца, создал центробежную силу, заменяющую гравитационную. После того как мир остыл, ты сажаешь там деревья, заселяешь его животными и людьми. У тебя замечательный мир. Обруч находится на оптимальном расстоянии от светила, и на всей его поверхности — нужная тебе температура и всегда полдень. Только представь, какими ресурсами ты обладаешь! Например, на такой планете, как Юпитер, полезных ископаемых в миллионы раз больше, чем на Земле, и все природные ресурсы у тебя прямо под ногами, шахты не нужны. Итак, у тебя сколько душе угодно природных ископаемых, солнечная энергия круглые сутки и поверхность для заселения, в миллионы раз превышающая поверхность Земли. О перенаселенности можешь забыть! Размножайся на полную катушку! Конечно, все сказанное мной звучит достаточно безумно, но то, что мы видим на голограмме,шний раз подтверждает аксиому, что сколь бы ни была идея безумна, где-нибудь когда-нибудь во Вселенной найдется безумец, который, хорошенько потрудившись, воплотит ее в жизнь.

— А лортоной потрудились дай Бог! — сказал Джон, с благоговением глядя на голограмму.

— Ребята! — воскликнул Чак. — А вы представляете, какие беды монстры-лортоной способны натворить в Галактике, если им по плечу создание такого обруча в космосе?!

— Мда... — изрек Джерри.

Земляне помрачнели. Затянувшееся молчание прервал Джон:

— Не вешайте носы, парни! Перед рассветом всегда сгущается тьма!

— Ну, спасибо, утешил, — сказал Джерри, жалея, что они не прихватили в рубку хотя бы одну бутылочку «Наполеона».

— А об этом вы уже забыли? — Джон достал из кармана золотую сферу и, подбросив ее, ловко поймал в воздухе. — Чем хуже у нас дела, тем больше вероятность, что нам помогут. Если окажется, что проклятые лортоны сильны настолько, что самим нам их не одолеть, то мы просто свяжемся с чачкасами, и те враз уничтожат негодяев кракаром.

Джерри громко рассмеялся.

— А ты прав. Давайте, не мешкая, двинем весь наш космический флот к той таинственной звезде, и будь что будет!

Глава 18

САМАЯ МОГУЧАЯ В ГАЛАКТИКЕ КОСМИЧЕСКАЯ АРМАДА? СМЕХ, ДА И ТОЛЬКО!

В авангарде самой могучей в Галактике космической армады двигался серебряный «Плисантвильский орел»: крылья гордо расправлены, на хвосте нарисован славный звездно-полосатый, под ним, поменьше, флаг Объединенных Наций. За «Плисантвильским орлом» следовал военно-космический флот хагг-лусов, который пожертвовали галактическим рейнджерам хагг-индеры, как только одержали окончательную победу над безумными сородичами. За кораблями хагг-лусов летели космические корабли остальных разумных рас Галактики, и конца им не было видно. Среди них были корабли миров, на себе ощутивших «прелести» войны с проклятыми лортоной и готовых на все, лишь бы покончить с угрозой для Галактики. Были корабли с планет, знавших о лортоной лишь понаслышке, но понимавших, что, пока жив враг, их свободе грозит опасность, и без колебаний снарядивших своих добровольцев в галактические рейнджеры. Были космические корабли и свободных миров, ничего не слышавших о лортоной, но хотевших остаться свободными и потому «добровольно» отдававших рейнджерам по нескольку кораблей, едва над их планетами зависала космическая армада.

Были в космической армаде крейсера в мили длиной; были крошечные маневренные корабли-разведчики; были корабли — артиллерийские орудия, изготовленные из средних размеров астероидов, в которых были просверлены дыры и вмонтированы гигантские пушки; были небольшие, скоростные, весьма неплохо вооруженные перехватчики; были... Много разных космических кораблей было в могущественнейшей в Галактике армаде! Корабли-призмы, корабли-иглы, корабли-сферы, корабли-колеса, корабли-сигары, корабли-блюда, корабли-сковородки, корабли-кастрюли... В глазах рябило!

Берегитесь, проклятые лортонои! На тропу войны вышли галактические рейнджеры! Тряситесь от страха в своих темных сырых берлогах! Час отмщенья пробил! Мстители, оставляя за кормой своих мощных кораблей световой год за световым годом, приближаются!

На последний банкет перед выступлением армады в поход к звезде Дисан и вращающемуся вокруг нее таинственному миру-кольцу собрались командиры всех кораблей галактических рейнджеров. Накрытые белыми, как первый снег, скатертями столы в салоне первого класса «Плисанвильского орла» ломились от изысканных яств; блеск столового серебра резал глаза; из кухни доносились невероятно аппетитные запахи. Джон, как галактический рейнджер Номер Один, сидел во главе самого почетного стола, Джерри и Чак — от него по правую и левую руку соответственно; включив обогреватели на полную мощность, лорд Пррси и двое его соплеменников устроились в углу; остальные командиры галактических рейнджеров сидели за столами плечом к плечу. Были среди них и скалоподобные филзениги с планеты Филзен, на которой сила тяжести превосходит земную в десятки раз; были и похожие на эльфов из детских сказок ганзел-поги с планеты Ганзел-Пог, где сила тяжести меньше одной десятой земной; были и змеевидные караколлер, с планеты-пустыни Караколл; были и разумные растения с планеты Каротин; были даже мыслящие минералы с планеты Кхр; были командиры черные, белые, красные, зеленые, пятнистые, серо-буро-малиновые в крапинку... Не обращая ни малейшего внимания на различия в анатомии и цвете кожи, они пили и смеялись, изредка дели-

катно рыгая. За столами царила атмосфера истинного братства, какого прежде не видывали в Галактике.

Как и надеялись друзья, Салли, приготовив вместе с подружками-инопланетянками пищу и ополоснувшись под душем, присоединилась к общему празднеству. Джон со стаканом вина в правой руке поднялся, и в салоне наступила относительная тишина.

— Рейнджеры! — заговорил Джон. — Вершители судьбы Вселенной! Мы вместе гнали проклятых лортоной от планеты к планете, от звезды к звезде, и теперь они отступили к своему оплоту — похожей на обруч конструкции, вращающейся вокруг звезды Дисан. Разосланные нами по всей Галактике агенты докладывают, что враг затаился. Мы загнали его в угол! Предстоит грандиозный бой, но, пролив в этом бою кровь, мы обретем неувядаемую славу! Уничтожим ненавистных лортоной любой...

Кресло с грохотом отлетело в сторону, на полу забилося в конвульсиях зеленокожее существо, и великолепную речь Джона прервал крик агонии:

— О-о-о-о-о! Куо-о-о!

— Окажите рейнджеру медицинскую помощь! — приказал Джон. — По всему видно, что он тяжело болен.

— Не трогайте его! — закричал другой зеленокожий инопланетянин, вскакивая на перепончатые лапы. — Я из того же водного мира, что и Пипа, и мне знакомы симптомы его болезни. Это вовсе не болезнь.

— А что же?

— Наша раса очень древняя, и мы владеем пси-способностями, неизвестными в других мирах. Обычно пси-силы дремлют в нас, но иногда, как правило, перед величайшими историческими катаклизмами, в самых чувствительных из нас они пробуждаются, и тогда счастливчик, проломив темпоральный барьер, заглядывает в будущее. Так и случилось с моим другом, Пипой. Его корчащееся сейчас на ковре тело — пустая оболочка, душа же отправилась в будущее. Вскоре он вернется с посланием. Не знаю, что он сообщит, но уверен, речь пойдет о жизни и смерти всех нас, а иначе душа Пипы и не отлетела бы в будущее. Слушайте! Он заговорил!

— Квоа... Квоа... Ква... — Пипа, откашлявшись, напрягся всем телом, и речь его стала вполне отчетлива: — Куоо! О-о! Куо! Впереди только страх... Все

окажется вовсе не тем, чем выглядит... Величайшая победа обернется грандиозным поражением... Победители — проигравшими... Квоа! Квоа! Остерегайтесь! Впереди расставлены страшные ловушки... Галактика в руках... Многие из собравшихся здесь никогда больше не увидятся... Помните мои пророческие слова! Помните! Скажите друг другу: «Прощай!» Конец близок! Квоа! Квоа! А-а-а! А! — Слова Пипы вновь стали неразличимы. — Квоа! Квоа! О-о-о! А... — Кваканье перешло в нечленораздельное бормотание, бормотание — в храп, и Пипа прямо на полу заснул мертвецким сном.

— Что все это значит? — поинтересовался Джон у соплеменника Пипы.

Тот пожал плечами.

— К сожалению, Номер Один, побывавшие в будущем души часто говорят загадками. Но на всякий случай попросаемся. Думаю, все галактические рейнджеры погибнут, но погибнут не напрасно. Хотя я, конечно, предпочел бы не погибать вовсе.

Он пожал Джону руку и отбыл. Командиры космических кораблей рейнджеров один за другим пожали Номеру Один руку и тоже отбыли. Банкет закончился, и земляне остались одни среди столов с объедками.

— Может, помоем тарелки? — предложил друзьям Джерри.

— На ерунду нет времени, — ответил Джон. — Просто запихните их в коробку, помоем потом. Через несколько часов мы будем у мира-кольца.

— Наш старый «Орел» оснащен сырит-излучателем, — задумчиво пробормотал Чак. — Может, движем туда, не дожидаясь остальных, и сами решим все проблемы?

— Я голосую за поход, хоть он и чертовски опасен, — сказал Джон.

— Я — с вами, — сказал Джерри.

— Вы все с ума посходили! — воскликнула Салли. — То, что вы задумали, самоубийство!

— Сожалею, Салли, старушка, но на уговоры мы не поддадимся, — заверил ее Джон.

— Пусть на разведку отправляется кто-нибудь другой, — возразила Салли. — В конце концов, у нас же целый флот кораблей!

— Драку затеяли не мы, а проклятые лортоной, но мы не покажем себя слабаками, — сказал Чак.

— А ты, Салли, никогда не задумывалась, почему мужчины сражаются с быками? — продолжил мысль приятеля Джерри. — Почему гоняют сломя голову на гоночных автомобилях? Почему отправляются на Луну? Почему взбираются на Эверест? Это оттого, что они...

— Безумцы! Непрерывно меряются силами. Но я-то не дура, и ваши забавы не для меня. Сейчас приберу и отправлюсь в постель. Две-три таблетки снотворного и лихой детектив помогут мне уснуть и проснуться живой и здоровой.

Она выскочила из кухни, а друзья, посмеявшись над женскими слабостями, занялись настоящими мужскими делами. Были отданы приказы, и боевые корабли остановились. При этом, конечно, не обошлось без столкновений. Оно и понятно, разве остановишь такой громадный космический флот без катастроф? Рейнджеры, приписанные к «Плисантвильскому орлу», заняли места по штатному расписанию, все хагтисы залезли в теплоизолированный отсек, а лорд Пррси, высунув оттуда голову, кивнул. Одна за другой на пульте управления «Боинга» зажглись зеленые лампочки. Вот, сигнализируя, что все в полном порядке, горят все, кроме одной из каюты Салли, которая, без сомнения, приняв снотворное, мирно спит.

— Рейнджеры, готовы? — спросил Джон в микрофон общего оповещения. Отовсюду, кроме, конечно, каюты Салли, пришли подтверждения. — Тогда даю старт!

Один прыжок через эль-измерение — и «Плисантвильский орел» у звезды Дисан. Тут же взвыли все аварийные сирены, и друзья припали к обзорным экранам. Рядом в космосе вели бой корабли-громадины, самый маленький из которых в десятки раз превосходил размерами самый большой из флота галактических рейнджеров. Корабли-монстры палили смертельными лучами, столь мощными, что деформировали саму ткань пространства, и отражали, в свою очередь, защитными экранами смертельные лучи противника. Среди кораблей вроде бы беспорядочно летали крошечные, всего несколько футов в диаметре, светящиеся сгустки ионов, обладающие разрушительной силой сотен термоядерных бомб и готовые взорваться от малейшего прикосновения; сновали ядерные торпеды, мины, снаряды...

Джон повернул штурвал и поспешно отвел «Плисант-вильский орел» на несколько миллионов миль назад.

— Правильно, — одобрил Джерри. — С расстояния лучше видна перспектива.

— Не хотелось бы ввязываться в эту заварушку, не выяснив, что здесь происходит, — заметил Чак.

— Не хотелось бы ввязываться в эту заварушку вовсе, — глубокомысленно изрек Джон. — У нас с теми кораблями разные весовые категории.

— Согласен, — откликнулся Джерри. — Хотя не все так плохо, как кажется с первого взгляда. Ведь дерутся здесь по крайней мере две враждующие стороны. Одна из них, как я надеюсь, станет нашим союзником.

— ВНИМАНИЕ! — заорала автоматическая сигнальная система.

— От поля боя отделился неизвестный объект, — доложил оператор радарного комплекса. — Объект движется прямо на нас. Расчетное время столкновения четырнадцать секунд.

— Пристегните ремни! — воскликнул Джерри. — Я отведу «Орел» в сторону.

Семьсот сорок седьмой отошел вправо на полторы сотни миль. Галактические рейнджеры, не отрываясь, смотрели на обзорные экраны. Что к ним приближается? Боевой корабль? Или, может, ядерная торпеда? Или спасательная капсула? Намерен ли неизвестный объект атаковать галактических рейнджеров? Время покажет.

Объект на экранах рос. Вот он уже из светящейся точки превратился в пятнышко. Вот уже различимы детали.

— Обломки космического крейсера, — определил Чак.

— Подведу нашу птичку поближе, — Джерри тронул штурвал. — Возможно, в той куче металлолома скрыты ответы на многие наши вопросы. На всех надежды мозговые щиты?

— Да.

— Конечно.

— Естественно.

— И на Салли тоже?

— Кто же ее знает.

— Чак, дружище, сбегай к Салли в каюту и надень ей на голову мозговой щит. Да не опоздай хотя бы на этот раз!

Обломки тем временем приближались. Вот уже и невооруженным глазом видно, что это не торпеда и не артиллерийский снаряд, а отрезанный тепловым лучом кусок гигантского крейсера. Через многочисленные дыры различимы внутренние помещения. Везде разгром, тьма, плавают искалеченные приборы.

— Вряд ли там кто-нибудь остался жив, — предположил Джерри. — Но все же попробую связаться с ними по радио. — Он переключил тумблер на пульте и заговорил в микрофон: — Привет обломкам крейсера. Как меня слышите? Я рядом. Предлагаю помощь. Прием.

В ответ из динамика лишь статический треск.

— Попробуйся на частоте 176,45 килогерца, — посоветовал Джон. — Эта частота аварийная у многих разумных рас.

Джерри повторил предложение о помощи на аварийной частоте. Из динамика вдруг послышался слабый голос:

— Слышу вас. Я единственный уцелевший. Кислород почти на нуле. Откройте шлюз, и я перейду в ваш корабль.

— Открыть внешний люк шлюза! — приказал Джерри.

Приказ был молниеносно исполнен. Джерри, захватив обломки крейсера магнитными лучами, подтянул их к «Плисантвильскому орлу». С глухим ударом захлопнулся внешний люк, в шлюзе заработали мощные воздушные насосы, давление вскоре уравнилось. Вся команда «Орла» напряженно смотрела на автоматически открывающийся внешний люк. Как-то выглядит обладатель слабого голоса?

В салон, нагнувшись, вошел чужак. Птица! И какая! Огромный желтый клюв, способный одним ударом проделать дыру в броне танка; глаза — круглые, желтые; взгляд — равнодушный, немигающий, как у орла или беркута. Одежда на чужаке отсутствовала, что при его густом нарядном оперении было неудивительно. За спиной сложена пара здоровенных крыльев; когти на лапах при ходьбе раздирают ковер. Были у чужака и руки — мускулистые, длинные; большой палец правой просунут под португепю рядом с кобурой. Чужак оста-

новился посреди салона и, не торопясь, оглядел галактических рейнджеров.

— Кто среди вас командир? — спросил пришелец властно.

— Я галактический рейнджер Номер Один, — представился Джон. — Человек с планеты Земля, зовут меня Джон.

— Очень приятно, Джон. Я — Тросепс, полноправный представитель расы флигилехов, но Тросепсом меня зовут только близкие друзья. Ты, Джон, спас мне жизнь, поэтому зови меня так. И еще, я перед тобой в долгу. Кого мне здесь для тебя убить? — Тросепс снял бластер с предохранителя.

— Тросепс, старый цыпленок, убивать никого не надо. У нас так не принято. Хотя, конечно, спасибо за предложение. Считай, что свои обязательства по отношению ко мне ты выполнил.

— Ты, Джон, старая мартышка, благодаришь меня и говоришь, что мои обязательства выполнены, но это не так. Если я не могу убить кого-нибудь за тебя, то, согласно нашим обычаям, убью себя.

Он выхватил бластер и приставил дуло к своему левому глазу. Джон метнулся к нему и схватил за руку.

— Остановись. Перемажешь самолет перьями и забрызгаешь ковер кровью. Подожди немного, мы предложим тебе пленника или шпиона...

— Шпион! Великолепная идея! — Тросепс обвел галактических рейнджеров тяжелым взглядом немигающих круглых глаз. Рейнджеры, как один, прижались к стене. — О, то, что нужно. Слабое создание, бывшее некогда рабом, которое теперь передает сведения о вас прямо проклятым лортонои. Он трепещет, но надеется, что я веду речь не о нем. Я смеюсь над ним! Ха-ха! Он знает, что мой мозг закрыт для него. Мощь моей мысли сильнее, чем даже у проклятых лортонои. Я дам ему намек, чтобы он понял, что я знаю, кто он такой. Его мать в девичестве носила имя Иксстайкли!

Второй помощник артиллериста выхватил пистолет, но нажать на курок не успел. Бластер в руке огромной птицы полыхнул пламенем, и несчастный шпион мгновенно превратился в головешку.

Тросепс продул ствол бластера. Ядовитый дым попал ему в ноздри, и он, откашлявшись, сунул бластер в кобуру и гордо сказал:

— Мой долг тебе, Джон, выплачен.

— Да, — подтвердил Джон и, беззаботно улыбаясь, сунул свой пистолет в кобуру. Примеру командира последовали остальные рейнджеры. — Теперь, когда мы квиты, будь добр, расскажи нам, кто ты и с кем воюешь. И еще, ты упомянул лортонои. Они тебе враги или друзья?

Тросепс расправил огромные крылья. Из левого вылетело перо. Тросепс ловко подхватил его в воздухе и принялся ковырять им в клюве. Рейнджеры не спускали с пришельца напряженных глаз. Внезапно Тросепс откинул голову и расхохотался.

— Извините, не сдержался, — сказал он, смахивая пером с глаз слезы. — Вы такие наивные. После того как я уничтожил шпиона, могли бы и догадаться, что ваши простенькие мозговые щиты не экранируют от меня ваши мысли. Я знаю о вас все и, демонстрируя свою добрую волю, приглашаю одного из вас к себе в мозг. Пусть это будет вон тот пышущий жаром черный скорпион, обладающий вроде бы вполне приличными ментальными способностями. Давай же, скорпион, прочитай мои самые потаенные мысли. Мой мозг для тебя открытая книга!

— С превеликим удовольствием. — Лорд Пррси, сосредоточившись, щелкнул передней клешней. — Ребята, вот это да! — воскликнул он через минуту и щелкнул клешней еще громче. — А наш гость-то герой! И, самое главное, его народ воюет с ненавистными лортонои с незапамятных времен!

Глава 19

ТАЙНА НЕНАВИСТНЫХ ЛОРТОНОВ РАСКРЫТА

Галактические рейнджеры восторженно закричали, поняв, что под знамя врагов лортонов прибыли новые силы. И какие силы! Отважные могучие воины, под стать Тросепсу, обладающие огромными космическими кораблями.

— Тросепс, старый говорящий попугай! — воскликнул Джон. — Рад, что ты на нашей стороне! Но скажи, с кем сражается ваша космическая армада?

— С радостью удовлетворю твое любопытство. Но сначала... У вас найдется стакан воды?

— У нас найдется стакан с чем угодно, включая коньяк столетней выдержки.

— Коньяк ни к чему, нужна вода. Не для меня. Мы, флигилехи, можем сражаться неделями, съев только пригоршню зерен. Вода для моего любимца, Пишки.

Тросепс, едва слышно чирикавая, вытащил из кобуры бластер, отвинтил приклад и извлек из него маленькую зеленую черепашку.

— Твой зверек — точь-в-точь маленькая зеленая черепашка с Земли, — сказал Джерри.

— Весьма вероятно. Как я вижу в ваших мозгах, вы, земляне, часто держите при себе ручных птиц. Точно так же и мы, флигилехи, держим ручных черепашек. Они очень красивы и привязаны к нам. В какой бы бой

я ни отправлялся, малютка Пишки сопровождает меня в прикладе бластера и...

— Все это, конечно, интересно, — перебил Тросепса Джон. — Но, может, о своем любимце расскажешь попозже? Нам не терпится узнать, с кем вы все-таки воюете?

— Конечно, конечно, сейчас объясню, — сказал Тросепс и замолчал.

Принесли стакан воды. Он посадил малютку Пишки туда и, с минуту полюбовавшись, как тот плавает, близоруко щурясь на хозяина, и погладив черепашку указательным пальцем, приступил к рассказу:

— Эта история началась давным-давно. Настолько давно, что ни одна из ваших систем подсчета времени не годится для описания этого срока. Моя раса очень древняя. С незапамятных времен нас мучили две проблемы: нехватка природных ресурсов и перенаселенность. Проблемы эти обусловлены нашей психологией. В жизни у нас лишь два интереса: занять автомобиль подлинней и помощней и отложить побольше яиц. О, видели бы вы только, как великолепны наши яйца! Какие они белые, круглые!.. Но я отвлекся. Любой флигиглех-самец считал себя законченным неудачником, если у него не было автомобиля хотя бы двадцати футов в длину и если он не стал отцом хотя бы двадцати цыплят. Надеюсь, вы понимаете, откуда пошли все наши беды? Мы освоили космические перелеты, довольно быстро заселили все ближайшие миры, но по натуре мы, флигиглехи, домоседы. Единственное, чего бы нам хотелось, так это, не покидая своего мира, непрерывно откладывать восхитительные яйца и гонять на машинах в сорок футов длиной. И тут одному из наших многочисленных гениев пришла в голову замечательная идея создать мир-кольцо. Пользуясь его наставлениями, мы стащили все планеты нашей солнечной системы на одну орбиту, спаяли их вместе, раскатали в ленту, концы ленты соединили и раскрутили получившийся мир-кольцо вокруг солнца. Новый мир называли в честь гениального изобретателя Которром... О, вы только полюбуйтесь, до чего потешно царапает малютка Пишки стеклянные стенки стакана. Пытается выбраться, бедняжка!

— Красивая черепашка, красивая! — Чак фальшиво улыбнулся. — Но что же случилось после того, как вы обосновались на Которре?

— Запаситесь терпением. Рассказ, как я уже сказал, длинный. Мы обосновались на Которре и наслаждались жизнью. Представляете, неограниченная рождаемость и автомобили любой длины и мощности! Чего еще желать от жизни?! Мы непрерывно строили новые гнезда и новые дороги, постепенно расселяясь по ленте в обе стороны от первого гнезда на Которре. Так продолжалось миллионы лет. Эти годы не без основания в летописях называют Эрой Золотого Яйца. Но всему на свете приходит конец. На Которре высадились лортонои! — с яростью каркнув последнее слово, Тросепс непроизвольно дернул левой лапой. Кривые острые когти разодрали ковер и оставили на дюралюминиевом полу глубокие царапины. — О, эти дьяволы лортонои! Ко времени их высадки мы освоили почти три четверти поверхности своего мира, и через несколько миллионов лет наши пионеры новых территорий неминуемо встретились бы. Мы уже подумывали о сооружении еще одного мира-кольца у ближайшего солнца. Но сбыться этим смелым проектам было не суждено! Мы, флигиглехи, от природы наделены разумом невероятной силы, но, к несчастью, из-за необратимых генетических изменений ментальные способности флигиглехов на левом конце кольца ослабли настолько, что левисты оказались беспомощны перед ментальной мощью проклятых лортонои. Мы же, жители правого конца, сохранили бывшее ментальное здоровье и, как только ненавистные ментальные щупальца коснулись наших неиспорченных мозгов, дали захватчикам достойный отпор. Уверен, о дальнейшем вы уже догадались. Управляемые лортонои левисты начали вооружаться. Мы, глядя на них, тоже вооружались для защиты. Левисты вероломно напали на нас. Началась война. Незаселенное пространство между нашими территориями вскоре стало непригодно для жизни. Оружие совершенствовалось, становилось все разрушительней, но толщина ленты невелика, наш мир весьма хрупок, и оружие уже не осмеливалась применять ни одна из сторон. Война была перенесена в воздух. Затем — в космос. С годами космические корабли становились все мощнее и больше. Так и воюем мы вот уже милли-

он лет. Война уносит избыток населения и потребляет все природные ресурсы. Результат развития военной техники вы видели. Мы, прависты, не в состоянии уничтожить лортоной, но и мы им не по зубам. К сожалению, до сих пор нам не удалось ментально проникнуть в их штаб, поэтому мы даже не знаем, как они выглядят, но в остальном мы держим ситуацию под контролем. В заключение добавлю, что обломок, с которого вы меня так удачно сняли — всего лишь сотая часть очень маленького разведывательного корабля. Посмотрели бы вы, какой бывает фейерверк при взрыве настоящего крейсера!

Рейнджеры в салоне взбудораженно зашептали, и, сглотнув, заговорил Джон:

— Полагаю, наше прибытие для вас весьма кстати. Выступив на вашей стороне, наша звездная армада нарушит сложившийся баланс сил, и вы быстро выиграете войну за свободу.

— Я уже осмотрел в ваших мозгах размеры вашей так называемой звездной армады, — серьезно сказал Тросепс. — Не желая оскорбить своих спасителей, скажу, что вся ваша звездная армада не выстоит против любого из наших крейсеров или из крейсеров левистов и микросекунды.

— Я вовсе в этом не уверен, — сказал Джон. — У нас есть не только звездный флот, но и сырит-излучатель — мощнейшее в Галактике оружие, которое отправит звездный крейсер на поверхность вашего светила, прежде чем он подойдет на расстояние выстрела из ядерной пушки или выпустит по нам торпеду.

Джон снял чехол с сырит-излучателя и гордо помахал им перед клювом Тросепса. Галактические рейнджеры одобрительно закричали.

— Ах, это... — клюв Тросепса не выражал эмоций, но если бы выражал, то глазам галактических рейнджеров предстала бы презрительная усмешка. — Это оружие нам известно. Месяца два назад лортоной приволокли откуда-то такую штуковину и отдали ее левистам. Левисты с ее помощью уничтожили два или три наших крейсера, но наши ученые изобрели защитное поле от каппа-излучения, и равновесие было вновь восстановлено.

— Да?... — разочарованно протянул Джерри.

— Весьма сожалею. Очень тронут вашим предложением, но в нашей потасовке вас вмиг прихлопнут, и никакой излучатель не поможет. Отправляйтесь домой, здесь для вас нет работы.

— Мы не можем, — утрюмо заявил Джон. — Галактические рейнджеры поклялись, что покончат с ненавистными лортоной, и мы не остановимся, пока не выполним свою клятву.

— Да, — сказал Джерри каким-то не своим голосом. — Галактические рейнджеры не остановятся, пока их не сотрут в порошок.

— Прикуси язык! — закричал Чак. — С чего это ты так заговорил?

— Хи-хи, — хихикнул Джерри, и его язык заходил во рту подобно языку змеи.

— Им овладел лортоной! — закричал лорд Ппрси. — Я ощущаю присутствие проклятой твари.

— Да, лортоной здесь, — зашипел Джерри. — Вашим детским играм в независимость конец! Мы выиграли!

— О чем это он? — спросил Чак, невольно отступая от приятеля, в которого вселился лортоной.

— Я говорю о том, что настал час, которого мы давно ждали. Как мы и хотели, галактические рейнджеры собрали все противостоящие нам военные силы в одном месте. Огромное спасибо рейнджерам! Теперь флот флигиглехов, которым командуем мы, уничтожит всех наших врагов разом.

— Проклятый лортоной, ты забыл о силах флигиглехов, которыми вы не командуете! — воскликнул Тросепс, делая шаг вперед. — Джон, спаситель, надеюсь, ты не против, если я разорву твоего бывшего приятеля ударом когтя!

— Остановись! — скомандовал лже-Джерри, и Тросепс ко всеобщему удивлению остановился. — Сейчас я открою вам правду, — зашипел лже-Джерри. — Знайте же, что мы, лортоной, можем управлять разумом любого флигиглеха. Это мы организовали между глупыми птицами Большую Войну, да так ловко, что примерно равные по силам противники, не уничтожая друг друга, сражались многие тысячелетия. Все эти годы, опираясь на неисчерпаемые природные ресурсы Которры, они совершенствовали военную технику, строили все более мощные и крупные боевые космиче-

ские корабли. Теперь их кораблям нет равных во всей Галактике. Сегодня два их флота соединятся. И командовать объединенным флотом будем мы, лортоной. Наши планы чуть было не сорвали неведомо откуда явившиеся земляне с сырит-излучателем, но мы похитили у них излучатель, отдали его одной из враждующих сторон флигитлехов, и ученые противоположной стороны быстро нашли защиту от каппа-излучения. Теперь, как видите, земляне не представляют для нас угрозы. Галактика наша! Нас ничто не остановит... Остановись! — взвыл лже-Джерри, увидев, что Джон достает из кармана золотую сферу. Джон замер, занеся палец над кнопкой с надписью «Нажми меня». — Этого-то я и ждал! — продолжал лже-Джерри. — Таинственный кракар! Единственное оружие во Вселенной, которого мы боялись! Но теперь опасность устранена! Ха-ха! Давай же, жми на кнопку, если сможешь!

Джон напрягся, но, как ни силился, между дрожащим пальцем и кнопкой оставался дюйм. Проклятый лортоной был сильнее и забавлялся с ним, как кошка с мышкой! Чак прыгнул к приятелю на помощь, но в эту секунду Джон с ужасом увидел, что его рука разжалась, золотая сфера упала на пол, и сверху на нее обрушился его собственный каблук. Из-под каблука брызнули блестящие осколки.

Конец всем надеждам!

— Я же сказал, что игра сделана! — Джерри противно хихикнул. — Итак, наступил час полного триумфа! Теперь мы даже откроем вам свою внешность. Я здесь, среди вас! Глядите же! Неужели не видите? Ха-ха!

Галактические рейнджеры, выхватив оружие, отпрянули друг от друга.

— Проклятое существо здесь, — пробормотал лорд Пррси, обшаривая, как и остальные рейнджеры, глазами кабину. — Я чувствую его присутствие, но у него ментальные силы вне моего понимания. Клянусь, я не отыскал врага, хотя прощупал мозги всех на «Глисантвильском орле»!

— Всех? — спросил лже-Джерри. — А ты не ошибся?

— Ха-ха-ха! — тут же шарахнуло в мозгах рейнджеров.

— Я вижу тебя! — закричал лорд Пррси.

Глаза всех рейнджеров были устремлены на стол. На столе стоял стакан с водой. В стакане, царапая прозрачное стекло крошечными коготками, плавала зеленая черепашка.

— Пишки... Ты — лортоной? — Тросепс застыл, приоткрыв пасть.

— Отныне — лорд Пишки, член Совета Десяти, высшего органа управления лортоной, которым принадлежит Галактика. Здорово я вас одурачил! О, до чего мы вас ненавидим! Вы, мерзкие неуклюжие громадины с пальцами, руками, щупальцами и прочим, и прочим... А мы, наделенные самым великим разумом во Вселенной, заперты в крошечные беспомощные тельца! Когда-то мы даже манипулировали с собственной геномной структурой, и рождались огромные, но глупые черепахи, вроде тех, что обитают в океанах планеты Земля. Увеличиваясь в размерах, мы — увь! — глупели. Эксперименты были прекращены, и тогда мы решили превратить всех вас в своих рабов и использовать ваши физические силы себе на благо. Наконец после миллионов лет напряженных усилий настал долгожданный день! Разумные существа всей Галактики отныне станут нашими рабами, а вы, непокорившиеся, сами себя уничтожите! Лортоной победили! Вам всем конец!

Услышав такое, рейнджеры ринулись к столу, дерясь за привилегию раздавить проклятое создание собственным каблуком. Но их усилия оказались напрасны. Мерзко хихикая, дьявольское существо овладело разумом каждого и отбросило их назад.

Поражение было полным.

— Не хочу умирать! — закричал Джон. — Выпустите меня отсюда!

Нацелив сырит-излучатель себе на грудь, он нажал на кнопку и тут же исчез.

— Крыса покинула тонущий корабль! — прокомментировал лорд Пишки и вновь захихикал, что было для плавающей в стакане с водой черепашки весьма непросто. — В головной крейсер своего флота отправился, но весь флот галактических рейнджеров очень скоро будет уничтожен, так что пользы ему от побега немного. В данную минуту, мы, лортоной, овладели обоими флотами флигиглехов и слили их в единую армаду. Ах, как мы смеялись над глупыми флигиглехами, притворяясь их ручными любимцами! Мы незамет-

но управляли их мыслями, оттого-то они так любили нас и, приближая час собственной гибели, всегда держали при себе. Теперь конец близок! Объединенный флот флигиглехов идет на сближение с флотом галактических рейнджеров. Если кто-то из вас верующий, для молитвы сейчас самое время! Но не падайте на колени, я не позволю! Уйдете на тот свет не покаившись. Ха-ха-ха! До чего я вас всех ненавижу! Готовьтесь! Еще минута, и вы умрете!

— А вот и не умрем! — закричал Джон, внезапно появившись посреди кабины. На нем был космический скафандр, за плечом — мешок. — Ваша затея, негодяи, не удалась! Полюбуйся, что я принес!

Джон залез в мешок, достал оттуда длинный красный предмет и замахал им над головой.

В его руке был батон салями!

Глава 20

СЕКРЕТ САЛЯМИ

— У тебя что, крыша поехала? — спросил за всех Джерри, обнаружив вдруг, что лортоной уже не используют его вместо микрофона.

— Не более, чем у тебя, Джерри, старичок. Пока вы тут дружно пытались расправиться с негодной зеленой черепашкой, мне в голову пришла великолепная идея. Чтобы проклятый лортоной не прочитал ее у меня в мозгу, я подавил свою мысль, притворившись до смерти напуганным, что, как вы понимаете, было вовсе нетрудно. Думая о побеге и о том, как было бы здорово оказаться на флагманском корабле флота галактических рейнджеров, я направил себе в грудь сырит-излучатель, а дурачок лортоной позволил мне бежать. Едва я оказался на крейсере, как тут же надел на себя космический скафандр, настроил сырит-излучатель и, нажав кнопку, переместился внутрь золотой сферы. Остальное очевидно. Чачкасы прочитали мои мысли и, уяснив, что произошло, мгновенно приняли решение использовать против лортоной абсолютное оружие — кракар! — Джон вновь взмахнул батоном салями. — Кракар здесь, внутри батона колбасы!

— Вот и славно! — прокричал голос Пишки в головах всех рейнджеров, и они, подчиняясь его воле, тут же застыли. — Ты, землянин, ошибся лишь в одном:

если кто и использует кракар, так это мы, хозяева Галактики! А теперь, Джон, дружочек, медленно положи колбасу на стол, возьми в руку нож и разрежь ее. Посмотрим, как выглядит загадочный кракар!

Но Джон не пошевелился, зато зашевелился мешок у него за плечами. Из мешка показался уже знакомый землянам черный таракан и уставился на плавающего в стакане с водой лортоной.

— Это Чачкас Три! — закричал Чак. — Ура! Мы спасены!

— Да, вы спасены, — пробурчал таракан. — Но зовут меня вовсе не Чачкас Три, а Чачкас Четыре. Чачкас Три сейчас очень занят, но не волнуйтесь, с лортоной справлюсь и я. Дело-то нехитрое.

— Так уж и справишься? — ехидно поинтересовалась зеленая черепашка.

— Не сомневайся, мерзкий лортоной, справлюсь. И знай, мы за вами наблюдаем вот уже миллион лет. Вернее, наблюдаем не за вами, ибо даже наш не знающий границ разум оказался неспособен пробить ментальное поле вокруг вашего секретного штаба, а наблюдаем за тем, что вы вытворяете в Галактике. И то, что мы видим, нам не нравится. Мы уже давно решили, что используем против вас, свиньи, кракар. Заминка была лишь в том, что мы не знали, как вы выглядите. Теперь, когда вы по глупости раскрыли свою внешность, мы объявляем вам войну, и не отступим, пока хоть кусочек гнусного зеленого панциря...

Слова Чачкаса Четыре были прерваны яростной вспышкой ментальной энергии из стакана. Вспышка была столь сильна, что в мозгах рейнджеров потемнело, а во всем «Боинге» потух свет. Затем включилось аварийное освещение, и рейнджеры разом непроизвольно вздохнули, увидев в ковре перед Чачкасом Четыре огромную прожженную дыру.

— Что ж, проклятый лортоной, спору нет, ты силен, — сказал Чачкас Четыре. — Но теперь моя очередь. Защищайся.

И два гиганта мысли вступили в ментальное единоборство. Воля против воли, мозг против мозга. От исхода битвы зависит судьба Галактики. Кто же победит? Галактические рейнджеры напряглись, в кабине явственно запахло озоном. Секунды слагались в минуты,

силы зеленой черепашки и черного таракана, казалось, были равны.

Но что это? Что?... Почему Пишки заметался по стакану, а потом, царапая гладкое стекло коготками, попытался выбраться? Вроде бы даже из стакана поднимается облачко пара?

— Великая Скаландра! — воскликнул лорд Пррси. — Я чувствую, что Чачкас Четыре неимоверной силой мозга кипятит воду в стакане.

Рейнджеры, застыв в благоговейном молчании, наблюдали, как зеленая черепашка все быстрее и быстрее перебирает лапками, а вода в стакане пузырится. Вскоре наступила развязка. В мозгах рейнджеров, возвещая конец поединка, прозвучал писк агонии.

— Мы выиграли! — закричал Джерри, подходя к столу и беря в руку стакан. — Кроме победы нам достался еще и трофей — двести граммов великолепного черепахового бульона.

— Хотите сэндвичи? — спросила Салли, заходя в кабину. — После банкета осталось несколько. Почему вы не разбудили меня и не попросили? Отлично ведь знаете, что я терпеть не могу беспорядок, который остается в кухне, если там хозяйничают мужчины. Салами предпочитаете с ржаным хлебом или с пшеничным?

Она взяла из рук оторопевшего Джона батон колбасы и занесла над ним нож.

— Остановись! — вскричали разом десятки рейнджеров.

Салли остановилась, но скорее не от криков, а оттого, что ею овладели сразу все разумы на «Глисантавильском орле», способные управлять чужим мозгом. Из ее рук выпали и нож, и батон салами. Джон подошел к ней, нагнулся и осторожно поднял колбасу.

— В моих руках судьба Вселенной! — с чувством прошептал он.

— А я-то думала, это салами, — сказала Салли, но ее никто не услышал.

Следуя мысленным инструкциям Чачкаса Четыре, Джон с величайшей осторожностью очистил батон от оболочки, аккуратно разрезал его посередине и медленно вытащил из сочной мякоти кракар.

— Если бы мне не сказали, что это самое мощное оружие во Вселенной, никогда бы не догадался! — воскликнул Джерри.

— И я бы тоже! — согласился Чак.

— Ваше самое мощное оружие выглядит обыкновенным аэрозольным баллончиком, каким я пользуюсь, чистя кухонную плиту, — равнодушно сказала Салли.

— Физическая форма кракара не имеет значения, — заявил Чачкас Четыре, ни к кому конкретно не обращаясь. — Верьте мне, это действительно кракар.

— Может, расскажешь, как он работает? — предложил Джон, с тревогой глядя на экран подпространственного радара. — Желательно побыстрее. Сюда на полной тяге направляется объединенный флот флигилехов.

— Боюсь, принцип работы нашего замечательного прибора сложноват для ваших детских мозгов. Хотя, конечно, на баллончике есть детальное описание. Если сможете, разбирайтесь, я же объясню только как пользоваться кракаром. Чтобы привести кракар в действие, нужно взять его в правую руку, направить отверстие на врага и нажать на пластиковую кнопку наверху баллончика.

— Я же сказала, что эта штука похожа на аэрозольный баллончик, — сказала Салли, но рейнджеры посмотрели на нее так выразительно, что она, буркнув что-то себе под нос, покинула кабину.

— Кракар, к вашему сведению, темпоральный катализатор, соединяющий мишень, на которую нацелен, с временным потоком, текущим через нашу Вселенную в обратном направлении к нормальному потоку времени. Как вам всем прекрасно известно, против временного потока ничто не устоит. Обратный поток времени создаст быстро вращающееся темпоральное торнадо, которое, набрав максимальную угловую скорость, всосет в себя всю материю в радиусе двух световых лет и, пронзив ткань времени, начнет раскручиваться в обратном направлении, но уже не здесь, вернее, не сейчас, а за тридцать один триллион лет...

— Насколько точна последняя цифра? — возбужденно поинтересовался Чак.

— Весьма точна.

— Большой Взрыв?

— Именно. Весьма рад, что хотя бы кто-то здесь понимает, о чем идет речь. По округлившимся глазам и отвисшим челюстям остальных я делаю вывод, что без разъяснений не обойтись. Кракар — такая штука, ко-

тору не только можно, но и необходимо использовать против смертельного врага Вселенной. И всего лишь раз. Теперь, надеюсь, вы понимаете, почему мы так тщательно выбирали врага, которого уничтожим кракаром? — Дождавшись кивков рейнджеров, Чачкас Четыре продолжал: — Затянутый в темпоральное поле космический флот флигиглехов по дороге в прошлое наберет огромную темпоральную энергию и, попав за тридцать один триллион лет от сегодняшнего дня, взорвется. Взрыв получится **ОЧЕНЬ** большой! И этот взрыв положит начало Вселенной. Обдумайте философские аспекты услышанного, а я тем временем включу абсолютно непроницаемый мозговой щит. — Чачкас нырнул в мешок, который все еще держал в руке Джон, и вновь появился, сжимая в розовой ручке черную сферу, за которой тянулся провод с двухштырьковой штепсельной вилкой на конце. — Где тут у вас розетка на сто десять вольт?

— Вон там, — Джон показал взмахом руки. — Сейчас помогу.

Выбравшись из скафандра, он воткнул вилку в розетку, а Чачкас, немного повозившись с прибором, щелкнул выключателем и объяснил:

— Теперь, как бы ни старались лортонои, ваши мозги для них непроницаемы.

— А разве это имеет значение? — спросил Джерри. — Их же через две-три минуты поглотит темпоральное торнадо.

— Объясню. Если вы меня слушали внимательно, то помните, что темпоральное торнадо всасывает всю материю в радиусе двух световых лет. К сожалению, кракар палит лишь на одну целую девять десятых световых года, и смельчак, нажавший кнопку на баллончике, тоже будет затянут в темпоральное торнадо. Надеюсь, среди вас найдется доброволец. Если нет, тяните жребий. Да побыстрей, флот флигиглехов на подходе, а всем остальным надо еще эвакуироваться с помощью сырит-излучателя.

В кабине загремели шаги. Галактические рейнджеры поспешно отступили и, опустив глаза, прижались спинами к стенам. Счастье, попав в темпоральное торнадо, стать отцом-основателем Вселенной, не улыбалось никому.

Но нашлись среди галактических рейнджеров и смельчаки. Не один. И даже не два. Три! Трое землян взглянули друг другу в глаза и одновременно вышли вперед, обрекая себя ради жизни Вселенной на верную гибель.

— Мы добровольцы!

— Достаточно одного, — сказал Чачкас Четыре.

— Кто выберет между нами? — спросил Джерри и обнял улыбающегося Чака.

— Мы вызываемся добровольцами как единая команда, — сказал Чак. — И никак иначе.

— Остальные уходите, — распорядился Джон. — Сознание того, что все галактические рейнджеры живы и здоровы, подбодрит нас в последнюю минуту.

Понимая, что сегодня величайший день в истории Вселенной, галактические рейнджеры подошли и пожали руки своим лидерам. Многоглазый Слаг-Тогат обнял одновременно троих землян за плечи; зеленокожий Пипа со слезами на выпученных глазах пожелал им крепкого здоровья; лорд Пррси, преодолевая адскую боль, погрузил правую переднюю клешню в ледяную воду и затем пожал руку каждому; Тросепс просто кивнул головой, выдернул из хвоста три пера и вручил землянам на память. Галактические рейнджеры один за другим отступали в сторону, и сырит-излучатель переносил их в корабли звездной армады. Уходя последним, Чачкас Четыре подал землянам на прощанье призыв к надежде:

— Как я сказал, вас зацепит лишь край темпорального торнадо. Из сердца урагана нет возврата, но из его края... Кто знает?... Полагаю, что ваши шансы на спасение приблизительно один к миллиону. Немного, но все же лучше, чем ничего. Прощайте, я уже вижу приближающийся космический флот флигиглехов и отбываю на предельной скорости.

И он отбыл, а славные звездолетчики остались.

— Взгляните! — Чак указал на экран переднего обзора.

Земляне взглянули и тяжело вздохнули. Космос впереди был заполнен гигантскими космическими кораблями, каких они не видели даже около Которры. Корабль за кораблем, флот за флотом, эскадра за эскадрой — все летели к «Плисантвильскому орлу»; каждое орудие направлено на них, каждый генератор смертельных

лучей смотрит на них, каждая торпеда нацелена на них. Космос полон смерти, и «Плисантвильскому орлу» уже нет спасения.

— Хотелось бы отсюда смотреть, — мечтательно сказал Чак.

— Да, — согласился Джерри, — нажать бы кнопку и оказаться подальше.

— До них всего три световых года, — сообщил Джон.

— Хотя бы сказали, что все разлетелись, — обиженно пробурчала Салли, входя в кабину с подносом, на котором были аккуратно разложены сэндвичи с салями.

— Мы думали, ты отбыла вместе со всеми! — воскликнул Джон.

— Включай сырит-излучатель, отправим ее к лорду Пррси! — закричал Джерри.

— Поздно! — закричал Чак, наводя кракар и нажимая кнопку. — До флота флигиглехов ровно одна целая девять десятых световых года.

Баллончик едва слышно зашипел, и больше ничего не произошло.

— Не сработал! — закричали Джон и Джерри в один голос.

Но они оказались неправы.

Чак показал на передний иллюминатор.

— Смотрите!

В межзвездном пространстве что-то произошло. Приглядевшись, земляне увидели поблизости черную дыру. Корабли флота флигиглехов стреляли смертоносными тепловыми лучами, выпускали атомную торпеду за торпедой, но всю их энергию поглощала расширяющаяся черная дыра. Огромная армада попыталась изменить курс, но не успела. Черная дыра росла с невероятной скоростью, пожирая их. Темнота меж тем подобралась и к «Плисантвильскому орлу». Салли пронзительно закричала. Действительно, было от чего закричать. Здесь, на краю торнадо, было пока спокойно, но в центре бушевала темпоральная буря! Космические корабли флигиглехов, подхваченные невидимой силой, крутились, подобно детским волчкам, и, нагревшись докрасна, один за другим исчезали. Торнадо добралось и до «Боинга». Снаружи воцарилась непроницаемая тьма. Время в кабине будто сошло с ума. Стрелки часов

застыли, затем повернули вспять. Салли неожиданно умолкла и, оглядевшись, попросила:

— Может, объясните, что происходит?

— Взглянем на диаграмму, — закричал Джерри.

Через мгновение он и Чак припали к баллончику кракара. Джон, оставшись без дела, усадил Салли в кресло и попытался успокоить. Узнав, что происходит, она разрыдалась. Джон мужественно подставил для слез свое плечо. Вскоре плач Салли перешел во всхлипывания, затем она умолкла, вытерла глаза и предложила Джону сэндвич с саями. Поняв, что, съев сэндвич, он угодит ей, Джон не отказался. Салли предложила еще. Он съел второй. Третий. Затем — все.

— Великолепные сэндвичи! — похвалил он.

— Спасибо, Джон, я старалась, — Салли улыбнулась. — Скажи, а после этого приключения мы останемся живы?

— Ну, шансы только один к миллиону. Джерри и Чак — гении, и если кто и сможет привести кракар в реверс, так это только они. Великолепные парни!

— Согласна с тобой! И ты, Джон, тоже парень что надо!

— О!.. Ты говоришь так только потому, что скоро всему конец?

— Глупенький. Кто же лжет перед смертью? Я счастлива, что меня любили трое таких отличных парней, как вы. Да, Джон, я давно знаю, что не только Джерри и Чак, но и ты любишь меня. И не красней. Стыдиться нечего.

Она взяла его огромную руку в свою крошечную и нежно сжала. Тут вскочил на ноги Джерри и, тряся листок бумаги, закричал:

— Эврика!

— Что это значит? — спросила Салли.

— Не знаю, это по-гречески, но я нашел решение. Сейчас быстро спаяем простенькую электрическую схему, которую я придумал в соответствии с разработанной Чаком математической теорией темпоральных перемещений, и проверим теорию на практике.

Друзья слаженно взялись за дело. Разобрав пульт управления артиллерийскими орудиями, извлекли из него необходимые электроэлементы, а через минуту, вскрыв консервным ножом кракар, установили готовую плату внутрь.

— Есть! — воскликнул Джерри, крутя ручку настройки. — Используя кинетический момент темпорального торнадо, мы создадим локальное завихрение, которое швырнет нас во времени назад, но так как движемся мы сейчас по оси времени назад, то обратное движение будет вперед. Расколов поток времени в нужном месте, мы попадем туда, откуда стартовали. Салли, мы впутали тебя в эту авантюру, поэтому именно тебе поручаем нажать кнопку. Жми!

Салли послала друзьям воздушный поцелуй и надавила на кнопку дверного звонка.

Снаружи все та же непроницаемая темнота, а в самолете померк свет. Землянам показалось, что они пересекают океан невидимой патоки, и каждое движение дается им ценой невероятных усилий.

— Боремся... с... потоком времени, — с трудом выговаривал Джерри.

Лампочки загорелись в полнакала, стрелки на часах замерли, затем медленно пошли в привычном направлении. Быстрее, быстрее. Свет загорелся полностью, двигаться стало легче.

— Уф-ф! — выдохнула Салли. — Не хотелось бы пережить такое вновь!

— Мы сейчас находимся за миллион лет до рождества Христова и быстро движемся по оси времени в будущее, — сообщил Чак, посчитав на бумажке. — Джерри, настрой свою схему так, чтобы нас забросило в пространство поближе к старушке Земле.

— Сделано, — сказал Джерри секунд через тридцать. — Пристегните ремни. Предполагаю, что при переходе в нормальный пространственно-временной континуум нас весьма ощутимо потряхнет.

Земляне пристегнулись. Стрелка хронометра вращалась как сумасшедшая, в кабине повисла напряженная тишина. На Земле бежало время, эпоха сменялась эпохой, эра — эрой. Эра гигантских ящеров. Появление первых млекопитающих. Появление человека. Цивилизации Древнего Египта в зените. Гибель Атлантиды в морской пучине. Осада Трои. Оргии в Риме. Славные подвиги бесстрашного короля Артура. Расцвет рыцарства. Мрачное средневековье. Крестовые походы. Открытие Нового Света. Индустриальная революция. Мировая война. Снова Мировая война...

— Прибыли! — закричал Джерри и нажал на кнопку.

Пробив барьер времени, семьсот сорок седьмой вынырнул в вечернем небе Земли. Барьер времени оказался попрочней, чем звуковой. Вибрация при переходе была чудовищной, приборы на пульте раскололись, правое крыло «Боинга» оторвало, левое изогнуло, хвост треснул и держался чудом.

— Неплохо, — прокомментировал Чак. — Мы вернулись на Землю, даже вроде бы в свою эпоху, и, что самое главное, мы живы. Знать бы поточней, где мы?

— На высоте тридцать тысяч футов, — сообщил Джон, взглянув на треснувший альтиметр. — Вижу внизу огни. Похоже, город. Мы падаем прямо на него.

— Запускать двигатели не имеет смысла, — решил Джерри. — Какая польза от двигателей, если у самолета нет крыльев?

— Это точно, — согласился Джон, неотрывно глядя на приближающуюся землю.

Салли пронзительно закричала.

Глава 21

ПОЛНАЯ ПОБЕДА!

— Успокойся, Салли, успокойся, — Чак погладил девушку по голове. — Мы обязательно что-нибудь придумаем. У нас на борту куча всякой техники. Например, сырит-излучатель...

— Об излучателе забудь, — сказал Джерри, извлекая из-под обломков аппаратуры покалеченный излучатель. — Придумай что-нибудь другое.

— Ребята, а может, переделаем генератор магнитных лучей так, чтобы он не притягивал предметы, а отталкивал. Включив его, мы бы замедлили падение.

— До земли двадцать тысяч футов, — бесстрастно констатировал Джерри. — Отличная, на мой взгляд, идея. Подайте отвертку, я попытаюсь воплотить ее в жизнь.

Ему дали отвертку, он вскрыл кожух, остальные напряженно ждали.

— До земли десять тысяч футов, и падение убыстрится, — попытался подбодрить приятеля Чак.

Джерри отпустил изощренное ругательство, которое его воспитанные друзья пропустили мимо ушей.

— А знаете, — сказал вдруг Джон, задумчиво глядя на приближающуюся землю, — город под нами чертовски похож на Плисантвиль.

— Плисантвиль, он самый! — восторженно закричала Салли. — Вон колледж, вон дом моего отца, а вон аэродром. И смотрите, на нем готовится к взлету самолет.

— Осталось пять тысяч футов, — сообщил Чак. — Как думаешь, Джерри, справишься?

— Сейчас, только спаяю эти два проводка... Готово! Всем занять свои места и пристегнуться ремнями!

Друзья поспешно уселись в кресла и пристегнулись. На высоте двух тысяч футов Джерри нажал кнопку на усовершенствованном им генераторе магнитных лучей. Самолет изрядно трянуло, левое крыло и хвост отвалились. Скорость падения уменьшилась.

— Отлично! — воскликнул Джон. — Мы на высоте тысяча футов и плавно опускаемся.

— Прямо под нами аэродром, — закричал Чак. — И там... Смотрите! Тот самолет поднялся и пролетает прямо под нами... Смотрите же!

Земляне посмотрели и раскрыли рты. Под ними летел «Плисантвильский орел»!

— Не понимаю, — сказала Салли.

— А вы видели, кто за штурвалом самолета? — спросил Джон.

— Кто?

— Я!

— А я знаю, что произошло, — сказал Чак.

— И что же?

— Мы прибыли на Землю чуть раньше, чем улетели, и сейчас угнанный Джоном самолет отправляется на встречу приключениям!

— Да, великие приключения начались, — сказал Джерри, глядя на скрывающийся в сумерках семьсот сорок седьмой. — Знали бы мы тогда, что нас ожидает!

— Хорошо, что нас никто не предупредил, а то бы испортил всю потеху, — сказал Джон, и друзья рассмеялись.

Неожиданно из генератора магнитных лучей посыпались искры.

— Короткое замыкание! — определил Джерри и занялся ремонтом.

Самолет стремительно падал. Джерри починил и включил прибор на высоте одного фута. Падение замедлилось лишь слегка. Самолет с грохотом рухнул на бетонную посадочную полосу и вспыхнул.

— Спасай Салли! — закричал Джерри.

— Сделано! — закричал Джон, отстегивая на девушке ремень безопасности и взваливая ее на плечо. — А ты позаботься о Чаке! Похоже, он потерял сознание.

— Сделано! — закричал Джерри, отстегивая на приятеле ремень безопасности и взваливая его на плечо.

Джон и Джерри припустили через потемневший от удушливого дыма салон к аварийному люку. К счастью, от удара сработал аварийный трап, и теперь дальний его конец касался земли. Подгоняемые обжигающими языками пламени друзья проворно спустились по трапу, пробежали по мокрому от вечерней росы полю и свалились в удачно подвернувшийся на пути кювет. «Орел» оглушительно взорвался, во все стороны полетели смертоносные осколки.

— Мы вернулись! — закричал Джерри. — И мы живы!

От пылающего «Плисантвильского орла» праздничным фейерверком разлетались разноцветные искры, светло было как днем.

Салли слабо застонала и открыла глаза.

— Мы живы! — сказал Джон, и в то же мгновение они оказались друг у друга в объятиях, а их губы слились в пламенном поцелуе.

Салли, как всегда, целовалась с открытыми глазами, поэтому увидела из-за плеча Джона, как поднялся Чак, и Джерри тут же заключил его в объятия, и они слились в поцелуе, долгим и страстным. Джон и Салли начали поцелуй первыми, у них первых перехватило дыхание, и они, жадно глотая воздух ртами, уселись в траву. Минуты через две Джерри и Чак тоже разомкнули объятия и увидели, что за ними наблюдают.

— Не краснейте, ребята, — Салли понимающе улыбнулась им. — Я давно заметила в вашей лаборатории раскладушку и догадалась, что вы любовники. — Салли рассмеялась, ребята тоже. — Я не виню вас. Жизнь есть жизнь, любовь есть любовь. Поздравьте меня, я нашла мужчину, которого люблю всей душой, и, как только он сделает мне предложение, выйду за него замуж.

— Выходи за меня замуж, — предложил Джон.

— Да, дорогой... Я выйду за тебя, как только ты оттрастишь длинную кудрявую бороду и бачки. С воло-

сами на лице ты будешь просто неотразим, и я полюблю тебя еще сильнее.

— Ну, дорогая, не знаю... — нерешительно пробормотал Джон. — Я думал, что утром явлюсь в местное отделение ЦРУ и предложу свои услуги. Держу пари, что с моими подготовкой и знаниями в различных областях меня там с удовольствием возьмут на работу и предложат приличное жалованье.

— Мой муж не будет шпионом! Решай, дорогой, либо ЦРУ, либо я! — Салли, запрокинув голову, провела языком по влажным губам и томно прикрыла глаза.

— Гм-м... — Джон крепче прижал ее к себе и погладил по круглым ягодицам. — Согласен, не иду в шпионы, не бреюсь до конца своих дней и даже, если хочешь, вставляю в ухо золотое кольцо.

— Дорогой, а ты не против, если я присоединюсь к феминистскому движению?

— С чего это тебя в феминизм потянуло?

— Надоело быть человеком второго сорта и вечно дежурить по кухне. Хочу бороться за свои права.

— А-а-а... — Джон махнул рукой. — Согласен.

— Очень рада, дорогой, — Салли чмокнула его в щеку. — Ну, а у вас, ребята, какие планы на будущее?

— Вернемся в колледж! — воскликнули Джерри и Чак разом и заразительно засмеялись.

— Я получу еще две-три технических специальности, — сказал Джерри.

— А я вступаю в дискуссионный клуб, — сообщил Чак. — Джерри, дорогой, у меня денег куры не клюют. Может, я сниму для нас двоих квартиру?

— Договорились!

Джон задумчиво поглядел на догорающий семьсот сорок седьмой и философски заметил:

— Будто и не было наших лихих приключений.

— Будто все случившееся с нами — сон, — добавила Салли.

— Но наши приключения не сон! — запальчиво воскликнул Чак. — Они были!

— Давайте сохраним их в секрете, — предложил Джерри. — Если мы расскажем о них, нас примут за сумасшедших. Скажем лучше, что самолет взорвался при взлете.

— И если страховая компания не заплатит за самолет, ну... Мой отец богат, купит для колледжа новый, — сказал Чак.

— Наш секрет! — воскликнули четверо друзей в один голос и пожали друг другу руки.

Великие приключения действительно подошли к концу, и две счастливые пары, обнявшись, зашагали через темное поле. Их головы были гордо подняты от сознания того, что они закалены в горниле жизни, познали и горе разочарования, и радость победы, и теперь, какие бы испытания ни уготовила судьба, им все нипочем.

Содержание

Подвиньтесь! Подвиньтесь!, роман <i>перевод с английского П. Жукова, С. Хренова</i>	7
Звездные катастрофы галактических рейнджеров, роман <i>перевод с английского А. Жаворонкова</i>	231

МИРЫ ГАРРИ ГАРРИСОНА

Книга шестая

Составитель В. Быстров

Главный редактор А. Захаренков

Ответственный за выпуск Е. Чутов

Редакторы Г. Попова, М. Проворова

Технический редактор К. Козаченко

Корректоры Г. Бочарова, Е. Ошуркова

Оператор компьютерной верстки Л. Бирюковская

Художественное оформление серии: М. Захаренкова

Цветные иллюстрации и форзац: Л. Булыкин

Оформление шмуцтитилов: А. Сергунин

**Миры Гарри Гаррисона кн. 6/Пер. с англ.— Рига:
Полярис, 1993.— 431 с.**

Подписано в печать 1.07.93. Формат 84х108/32.

Усл. печ. листов 23,10. Тираж 100 000 экз. Заказ 2074. С 010

Издательская фирма «Полярис».

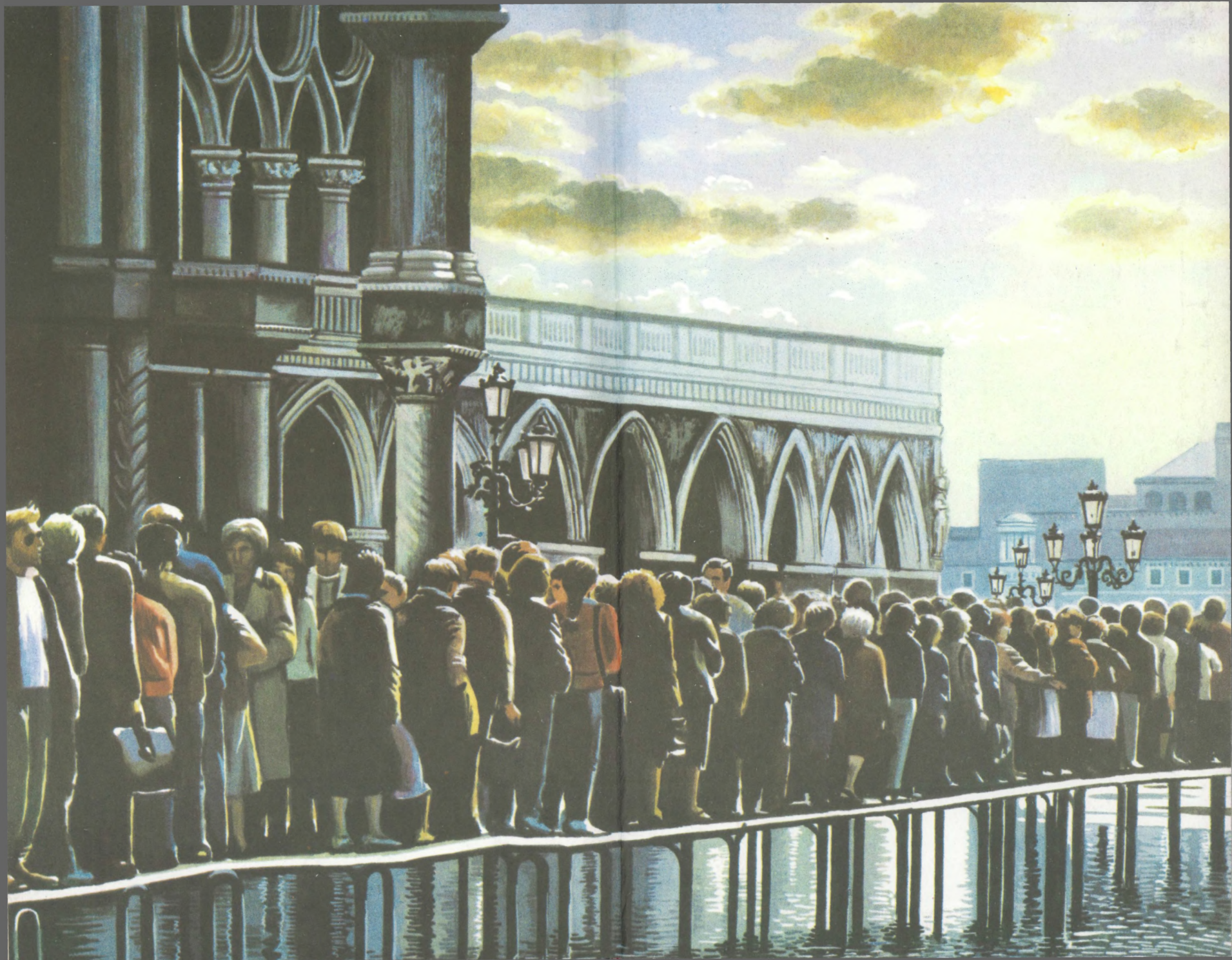
Латвийская Республика, LV-1039, Рига, а/я 22.

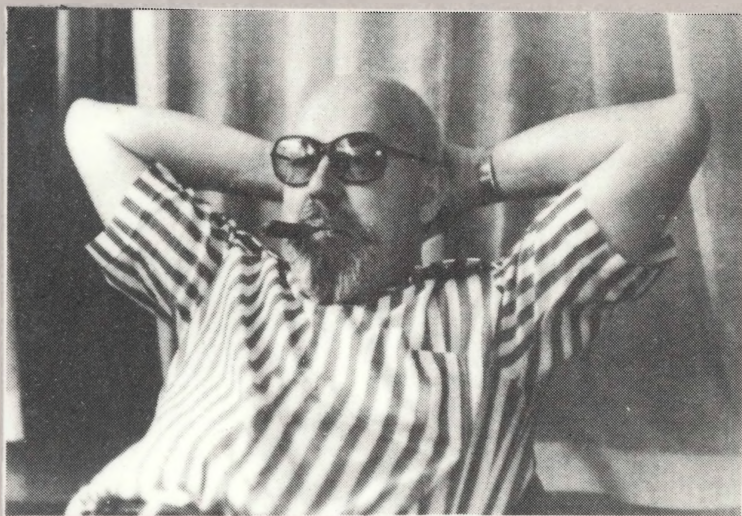
Отпечатано с готовых диапозитивов
на Тверском ордена Трудового Красного Знамени
полиграфкомбинате детской литературы
им. 50-летия СССР

**Министерства печати и информации
Российской Федерации.**

170040, г. Тверь, проспект 50-летия Октября, 46

VERBA VOLANT, SCRIPTA MANENT

POLARIS
publishers